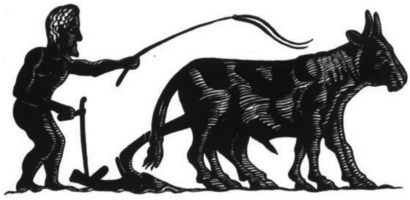
Крестьяноведение 2026

ТОМ 11 NO 3

Издается с 2016 года
Выходит 4 раза в год
ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, РАНХиГС
А. В. Гордеев, Государственная Дума РФ, Российская Академия Наук
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А. Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ
119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 5, офис 418
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: http://peasantstudies.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е. С. Никулина; Корректор И. Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Аниська». Штеренберг Д. П. 1926. Государственная Третьяковская галерея. Москва.

© РАНХиГС, 2026

Содержание

Теория

Михаленко Н. В. Литературный и философский аспекты «Пляски смерти» в творчестве А. В. Чаянова в контексте эпохи 6

Смирнова А. А. Джеймс Скотт, «невидимое» пространство и нечерноземная деревня 17

История

Слепцова (Кызласова) И. С., Смурова О. В. Предпринимательская деятельность костромских отходников в Санкт-Петербурге (1860-е – 1914 гг.): неформальные практики в формальной экономике 32

Егоров А. К. Крестьянские волнения на Волге летом 1892 года 55

Сайфуллина Л. Ф. В хаосе Гражданской войны: крестьянские хозяйства Южного Урала по материалам переписей 1917 и 1920 годов (на примере Малой Башкирии) 72

Современность

Шагайда Н. И., Терновский Д. С., Еланская А. А., Шишкина Е. А. Региональная дифференциация продовольственной безопасности в России 88

Митрофанов С. В., Янбых Р. Г., Орлова Н. В. Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости 115

Wegren S. Does Russia have a food safety crisis? 148

Ярош О. Б., Калькова Н. Н., Бабак С. Е. Продвижение региональных брендов Республики Крым: возможности развития агропромышленного комплекса 171

Куксин Я. К., Баринштейн А. М., Александров Е. А., Рачков Т. В., Красноперов М. В., Майоров Д. А. И к селу, и к городу: маркетплейсы как фактор трансформации торговли и повседневной жизни в малых городах и сельской местности Нижегородской области 194

Фадеева О. П. Эволюция муниципальной власти в постсоветской России: сельский ракурс 219

Гусаков Т. Ю. Историческая трансформация и факторы устойчивости сельского расселения Степного Крыма 244

Интервью с исследователем

Абакумов И. Б., Никулин А. М. «И начал я наблюдать за этой фермой...» . . . 271

Рецензии

Корандей Ф. С. Новая сельскость или restanza? Репрезентации сельского, нарративы личной трансформации и место в современных качественных исследованиях дезурбанизации 284

Зубков А. Н. Кооперация в системе продовольственной безопасности России: хозяйственный потенциал и социальные условия устойчивости 302

Научная жизнь

Niederle P. Rural sociology in dialogue with food studies: Opportunities and challenges for renewing the field 310

Зубков А. Н., Савенков Р. В., Китаева В. Е. Межрегиональная научно-практическая конференция «ТОС и местное самоуправление: история, развитие, перспективы» 320

Russian peasant studies
Vol. 11. 2026. No 3
Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD
J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD
A. I. Alekseev, Moscow State University
V. B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation
S. M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordeev, State Duma of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, RANEPA
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A. D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
D. Celetti , University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS
Mailing address: Office 418, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: http://peasantstudies.ru

FOUNDER
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

Mikhalenko N. V. Literary and philosophical aspects of the "Danse Macabre" in A. V. Chayanov's works in the context of the era 6
Smirnova A. A. James Scott, "invisible" space and the Non-Black-Earth-Region village. 17

HISTORY

Sleptsova (Kyzlasova) I. S., Smurova O. V. Entrepreneurial activities of seasonal migrant workers from Kostroma in Saint Petersburg (1860s–1914): Informal practices within the formal economy. 32
Egorov A. K. Peasant unrest in the Volga Region in the summer of 1892. . . . 55
Saifullina L. F. In the chaos of the Civil War: Peasant households in the Southern Urals (based on the data of the 1917 and 1920 censuses, Malaya Bashkiria). 72

THE PRESENT TIME

Shagaida N. I., Ternovsky D. S., Elanskaya A. A., Shishkina E. A. Regional differentiation of food security in Russia. 88
Mitrofanov S. V., Yanbykh R. G., Orlova N. V. Consumption patterns and economic accessibility of rational nutrition in the CIS: Identifying hidden vulnerability 115
Wegren S. Does Russia have a food safety crisis? 148
Yarosh O. B., Kalkova N. N., Babak S. E. Promoting regional brands of the Republic of Crimea: Opportunities for developing the agro-industrial complex. 171
Kuksin Ya.K., Barinshtein A. M., Aleksandrov E. A., Rachkov T. V., Krasnoperov M. V., Mayorov D. A. Serving both the village and the city: Marketplaces as a factor of transformation of trade and everyday life in small towns and rural areas in the Nizhny Novgorod Region 194
Fadeeva O. P. Evolution of municipal governance in post-soviet Russia: A rural perspective 219
Gusakov T. Yu. Historical transformation and factors of the rural settlement sustainability in the Steppe Crimea 244

INTERVIEW

Abakumov I. B., Nikulin A. M. "And I started exploring this farm..." 271

REVIEWS

Korandei F. S. New rurality or restanza? Representations of the rural, narratives of personal transformation, and the role of the rural in contemporary qualitative research on counterurbanization. 284
Zubkov A. N. Cooperation within Russia's food security system. 302

SCIENTIFIC LIFE

Niederle P. Rural sociology in dialogue with food studies: Opportunities and challenges for renewing the field 310
Zubkov A. N., Savenkov R. V., Kitaeva V. E. Interregional scientific-practical conference "Territorial Public Self-Government (TPSG) and Local Self-Government: History, Development and Prospects". 320

Литературный и философский аспекты «Пляски смерти» в творчестве А. В. Чаянова в контексте эпохи

Н. В. Михаленко

Наталья Владимировна Михаленко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН; 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

EDN: BZCSIE

Аннотация. В статье в контексте литературы 1900–1920-х годов рассматривается интерпретация сюжета «Пляски смерти» в мистических повестях А. В. Чаянова. Внимание писателя к данной теме обусловлено как его интересом к старой западной гравюре, так и общей востребованностью этого сюжета в современной ему литературе — в творчестве А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, А. Белого, Н. А. Заболоцкого и др. Вероятно, ощущение власти рока над человеком в кризисное время слома эпох, войн и революций осмыслялось писателями и философами в категориях средневековых представлений как противостояние хаосу. В каждой из повестей Чаянова герой сталкивается с вызовом, исходящим от потусторонних сил, становится марионеткой в их игре. В «Венедиктове...» герой, подвластный «треугольникам душ», спасая свою возлюбленную, борется с властью инферно. «История парикмахерской куклы...» повествует о гибели архитектора М., его постепенном подчинении хтоническим силам природы. В «Необычайных... приключениях графа Федора Михайловича Бутурлина» получает интерпретацию договор с дьяволом. Создавая свои тексты, Чаянов точно обращается к различным эпизодам гравюр «Пляски смерти», ищет своеобразную точку опоры в мире, полном хаоса.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, интерпретация сюжета «Пляски смерти», русская литература 1920-х годов

Апокалиптические ожидания в русской литературе и философии 1900–1920-х годов связаны во многом с ситуацией «конца века», кризисным мироощущением, что подкреплялось событиями Русско-японской и Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революциями.

Первое десятилетие XX века было отмечено приоритетным влиянием темы смерти, в частности в литературе. Философская публицистика культивировала апокалипсис культуры, образ Антихриста, эсхатологические пророчества. В 1910 году вышел альманах «Смерть» (Смерть: Альманах, 1910: 285) с обзором литературной танатологии. Среди его авторов — С. М. Городецкий, А. А. Каменский, Н. Ф. Олигер, В. В. Муйжель, Вяч.И. Иванов, В. В. Розанов, Г. И. Чулков, И. Е. Репин.

Как писал Д. П. Святополк-Мирский в статье «Веяние смерти в предреволюционной литературе», для русской литературы

1894–1917 годов было характерно предчувствие «смерти исторической, смерти культурной формации, культурного тела». Это чувство в русской литературе было «подобно физиологическому предчувствию физической смерти. Оно зрело не в чистой субстанции отдельных душ, а в тканях культурного тела русского общества» (Святополк-Мирский, 1997: 359).

Тема смерти получила воплощение в целом ряде мотивов, важным среди которых был средневековый сюжет «Пляски смерти». Генезис «пляски смерти» восходит к роду «аллегорической драмы или процессии, в котором главным корифеем является смерть, которая некогда представлялась в лицах и часто изображалась в картинах, гравюрах, скульптурных произведениях на западе Европы» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1992: 942). На европейских фресках и гравюрах смерть-скелет танцует с представителями самых разных общественных состояний и профессий, она приходит ко всем: к бедным и слабым, к богатым и знатным.

В русской культуре мотив танца смерти встречается в романтической литературе, в вокальном цикле М. П. Мусоргского «Песни и пляски смерти» (1875–1877) на стихи А. А. Голенищева-Кутузова. К нему обращался Н. А. Заболоцкий в цикле «Столбцы» (1926–1933), К. Д. Бальмонт в «Danses macabres» (1903). В цикле А. Белого «Пепел» (1905) создается образ маскарада, ненасытного вихря смерти, разрушающего хрупкие человеческие жизни. Образ живых мертвецов становится знаком в осмыслении А. А. Блоком духовного кризиса общества («Пляски смерти» (1912–1914)). Танатологическая тема развивается на фоне урбанистических картин. В стихотворении В. Я. Брюсова «Пляска смерти» («Немецкая гравюра XVI века») (1909) адский танец гибели объединяет крестьянина и короля, монахиню и любовника, весь мир охватывает вихрь умиранья и тленья: «Мы, быть может, не допашем / Нивы в этот летний зной, / Но зато уже попляшем — / Ай-люли! — вдвоем с тобой! / Дай мне руку! Понемногу / Расходись! пускайся в пляс! / Жизнь — работал; час — в дорогу! / Прямо в ад! — ловите нас!» (Брюсов, 1973: 356); «За столом, под балдахином, / Ты пируешь, мой король. / Как пред ленным господином, / Преклониться мне позволь! / Я на тоненькой свирели / Зовы к пляске пропою. / У тебя глаза сомлели? / Ты узнал родню свою? / Встань, король! по тронной зале / Завертись, податель благ! / Ну, — вот мы и доплясали: / С трона в гроб — один лишь шаг!» (Брюсов, 1973: 357). В начале века была опубликована драма А. Стриндберга «Пляска смерти» (1901), одноименный роман М. Бланка (1911), драматический этюд в одном действии П. В. Швинк-Волохова «Danse macabre» (1911), драматический цикл С. Ф. Пшибышевского «Пляска любви и смерти» (1910).

Остановимся более подробно на цикле романтических повестей А. В. Чаянова, восходящих к творчеству Э. Т. А. Гофмана, а также к романтической и мистической прозе А. С. Пушкина, произведени-

ям В. Ф. Одоевского, Антония Погорельского, переизданной в 1913 году повести В. П. Титова «Уединенный домик на Васильевском», в которых мотив танца смерти становится сюжетообразующим.

Чаянов интересовался старинной западной гравюрой, ее историей, создал собственную коллекцию и издал книгу — краткую историю гравюры и методику ее собирательства. В его работе «Старая западная гравюра» в качестве одной из иллюстраций, содержащейся в его коллекции, приведена как раз «Пляска смерти» (Чаянов, 1926: 40). Интересно, что главный герой «Необычайных, но истинных приключений Федора Михайловича Бутурлина» Чаянова, разыскивая древний манускрипт, перебирает «страницы инкунабул, любуясь причудливыми гравюрами “Танца смерти” и событиями мировой хроники, изображенными искусным резцом Волгемута» (Чаянов, 2006г: 155).

Чаянов занимался исследованием особенностей сознания средневекового человека, изучая быт и предметы интерьера этого времени. В хаосе событий войн и революции такой сюжет был вполне оправдан и естественен. Наряду с интересом к утопии писателей этого времени, мистические картины на пограничье между жизнью и смертью часто появляются в их произведениях — «“пляску смерти” можно понять как попытку создать, смоделировать пространство “кромешного мира”, из которого в дни чумных эпидемий молилась община: “Сердце мое трепещет во мне, и смертные ужасы напали на меня. Страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня” (Пс. 54)» (Реутин, 2001: 30).

Рассмотрим это более подробно. М. Ю. Реутин, исследуя этот средневековый сюжет, писал: «Вообще же художественный мир “пляски смерти” <...> делится на две части: то, что было раньше, и то, что будет теперь. Первая (прошедшее время) исполнена света, ясности и гармонии, это “посюсторонняя” жизнь человека; вторая (настоящее время) — его “загробная” жизнь, где все социальные статусы смешаны и уравнены в одной “дикой” пляске под “адское завывание флейты”. <...> Повседневная деятельность превращается в свою пародию, инфернально-комическую антитезу» (Реутин, 2001: 15). И сюжетное строение мистических повестей Чаянова соответствует такому двойному делению. До встречи с мистическим или инфернальным персонажем, а часто до путешествия в мир мертвых (как, например, в «Необычайных... приключениях... Бутурлина» встреча с Брюсом и его пасьянсы) жизнь героя течет спокойно и размеренно. Но любопытство или непреодолимая мистическая сила влекут его к грани между мирами, после пересечения которой он начинает жить по законам другой стороны бытия (в «пляске смерти» «посредством карнавального хронотопа <...> эстетически осваивается переход из “посюсторонней” в “загробную” жизнь») (Реутин, 2001: 17).

Герои мистических повестей Чаянова изображены в момент борьбы с роковым началом жизни, ее инфернальной стороной. Та-

ким образом, создается ситуация выбора между светом и тьмой, похожая на восприятие средневековым сознанием последних минут жизни человека, того пикового момента, когда идет выбор между раем и адом: «Человек, дьявол играет с тобой... в этот момент будь же наготове, подумай хорошенько об этом моменте, потому что если ты выиграешь в этот момент, ты выиграешь и все остальное, но если проиграешь, то все, что ты сделал, не будет иметь никакой ценности» (Арьес, 1992: 124).

Для живописной интерпретации «пляски смерти» характерно построение картины, где «двухфигурные композиции (мертвый-живой) изображают действие, в котором активная сторона — мертвец, пассивная — живой <...>» (Реутин, 2001: 54–55). Так и в повестях Чаянова, живые словно бы повинуются силе, исходящей от людей или существ, стоящих на грани или за гранью бытия.

Можно провести ассоциативную параллель между работой Джеймса Энсора «Автопортрет в окружении масок» (1899) (Антверпен, частное собрание) и мистическими повестями Чаянова. Портрет художника обрамляют изображения масок, скелетов,ряженых. Похожий фон лиц и образов в их фантасмагорическом переплетении мы встречаем и в произведениях Чаянова.

Мистические повести этого писателя поднимают традиционную тему соблазнов, столкновения человека с непознанным, что начинает руководить его действиями. Здесь также сильна тема стремления человека присвоить не свойственную ему власть. В «Истории парикмахерской куклы...» — это «создание себе кумира», любовь к кукле. В «Венецианском зеркале, или Диковинных похождениях стеклянного человека» — тема двойничества, власти тени над жизнью человека. В «Необычайных... приключениях... Бутурлина» — управление судьбой личности, изменение этой судьбы в угоду различным пристрастиям, в «Венедиктове, или Достопамятных событиях жизни моей» — подчинение воли человека, в «Юлии, или Встречах под Новодевичьим» — посягательство на теургию. Везде поднимается вопрос о пределах власти над человеком подсознательных сил, инферно. Часто герой подобен марионетке, управляемой роком. Действие повестей Чаянова театрализованное, подчиненное «творческой воле художника-демиурга, сознательно моделирующего свою художественную реальность» (Легг, 2004: 4).

В «Истории парикмахерской куклы...» жизнь архитектора М. обретает новый смысл в поисках прототипа скульптурного изваяния, прекрасной женщины, одной из сестер сиамских близнецов. Владимир возводит образ Берты к идее вечной женственности, венцу его поисков: «Все мечты Владимира о конечном женственном, о том, к чему все пройденные женщины были только отдаленным приближением, казалось, были вложены в это лицо» (Чаянов, 2006в: 55). Образ Берты Генрихсон связан как с хтоническими силами природы — несет в себе черты Медузы Горгоны и Афродиты («Освобожденные от бумаги рыжеволосые горгоны Медузы блес-

нули на солнце своими бронзовыми косами, и глубокий взор снова упал в самую глубину души московского архитектора» (Чаянов, 2006в: 61)), так и с властью инферно. После знакомства с сестрами Владимир видит сон: «Всю ночь Владимира душили кошмары. Он задыхался в змеиных объятиях бронзовых кос. Влажные русалочьи руки обвивали его горящую шею, и терпкие, пьяные поцелуи впивались в его тело, оставляя следы укусов вампирьих зубов» (Чаянов, 2006в: 72). Архитектор М. в повести сталкивается с неведомыми ему силами другого мира и погибает, пытаясь понять их[1]. Любовь Владимира имеет черты безумия: «Непреоборимое чувство тем временем разрасталось в его душе. Он затворился в своем кабинете <...> Рука М., водимая страстью, рисовала черты поразившего его лица в десятках все новых и новых поворотов. Поиски продолжались» (Чаянов, 2006в: 57). Характерно, что именно в Венеции, в «великом городе масок, призрачных зеркал, молчаливых дожей, героев Гольдони, персонажей Гоцци и великих венецианских живописцев» (Чаянов, 2006в: 83) он видит живое воплощение своей мечты. В этой повести рок побеждает. Архитектор М., поглощенный своей страстью, теряет волю, бежит от реальности. Он настолько поглощен этой «пляской смерти», что вторая часть повести рассказывается уже от имени другой сестры — Китти Генрихсон. В первых же строках Китти передает свое роковое предчувствие: «<...> события, окружающие меня, столь необычайны, дыхание смерти окружает нас со всех сторон, и роковая развязка, очевидно, приближается» (Чаянов, 2006в: 74). После гибели Берты Владимир впервые чувствует себя «манекеном, марионеткой, которую невидимая рука дергала за веревку. Друзья его не узнавали. Он вел замкнутый и нелюдимый образ жизни» (Чаянов, 2006в: 83). Как писала А. В. Леонавичус, «мотив пляски смерти как бы отождествляет все бытие человека с жизнью его тела, смерть ассоциируется с потерей тела, всей сферы чувств и человеческой индивидуальности. Логика мотива тем самым предполагает отсутствие или недостаточность духовного бытия, как будто в земной жизни изображенных персонажей не существует духовное, невещественное измерение» (Леонавичус, 2004: 86). Вероятно, Владимир, своеобразный чаяновский Дон Жуан, в поисках «вечно женственного», телесной красоты вместе с гибелью Берты теряет и самого себя.

1. Похожий женский образ воплотился в символистской живописной традиции. Так, Фернанд Кнопф создал картину «Спящая Медуза» (1896) (Нейн-сюр-Сен, собрание Феликса Лабисса), на ней изображено зловещее существо-гибрид с лицом женщины. Это полусущество воплощает таинственность и неопределенность, в ней заключена сила и власть, мистическая привлекательность, она связана с иным миром, несет пограничные функции. Характерно, что в повести Берта и ее сестра сравниваются с образом Медузы Горгоны.

Интересно, что и в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), доля мистических событий в котором минимальна, также развивается мотив пляски смерти. Утопическая страна является для Алексея Кремнева своеобразным посмертием, поскольку на ярмарке в Белой Колпи он видит собственный бюст, в интерпретации людей будущего он был «душителем крестьянского движения России», больным человеком, страдавшим манией преследования, поскольку «дегенерация ясно выражена в асимметрии лица и строении черепа» (Чаянов, 2006е). После разоблачения герой уже не обладает собственной волей, он лишь ведомый — его заключают в тюрьму, а после снятия обвинений он становится человеком, выпавшим из жизни: он не может вернуться в прошлое, и ему нет места в настоящем. Аннулирование исторической памяти также можно представить как своеобразную пляску смерти, стирающую любое прошлое. Так, для людей будущего Ленин, Керенский и Милюков всего лишь «сотоварищи по одной революционной работе, и поверьте, что теперешний москвич не очень-то помнит, какая между ними была разница».

В повести «Венедиктов...» получает развитие тема управления человеческими душами. Действие повести завязывается в театре. Главный герой наблюдает за тем, как остальные персонажи борются с инферно, чья сила захватывает и его самого. Он начинает чувствовать «чье-то несомненное жуткое и значительное присутствие» (Чаянов, 2006а: 88), ощущает, что его влечет иная сторона бытия, им начинает управлять игра потусторонних сил. Он так вспоминает об этом эпизоде: в Медоксовом театре[2] «в темноте затихшего зала почувствовал я отчетливо и томительно присутствие того значительного и властвующего, перед чем ниц склонялась душа моя многие месяцы» (Чаянов, 2006а: 89). На сцене герой видит девушку, так же как и он, подчиненную мистической власти. Отметим, что здесь воспроизводится ситуация кукольного театра — дьявол ведет судьбы людей: «Томительную покорность и страдание душевное видел я в ее ищущем взоре. Казалось мне ясно, что и она и я покорны одному кругу роковой власти, давящей, неумолимой» (Чаянов, 2006а: 90). Герой «погружен в стоячую, недвижную думу о незнакомце» (Чаянов, 2006а: 92). «<...> я сквозь гнилой московский туман ясно ощущал, что где-то по улицам гигантская черная карета возит незнакомца, то приближаясь, то отдаляясь от меня» (Чаянов, 2006а: 92). Отметим, как похоже это состояние героя на сюжет «пляски смерти», когда смерть зовет свою жертву, а та не может не следовать за ней: «Но мои ноги вросли в землю, и я остался недвижным. Чувствовал, как, поворачивая из улицы в улицу, близился страшный экипаж. Мостовая дрожала с его приближением» (Чаянов, 2006а: 92–93). В гостиничном номере

2. Интересно, что истории театра Медокса посвящена монография Ольги Эммануиловны Чаяновой, второй жены Чаянова (Чаянова, 1927).

№ 38 Булгаков встречается с Венедиктовым, который демонстрирует свою власть над героем: «“Я — царь! А ты червь передо мною, Булгаков! Плачь, говорю тебе!” И я почувствовал, как горесть наполнила душу мою. Черствый клубок подступил к моему горлу, и слезы побежали из моих глаз. <...> “Беспредельна власть моя, Булгаков, и беспредельна тоска моя; чем больше власти, тем больше тоски”» (Чаянов, 2006а: 96–97). Лишь свободная воля героев повести, их желание помочь друг другу избавляют их от власти инферно.

В повести «Венецианское зеркало» также интерпретируется сюжет пляски смерти — переходя в другое бытие, герой вынужден плясать под дудку вышедшего из зеркала стеклянного двойника, так как человек не властен в зеркальном мире: «Алексей с отчаянием невероятным чувствовал, что черты его лица повторяют гримасы дьявольского двойника, а руки и ноги в каком-то онемении, несмотря на все сопротивление, следуют движению его тела. Стеклянный человек, упоенный своею властью, подошел почти вплотную к зеркалу и, иронически выгибаясь в неистовстве невероятных поз, заставлял Алексея свиваться в телодвижениях, напоминавших позы наиболее фантастических персонажей Жака Калло» (Чаянов, 2006б: 120). После освобождения главного героя стеклянный двойник продолжает жить в реальном мире, совершает убийство, что создает у Алексея ощущение подвластности своему отражению, инфернальной власти над ним: «Он ощущал, что только тонкая перепонка стен и занавесей отделяет его от всепоглощающего стеклянного ужаса, а сами стены дома постепенно растворяются в зеркальном эфире, как растворяется сахар в стакане горячего чая» (Чаянов, 2006б: 129). Дальнейшая борьба Алексея со стеклянным человеком — борьба за то, кто будет зрителем, а кто актером в реальности, обретет ли отражение власть над героем.

Создается ощущение, что Алексей не столько борется с мистическим персонажем, сколько стремится преодолеть себя. Подсознательное, тщательно скрываемо, а подчас и незнаемое выходит наружу — старинное зеркало позволяет высветить ту часть души героя, которую он не готов был обнаружить в себе[3]. Данный тезис подтверждает и машинопись этого произведения с правкой Чаянова[4]. Когда Алексей, выйдя из зазеркалья, не может найти стеклянного человека, писатель называет его «двойником» героя, но потом зачеркивает это слово и пишет «противник»: «Поэтому в ночной темноте, под мерные удары маятника часов, перед лицом спящей Кэт он почти чувственно ощущал, как его противник бродит по московским улицам и взбирается по длинным лестницам

3. Анализ мистических повестей Чаянова с точки зрения психологической теории К. Г. Юнга см.: (Герасимов, 1997: 190).

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 731. Оп. 1. Л. 20.

с одного этажа на другой» (Чаянов, 2006б: 128). Однако Алексей готов продолжить борьбу и, преследуя врага, сознательно вступает в мистический мир, тем самым ломая сценарий «пляски смерти», становится актером в театре своей жизни.

В повести Чаянова «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина» (1924) показываются испытания человеческой души, подвластной силе рока. Заблудившись, герой входит в иной мир — посещает графа Якова Вилимовича Брюса, сподвижника Петра I и чернокнижника, давно умершего. Из завязавшейся беседы Бутурлин понимает, «что граф Яков Вилимович, уже многие десятилетия покинувший свет и лишенный сна, в своем уединении денно и нощно занят раскладыванием причудливых пасьянсов, находя это занятие не менее завлекательным и значительным, чем тот жизненный пасьянс, который довелось ему пережить» (Чаянов, 2006г: 142). Пасьянсы Брюса «правят незримо человеческими судьбами» (Чаянов, 2006г: 142). Смешав карты, Бутурлин становится марионеткой в невероятном пасьянсе собственной жизни. Возникает ощущение, что в его судьбе соединяются несколько жизненных историй. Бутурлин посягнул на законы потустороннего мира, поэтому все дальнейшее повествование — бегство от преследующих его теней.

Тайна происхождения Бутурлина связана со страницей редчайшей немецкой книги XV века «Ars moriendi» («Искусство смерти»), нужный экземпляр которой он не может найти. Герой не сопротивляется власти инферно, напротив, обращается за помощью к мистическим силам и теряет семью, домашнее тепло — основу жизни обыкновенного человека. Так интерпретирует Чаянов традиционный образ продажи души дьяволу. Убивая старика, управляющего чужими судьбами, Бутурлин сам пытается занять его место, решить его судьбу: «Старик согнулся над столом и с исступленным выражением лица рассматривал карты разложенного пасьянса. Федор видел, как он грозил кому-то кулаком и резким движением перекладывал то одну, то другую карту с места на место. Ужас охватил Бутурлина, ибо он понимал, что под этими костлявыми пальцами сейчас ломаются человеческие жизни, гибнут надежды, зарождаются преступления» (Чаянов, 2006г: 183). Но победить инферно, подчиняясь его власти и совершая преступления, невозможно.

Повесть «Юлия, или Встречи под Новодевичьим» (1928) строится как сюжет вовлечения зрителя в игру рока. Отец, горюющий о смерти дочери, творит дымную химеру — создает фантом девушки: «Старик снова набил трубку, и снова завертелись клубы дыма, снова выросла табачная статуя, все более и более... Мгновение, и я весь задрожал — из дымовых струй возникли очертания Юлии» (Чаянов, 2006д: 212). Главный герой, влюбившийся в этот призрак, забывает свою действительную жизнь, он видит только фантом девушки. Вовлеченный в «пляску смерти», теряет волю: «Я безумствую, я сам чувствую, что начинаю сходить с ума... Судорожно сжимаю руки и хватаю пальцами

пустоту. Я уже пять раз видел ее, но чего это мне стоило, к чему это привело...» (Чаянов, 2006д: 206). Только узнав правду, обретя опору в своей невесте, герой исцеляется, выходит из-под власти морока, обретает семейное счастье. Чаяновым интерпретируется здесь тема бессмысленности человеческих попыток возродить мертвых.

Обращение Чаянова к сюжету «пляски смерти», символически организующему пространство его мистических повестей, кажется логичным и закономерным в контексте исторических событий первой четверти XX в. Писатель задумывается о возможностях человека, его способности противостоять силе рока, быть действующим лицом в собственной жизненной драме или оставаться зрителем, покорно следующим своей судьбе.

Библиография

Арьес Ф. (1992). Человек перед лицом смерти. М.

Брюсов В. Я. (1973). Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 2 / Под общей ред. П. Г. Антокольского, А. С. Мясникова, С. С. Наровчатова, С. Н. Тихонова. М.: Художественная литература.

Герасимов И. В. (1997). Душа человека переходного времени. The soul of the transitional time's man: Случай А. Чаянова. Казань: АННА.

Легг О. О. (2004). Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX–XX вв.: На примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Моэма «Театр»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03. Санкт-Петербург.

Леонавичус А. В. (2015). Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 8 (151). С. 85–99.

Пляска смерти (1992) // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М.: Советская энциклопедия. Т. 46. С. 942.

Реутин М. Ю. (2001). «Пляска смерти» в средние века // Arbor Mundi. Мировое древо. Выпуск 8. М.: РГГУ. С. 9–38.

Святополк-Мирский Д. П. (1997). Веяние смерти в предреволюционной литературе // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье. С. 358–365.

Смерть (1910): Альманах. СПб.: Нов. журн. для всех.

Чаянов А. В. (2006а) Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 86–113.

Чаянов А. В. (2006б). Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 114–137.

Чаянов А. В. (2006в) История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 49–85.

Чаянов А. В. (2006г). Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 138–185.

Чаянов А. В. (2006д). Юлия, или Встречи под Новодевичьим // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 138–185.

Чаянов А. В. (2006е). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // *Чаянов А. В.* Московская гофманиада / Послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М. С. 217–275.

Чаянов А. В. (1928). Старая западная гравюра: краткое руководство для музейной работы. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.

Чаянова О. Э. (1927). Театр Маддокса в Москве. 1776–1805. М.: Работник просвещения.

Literary and philosophical aspects of the “Danse Macabre” in A. V. Chayanov’s works in the context of the era

Natalia V. Mikhalenko, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya St., 25a, Moscow, 121069, Russia. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract. The article considers the interpretation of the plot of the “Danse Macabre” in Alexander Chayanov’s mystical stories in the context of the literature of the 1900–1920s. Chayanov’s decision to address this topic was determined by both his interest in the old Western engravings and the plot’s popularity in the literature of that time (in the works of Alexander Blok, Konstantin Balmont, Valery Bryusov, Andrei Bely, Nikolay Zabolotsky, and others). Perhaps, the feeling of the power of fate over man in the time of crisis at the turn of the era, during wars and revolutions was interpreted by writers and philosophers in the categories of medieval ideas as a stand against chaos. In each of Chayanov’s novellas, the protagonist faces a challenge from otherworldly forces and becomes a puppet in their game. In “Venediktov…”, the protagonist is subject to the “triangle of souls”, fights against the inferno to rescue his loved one. In “The tale of the hairdresser’s mannequin”, the architect M. perishes, gradually succumbing to the chthonic forces of nature. In “The extraordinary but true adventures of the Count Fedor Buturlin”, there is an interpretation of the contract with the devil. In his texts, Chayanov accurately refers to various episodes of the “Danse Macabre” engravings, seeking a foothold in the world full of chaos.

Key words: Alexander Chayanov, interpretation of the plot of the “Danse Macabre”, Russian literature of the 1920s

References

Aries Ph. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [The Hour of Our Death], Moscow.

Bryusov V.Ya. (1973) *Sobranie sochinenij*: v 7 tt. T. 2 [Collected Works: in 7 vols., vol. 2], Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Gerasimov I. V. (1997) *Dusha cheloveka perekhodnogo vremeni: sluchaj A. Chayanova* [The Soul of the Person Living in the Times of Transition. The Case of Alexander Chayanov], Kazan: ANNA.

Legg O. O. (2004) *Teatralnost kak tip khudozhestvennogo mirovospriyatiya v anglijskoj literature XIX–XX vv.: Na primere romanov W. Thackeraya “Yarmarka tshheslaviya”, O. Wilda “Portret Doriana Graya”, S. Maughama “Teatr”* [Theatricality as a Type of Artistic Perception in the English Literature of the 19th — 20th Centuries: On the example of *Vanity Fair* by W. Thackeray, *The Portrait of Dorian Gray* by O. Wilde, and *Theater* by S. Maugham], Saint Peterburg.

Leonavichus A. V. (2015) Bal kak plyaska smerti u A. Bloka i russkih romantikov [Ball as a dance of death in works of Alexander Blok and Russian Romantics]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologija,* no 8, pp.85–99.

Plyaska smerti (1992) [Dance of Death]. *Entsiklopedichesky slovar F. A. Brockhausa i I. A. Efrona*, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, vol. 46, p. 942.

Reutin M.Yu. (2001) “Plyaska smerti” v srednie veka [Danse Macabre in the Middle Ages]. *Arbor Mundi,* no 8, Moscow: RGGU, pp. 9–38.

Svyatopolk-Mirsky D. P. (1997) Veyanie smerti v predrevolyutsionnoj literature [Breath of death in the pre-revolutionary literature]. *Russky uzel evrazijstva: Vostok v russkoj mysli,* Moscow: Belovodye, pp. 358–365.

Smert (1910): Almanah [Death: Anthology], Saint Petersburg: Novy zhurnal dlya vseh.

Chayanov A. V. (2006a) Venediktov, ili Dostopamyatnye sobytiya zhizni moej [Venediktov, or memorable events of my life]. *Moskovskaya gofmaniada,* Moscow, TONCHU, pp. 86–113.

Chayanov A. V. (2006b) Venetsianskoe zerkalo, ili Dikovinnye pokhozhdeniya steklyannogo cheloveka [The Venetian mirror, or the extraordinary adventures of the glass man]. *Moskovskaya gofmaniada,* Moscow: TONCHU, pp. 114–137.

Chayanov A. V. (2006v) Istoriya parikmakherskoj kukly, ili Poslednyaya lyubov moskovskogo arkhitektora M. [The tale of the hairdresser's mannequin, or the last love affair of a Moscow architect]. *Moskovskaya gofmaniada,* Moscow: TONCHU, pp. 49–85.

Chayanov A. V. (2006g) Neobychajnye, no istinnye priklyucheniya grafa Fedora Mikhajlovicha Buturlina [The extraordinary but true adventures of the Count Fedor Buturlin]. *Moskovskaya gofmaniada*, Moscow: TONCHU, pp. 138–185.

Chayanov A. V. (2006d) Yuliya, ili Vstrechi pod Novodevichyim [Julia, or meetings near Novodevichy]. *Moskovskaya gofmaniada*, Moscow: TONCHU, pp. 138–185.

Chayanov A. V. (2006e) Puteshestvie moego brata v stranu krestyanskoj utopii [The journey of my brother Alexei to the land of peasant utopia]. *Moskovskaya gofmaniada*, Moscow: TONCHU, pp. 217–275.

Chayanov A. V. (1926) *Staraya zapadnaya gravyura: kratkoe rukovodstvo dlya muzejnoj raboty* [Old Western Master Print: A Brief Guide to Museum Work], Moscow: M. i S. Sabashnikovy.

Chayanova O. E. (1927) *Teatr Maddoxa v Moskve. 1776–1805* [Maddox's Theater in Moscow. 1776–1805], Moscow: Rabotnik Prosvescheniya.

Джеймс Скотт, «невидимое» пространство и нечерноземная деревня[1]

А. А. Смирнова

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии, Тверской государственный университет. 170021, Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

EDN: FTCWPJ

Аннотация. Статья посвящена развитию концепции «безгосударственных пространств» американского антрополога Джеймса Скотта применительно к современной сельской местности Нечерноземья. Рассматривается интеллектуальное наследие Скотта, акцентируются ключевые для географии идеи. Раскрывается дихотомия «государственного» и «безгосударственного» пространств с выделением их конститутивных признаков. К последним отнесены плотность населения, сельскохозяйственная специализация, точность бюрократического учета. Статья продолжает идею об особой «оптике государства» — упрощенном видении территории, которое формируется в официальном дискурсе. В качестве примера мест, оказывающихся «невидимыми» для российской статистики, выбраны сельские пункты «без населения», количество которых отражается в итогах государственной переписи. Облик деревень, попавших в эту категорию, сильно различается от места к месту. Одни представляют собой пустоши, до которых невозможно добраться, другие нельзя отличить от обитаемых деревень: там есть сезонные жители, преимущественно горожане.

Области Нечерноземья являются лидерами по числу пунктов «без населения» в силу природных особенностей, истории освоения и современных социально-экономических процессов. Опыт исследований в Тверской области позволил выделить основные механизмы «видимости» таких пространств: непосредственное наблюдение, анализ данных дистанционного зондирования Земли, интервью с экспертами на местах. В качестве последних выступают главы сохранившихся сельских поселений или специалисты территориальных отделов. Однако наличие органов власти на местах еще не означает знания о территории: многое зависит от конкретного специалиста, его инициативности, компетенций, метиса. На примере деревень бывшего Алферовского сельского поселения Калязинского муниципального округа показано, как меняется численность населения с притоком сезонных жителей и какие проблемы возникают из-за недоучета дачников.

Ключевые слова: Джеймс Скотт, государственные упрощения, государственное пространство, государственное видение, Нечерноземье, сельская местность, пункты «без населения», дачная ревитализация

---

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект №24-77-00043

ТЕОРИЯ

Работы американского антрополога и социолога Джеймса Скотта широко известны в России. Еще до выхода русскоязычных версий книг идеи Скотта получили распространение, в первую очередь благодаря Теодору Шанину и последователям созданной им «крестьяноведческой» школы — Александру Никулину, Ирине Троцук, Валерию Виноградскому. В 1992 году в хрестоматии «Великий незнакомец», составителем которой выступал Теодор Шанин, были опубликованы два небольших фрагмента из двух главных к тому времени книг Скотта — «Моральной экономики крестьян» 1976 года и «Оружия слабых» 1985 года. В 1999 году, почти сразу после публикации в свет новой книги Скотта в 1998 году, в «Социологическом журнале» вышла рецензия на нее от Александра Никулина (1999). О последней книге, не успевшей выйти в свет при жизни автора, мы также узнаем благодаря обозрению, написанному соратником Скотта по исследованиям крестьянства (Никулин, 2025). Ирина Троцук выполнила перевод двух работ Скотта — «Искусство быть неподвластными: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии» (Скотт, 2017) и «Против зерна» (Скотт, 2020). «Орудия слабых» — так называется монография Валерия Виноградского (2009), в основу которой легли собранные автором в рамках двух крестьяноведческих проектов 1990-х годов многостраничные тексты интервью с сельскими жителями. К работе Скотта отсылает не только название, но и сама логика исследования.

Бегство от государства, скрытые формы крестьянского сопротивления, государственные провалы — выступая, по меткому выражению А. М. Никулина, на стороне слабых и пчёл, Скотт в своих работах показывал несовершенство государственных проектов, преимущества кочевого образа жизни, силу практического знания крестьян.

Творческий путь Джеймса Скотта довольно интересен — он писал, что в «прошлой жизни» был политологом. Потом случился его «брак с антропологией» (Scott, 2005), когда он почти два года провел в малайзийской деревне, изучая крестьянские практики борьбы и сопротивления «зеленой революции», насаждаемой государством, крупным бизнесом и международными организациями. Написанная по итогам экспедиции в Малайзию книга обрела широкую известность, «Weapons of the Weak» цитируется на Google Academy почти 26 тысяч раз. На рубеже тысячелетий Скотт разбирался с логикой государственной власти и жизненными практиками безгосударственных народов.

Антропологические по своей оптике и политические по идейной направленности книги Скотта представляют ценность и для географов. Во-первых, они насыщены описаниями разных стран и регионов; во-вторых, Скотт напрямую рассуждает о территориальных/

пространственных аспектах жизни людей; в-третьих, для объяснения он часто использует картографические изображения исследуемой местности. Об интересе коллег-географов свидетельствуют и публикации (Ламской, 2025).

Одно из центральных понятий во многих трудах Скотта — «государство». «Эффекты государства», «государственные проекты», «государственное строительство» — эти и другие производные концепты составляют узнаваемый терминологический аппарат автора. Основная черта, которая формирует узнаваемый язык автора, это его «оживление» государства. Государство у Скотта «выживает», «изобретает», «оккупирует», «собирает», обладает особым видением.

Такое представление о государстве — как о некой особой сущности и субъекте действий — не раз подвергалось критике. Упреки в наделении государства слишком большой властью и игнорировании других политических институций (Klausen, 2021), в нехватке других перспектив («углов зрения») и «видения» отдельных государственных служащих (Herzfeld, 2005; Smith, 2021) — содержательные дискуссии сопровождали выход каждой книги Скотта.

Отвечая на эти и другие возражения и замечания коллег об излишней антропоморфизации государства, Скотт признавал себя «виновным» (Scott, 2021). Свою позицию он объяснял желанием понять, каким образом система административного порядка накладывается на «гораздо более сложную и беспорядочную реальность», и это желание привело к игнорированию действий конкретных субъектов — представителей государства (сборщиков налогов, полицейских и т. д.).

Не ставя перед собой задачу разобраться в теоретических основах такого взгляда на государство — Скотт, как писал Кирилл Титаев (2006), умышленно контртеоретичен — и соглашаясь со Скоттом в его решении наделить государство особой оптикой, рассмотрим этот государственный взгляд по отношению к пространству (понимаемому в узком смысле как синоним «территории»).

В наибольшей степени дихотомия двух пространств — государственного и безгосударственного — раскрывается в книге «Искусство быть неподвластным», где Скотт анализировал феномен Зомии. Зомией называют особое территориальное образование, располагавшееся в Юго-Восточной Азии и занимавшее сопредельные высокогорные районы нескольких государств (Китая, Индии, Мьянмы (Бирмы), Вьетнама, Таиланда). Жители этих районов бо́льшую часть своей истории избегали государственного контроля и подчинения властвующим элитам. В этой книге Скотт, опираясь на многочисленные исторические работы и, по его словам, «как будто превратившись» в историка, попытался раскрыть альтернативное видение исторического пути народов. Суть этого иного пути развития заключается в манифестации безгосударственности как целенаправленного и осознанного выбора людей. Разберемся в тех

особенностях, которые Скотт относит к конститутивным признакам двух пространств.

Первый признак, по которому можно провести различение между государственным и безгосударственным пространствами, — концентрация населения, это «ключ ко всему», основа государственной власти. Оседлость — это древнейший государственнический проект, который встроен в саму архитектуру государства (Скотт, 2020). Именно посредством закрепления крестьян на земле правителям удавалось обеспечивать достаточную численность и плотность населения, чтобы в случае надобности мобилизовать имеющиеся в их распоряжении человеческие ресурсы. Мечта для любого правителя, или идеальное государство — это «высокая плотность оседлых земледельцев, которые ежегодно производят значительные излишки зерна» (Скотт, 2017: 106).

Соответственно, для безгосударственных пространств характерны территориальное рассеяние жителей, временной характер самих поселений, их небольшой размер, низкая плотность. Высокая мобильность населения, или «текучесть», также названа Скоттом в числе сущностных черт тех территорий, которые остаются за пределами непосредственного государственного влияния.

Различия в плотности населения обусловлены главным образом природными факторами. Государственный центр на равнине vs «неподвластная» периферия в горах — одна из основных дихотомий, выделенных Скоттом в истории Зомии. Однако это не значит, что важно именно наличие указанных особенностей рельефа. «Безгосударственность» возникает и в других физико-географических районах — болотистых, затопленных, засушливых, пустынных. Главное условие — их труднодоступность.

Второй признак тоже географический. Это сельскохозяйственная специализация и даже — шире — род занятий жителей. В условиях Юго-Восточной Азии именно поливное рисоводство обеспечивало возможность реализации оседлого образа жизни в наилучшем виде. Следствием подобной монокультурной специализации стало единообразие социального и агроэкологического ландшафта (в терминах Скотта). Единообразие проявлялось на разных уровнях. Для крестьян это означало сходство жизненных циклов (процесс выращивания риса) и одинаковая зависимость урожая от природных факторов. Это также приводило к унификации культурных норм (ритуалов и обменов). Специфика риса заключается в том, что он (как и другие зерновые) «лучше “видны” государству» и легче изымаются (Скотт, 2017: 75). Поливное рисоводство подразумевало строительство ирригационных систем (плотин, каналов, шлюзов), которые также часто были государственными проектами.

За насаждаемой государством монокультурной специализацией сельского хозяйства стоит не желание сделать его эффективным или устойчивым, а скорее — легко контролируемым и присваиваемым. Подобную цель преследовали и другие государства,

сильно контрастирующие по условиям с доколониальной Юго-Восточной Азией. В частности, Скотт говорит о «коллективных хозяйствах социалистического блока», которые тоже были задуманы как «оптимальные форматы учета и присвоения агропродукции» (Скотт, 2017: 120).

Для бюрократических служб (кадастровых, налоговых и др.) единообразие в типах использования земель и в предсказуемости времени получения урожая облегчало работу по учету и контролю государственных ресурсов. Бюрократизация, организованная система учета и контроля — это еще один линия, по которой можно развести два типа пространств. Здесь Скотт тоже пользуется географическим объяснением для различения «государственного» и «безгосударственного». Проблема сбора данных о конкретном населенном пункте и количестве домохозяйств, облагаемых налогом, обострялась по мере удаления от центра. Чем менее продуктивным и более дифференцированным становился ландшафт, тем менее заинтересованными в получении информации о нем были соответствующие бюрократические службы.

Помимо статистических сводок одновременно источником и результатом сбора государственных сведений были карты. «Попасть на карту» значит стать государственным подданным. Сам Скотт уделяет довольно много внимания различным методам картографирования, показывая «заблуждения», которые несут общегеографические карты, составленные для территорий со сложным горным рельефом. Фактически он продвигает идею карт-анаморфоз, получивших большое распространение в географических исследованиях в 2000-е в связи с появлением и развитием ГИС-технологий. В целом здесь проблема не в самих картах, а в том, насколько близко к реальному положению дел то явление, которое они отображают.

Понятно, что с развитием техники и технологий подобных Зомии мест на Земле становится все меньше, однако безгосударственные пространства вряд ли исчезнут, так как всегда будут зоны, выпадающие из-под контроля государств или их союзов по ряду причин (отсутствие ценных природных ресурсов, высокая стоимость освоения и др.). Хотя сам Скотт не был столь уверен в этом, говоря, что тот мир, который он «пытался понять и описать, стремительно исчезает», и «ускользнуть от Левиафана» скоро будет невозможно — настолько освоенным и заселенным будет мир (Скотт, 2017: 470). Отчасти это заявление связано с ускоренным «развитием» Зомии, где во второй половине XX века наблюдался демографический и миграционный бум.

Чем сегодня нам может помочь описание безгосударственности, показанное на примере реконструкции исторического прошлого горных районов Юго-Восточной Азии? Ценность Зомии как современного и актуального концепта возрастает, если расширить данное Скоттом представление о пространстве и воспользоваться его метафорой особенной «оптики государства».

Эта метафора, отражающая наличие у государства своего специфического «взгляда», — одна из тем, часто обсуждаемых в связи со Скоттом (Самодин, 2012). Упрощение — одна из главных черт, характеризующих государственную точку зрения, государственное знание (Никулин, 2024). Стандартизация измерений, абстрактность схем, ограниченность кадастровых сведений, универсальность статистических сводок — эти и другие особенности сбора данных формируют упрощенное (местами — деформированное) восприятие государством освоения пространства: «Государственные схематические упрощения, такие как карты, переписи, кадастровые списки и стандартные единицы измерения, представляют собой способы отражения многообразной и сложной действительности, нужные для того, чтобы чиновники могли постичь общую картину и упростить сложную действительность до схематических категорий» (Скотт, 2005: 127).

В метафоре «оптики государства» (Кузьминов, 2012; Самодин, 2012) безгосударственные пространства — те, которых «не видно» или «видно особым образом» (опосредованно). Поскольку государство имеет дело с артефактами (статистическими списками, картами, кадастрами), отсутствие и/или невозможность собрать такие материалы по безгосударственным пространствам делают их почти невидимыми, а представление о них в официальном дискурсе — искаженным. В итоге подобные «лакуны» возникают внутри законодательно закрепленных административных границ.

Пункты «без населения» и способы их видения

Поиск таких мест — выходящих за пределы государственного видения — нетривиальная задача. Один из интересных примеров — это пункты «без населения», которые можно отнести к безгосударственным пространствам, по терминологии Скотта. Сведения о количестве сельских населенных пунктов (СНП) публикуются в официальных итогах проводимых государством переписей населения. Группировка СНП по людности традиционно включает в себя такую категорию, как пункты «без населения». Государственные статистические службы видят такие места как обезлюдевшие. Однако эти пункты не всегда оказываются таковыми. Они представляют собой необычный феномен для исследования, так как облик деревень, попавших в эту категорию, сильно различается от места к месту. Одни представляют собой пустоши, до которых невозможно добраться, другие — нельзя отличить от обитаемых деревень, и, несмотря на фиксируемое официальной статистикой отсутствие постоянного населения, там есть сезонные жители, преимущественно — горожане.

Регионы Нечерноземья являются лидерами по количеству таких мест. Природные особенности, давняя история освоения, со-

временные демографические и социально-экономические процессы в достаточной мере объясняют это лидерство. Как и то, что есть определенные закономерности, интерпретирующие дифференциацию пунктов «без населения». Ранее к ключевым признакам, которые наиболее ярко показывают различия в их облике, были отнесены географические характеристики местоположения: близость к рекам и водоемам, прицентровое положение, транспортная доступность. Именно среди деревень, обладающих одной или несколькими указанными чертами, выше доля тех пунктов, что оказываются обитаемыми вопреки их статусу «без населения» (Смирнова, Лебедев, 2026).

Есть не так много способов того, как сделать их «видимыми». Один из наиболее очевидных — непосредственное наблюдение на месте. Благодаря выездам в конкретные деревни «без населения» можно увидеть, в каком состоянии сохранились дома, оценить, куда приезжают жители и какие занятия ведут (рис. 1). Это традиционный метод для изучения дачного населения (Между домом... и домом, 2016), позволяющий получить реальное представление о сезонной обитаемости того или иного места. Проблема в том, что посетить все пункты «без населения», чтобы выяснить, какие из них дачные, — неосуществимая задача. Здесь дело не только во временны*х* и финансовых трудностях, возникающих в любом полевом исследовании, сопряженном с поездками. Многие из пунктов «без населения» нелегко найти на карте, до некоторых зачастую не добраться на машине.

Рис. 1. Примеры домов в пунктах «без населения» Тверской области (слева — д. Дятлово Кувшиновского района, справа — д. Гудково Калининского района)

С помощью современных технических средств и новых технологий можно расширять полигон исследования и увеличивать число обследуемых деревень. Снимки с квадрокоптеров (Баскин и др., 2022) и космических спутников (рис. 2) не заменяют наблюдение, но позволяют увидеть в другом масштабе разнообразие мест, которые скрыты за общей номинацией «без населения». Так, исследования по Тверской области, где использовались данные дистанционного зондирования Земли, показали, что пятая часть из всех пунктов, которые были отнесены по переписи 2010 года к категории

«без населения», могут быть названы обитаемыми. На их снимках отчетливо просматривались дома и прилегающие участки (Румянцев и др., 2019). Однако и эти методы нельзя считать универсальными — административные ограничения на аэросъемку и невозможность ее проведения в труднодоступных районах, а также низкое качество космических снимков на сельскую местность не могут дать всей полноты картины.

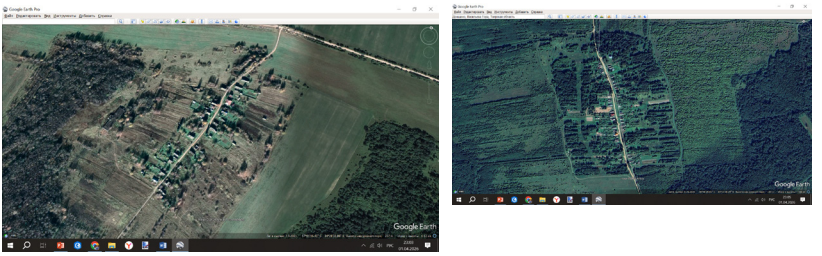

Рис. 2. Примеры космоснимков пунктов «без населения», по данным Google Earth (слева — д. Вороново Кувшиновского района, справа — д. Доншино Торжокского района)

Еще одним способом «увидеть» пункты «без населения» — это беседы со знающими людьми, которыми выступают главы сельских муниципалитетов (там, где сохранилось внутрирайонное муниципальное деление) или специалисты территориальных отделов (организованных на месте упраздненных сельских поселений). Интервью, с одной стороны, дает возможность узнать о большей территории, чем при непосредственном посещении каждой деревни. С другой стороны, зачастую это более надежный источник, чем космические снимки, потому что последние имеют разные даты съемки и данные могут быть неактуальными. К тому же только в разговоре можно узнать дополнительную информацию о том, кто приезжает в официально пустующие населенные пункты и какие проблемы возникают в такой ситуации.

Не только наличие сельской власти на местах — в качестве самостоятельного органа местного самоуправления или территориального отдела — является залогом успешного установления реального состояния пунктов «без населения». Многое зависит от знаний конкретного управленца/специалиста. Здесь тоже уместно вспомнить Скотта и еще один концепт, связанный с его именем. Это понятие *метиса*, или практического знания. Хотя Скотт игнорирует метис муниципальных служащих (за что тоже не раз получал критические замечания), он много внимания уделяет развитию идеи об обладании некоторым знанием, которое не укладывается в официальные инструкции, а исходит из местных условий и потребностей. Как оказывается, именно благодаря метису некоторые представители сельской власти знают о реальной картине расселения

на подконтрольной им территории. Для исследователя это может быть чистой случайностью и удачей — встретить знающего специалиста, который доступными ему способами собирает информацию о численности проживающих.

Пример такого везения — это бывшее Алферовское сельское поселение с центром в д. Алферово, где сегодня работает один из территориальных отделов Калязинского муниципального округа Тверской области. Поселение, как и весь район, отличается большой рекреационной привлекательностью, в первую очередь благодаря живописным местам по берегам рек Волги и Нерли. Соседство с Московским столичным регионом и, как следствие, высокая степень дачного освоения района приводят к тому, что среди многих пунктов, потерявших постоянное население, велика доля тех, кто оживает благодаря сезонному населению.

В поселении 67 СНП с общей численностью проживающих чуть более 1,6 тысячи человек. Согласно официальной статистике, 12 пунктов относятся к категории «без населения», еще 26 имеют людность от 1 до 10 человек. То есть больше половины всего массива — это опустевшие и мельчайшие деревни. Однако такое представление, базирующееся на номинальной численности жителей, оказывается неверным. Потому что оно не учитывает сезонное население, роль которого в условиях продолжающейся сельской депопуляции оказывается все более существенной.

По оценкам администрации, численность жителей в поселении в летнее время возрастает почти в 5 раз. Подсчеты дают приблизительное число в 8 тысяч человек. Из указанных 12 СНП «без населения» реально обезлюдевшими оказываются лишь 2 деревни. В остальных 10 пунктах сезонное население составляет от 5 до 68 человек. В некоторых небольших деревнях, наиболее удачно расположенных в долине Нерли или Волги, число сезонных жителей увеличивается на несколько сотен человек (рис. 3).

Эти цифры — не официальная статистика, а приблизительная оценка местной администрации, специалисты которой заинтересованы в том, чтобы знать реальную картину расселения, и используют разные инструменты для ее получения. Их методы — и полевые, и дистанционные. Работа с публичной кадастровой картой, где есть сведения о межевании участков, организация сети старост и поддержание коммуникации через переписку в мессенджерах — вот главные источники информации о территории и проживающих на ней. Основания для такого интереса со стороны местных властей понятны: это оперативное решение инфраструктурных вопросов, которые усложняются с увеличением сезонного населения.

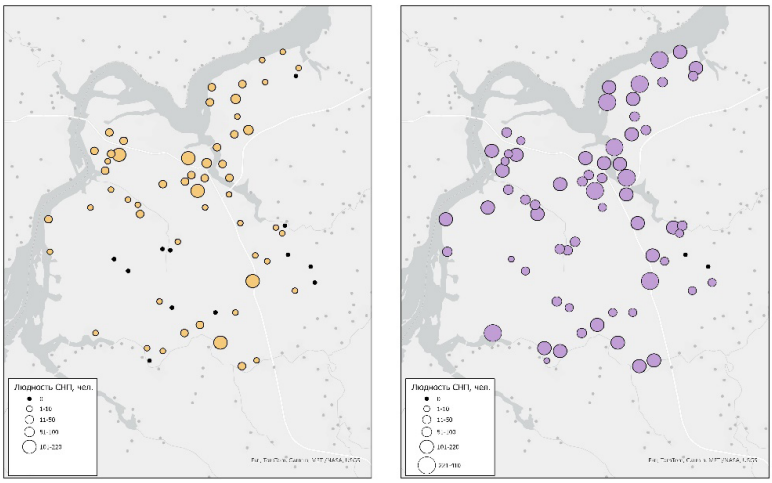

Рис. 3. Численность населения в деревнях Алферовского сельского поселения: слева — постоянное; справа — постоянное + дачное

Главная проблема — организация сбора и вывоза мусора. С учетом рекреационной привлекательности района нагрузка возрастает не только за счет дачников, но и туристов, выбирающих как организованные места отдыха, так и «дикие». «*Мы тонем в мусоре... Бункер восемь кубов зимой вывозится один раз, в летний период раз в неделю не успеваем вывозить*». Получить сведения о количестве домохозяйств, которым можно предъявить квитанцию об оплате услуг по вывозу мусора, помогают старосты деревень, которые зачастую не живут в поселении постоянно, а лишь приезжают на сезон.

Установка контейнерных площадок — затратное мероприятие в условиях постоянной нехватки муниципального финансирования. Одним из действующих инструментов получения дополнительных региональных средств на местные нужды — Программа поддержки местных инициатив (ППМИ), действующая в Тверской области с 2013 года. Проблемы с водоснабжением, освещением, благоустройством являются одними из самых популярных направлений по реализации проектов ППМИ, и пригородное Алферовское СП заметно по числу побед в конкурсном отборе Программы (Смирнова, 2020). Поскольку одним из условий реализации проекта ППМИ является софинансирование со стороны жителей, здесь опять на помощь приходят старосты деревень. Связь с помощью чатов позволяет оперативно обмениваться информацией — со стороны администрации сообщать, в первую очередь, о чрезвычайных ситуациях («*если горим — сразу информацию размещаю*»), со стороны жителей — через старост доносить жалобы («*нет деревень, где нет недовольных*»).

Один из самых распространенных запросов — это ремонт дорог, транспортная доступность в сочетании с привлекательностью ландшафтов являются значимыми факторами в сохранении сети сельского расселения. Однако встречаются и исключительные случаи, когда «*есть деревни, дорог в которых нет, и они не просят*», добраться до таких мест можно по воде или на специальной технике (вездеходах). Есть случаи, когда потребность в дороге есть, но ее невозможно отремонтировать, так как она ведет к пункту «без населения». У сезонных обитателей деревни может быть много нужд, но в системе распределения муниципального бюджета они оказываются «невидимыми». И даже если сельская администрация знает о проблемах, решить их не может из-за отсутствия таких механизмов.

Поскольку Калязинский район отличается близостью к Москве и обладает известными природными аттракторами, значительная часть приезжающих сюда — московские дачники. Многие из них имеют собственные ресурсы для решения инфраструктурных проблем деревни, но нужна координация усилий и организация процесса. «*Московские жители сами скидываются и ремонтируют себе дорогу, но опять — если есть старосты, которые это организуют*».

Таким образом, пункты «без населения» — это крайний случай ситуации, когда идет речь об учете сезонного населения. Масштабы дачного явления в России всегда были высокими, в последние десятилетия — только увеличиваются в связи с ростом мобильности населения, доступности сельской недвижимости, популярности дачного образа жизни.

Заключение

Несмотря на то что главным «полигоном» исследования для Скотта стал довольно экзотичный регион — Юго-Восточная Азия, и многое в его рассуждениях имеет конкретную пространственную и временную привязку, основные выводы концептуально применимы в наши дни.

В данной статье предпринята попытка развить представление Скотта о безгосударственных пространствах, которые обладают рядом универсальных черт независимо от географической привязки или исторического контекста. Одна из таких черт — искаженное (неточное) видение территории, возникающее в государственном дискурсе. Пункты «без населения» наиболее ярко демонстрируют это искажение. Они оказываются «невидимыми» для исследователей, журналистов и чиновников, ставящих знак равенства между этой группой СНП и обезлюдевшими/исчезнувшими деревнями.

Расхождения между статистическими сведениями и реальной картиной — известный сюжет, как и тот, когда не удается охва-

тить государственной статистикой все многообразие местных условий. Об этом, в частности, писал Скотт в «Оружии слабых», анализируя те последствия перехода к «двойным урожаям», которые не попали на страницы официальных отчетов, но оказали большое влияние на жизнь людей. Так же и сезонные пульсации населения часто не попадают в регламентирующие документы.

Развивая тезис об особом «видении» государства, можно предположить, что размеры безгосударственных пространств будут меняться в зависимости от государственного интереса (который зачастую определяется количеством имеющихся ресурсов). Трактовка «безгосударственности» через интерес государства (выраженный в официальных программах развития, например) расширяет возможности применения идей Джеймса Скотта для объяснения многих современных процессов территориального развития (межрегионального неравенства, центр-периферийных контрастов, сельско-городского взаимодействия).

А. М. Никулин не раз рассуждал о творческом наследии Джеймса Скотта в контексте его актуальности для российской истории и современности (Никулин, 2022). Мы продолжаем эту линию. *Удаленное расположение от крупных центров, небольшой размер поселений, их пространственная рассредоточенность и разнообразие стратегий выживания жителей* — это сказано Скоттом о Зомии или о современной нечернозёмной глубинке?

Библиография

Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72–108.

Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире / Пер. с англ., сост. Т. Шанин. М.

Виноградский В. Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.

Кузьминов В. Я. (2012) Переопределяя государство: исследование государственного видения // Социология власти. № 4–5. С. 34–63.

Ламской К. В. (2025). Зомия: общественно-географический и страноведческий концепт // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 22. С. 77–89.

Между домом… и домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова. М.: Новый хронограф.

Никулин А. М. (1999). Скотт Дж. С государственной точки зрения: как потерпели крах надежные модели совершенствования человечества // Социологический журнал. № 3/4. С. 250254.

Никулин А. М. (2022). Джеймс Скотт и Александр Чаянов: от крестьян через революции к государствам и анархиям // Социологическое обозрение. Т. 21. № 3. С. 202–228.

Никулин А. М. (2024). Историческая социология сельско-городского развития Дж. К. Скотта: против упрощений // Социология власти. Т. 36. № 3. С. 223–239.

Никулин А. М. (2025). Речной реквием // Социологическое обозрение. Т. 24. № 2. С. 289–294.

Румянцев И. Н., Смирнова А. А., Ткаченко А. А. (2019). Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 1. С.29–37.

Самодин А. А. (2012). Оптический обман Джеймса Скотта // Социология власти. № 4–5. С. 64–76.

Скотт Дж. (2005). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга.

Скотт Дж. (2017). Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И. Троцук. М.: Новое издательство.

Скотт Дж. (2020). Против зерна: глубинная история древнейших государств / Пер. с англ. И. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Скотт Дж. (2025). Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский».

Смирнова А. А. (2020). Свет, вода и детские площадки: проекты местных инициатив в Тверской области как отражение проблем территории // Крестьяноведение. Т. 5. № 2. С. 151–158.

Смирнова А. А., Лебедев К. С. (2026). Как выявить оживающие деревни Нечерноземья: географический подход // Известия РАН. Сер. географическая. Т. 90. № S1. С. 246–257.

Титаев К. Д. (2006). С точки зрения власти — с точки зрения подвластных. Джеймс Скотт. «Благими намерениями государства…» // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. № 3. С. 187–193.

Klausen J. C. (2021). Seeing too much like a state? // Polity. Vol.53. № 3. P. 476–484.

Herzfeld M. (2005). Political optics and the oclusion of intimate knowledge // American Anthropologist. Vol. 107. Iss. 3. P. 369–376.

Scott J. C. (2005). Afterword to «Moral Economies, State Spaces, and Categorical Violence» // American Anthropologist. Vol. 107. Iss. 3. P. 395–402.

Scott J. C. (2021). Further reflections on seeing like a state // Polity. Vol.53. № 3. P. 507–514.

Smith N. R. (2021). Seen like a state // Polity. Vol.53. № 3. P. 485–491.

James Scott, “Non-Chernozem” space and the Non-Chernozem-Region village

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

Abstract. The author applies James Scott’s concept of “nonstate spaces” to contemporary rural areas in Russia’s Non-Black Earth Region. The article considers Scott’s intellectual legacy, highlighting his key ideas relevant to geography; explains the dichotomy between “state” and “nonstate” spaces through their constitutive features, including population density, agricultural specialization and accuracy of bureaucratic record-keeping; develops the concept of “state’s seeing” as a simplified perception of territory in the official discourse. As an example of “invisible” places for the Russian statistics, the study focuses on rural settlements officially classified as “without population” in the national census. Such villages vary greatly: some are wastelands that are almost inaccessible, others look like ordinary villages but with seasonal residents, mostly urban dwellers. The Non-Black Earth regions rank first in the number of settlements “without population” due to their natural features, settlement history and contemporary social-economic processes. Based on the results of field studies in the Tver Region, the au-

thor identifies the main mechanisms for "seeing" such spaces: direct observation, analysis of the remote sensing data, and interviews with local experts, mainly heads of rural settlements or specialists of territorial administrations. The presence of local authorities does not guarantee knowledge of the territory — it depends on the expert's initiative, competencies and *metis* (practical knowledge). On the example of villages in the former Alferovskoe rural settlement of the Kalyazin municipal district the author shows how the number of population changes with the inflow of seasonal residents and what problems arise from the undercounting of dacha owners.

Key words: James Scott, state simplifications, state space, state vision, Non-Black Earth Region, rural areas, settlements "without population", dacha revitalization

References

Baskin L., Pokrovsky N., Nikolaeva U. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadrokoptera. Selskie doma i derevenskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on foot and from quadcopter. Rural households and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.

Herzfeld M. (2005) Political optics and the occlusion of intimate knowledge. *American Anthropologist*, vol. 107, no 3, pp. 369–376.

Klausen J.C. (2021) Seeing too much like a state? *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 476–484.

Kuzminov V.Ya. (2012) Pereopredelyaya gosudarstvo: issledovanie gosudarstvennogo videniya [Redefining the state: A study of the state vision]. *Sotsiologiya Vlasti,* no 4–5, pp. 34–63.

Lamskoy K.V. (2025) Zomia: obshchestvenno-geograficheskiy i stranovedchesky contsept [Zomia: A social-geographical and regional-geographical concept]. *Voprosy Ekonomicheskoj i Politicheskoj Geografii Zarubezhnyh Stran*, vol. 22, pp. 77–89.

Mezhdu domom… i domom (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home… and Home. Return Spatial Mobility in Russia]. Ed. by T. Nefedova, K. Averkieva, A. Makhrova, Moscow: Novy khronograf.

Nikulin A.M. (1999) Scott J. S gosudarstvennoj tochki zreniya: kak poterpeli krah nadezhnye modeli sovershenstvovaniya chelovechestva [Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. *Sotsiologichesky Zhurnal*, no 3–4, pp. 250–254.

Nikulin A.M. (2022) James Scott i Alexander Chayanov: ot krestyan cherez revolyutsii k gosudarstvam i anarkhiyam [James Scott and Alexander Chayanov: From the peasantry through revolutions to the states and anarchies]. *Russian Sociological Review*, vol. 21, no 3, pp. 202–228.

Nikulin A.M. (2024) Istoricheskaya sotsiologiya selsko-gorodskogo razvitiya J.C. Scotta: protiv uproshchenij [Historical sociology of rural-urban development by James Scott: Against simplifications]. *Sotsiologiya Vlasti*, vol. 36, no 3, pp. 223–239.

Nikulin A.M. (2025) Rechnoj rekviem [River requiem]. *Russian Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 289–294.

Rumyantsev I.N., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. (2019) Selskie naselennye punkty "bez naseleniya" kak geograficheskiy i statisticheskiy fenomen [Rural settlements "without population" as a geographical and statistical phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* no 1, pp. 29–37.

Samodin A.A. (2012) Opticheskiy obman Jamesa Scotta [Optical illusion of James Scott]. *Sotsiologiya Vlasti,* no 4–5, pp. 64–76.

Scott J.C. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed], Moscow: Universitetskaya kniga.

Scott J.C. (2005) Afterword to "Moral Economies, State Spaces, and Categorical Violence". *American Anthropologist,* vol. 107, no 3, pp. 395–402.

Scott J. C. (2017) *Iskusstvo byt nepodvlastnym: Anarhicheskaya istoriya vysokogorij Yugo-Vostochnoj Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia], Moscow: Novoe izdatelstvo.

Scott J. C. (2020) *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevnejshih gosudarstv* [Against the Grain: A Deep History of the Earliest States], Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.

Scott J. C. (2021) Further reflections on seeing like a state. *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 507–514.

Scott J. C. (2025) *Oruzhie slabyh. Povsednevnye formy krestyanskogo soprotivleniya* [Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance], Moscow: Izd-vo knizhnogo magazina "Tsiolkovsky".

Smirnova A. A. (2020) Svet, voda i detskie ploshchadki: proekty mestnyh initsiativ v Tverskoj oblasti kak otrazhenie problem territorii [Light, water and playgrounds: Local initiatives in the Tver Region as reflecting the territorial challenges]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 151–158.

Smirnova A. A., Lebedev K. S. (2026) Kak vyyavit ozhivayushchie derevni Nechernozemya: geograficheskiy podkhod [How to identify reviving villages of the Non-Black Earth Region: A geographical approach]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 90, no S1, pp. 246–257.

Smith N. R. (2021) Seen like a state. *Polity*, vol. 53, no 3, pp. 485–491.

Titaev K. D. (2006) S tochki zreniya vlasti — s tochki zreniya podvlastnyh. James Scott. "Blagimi namereniyami gosudarstva…" [From the power perspective — from the subordinate's perspective. James Scott's "Seeing Like a State…"]. *Zhurnal Sotsiologii and Sotsialnoj Antropologii*, vol. IX, no 3, pp. 187–193.

Veliky neznakomets: krestyane i fermery v sovremennom mire (1992) [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World]. Comp. by. T. Shanin, Moscow.

Vinogradsy V. G. (2009) *"Orudiya slabyh": tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* [«Weapons of the Weak»: Technology and Social Logic of the Everyday Peasant Life], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

Предпринимательская деятельность костромских отходников в Санкт-Петербурге (1860-е — 1914 гг.): неформальные практики в формальной экономике[1]

И. С. Слепцова (Кызласова), О. В. Смурова

Ирина Семеновна Слепцова (Кызласова), старший научный сотрудник отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. E-mail: i_kyzlasova@mail.ru

Ольга Вениаминовна Смурова, доктор исторических наук, независимый исследователь; 156022, Кострома, ул. Стопани, 48. E-mail: Olga-smurova@mail.ru

EDN: MZUPAO

Аннотация. Статья посвящена исследованию предпринимательской деятельности крестьян-отходников из северо-западных уездов Костромской губернии в Санкт-Петербурге во второй половине XIX — начале XX века. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода, поскольку деятельность отходников, соединяющая нормы разных социальных порядков, не может быть объяснена в рамках классической экономической теории. Теоретическую основу составляют концепции неформальной и эксполярной экономики (Т. Шанин), институциональный подход (Д. Норт), теория габитуса П. Бурдьё и концепция «силы связей» М. Грановеттера. Это позволяет рассматривать хозяйственные практики отходников как социально укорененную систему, где ключевую роль играли неформальные институты: земляческие и родственные связи, репутация, взаимное доверие. Источниковая база — 50 томов «Справочных книг о лицах С.-Петербургского купечества…» (1865–1916), фиксировавших крестьян, прошедших регистрацию и занимавшихся предпринимательством. Дополнительно привлекаются «Журналы генеральной поверки», выявляющие практики уклонения от официального оформления. В статье анализируются этапы жизненного пути отходников, механизмы формирования сообществ на основе «избирательного сродства», трансформация социального этоса в городской среде. Выявлены три стратегии предпринимательства: адаптивная, итеративная (метод «проб и ошибок») и опытно-экспериментальная. Показано, что успешные практики возникали через рекомбинацию традиционных элементов в новых рыночных условиях (*path dependence*). Рассматриваются диверсификация деятельности и девиантные практики (уклонение от налогов, выплата штрафов). Делается вывод, что «Справочные книги» позволяют реконструировать процесс инкорпорации отходников в городские сословия, однако их информация неполна из-за существования неформального сектора. Перспективы исследования связаны с привлечением фискальных и судебных документов для изучения соотношения формальных и неформальных практик.

1. Статья написана в рамках проекта НИР: «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего». Код: FMNU-2026-0006.

Ключевые слова: экономическая антропология, неформальная экономика, эксполярная экономика, крестьянская ментальность, сетевая организация, имперский период

Введение

Экономическая деятельность, будучи одной из фундаментальных сфер человеческой жизни, является объектом исследования широкого круга наук, каждая из которых предлагает собственный теоретический и методологический ракурс. В отличие от классической экономической теории, фокусирующейся на рациональном выборе и рыночных взаимодействиях, экономическая антропология и смежные историко-социологические дисциплины рассматривают хозяйственные процессы как глубоко укорененные в специфических историко-культурных контекстах. В лаконичной и образной форме это выражено в тезисе американских ученых Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона: «Культура имеет значение» (Харрисон, Хантингтон, 2002), ставшем одним из методологических оснований междисциплинарных исследований на стыке экономики и культурной антропологии. Данный подход позволяет выявить, каким образом локальные традиции, социальные связи и неформальные институты встраиваются в рыночные механизмы, обусловливая многообразие моделей экономического поведения.

С этой точки зрения продуктивно исследовать особую социальную группу — отходников, чья трудовая деятельность была связана с сезонной или циклической миграцией и чей образ жизни может служить примером полилокальности[2]. Сложная структура деятельности отходников, в которой соединяются нормы разных порядков и переплетаются поведенческие паттерны, относящиеся к разным экономическим системам, не может быть объяснена в рамках только одной эпистемологической системы, что требует выхода за рамки классической экономической теории.

Возникнув как тактика выживания, позволявшая крестьянской семье поддержать свое существование в ситуациях экономической нестабильности, во второй половине XIX — начале XX века отход на заработки в некоторых регионах превратился в отдельный вид деятельности. Это повлекло за собой формирование соответствующих культурных форм, специфика которых заключалась в сочетании в различных комбинациях городских и сельских черт. Они представляли собой весьма важную в экономическом и социокуль-

2. В дореволюционной историографии отходниками принято было называть крестьян и мещан, которые вели промысловую деятельность вне места их постоянного жительства, притом на таком расстоянии, что эти лица должны были брать от своих обществ особое разрешение в форме вида на жительство (Россия. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Л.: Лениздат, 1991. С. 264–265).

турном плане группу, которая играла немалую роль в модернизации страны, являясь каналом передачи ресурсов, знаний и культурных моделей между городом и деревней (Федоров, 2009; Аверкиева и др., 2016; Плюснин, 2019).

Исследование экономической деятельности отходников в XIX — начале XX века представляет значительный научный интерес, обусловленный двумя ключевыми факторами. Во-первых, эта тема до сих пор содержит множество «белых пятен» и нуждается в детальном изучении, как в региональном, так и в темпоральном аспекте. Во-вторых, возрождение аналогичных отходничеству практик в постсоветской России делает обращение к их историческим истокам весьма актуальным.

Становление личности отходника, как правило, происходило в рамках сельского сообщества, где формировался габитус — система устойчивых диспозиций, которые, по определению П. Бурдьё, будучи «продуктом истории, производят практики, как индивидуальные, так и коллективные... Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, существующего в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия» (Бурдьё, 1998: 46). Габитус формировал систему ценностей и закреплял традиционные поведенческие стереотипы, сохраняясь даже в условиях меняющейся социальной реальности. Особое значение имело то, что эти модели активно формировали трудовое поведение отходников. Они определяли осознание необходимости отхода на заработки, ориентировали на традиционные виды занятий и их формат: в случаях, когда требовались коллективные усилия, это закономерно приводило к артельной организации труда. Артель была основной формой организации труда большинства отходников. Она действовала как единый коллектив с равными правами ее членов, что ставило индивида в зависимость от групповых интересов и обязывало соблюдать сложившиеся в данном сообществе нормы кооперативного взаимодействия. На практике артель всегда создавалась опытным отходником-подрядчиком, который выбирал тактики ведения дел и нес ответственность за организацию работ (В. В., 1895). Одновременно с этим усвоенные в деревенский период жизни диспозиции задавали характер межличностных отношений, порождая своеобразный патернализм, который проявлялся, например, в практике найма на работу односельчан, что служило механизмом социального воспроизводства группы.

В рамках сложившихся стереотипов место выхода — «родная сторона» — осмыслялось как Дом. Поэтому устойчивой традицией было возвращение крестьянина в деревню для постоянного проживания после завершения трудовой деятельности в городе. Лишь небольшая часть отходников окончательно переселялась в город, но и они, как правило, сохраняли тесную связь с родиной, что свидетельствует о сохранении первичного габитуса даже при смене социального окружения.

Феномену отходничества посвящено значительное количество работ, начиная с XIX в. и до современности. Историографию отходничества можно разделить на несколько этапов, различающихся исследовательскими задачами, методологией и дисциплинарными рамками.

Первый этап (1870–1920-е годы) связан со становлением эмпирической традиции изучения крестьянских отхожих промыслов. Работы этого времени носили преимущественно статистико-экономический характер и были подчинены задачам осмысления пореформенной модернизации, а позднее — планового регулирования трудовых ресурсов. Исследователи уточнили понятийный аппарат, определили масштабы, географию и профессиональную структуру отхода, заложив фундамент для последующего изучения крестьянства как социально-экономического субъекта.

Второй этап (1940–1980-е годы) ознаменовался поворотом к историческому анализу. В центре внимания оказались процессы разложения феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма, роль крестьянства в формировании городского населения, социальная мобильность. Городское население, включая крестьян-мигрантов, становилось и объектом этнографического исследования. Отходничество рассматривалось преимущественно как фактор социально-экономической трансформации, однако уже наметился интерес к его социокультурным аспектам.

Третий этап (1990-е годы — настоящее время) характеризуется методологическим обновлением и полидисциплинарным синтезом. Освобождение от идеологической заданности, знакомство с западной историографией и антропологический поворот позволили дополнить количественные исследования реконструкцией «живой» истории крестьянина-отходника. Предметное поле расширилось за счет тематики предпринимательства, благотворительности, религиозно-нравственных установок, адаптационных стратегий и династийных практик. Современные исследования интегрируют дореволюционную, советскую и европейскую традиции, рассматривая отходничество как сложный социокультурный феномен, в котором переплетаются экономическая рациональность, семейные стратегии и механизмы трансляции социального опыта.

Методы и предмет исследования

Для изучения смешанных хозяйственных практик, характерных для отходников, представляется эвристичной концепция «неформальной экономики» (Шанин, 1999б; Радаев, 1999; Барсукова, 2012; Плюснин, 2024). Она позволяет интерпретировать деятельность отходников-предпринимателей как систему экономических отношений, которые опирались не только на формальные юридические установления (законы, регламенты, паспортная система, налоги),

но прежде всего на неформальные институты: земляческие связи, родство, репутацию и устные договоренности, выступавшие ключевыми регуляторами взаимодействий. Мобилизация в нужные моменты этих социальных ресурсов позволяла сохранять устойчивость предприятий в инокультурной для крестьян столичной среде и гибко адаптироваться к ее изменениям.

Мы будем рассматривать предпринимательскую деятельность отходников не как обособленный («неформальный») сектор экономики, а как социально укорененную систему экономических отношений. Такой взгляд близок к институциональной традиции, где ключевым объектом анализа становятся «сознательные усилия людей, направленные на установление контроля над миром, в котором они живут» (Норт, 2010: 13). Это означает смещение фокуса на процесс образования самого сообщества отходников, их коллективные стратегии выживания и успеха, а также на те социальные механизмы, которые организовывали их деловые взаимодействия.

Дополнительной теоретической перспективой может быть концепция «эксполярной экономики», предложенная Теодором Шаниным. Она описывает экономическую сферу, существующую вне доминирующих полюсов капиталистической и плановой систем и характеризующуюся опорой на личные связи, доверие, взаимопомощь и адаптивные стратегии выживания (Шанин, 1990, 1999а). Для нашего исследования ключевым является его тезис о не-урбанистическом (*экс-полисном*) происхождении указанных социальных форм. Они не исчезали в городской среде, а, напротив, получали импульс для нового существования. «Переехав» вместе с крестьянами-отходниками, они сохранялись и трансформировались, приобретя ценность как инструменты решения специфических задач в условиях чуждой, формализованной столичной экономики.

Хронологические рамки исследования охватывают период между двумя важнейшими событиями российской истории: Великой реформой 1861 года и Первой мировой войной. Нижняя граница определена отменой крепостного права, которая привела к активизации трудовой миграции. Верхняя — тем фактом, что война нарушила стабильное развитие экономики и коренным образом изменила экономическую активность населения. Все наши наблюдения относятся к мужской части населения. Мы не касаемся гендерного аспекта и не рассматриваем женское отходничество, т.к. оно не характерно для изучаемой территории.

Источниковой базой исследования служат 50 томов «Справочных книг о лицах С.-Петербургского купечества...»[3], изданных

3. Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых общных и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые за-

в 1865–1916 годах, в которые записывали выходцев из разных губерний, изъявивших желание заняться предпринимательством в столице. Они содержат сведения о месте выхода, возрасте, социальном происхождении и статусе (крестьянин, мещанин, купец), чине, вероисповедании, роде занятий, адресах, составе семьи, а также давности получения разрешения на деятельность в столице.

Информативный потенциал источника позволяет реконструировать виды предпринимательской деятельности и стратегии организации дела отходниками (Слепцова, Смурова, 2022). Его ценность заключается в значительном временном охвате, дающем возможность проследить динамику пути отходника до перехода в мещанство, купечество и/или потомственное почетное гражданство (либо уплаты гильдейских повинностей в прежнем статусе). Тем самым источник позволяет воссоздать траектории социального восхождения и выявить успешные предпринимательские тактики.

Есть основания считать, что сведения «Справочных книг» не являются полными. Изучение жизнедеятельности конкретных персон позволяет обнаружить, что некоторые намеренно стремились обойти существовавшие законы: уклонялись от уплаты пошлин, взимавшихся за оформление документов. В частности, об этом свидетельствуют «Журналы генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по участкам Санкт-Петербурга за 90-е гг. XIX в.» (см. ниже). При необходимости информация из «Справочных книг» дополняется из других источников.

Формирование и эволюция предпринимательской деятельности отходников

Предмет нашего исследования — предпринимательская деятельность выходцев из северо-западных уездов Костромской губернии (Галичский, Солигаличский и Чухломской), крестьянство которых с начала XVIII в. принимало участие в строительстве Санкт-Петербурга, а позже составляло немалую долю населения столицы и оказывало заметное влияние на ее экономику и бытовой уклад (Жбанков, 1891; Владимирский, 1927; Смурова, 2008; Лурье, 2011: 227–231).

Отходники представляли собой весьма неоднородную в имущественном отношении группу, включавшую как владельцев предприятий, так и наемных работников. Мы рассматриваем категорию отходников, которые прошли государственную регистрацию, то есть были зафиксированы в «Справочных книгах». Это сравнительно немногочисленная группа отходников, которая совершила социальное восхождение: владельцы мастерских, магазинов,

нятия на (1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 гг.). СПб.: Тип. А. Н. Лавров и К°, 1865–1916, 1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 (далее — СК).

а иногда и предприятий, подрядчики, содержатели трактиров и ресторанов и т. д. Некоторые из них имели собственные дома в Петербурге и фактически уже стали переселенцами, но не оформили свой статус.

Деятельность этой группы следует, скорее, отнести к сфере формальной экономики, поскольку она регулировалась государством: они оформляли официальные документы, дававшие право на предпринимательскую деятельность, и платили налоги. Наряду с этим часть отходников, занимавшихся аналогичными промыслами, уходила от контроля. Их присутствие в реальной экономике обнаруживают фискальные документы. Так, во время проведения генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по 2-му участку Нарвской части Санкт-Петербурга за 1890 год было выявлено отсутствие промыслового свидетельства у крестьянина Чухломского уезда Костромской губернии Петра Осеева, имевшего столярную мастерскую по адресу: улица 12-я Рота Измайловского полка, д. 6, в которой работало двое рабочих[4], был составлен акт о нарушении, но это не повлияло на его дальнейшее поведение — в 1891 году история повторилась[5]. Однако на момент поверки в 1895 и 1897 годах свидетельства уже были оформлены[6]. Также крестьянин Чухломского уезда Василий Денисов Крылов, содержавший плотничий промысел по адресу Рижский пр., д. 38/6, в котором было занято 6 рабочих, 2 мастера, в 1892 году был уличен в отсутствии промыслового свидетельства 2-го разряда[7]. Можно указать еще немало примеров подобных нарушений. Деятельность таких лиц всецело подпадает под понятие неформальной экономики.

Путь в отходники: этапы становления

Двойственная принадлежность отходников — их одновременное включение и в городскую, и в деревенскую жизнь — наряду с устойчивостью этого статуса и интенсивностью сельско-городских контактов порождала множество уникальных жизненных сценариев. Однако в этом разнообразии просматривается общая закономерность: их биографии состояли из сменяющих друг друга периодов с характерными доминантами, где каждый последующий этап

4. Журнал генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по 2-му участку Нарвской части за 1890 г. (далее — Журнал...) // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 23. Д. 2334. Л. 88–89 об.
5. Журнал... за 1891 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2357. Л. 106 об. — 107.
6. Журнал... за 1895 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 1071. Л. 84 об. — 85; Журнал... за 1897 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2682. Л. 95 об. — 96.
7. Журнал... за 1892 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2411. Л. 54 об.

опирался на ресурсы и опыт, накопленные в предыдущем (Смурова, 2026).

Первый период — детство и ранняя юность, содержанием которого было усвоение морально-нравственных норм и трудовой этики, включающих в себя установки на коллективизм и сотрудничество, а также научение некоторым профессиональным навыкам. Данный период у разных лиц мог быть локальным (на родине) и «питерским», что зависело от избранного ремесла. Отход нередко начинался в очень раннем возрасте. Вследствие этого у детей-питерцев складывались религиозно-нравственные представления и поведенческие модели, значительно отличающиеся от традиционных крестьянских, что влияло на их дальнейшую жизнь. У крестьянских детей и молодежи на основе рассказов приехавших отходников, наблюдения их стиля жизни формировались стереотипы успешности и стратегии будущей жизни (Александров, 2023).

Второй период — петербургский, отличался значительной вариативностью. Как правило, это был наиболее продолжительный отрезок жизни, в течение которого происходили ключевые события биографии, включая организацию собственного предприятия. При этом наблюдалась существенная дифференциация: часть отходников достигала значительных успехов (увеличение доходов, переход в иное сословие, переселение в столицу), тогда как другие оставались в категории наемных работников, либо возвращались в деревню, что зачастую сопровождалось понижением их прежнего социального статуса и уровня жизни.

Третий этап — вновь деревенский, характеризовался возвращением отходников на родину на завершающем этапе жизненного цикла. Часть из них продолжала там предпринимательскую деятельность, тем самым внося вклад в развитие производственной и социокультурной инфраструктуры родного села (Смурова, 2026). Успешные примеры служили эффективным средством пропаганды городских возможностей среди молодого поколения, что стимулировало дальнейшие миграционные процессы. Наряду с этим наблюдались и случаи, когда возвращение носило исключительно пассивный характер, сводясь к доживанию.

Ведущей чертой отходничества был его «наследственный» характер: отцы не только передавали сыновьям дело и профессиональные навыки, но и вводили их в сообщество, транслируя тем самым собственный предпринимательский габитус. Благодаря такой социализации новички усваивали неформальные правила экономического поведения, что повышало их конкурентоспособность. Именно так формировались купеческие и промышленные династии: наследственное отходничество становилось каналом вертикальной мобильности (Гавлин, 2002; Краско, 2010). В привилегированных слоях этот механизм закреплялся через семейные предприятия, аккумулировавшие финансовые и социальные ресурсы (Барышников, 2007). Хотя такая преемственность и вела к усилению имуществен-

ного неравенства, но даже для менее обеспеченных отходников наследственная передача профессии оставалась важным механизмом экономической устойчивости.

«Свои» в чужом городе: механизмы формирования сообществ отходников

Вся многочисленная армия трудовых мигрантов образовывала разные по структуре, функциям и целям социальные группы и микрогруппы в соответствии с конкретными историческими и институциональными условиями. Формирование сообществ отходников может быть проанализировано в рамках концепции «избирательного сродства», разработанной Максом Вебером для характеристики сложных взаимозависимостей между социальными, экономическими и религиозными и иными феноменами (Вебер, 1990: 106). Используя эту метафору, ученый хотел указать на наличие структурного сходства между протестантской этикой, регулировавшей жизненный уклад населения, и «духом капитализма», то есть потребностями капиталистического производства.

Однако данный подход применим не только к макроуровневым процессам, но и к межличностным связям в рамках локальных сообществ. Тактика избирательности по «сродству» реализовывалась в создании сетей социального взаимодействия, организованных по земляческому и семейно-родственному принципу (Барышников, 2005; 2006: 231–250; Лурье, 2020: 214–283). Немалую роль играла и конфессиональная составляющая — избирательность по принципу принадлежности к тому или иному направлению старообрядчества. Так, приоритет в принятии на работу и обучение, при заключении брака и выборе места жительства отдавался «своим»[8]. Земляческие и семейно-родственные связи играли ключевую роль в кризисных ситуациях, выступая механизмом социальной поддержки. Особенно важны они были в случаях экономической несостоятельности (банкротство, потеря работы) или проблем со здоровьем (травма, болезнь) и смерти. В условиях социально чуждой городской среды отходники активно опирались на доверительные сети, сформированные по принципу территориальной общности и единства этоса. При этом земляческие связи, как правило, сочетались с профессиональными, формируя сложные системы взаимных обязательств. Преимущество данного принципа организации работы состояло в том, что это обеспечивало дополнительные источники дохода, а также придавало стабильность экономической деятельности (Барышников, 2005; Османов, 2010: 24–26).

8. Концепт *свой/чужой* «является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов, 1997: 472). Он относится к наиболее значимым в традиционной культуре (Белова, 2008).

Особого внимания заслуживает анализ социальных сетей средних и крупных предпринимателей. Как показывает исследование петербургского делового класса М. Н. Барышниковым (Барышников, 2005), несмотря на конкурентные отношения и наличие эгоистических интересов, которые могли бы превращать их в противников, костромские предприниматели и купцы были связаны, наряду с деловыми, дружескими, а часто и родственными отношениями. Характерной чертой социальных сетей привилегированных групп была не только горизонтальная, но и вертикальная их интеграция, что находило выражение, в частности, в практике благотворительности (Барышников, 2005). Таким образом, персональные связи, основанные на землячестве («сродстве» по месту происхождения), оказывались регулятором поведения более действенным, чем новые жизненные принципы, имевшие рационально-эгоистический характер. Аналогичный феномен отмечает Д. Е. Расков в отношении старообрядческого купечества, где консолидирующим фактором выступала общность религиозной идентичности (Расков, 2012: 89–95).

Прочность сообществ отходников зависела от «силы связей» — концепт, введенный М. Грановеттером для анализа социальных взаимодействий. Согласно его определению, сила связи представляет собой комбинацию «продолжительности, эмоциональной интенсивности (emotional intensity), близости, или взаимного доверия (confiding), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» (Грановеттер, 2009: 32). «Сильные связи» устанавливаются между индивидами с высокой степенью близости, обеспечивая устойчивую социальную поддержку в кризисных ситуациях. Для таких связей характерна ограниченная численность и концентрация в рамках семейно-родственных и дружеских кругов. Они сочетаются со «слабыми связями», которые характеризуются широким охватом и включают взаимодействия с представителями различных социальных и культурных групп. В сельском социуме, благодаря наличию родственных и свойственных связей, пронизывающих всю общину, преобладали «сильные связи». В свою очередь, «слабые связи» существовали в виде контактов с административными лицами или земляками, жителями округи. Однако в условиях миграции происходила трансформация этих связей: при переезде в город земляческие контакты, изначально относившиеся к «слабым», усиливались, переходили в категорию «сильных», формируя сплоченные территориальные сообщества.

В условиях ведения предпринимательской деятельности в городе «слабые связи» приобретали ключевое функциональное значение. Даже хозяевам небольших артелей требовалось выстраивать разветвленную сеть контактов, включавшую организацию логистических цепочек, обеспечение поставок сырья, налаживание сбыта продукции. Все эти деловые взаимодействия по своей природе относились к категории «слабых связей». Эффективно использовать их мог предприниматель, который знал потенциал каждого работ-

ника (был связан с ним «сильной связью») и поэтому имел возможность оптимально распорядиться трудовыми и материальными ресурсами для выполнения заказов. Таким образом, «слабые» и «сильные» связи образовывали устойчивую систему поддержания сообществ отходников. Если «сильные связи» обеспечивали социальную сплоченность, то «слабые» — создавали необходимые экономические возможности для существования общины в городской среде.

От крестьянина к предпринимателю: реконфигурация экономических стратегий

Как отмечалось ранее, предпринимательская деятельность отходников в столице испытывала на себе влияние крестьянской ментальности, сложившейся в сообществе, где определяющую роль играла опора на традицию. Хотя в рассматриваемый период экономическое поведение отходников все еще определялось традиционным отношением к труду и нормами православной нестяжательской этики (Коваль, 1994: 112–117; Кузнецов, 2008: 109–129), переезд в большой город неизбежно трансформировал социальный этос. Изменения затрагивали систему ценностей, моральные установки и модели поведения, которые постепенно адаптировались к нормам капиталистического общества. Вследствие этого в конкретных ситуациях мотивацией деятельности все чаще становилась личная выгода, вытесняя обычаи, освященные религией и традицией.

В фундаментальном труде Л. В. Милова, связавшем хозяйственную деятельность крестьянства с природно-климатическими условиями, обосновывается жизнеспособность как индивидуальных хозяйств, так и общины в целом благодаря «феноменальной приспосабливаемости», выработанной веками выживания в экстремальных условиях (Милов, 1998: 383–433). Способность к адаптации становилась для крестьянина ключевым ресурсом также и в городе. Именно это качество помогало крестьянам-отходникам, применяя такие же стратегии ведения хозяйства, что и в деревне, с успехом использовать открывавшиеся в городе экономические и социальные возможности.

Индивидуальные стратегии организации собственного дела демонстрируют значительную вариативность подходов и форм реализации, что обуславливало существенную дифференциацию конечных результатов хозяйственной деятельности (Смурова, 2008: 31–33). Выбор стратегий зависел от ряда факторов, прежде всего от наличия материально-ресурсной базы — размера стартового капитала или уже функционирующего предприятия, а также от широты круга деловых связей и их активности. При отсутствии или дефиците указанных ресурсов успешность деятельности определялись личностными качествами индивида — предпринимательской инициативой и организаторскими способностями (умением найти

незанятые рыночные ниши, установить выгодные контакты, быстро адаптироваться к изменению экономических условий и т.п.). Много значили также специализация работника (сохранение традиционных занятий или переход к новым видам труда), его производственная функция и социальный статус.

Анализ данных, содержащихся в «Справочных книгах», позволяет реконструировать тактические модели предпринимательской деятельности, характерные для отходников. Причем это относится как к формальным, так и к неформальным способам ведения дел. Как правило, выбор оптимального вида занятий осуществлялся эмпирическим путем, посредством апробации различных методов хозяйствования. В процессе исследования были выявлены три взаимосвязанных подхода к организации деятельности: *адаптивный*, *итеративный* и *опытно-экспериментальный*.

Адаптивный подход, подразумевающий быстрое и активное приспособление к меняющимся условиям рынка, наиболее часто применялся в тактиках предпринимательства[9]. Итеративный и опытно-экспериментальный подходы весьма близки адаптивному, они, по сути, являются его вариациями. Итеративный — это метод «проб и ошибок», состоящий из апробации проекта, выявления и анализа несоответствия предпринятых действий задуманному плану, затем постановки и реализации новых задач. В результате происходит постепенная доработка проекта до оптимального. Итеративный подход меньше, чем адаптивный, ориентируется на изменения рынка, а больше на собственные идеи и планы. Опытно-экспериментальный подход — это внедрение новых хозяйственных практик с целью повышения доходности. Однако в нем высок риск: успех предпринятых действий гарантировать невозможно (Дрогобыцкая, 2009; Рудаков, 2023). Этот подход, как никакой другой, требует от индивида творчества, новых идей, энергии, огромной работоспособности и т.п. В течение жизни большинство отходников-предпринимателей прибегали ко всем указанным подходам, ориентируясь на изменения в экономической, политической и социокультурной сферах. Их комплексное применение позволяло начинающим организаторам находить устойчивые модели предпринимательства, несмотря на отсутствие четкого плана и навыков в организации своего дела.

Анализ конкретных кейсов экономической деятельности отходников-крестьян подтверждает концепцию *path dependence* (зависимости от предшествующего развития). История их предпринимательства иллюстрирует, как структурная и институциональная инерция — опора на традицию — ограничивала внедрение радикально новых форм. Вместо этого успешные практики возникали

9. В художественной литературе данная модель предпринимательства нашла ироническое отражение в рассказе А. П. Чехова «История одного торгового предприятия» (Чехов, 1977: 37–40).

преимущественно через рекомбинацию знакомых, традиционных элементов — трудовых навыков, социальных связей и моделей хозяйствования, адаптированных к новым рыночным условиям (ср.: Радаев, 2007). Так, организация промыслового, торгового или какого-либо другого предприятия (напр., по предоставлению услуг) крайне редко проходила вне земляческих связей. Обычно новичок встраивался в существующие социальные сети, получая информационную, финансовую и моральную поддержку. Наблюдение за успешными примерами, следование рекомендациям и копирование показавших свою эффективность тактик помогало в кратчайшие сроки приступить к созданию собственного дела, минуя стадию поиска.

Направление предпринимательской деятельности также традиционно определялось доступными ресурсами региона. В Костромской губернии, где было развито деревообрабатывающее ремесло, преобладали подрядчики строительных работ; владельцы столярных, мебельных, паркетных и пробочных мастерских; содержатели дровяных складов; предприниматели в сфере ритуальных услуг (владельцы похоронных бюро и специализированных «гробовых магазинов»). К строительной отрасли относились также торговые заведения, специализировавшиеся на продаже обоев, стекольных и хозяйственных товаров. Широкое распространение получили и сопутствующие промыслы — малярное дело и печные работы.

Изучение хозяйственной деятельности демонстрирует вариативность способов ее организации. В ряде случаев предприниматели, продолжая традиции места выезда, устойчиво занимались одним делом, при этом специально создавая на родине производственную инфраструктуру, тесным образом связанную с профилем деятельности в отходе. Так, для нужд малярного промысла, в котором использовался клей определенного качества, в Богчинской волости Галичского уезда было создано 6 клееваренных заводов (Смурова, 2026б). Наряду с этим было немало и тех, кто, отказавшись от первоначальной деятельности, расширяли сферу приложения своих сил и становились владельцами, например, «питейных заведений». Встречались и обратные случаи: от торговли переходили к подрядам. Порой промысловые занятия сочетались с трактирным делом[10].

К распространенным видам деятельности относилась также торговля, имевшая определенную специализацию. Например, чухломичи предпочитали торговлю мясом и рыбой, зеленным товаром, овощами, фруктами, винами, галичане — кожевенными изделия-

10. Так, В. Д. Кудрявцев (уроженец д. Капольская (по документу Запольская) Нероновской вол. Солигаличского у.) вначале торговал мясом и зеленью (1869 г.), а затем стал активно расширять сферу деятельности: с 1887 г. — он подрядчик и содержатель трактира, с 1895 г. — подрядчик, содержатель ресторации и кухмистерской (СК 1869: 447; 1884: 324; 1887: 331; 1895: 372).

ми, буевляне — мехом, шапками, фуражками. Такое положение способствовало лучшему пониманию спроса и быстрому реагированию на его изменение, уменьшению затрат на логистику, позволяя направить высвобождаемые средства на расширение производства продукции, а также снижало риск возникновения конфликтов из-за конкуренции.

Торговля продовольственными товарами, являвшаяся традиционным занятием сельского населения, часто становилась отправной точкой для предпринимательской деятельности. Исследование ее организации демонстрирует использование отходниками адаптивных и итеративных стратегий. На начальном этапе они применяли метод зондирования, предлагая ограниченный ассортимент товаров. Впоследствии происходило постепенное его расширение, включая как продовольственные, так и промышленные изделия[11]. В других случаях начинали торговать сразу несколькими группами товаров, а затем сосредотачивались на одной, наиболее прибыльной[12]. Наблюдается также вариативность в выборе форматов торговой деятельности. Часть предпринимателей придерживалась стратегии последовательного увеличения количества магазинов. Другие практиковали одновременное открытие нескольких торговых точек, что свидетельствует о наличии предварительно накопленного капитала. Отдельные случаи демонстрируют комбинирование торговли с ростовщичеством, что позволяло аккумулировать значительные средства.

Процесс накопления капиталов создавал предпосылки для диверсификации предпринимательской деятельности, способствовавшей устойчивости доходов и снижению коммерческих рисков. Причем отходники интуитивно выбирали наименее рискованную и наиболее доступную для них форму диверсификации — конгломеративную, выражавшуюся в одновременном ведении различных, не связанных между собой видов предпринимательской деятельности. Это позволяло им при необходимости перенаправлять прибыль из одной сферы деятельности в другую, которая на данный момент оказывалась более эффективной. Хотя в торговле, скорее, преобладала горизонтальная (родственная) диверсификация — расширение ассортимента товаров и увеличение числа магазинов (Де-

11. А. И. Иванов (1829 г.р., д. Зинакова (по документу Зинькова) Тормановской вол. Солигаличского у.) в 1880 г. вел торг рыбой, фруктами и овощами, а в 1887 г. содержал трактир и торговлю рыбой (СК 1880: 316; 1887: 265). П. М. Екимов (1852 г.р., д. Сондоба Нероновской вол. Солигаличского у.) в 1881 г. имел трактир, а в 1895 г. — чайный и москательно-стекольный магазин (СК 1882: 252; 1895: 721). И. Васильев (1832 г.р., Галичский у.) в 1865 г. содержал трактир, а в 1866 г. к этому виду деятельности прибавилась шорная лавка (СК 1865: 431; 1866: 437).
12. С. А. Андреев (1827 г.р., д. Дьяково Гнездниковской вол. Солигаличского у.) сначала вел торг посудой и мебелью, а затем ограничился торговлей мебелью (СК 1867: 390; 1869: 430; 1871: 489; 1880: 136).

нисова, 2022). Данное различие в стратегиях отражает адаптацию предпринимательских практик к специфике отдельных отраслей хозяйства.

Существование достаточно редких видов предпринимательства, не связанных с традиционными ремесленными занятиями уезда выхода (напр., занятие дезинфекцией и торговля химическими товарами, содержание квартирного бюро и справочной конторы[13]), свидетельствует о применении опытно-экспериментального метода при организации собственного дела.

Экспериментирование с видами хозяйственной деятельности не всегда мотивировалось поиском наиболее прибыльных предпринимательских моделей, в ряде случаев оно определялось стремлением реализовать свои способности и воплотить в жизнь идеи. Наглядным примером этого тезиса служит биография Сергея Александровича Орлова (1867–1919), уроженца д. Сондоба Нероновской вол. Солигаличского у. Начав трудовой путь в Петербурге в качестве ученика маляра, Орлов освоил живописное ремесло и стал заниматься росписями. Но после случайной работы у столичного фотографа традиционная для молодого отходника жизненная траектория круто изменилась. Проучившись несколько лет фотоделу и скопив первоначальный капитал, Орлов в 1903 году проявил предпринимательскую инициативу — открыл у себя на родине в с. Корцово Солигаличского у. фотомастерскую. Его профессиональная деятельность выходила за рамки стандартной павильонной съемки. Он стал сотрудничать с Императорским Археологическим обществом, по заданию которого предпринимал экспедиции в труднодоступные районы Солигаличского и соседних уездов и других губерний, фиксируя элементы традиционного быта, типы местного населения, памятники архитектуры. Результатом этой работы стала уникальная «Коллекция фотографа Орлова» (Тращилова, Данильченко, 2026). Сегодня это собрание фотоматериалов представляет значительную ценность как источник по истории архитектуры Русского Севера и русской этнографии, а также как свидетельство профессиональных стратегий отходников.

Ярким свидетельством применения описанных предпринимательских методов служит жизненный путь Василия Александровича Кокорева (1817–1889). Выходец из купеческой семьи старообрядцев-поморцев, рано лишившийся отца, Кокорев благодаря собственным усилиям стал одним из богатейших людей Российской империи. Оставив солеварение — дело отца и его дядей, которое

13. Е. А. Копаныгин (1837 г.р., мещанин, г. Галич), выбиравший свидетельство купца 2-й гильдии с 1878 г., занимался дезинфекцией, торговал химическими товарами, содержал квартирное бюро и справочную контору (СК 1887: 315). М. А. Александров (1858 г.р., уроженец Богчинской вол. Галичского у.), выбиравший с 1900 г. промысловое свидетельство 4-го разряда, содержал в доме жительства типографию (СК 1906: 11).

перестало приносить доход, он начал искать новые способы обеспечить свое существование. За короткое время Кокорев совершил путь от управляющего винокуренного завода, приказчика казанского винного откупщика до создателя системы откупов в России. Его предпринимательский список включал множество инновационных проектов в различных отраслях, успешно реализованных благодаря эффективной комбинации опыта, знаний, доступных ресурсов и риска. Экономическое поведение Кокорева характеризовалось комплексной (как пассивной, так и активной) адаптивностью, проявлявшейся не только в способности применяться к рыночным условиям, но и в преобразовании экономической среды в соответствии с собственными интересами через создание новых предприятий и освоение перспективных отраслей (Гавлин, 1999; Химич, 2008; Смирнова, 2021: 123–134). Специфической чертой его предпринимательской деятельности было использование адаптивных методов, имеющих девиантный характер, таких как обман, взятки и подкупы чиновников. О провоцировании его на совершение нарушающих закон действий дипломатично написал в своих мемуарах тайный советник Н. А. Качалов (Качалов, 2012: 604–605, 632–633). Значительно резче отзывался о Кокореве хорошо знавший его московский промышленник Ф. В. Чижов, также выходец из Костромской губ. Сравнивая его с Н. И. Путиловым, он отмечал: «У обоих для достижения цели все средства позволительны: подкуп — их главнейший источник, потом ложь...» Он характеризует их как «аферистов-предпринимателей» (Лаверычев, 1974: 74), определение, в котором содержится указание на особый тип экономического поведения, предполагающего риск и отсутствие нравственных рамок (Лаверычев, 1997: 170–171). Заметим, что в применении разных девиантных форм, в первую очередь уклонения от налогов, он был не одинок. Подобные способы представляли собой довольно распространенную практику, позволявшую сохранить свое дело в условиях высоких фискальных нагрузок. Также обычной стратегией являлся отказ от оформления официальных документов. Вместо уплаты пошлин, связанных с их получением, отходники зачастую выбирали систематическую выплату штрафов, которая в итоге оказывалась для них выгоднее.

Заключение

Подводя итог, выделим основные положения нашего исследования:

1. Исследование предпринимательской деятельности отходников показывает эвристическую ценность концепций «неформальной экономики», «эксполярной экономики» Т. Шанина и институционального подхода Д. Норта. Данные теоретические рамки позволяют рассматривать хозяйственные практики отходников как социально укорененную систему, где ключевую роль играли не столько

формальные юридические установления, сколько неформальные институты: земляческие и родственные связи, репутация, устные договоренности и взаимное доверие. Эти механизмы, имеющие не-урбанистическое (*экс-полисное*) происхождение, не исчезали в городской среде, а трансформировались, становясь эффективным инструментом адаптации к формализованной столичной экономике.

2. Формирование социального этоса отходников происходило в рамках сельского сообщества. Здесь индивид приобретал устойчивый габитус, определявший систему ценностей, трудовую этику и поведенческие стереотипы. Этот первичный габитус проявлялся в артельной организации труда, патернализме (найме односельчан), практиках взаимопомощи и устойчивой традиции возвращения на родину после завершения трудовой деятельности. Однако переезд в большой город неизбежно трансформировал социальный этос: традиционные установки вступали в противоречие с нормами капиталистического общества, и стремление к личной выгоде постепенно вытесняло обычаи, освященные религией и культурой.

3. Организация сообществ отходников базировалась на принципе «избирательного сродства», реализуемом через земляческие, семейно-родственные и конфессиональные связи. Анализ этих сетей через концепцию «силы связей» М. Грановеттера показывает их функциональную дифференциацию: «сильные связи» (семейно-родственные и дружеские) обеспечивали устойчивую социальную поддержку и сплоченность, тогда как «слабые связи» (деловые контакты, взаимодействие с представителями разных групп) создавали необходимые экономические возможности. В условиях отхода происходило усиление земляческих контактов, их переход из «слабых» в «сильные», что сплачивало территориальные сообщества и позволяло эффективно действовать в инокультурной среде.

4. В организации предпринимательской деятельности отходники применяли три взаимосвязанных подхода: адаптивный (быстрое приспособление к рынку), итеративный (метод «проб и ошибок») и опытно-экспериментальный (внедрение инноваций с высокой степенью риска). Выбор стратегий зависел от стартового капитала, деловых связей и личностных качеств. При этом наблюдалась ярко выраженная зависимость от предшествующего развития (*path dependence*): успешные практики возникали преимущественно через рекомбинацию традиционных элементов — трудовых навыков, социальных связей и моделей хозяйствования, адаптированных к новым условиям. Наряду с легальными формами значительное распространение получили девиантные практики, прежде всего уклонение от оформления официальных документов и систематическая выплата штрафов, оказывавшаяся экономически выгоднее уплаты пошлин.

Таким образом, «Справочные книги о лицах С.-Петербургского купечества...» представляют собой ценный источник, позволяющий реконструировать траектории социального восхождения от-

ходников, выявлять тактики предпринимательской деятельности и прослеживать их динамику на протяжении длительного периода. Однако информация источника не является полной, поскольку некоторая часть отходников функционировала в сфере неформальной экономики, уклоняясь от официальной регистрации. Выявление этой «теневой» составляющей возможно через привлечение фискальных документов (Журналов генеральной поверки) и судебных документов, отражавших правонарушения в экономической сфере, что открывает перспективы для дальнейшего изучения соотношения формальных и неформальных практик в предпринимательской деятельности крестьян-отходников.

Библиография

Аверкиева К. В., Антонов Е. В., Кириллов П. Л., Махрова А. Г., Медведев А. А., Неретин А. С., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2016). Между домом и… домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф.

Александров Н. М. (2023). Крестьянская молодежь и отхожие промыслы в столицу в конце XIX — начале XX века (по материалам Костромской и Ярославской губерний) // Северо-Запад в аграрной истории России. № 29. С. 74–84.

Барсукова С. Ю. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. № 2 (334). С. 31–39.

Барышников М. Н. (2005). Костромское землячество в деловой жизни Петербурга в начале XX в. // Клио. № 2. С. 177–184.

Барышников М. Н. (2006). Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб.: Книжный дом.

Барышников М. Н. (2007). Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 4. С. 51–58.

Белова О. В. (2008). Свой/чужой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 4. С. 581–582.

Бурдьё П. (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.

В. В. [Воронцов В. П.] (1895). Артель в кустарном промысле. СПб.: тип. В. Киршбаума.

Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.

Владимирский Н. Н. (1927). Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.

Гавлин М. Л. (1999). Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. М.: ИНИОН АН СССР.

Гавлин М. Л. (2002). История династий российских предпринимателей до 1917 г. В информационных изданиях ИНИОН РАН // Теория и практика общественно-научной информации. № 17. С. 149–156.

Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.

Данильченко И. В., Тращилова А. В. (2026). Фотограф Сергей Александрович Орлов и его коллекция. М.: Кучково поле.

Денисова И. В. (2022). Уточнение понятия «диверсификация» // Вестник евразийской науки. Т. 14. № 6.

Дрогобыцкая К. С. (2009). Современное состояние методологии системных исследований социокультурных образований // Проблемы современной экономики. № 2 (30). С. 219–223.

Жбанков Д. Н. (1891). Бабья сторона: Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губернская типография.

Качалов Н. А. (2012). Записки тайного советника: Малоизвестный источник по истории таможенного управления 1870–1880-х годов. М.: Новый хронограф,

Коваль Т. Б. (1994). «Тяжкое благо». Христианская этика труда. М.: ИЭА,

Красько А. В. (2010). Петербургское купечество: страницы семейных историй. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта.

Кузнецов С. В. (2008). Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX — начало XXI в. М.: ИЭА РАН.

Лаверычев В. Я. (1974). Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. М.: Мысль.

Лаверычев В. Я. (1997). «Русский самородок». Предпринимательство и общественно-политическая деятельность В. А. Кокорева // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / Ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН. С. 166–177.

Лурье Л. Я. (2011). Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб.: БХВ-Петербург.

Лурье Л. Я. (2020). Соседский капитализм: крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века. СПб.: ЕУСПб.

Милов Л. В. (1998). Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.

Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.

Османов А. И. (2010). Купцы Петербурга. СПб.: РГПУ.

Плюснин Ю. М. (2019). Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. № 11 (545). С. 94–115.

Плюснин Ю. М. (2024). Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения / Науч. ред. С. Г. Кордонский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Радаев В. В. (1999). Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос. С. 35–60.

Радаев В. В. (2007). Как возникает зависимость от предшествующего развития // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук. С. 31–42.

Расков Д. Е. (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Рудаков А. А. (2023). Гибкие методы управления проектами: виды, анализ и сравнение // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Т. 22. № 3. С. 11–20.

Слепцова (Кызласова) И. С., Смурова О. В. (2022). Информативный потенциал «Справочных книг о лицах С.-Петербургского [Петроградского] купечества… [1865–1916 гг.]» для изучения отходников-предпринимателей // Genesis: исторические исследования. № 10. С. 108–122.

Смирнова О. А. (2021). В. А. Кокорев — предприниматель-самородок и идеолог национальной экономической науки — «учения о русской избе» // Северо-Запад в аграрной истории России. № 27. С. 123–134.

Смурова О. В. (2008). Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX — начале XX в.). Кострома: КГТУ.

Смурова О. В. (2026). Традиция неземледельческого отхода крестьян Костромской губернии на заработки в столицы // *Данильченко И. В., Тращилова А. В.* Фотограф Сергей Александрович Орлов и его коллекция. М.: Кучково поле. С. 202–224.

Степанов Ю. С. (1997). Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры».

Федоров В. А. (2009). Отходничество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Т. 2 / Редкол.: А. И. Аксенов [и др.]. М.: РОССПЭН. С. 210–211.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.). (2002). Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Москва.

Химич Т. М. (2008). Ученые и предприниматели 1850-х — первой половины 1880-х гг. о приоритетах социально-экономического развития России: опыт взаимодействия и сотрудничества (на примере И. К. Бабста и В. А. Кокорева). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Моск. пед. гос. ун-т. Москва.

Чехов А. П. (1977). Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. М.: Наука. С. 37–40.

Шанин Т. (1990). Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. № 8. С. 109–115.

Шанин Т. (1999а). Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // *Шанин Т.* (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 11–32.

Шанин Т. (ред.). (1999б). Неформальная экономика: Россия и мир / Пер. и ред. И. Давыдовой и др. М.: Логос.

Entrepreneurial activities of seasonal migrant workers from Kostroma in Saint Petersburg (1860s–1914): Informal practices within the formal economy

Irina S. Sleptsova (Kyzlasova), Senior Researcher, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Leninsky Prosp., 32a, Moscow, 119334, Russia. E-mail: i_kyzlasova@mail.ru

Olga V. Smurova, DSc (History), Independent Researcher. Stopani St., 48, Kostroma, 156022, Russia. E-mail: Olga-smurova@mail.ru

Abstract. The article considers the entrepreneurship of seasonal peasant workers from the Kostroma Province in Saint Petersburg in the second half of the 19th — early 20th centuries, emphasizing the need for an interdisciplinary approach as such peasant activities combined norms of different social orders and cannot be explained by the classical economic theory. The suggested theoretical framework combines ideas of informal economy (T. Shanin), institutional approach (D. North), theory of habitus (P. Bourdieu), and concept of the "strength of weak ties" (M. Granovetter), which allows to consider the seasonal peasant workers' practices as a socially embedded system in which informal institutions — regional and kin connections, reputation and mutual trust — played a key role. The study is based on the 50-volume "Reference Books on Members of the Saint Petersburg Merchant Class…" (1865–1916), which registered peasants engaged in entrepreneurship, and on "General Audit Journals", which revealed their practices of avoiding official registration. The article describes the stages in life trajectories of seasonal migrant workers, mechanisms of community formation based on "elective affinity", and transformation of social ethos in the urban environment. The authors identify three entrepreneurial strategies: adaptive, iterative (trial-and-error method), and experimental, based on the recombination of traditional elements in the new market conditions (path dependence), including diversification of activities and deviant practices (tax evasion, payment of fines). Thus, the "Reference Books" allow to reconstruct the integration of seasonal migrant workers into urban social groups; however, the data is incomplete due to the existence of an informal sector, which is why future research should draw upon fiscal and judicial documents to examine the relationship between formal and informal practices.

Key words: economic anthropology, informal economy, expolar economy, peasant mentality, network organization, imperial period

References

Aleksandrov N. M. (2023) Krestyanskaya molodezh i otkhozhie promysly v stolitsu v kontse XIX — nachale XX veka (po materialam Kostromskoi i Yaroslavskoi gubernii) [Peasant youth and seasonal migrant work in the capital in the late 19th — early 20th centuries (based on the data from the Kostroma and Yaroslavl Provinces)]. *Severo-Zapad v Agrarnoi Istorii Rossii,* no 29, pp. 74–84.

Averkieva K. V., Antonov E. V., Kirillov P. L. et al (2016) *Mezhdu domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility in Russia], Moscow: Novy khronograf.

Barsukova S.Yu. (2012) Neformalnaya ekonomika: ponyatie, istoriya izucheniya, issledovatelskie podkhody [Informal economy: Concept, history of study, research approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 2, pp. 31–39.

Baryshnikov M. N. (2005) Kostromskoe zemlyachestvo v delovoi zhizni Peterburga v nachale XX v. [Kostroma community in the business life of Saint Petersburg in the early 20th century]. *Klio,* no 2, pp. 177–184.

Baryshnikov M. N. (2006) *Delovoi mir dorevoliutsionnoi Rossii: individy, organizatsii, instituty* [Business World of Pre-Revolutionary Russia: Personalities, Organizations, Institutions], Saint Petersburg: Knizhny dom.

Baryshnikov M. N. (2007) Semeinaya firma v dorevoliutsionnoi Rossii [The family firm in prerevolutionary Russia]. *Ekonomichesky Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta,* vol. 5, no 4, pp. 51–58.

Belik A. A. (2014) *Chelovek v ekonomicheskoi antropologii* [Man in Economic Anthropology], Moscow: Izd-vo Ippolitova.

Belova O. V. (2008) Svoi/chuzhoi [One of us or an outsider]. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar: v 5-ti t.* Ed. by N. I. Tolstoy), Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 4, pp. 581–582.

Bourdieu P. (1998) Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 1, no 2, pp. 44–59.

Chekhov A. P. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], Moscow: Nauka, vol. 8, pp. 37–40.

Danilchenko I. V., Trashchilova A. V. (2026) *Fotograf Sergey Aleksandrovich Orlov i ego kollektsiya* [Photographer Sergey Aleksandrovich Orlov and His Collection], Moscow: Kuchkovo pole.

Denisova I. V. (2022) Utochnenie ponyatiya “diversifikatsiya” [Clarification of the term “diversification”]. *Eurasian Scientific Journal*, vol. 14, no 6.

Drogobytskaya K. S. (2009) Sovremennoe sostoyanie metodologii sistemnyh issledovanij sotsiokulturnyh obrazovanij [Today’s state of methodology of the system research of social-cultural units]. *Problemy Sovremennoi Ekonomiki,* no 2, pp. 219–223.

Fedorov V. A. (2009) Otkhodnichestvo [Seasonal migrant work]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneishih vremen do 1917 g. V 2-h t.* Vol. 2. Ed. by A. I. Aksenov et al., Moscow: ROSSPEN, pp. 210–211.

Gavlin M. L. (1999) *Iz istorii rossiiskogo predprinimatelstva: dinastiya Kokorevyh* [From the History of Russian Entrepreneurship: The Kokorev Dynasty], Moscow: INION AN SSSR.

Gavlin M. L. (2002) Istoriya dinastii rossiiskih predprinimatelei do 1917 g. v informatsionnyh izdaniiah INION RAN [History of Russian entrepreneurial dynasties before 1917 in information publications of the INION RAS]. *Teoriya i Praktika Obshchestvenno-Nauchnoi Informatsii*, no 17, pp. 149–156.

Granovetter M. (2009) Sila slabyh svyazej [The strength of weak ties]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiia,* vol. 10, no 4, pp. 31–50.

Harrison L., Huntington S. (Eds.) (2002) *Kultura imeet znachenie: Kakim obrazom tsennosti sposobstvyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moscow.

Kachalov N. A. (2012) *Zapiski taynogo sovetnika: Maloizvestny istochnik po istorii tamozhennogo upravleniya 1870-h — 1880-h godov* [Notes of a Privy Councillor: A Little-Known Source on the History of Customs Administration in the 1870s–1880s], Moscow: Novy khronograf.

Khimich T. M. (2008) *Uchenye i predprinimateli 1850-h — pervoi poloviny 1880-h gg. o prioritetah sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossii: opyt vzaimodeistviya i sotrudnichestva (na primere I. K. Babsta i V. A. Kokoreva)* [Scientists and Entrepreneurs in the 1850s — First Half of the 1880s on the Priorities of Russia's Social-Economic Development: Interaction and Cooperation (on the Example of I. K. Babst and V. A. Kokorev)], Moscow.

Koval T. B. (1994) *"Tyazhkoe blago". Khristianskaya etika truda* ["The Hard Good". Christian Work Ethic], Moscow: IEA.

Krasko A. V. (2010) *Peterburgskoe kupechestvo: stranitsy semeinyh istorij* [Saint Petersburg Merchants: Pages of Family Stories], Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: MiM-Delta.

Kuznetsov S. V. (2008) *Khozyaistvennye, religioznye i pravovye traditsii russkih XIX — nachala XXI v.* [Economic, Religious and Legal Traditions of Russians in the 19th — Early 21st Centuries], Moscow: IEA RAN.

Laverychev V.Ya. (1974) *Krupnaya burzhuaziya v poreformennoi Rossii 1861–1900* [Big Bourgeoisie in Post-Reform Russia: 1861–1900], Moscow: Mysl.

Laverychev V.Ya. (1997) "Russky samorodok". Predprinimatelstvo i obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost V. A. Kokoreva ["Russian natural talent". Entrepreneur and social-political activities of V. A. Kokorev]. *Predprinimatelstvo i predprinimateli Rossii. Ot istokov do nachala XX veka.* Ed. by A. K. Sorokin, Moscow: ROSSPEN, pp. 166–177.

Lurie L.Ya. (2011) *Pitershchiki. Russky kapitalizm. Pervaya popytka* [Peterburgers. Russian Capitalism. First Attempt], Saint Petersburg: BKhV-Peterburg.

Lurie L.Ya. (2020) *Sosedsky kapitalizm: krestyanskie zemlyachestva Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka* [Neighbor Capitalism: Peasant Communities of Saint Petersburg in the Late 19th — Early 20th Centuries], Saint Petersburg: EUSP.

Milov L. V. (1998) *Velikorussky pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Features of the Russian Historical Process], Moscow: ROSSPEN.

North D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskih izmeneniy* [Understanding the Process of Economic Change], Moscow: Izd. dom VShE.

Osmanov A. I. (2010) *Kuptsy Peterburga* [Merchants of Saint Petersburg], Saint Petersburg: RGPU.

Plyusnin Yu.M. (2019) Rossiiskoe otkhodnichestvo: vekhi mnogovekovoi istorii [Russian seasonal migrant workers: Milestones of the centuries-old history]. *ECO,* no 11, pp. 94–115.

Plyusnin Yu.M. (2024) *Promysly rossiyskoy provintsii: neformalnye ekonomicheskie praktiki naseleniya* [Trades of the Russian Province: Informal Economic Practices]. Ed. by S. G. Kordonsky, Moscow: Izd. dom VShE.

Radaev V. V. (1999) Neformalnaya ekonomika i vnekontraktnye otnosheniya v rossiyskom biznese [Informal economy and non-contractual relations in Russian business]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir.* Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 24–60.

Radaev V. V. (2007) Kak voznikaet zavisimost ot predshestvuyushchego razvitiya [How path dependence develops]. *Puti Rossii: preemstvennost i preryvistost obshchestvennogo razvitiya.* Ed. by A. M. Nikulin, Moscow: MVShSEN.

Raskov D. E. (2012) *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva* [Economic Institutions of the Old Believers], Saint Petersburg: SPbGU.

Rudakov A. A. (2023) Gibkie metody upravleniya proektami: vidy, analiz i sravnenie [Flexible methods of project management: Types, analysis and comparison]. *Uchenye Zapiski Rossijskoj Akademii Predprinimatelstva,* vol. 22, no 3, pp. 11–20.

Shanin T. (1990) Formy khozyajstva vne system [Types of economies beyond systems]. *Voprosy Filosophii*, no 8, pp. 109–115.

Shanin T. (1999a) Ekspolyarnye struktury i neformalnaya ekonomika sovremennoj Rossii [Expolar structures and informal economy in contemporary Russia]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir.* Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 11–32.

Shanin T. (Ed.) (1999b) *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World], Moscow: Logos.

Sleptsova (Kyzlasova) I. S., Smurova O. V. (2022) Informativny potentsial "Spravochnyh knig o litsah S.-Peterburgskogo [Petrogradskogo] kupechestva… [1865–1916 gg.]" dlya izucheniya otkhodnikov-predprinimatelej [The informative potential of "Reference Books on Members of the Saint Petersburg [Petrograd] Merchant Class… [1865–1916]" for the study of seasonal migrant entrepreneurs]. *Genesis: Istoricheskie Issledovaniia,* no 10, pp. 108–122.

Smirnova O. A. (2021) V. A. Kokorev — predprinimatel-samorodok i ideolog natsionalnoi ekonomicheskoi nauki — "ucheniya o russkoi izbe" [Kokorev as a natural-born entrepreneur and ideologist of the national economic science — "doctrine of the Russian hut"]. *Severo-Zapad v Agrarnoi Istorii Rossii,* no 27, pp. 123–134.

Smurova O. V. (2008) *Mezhdu gorodom i derevnei (obraz zhizni krestyanina-otkhodnika vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.)* [Between the City and the Village (Lifestyle of the Seasonal Migrant Peasant in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)], Kostroma: KGTU.

Smurova O. V. (2026) *Traditsiya nezemledelcheskogo otkhoda krestyan Kostromskoi gubernii na zarabotki v stolitsy* [Tradition of Non-Agricultural Seasonal Migrant Activities of Peasants from the Kostroma Region for Making Money in the Capital], Moscow: Kuchkovo pole, pp. 202–224.

Stepanov Yu.S. (1997) *Konstanty: slovar russkoi kultury: opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: A Study], Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kultury".

V. V. [Vorontsov V. P.] (1895) *Artel v kustarnom promysle* [Artel in the Handicraft Industry], Saint Petersburg: tipografiya V. Kirshbauma.

Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress.

Vladimirsky N. N. (1927) *Otkhod krestyanstva Kostromskoy gubernii na zarabotki* [Seasonal Labor Migration of the Peasantry in the Kostroma Region], Kostroma: Izdanie Kostromskogo gubstatotdela.

Zhbankov D. N. (1891) *Babya storona: Statistiko-etnograficheskiy ocherk* [Women's Part: A Statistical-Ethnographic Essay], Kostroma: Gubernskaya tipografiya.

Крестьянские волнения на Волге летом 1892 года

А. К. Егоров

Александр Константинович Егоров, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. E-mail: akegorov@yandex.ru

EDN: OIHHWN

Аннотация. Статья посвящена изучению крестьянских волнений на Волге во время холерной эпидемии летом 1892 года. Вскоре после завершения холерных беспорядков в Астрахани 22 июня 1892 года и исхода из города пришлого рабочего населения начались крестьянские волнения в местностях, расположенных выше по течению Волги, а именно в Астраханской, Саратовской и Самарской губерниях. Крестьяне там отказывались принимать противохолерные меры, пускать в свои селения чиновников и медицинский персонал, а также нападали на людей, подозреваемых в злом умысле против народа. Волнения были вызваны слухами о злоупотреблениях представителей власти и врачей, которые, будучи подкупленными, якобы убивали людей в больницах или отравляли воду и продовольствие. Распространение слухов облегчалось интенсивным судоходством на Волге, которое обеспечивало быстрое продвижение потенциальных подстрекателей вверх по реке. Волнения 1892 года протекали в двух основных очагах, беспорядки в которых, по причине высокой скорости коммуникаций на реке, начались практически одновременно. Первый очаг находился в Нижнем Поволжье, второй — в Среднем Поволжье. Крестьянские волнения 1892 года по составу участников можно разделить на две группы. В первую группу входили волнения, которые фактически были продолжением беспорядков в расположенных рядом городах: Саратове и Хвалынске. Волнения этой группы были смешанными по составу, включая в себя как местное, так и пришлое население. Они отличались жестокостью и человеческими жертвами. Вторую группу составляли крестьянские волнения, которые были вызваны самостоятельными действиями местного населения, без участия постороннего элемента. Они отличались меньшей степенью агрессии и не сопровождались убийствами. Традиционное крестьянство Поволжья, в отличие от сезонных рабочих и маргиналов в городах, проявило относительную устойчивость к воздействию агрессивных слухов.

Ключевые слова: эпидемия, холера, слухи, отравление, паника, насилие, коммуникация, пути сообщения, Поволжье

Эпидемия холеры 1892 года и народные волнения

Эпидемия холеры 1892 года вызвала серию массовых беспорядков в России, значительная часть из которых произошла в Нижнем и Среднем Поволжье (Колпенский, 1922: 104–113; Cohn, 2018: 191–

198; Frieden, 1981: 135–153). Широкую общественную известность получили холерные бунты в Астрахани, Саратове и Хвалынске, во время которых толпой были убиты люди. Данные события нельзя назвать хорошо изученными в научном смысле этого слова, тем не менее в историографии этим волнениям, а также стоящим особняком холерным бунтам в Ташкенте и Юзовке, было уделено некоторое внимание (Вереин, 1952: 344–354; Визе, 2011: 300–320; Henze, 2011: 87–89; Sahadeo, 2005: 117–139; Friedgut, 1987: 245–265). Также историки изучали холерные крестьянские волнения в Центральном Черноземье (Канищев, 2009: 278–311; Фурсов, 1991: 164–166). При этом крестьянские волнения лета 1892 года в Поволжье, связанные с холерой, остались практически не изученными в историографии, находясь в тени городских холерных беспорядков.

Целью статьи является рассмотрение основных эпизодов крестьянских холерных волнений на Волге летом 1892 года на предмет выяснения их главных факторов, основных очагов беспорядков и состава их участников. При этом данные крестьянские волнения будут соотнесены как с холерными волнениями 1831 года, так и с городскими холерными беспорядками 1892 года. В качестве источников использованы документы фондов министерства внутренних дел и министерства юстиции, содержащие большой объем информации об изучаемых событиях.

Эпидемия холеры пришла на Волгу в июне 1892 года. Первый случай холеры в Астраханской губернии был зарегистрирован 13 июня, в Саратовской — 14 июня, в Самарской — 23 июня (Clemow, 1893: 41). Начавшаяся эпидемия наложилась на тяжелые последствия неурожая и голода 1891–1892 годов, которые ударили по Поволжью сильнее, чем по другим регионам страны. Особенно пострадало от бедствия Среднее Поволжье: в Саратовской и Самарской губерниях показатели неурожая и смертности населения были самыми высокими в России (Robbins, 1975: 185–189). Уровень заболеваемости и смертности от холеры 1892 года в этих губерниях, а также в менее пострадавшей от неурожая Астраханской губернии, тоже был самым высоким в империи (Clemow, 1893: 119).

Власти пытались остановить распространение болезни, вернувшись к ограничительным мерам, применявшимся во время первой эпидемии 1830–1831 годов: повсеместному строительству «холерных бараков» с принудительным помещением туда больных, ограничению свободы передвижения путем частичного возвращения к практике учреждения «карантинов» и ограничению торговли через недопущение на базары торговцев без медицинских свидетельств (Канищев, 2009: 282–283; Визе, 2011: 304). Как и в 1830–1831 годах, эти ограничительные мероприятия, вместе с непониманием населением медицинских практик борьбы с холерой, вызвали народное недовольство, распространение агрессивных слухов и массовые беспорядки (Колпенский, 1922: 105; Визе, 2011: 304–305).

В слухах лета 1892 года утверждалось, что представители гражданской и медицинской администрации, из своих корыстных побуждений и под предлогом борьбы с холерой, убивают простой народ. Среди причин таких «злодеяний» называлось, в частности, желание местных властей скрыть хищения продовольственной помощи населению или происки «англичанки» (королевы Виктории. — *А. Е.*), подкупившей врачей, чтобы погубить русский народ (Визе, 2011: 305, 309–310; Богданов, 2005: 393).

Первым звеном в цепи холерных волнений на Волге летом 1892 года стал холерный бунт в Астрахани 21–22 июня 1892 года. Во время беспорядков в городе толпа, недовольная санитарными мероприятиями местных властей и возбужденная слухами об отравлениях и захоронении живых людей, напала на медицинских работников, разгромила и сожгла холерную больницу, вытащив из нее пациентов, а также забросала камнями дом губернатора (Вереин, 1952: 351–352; Колпенский, 1922: 106–107). Толпа была рассеяна войсками с помощью огнестрельного оружия, однако в условиях продолжающегося интенсивного пароходного сообщения на Волге участники и очевидцы событий в Астрахани, главным образом из числа сезонных рабочих и маргиналов, стали двигаться вверх по реке, распространяя слухи и провоцируя новые беспорядки.

Ситуация с исходом населения из Астрахани после бунта в городе аналогична ситуации, которая произошла ровно за 61 год до этих событий, в двадцатых числах июня 1831 года, когда власти после знаменитого холерного бунта в Петербурге выслали из столицы тысячи сезонных рабочих, которые, также двигаясь по водным путям коммуникаций, стали источником холерных волнений в столичной и соседних губерниях (Егоров, 2024: 39–53).

Однако, в отличие от событий 1831 года, следующие по времени холерные волнения начались не последовательно, по мере удаления от начального пункта беспорядков, а практически одновременно в двух крупных очагах: в Астраханской губернии, достаточно близко к месту астраханских беспорядков, и в прилегающих друг к другу местностях Саратовской и Самарской губерний, расположенных от Астрахани на сотни километров выше по течению. Одновременное с Астраханской губернией начало беспорядков на Средней Волге объясняется тем обстоятельством, что пароходы с потенциально опасными пассажирами из Астрахани как бы «проскакивали», не останавливаясь, довольно безлюдные местности Нижней Волги, держа путь на вышележащие пристани Саратовской и Самарской губерний.

Крестьянские волнения в Нижнем Поволжье

Беспорядки в Астраханской губернии начались в конце июня 1892 года, составив первый крупный очаг крестьянских волнений

на Волге. Согласно официальным сообщениям, 29 июня 1892 года крестьяне села Соленое-Займище Черноярского уезда на сельском сходе постановили не пускать в село докторов и не принимать предохранительных «противопоносных» средств, присланных властями. Когда, узнав об этом, 30 июня в село на пароходе «Стрежень» прибыли исправник и судебный следователь и в волостном правлении стали разъяснять крестьянам необходимость санитарных мер, в здание правления ворвалась толпа женщин с криком: «Не хотим докторов, не хотим никаких лекарств, доктора морят людей, избить волостного старшину и писаря за то, что они слушают панов, а не наших мужиков». Находившихся в правлении крестьян, пытавшихся остановить женщин, последние стали бить палками по голове. Вскоре несколько женщин из толпы уговорили остальных позволить исправнику и следователю выйти из здания правления. В это же время другая толпа, состоявшая из мужчин и женщин, напала на «Стрежень», избила посланного на него полицейского, и была остановлена только струей воды из пожарного аппарата судна. Возвращаясь назад от парохода, толпа «остервенившихся» женщин по неизвестной причине избила одного крестьянина, некоего Степана Плужникова, и затем постепенно разошлась по домам[1].

Примерно в это же время, согласно официальным сообщениям, жители села Марфино Красноярского уезда на сельском сходе также решили не выполнять распоряжение властей о принятии противохолерных мер и «высказали решительное намерение» не допускать в село представителей власти, «хотя бы пришлось прибегнуть им к оружию». Когда 1 июля в село на баркасе прибыли уездный врач, пристав и группа казаков, то их встретила толпа народа, состоявшая из «стариков, женщин, мужчин и детей». Народ потребовал от приехавших удалиться из селения; некто Фрол Сергеев заявил приставу: «Твой баркас уже надоел нам, пошел вон, и чтобы лучше от греха он больше не ездил к нам». Толпа, вооруженная камнями и палками, не допустила врача к больной, обзывая пристава, врача и казаков «разбойниками» и «ржавой рожей». Приехавшие были вынуждены отступить и удалиться. Когда баркас отходил от берега, толпа со смехом стала прощаться, требуя к ним больше не приезжать, свистела и кричала. Женщины с насмешкой махали отъезжающим платками[2].

Однако самые жестокие беспорядки произошли несколько позднее, 5 июля 1892 года, в селе Средне-Ахтубинское Царевского уезда. Вот что писал астраханский губернатор Тевяшов министру внутренних дел 28 июля 1892 года об этом событии: «Со времени принятия противохолерных мер, в среде крестьян снова стало замечаться неудовольствие против чинов полиции и медицинского

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 144–145.
2. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 145–146 об.

персонала; неудовольствие это возросло с наплывом иногородних крестьян, приходящих в село для найма на полевые работы. С появлением в селе 1-го июля больных холерою иногородние рабочие распространили слух, что народ мрет не от холеры, а от бросаемого в колодцы яда. Из числа подстрекателей запасной рядовой, из крестьян Пензенской губернии, Иван Полинцев 4-го июля, вечером, открыто возбуждал население против властей; за что полицейский урядник Белитченко арестовал его, предполагая на следующий день отправить к становому приставу в с[лободу] Рахинку. 5 июля утром, к волостному правлению сошлись иногородние крестьяне и требовали освобождения Полинцева из-под ареста. К ним присоединилась толпа из местных крестьян, из числа которых: Коронов, Мясников и Фетисов, состоящие под судом за кражи, приняли деятельное участие в подстрекательстве к бунту. Тогда толпа с криком ворвалась во двор арестантского помещения и освободила арестованного Полинцева. После этого толпа направилась в волостное правление, где находились полицейский урядник и фельдшер. Изломав часть забора и выбив стекла в окнах, толпа ворвалась в управление, где избила почти до полусмерти урядника и фельдшера. Предположив, что они убиты, толпа бросилась на аптеку. Так как окна и двери были закрыты с улицы железными ставнями, то из толпы кто-то перелез чрез ворота и отворил их. Толпа нахлынула на двор, разбила окна и двери аптеки со двора и напала на аптекаря Янсена, избила его, и он тут же умер. Покончив с аптекарем, толпа ворвалась в аптеку, уничтожила медикаменты и разграбила имущество убитого Янсена»[3].

Крестьянские волнения в Среднем Поволжье

Беспорядки в Среднем Поволжье начались практически одновременно с крестьянскими волнениями на Нижней Волге, составив второй крупный очаг беспорядков. Уже 26 июня 1892 года саратовский губернатор Мещерский отправил министру внутренних дел Дурново тревожную телеграмму: «Астраханский губернатор выслал на пароходе Ниагара триста взбунтовавшихся. Пароход прибыл [в] Царицын, на берег не допущен, снято шесть трупов, есть больные. Директор (департамента водяных и шоссейных сообщений. — *А. Е.*) Фадеев приказал никого не высаживать, ехать прямо [в] Саратов. Царицынский полицмейстер телеграфирует: положение города тревожное, следует немедленно выслать батальон, беспорядки неизбежны. Прошу полномочий. Здесь спокойно, на берег не пущу, если не получу приказания. Сейчас уведомлен, что рота отправлена [в] Царицын, куда прибудут, сегодня, еще два паро-

3. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 101–103.

хода из Астрахани с беспокойным элементом»[4]. Согласно другим официальным сообщениям этого времени, угроза массовых беспорядков возникла и в других местах южной части Саратовской губернии: Камышине и Дубовке[5].

Однако действительные беспорядки начались еще выше по течению Волги. Через два дня после телеграммы Мещерского, 28 июня, вспыхнул холерный бунт в самом Саратове, который по масштабам, возможно, даже превосходил масштаб астраханских беспорядков. Толпа, возбужденная слухами о том, что народ отравляют и хоронят заживо, начала преследование врачей и полицейских, убила случайных прохожих, избила несколько полицейских служителей, разгромила квартиры нескольких врачей, аптеку и полицейский участок, довершив свой погром разгромом и сожжением холерной больницы, которое сопровождалось, как и в Астрахани, выносом больных из здания больницы. Одновременно с этим погромщики в больнице вскрывали гробы в поисках живых людей. Собравшаяся толпа была рассеяна войсками с применением огнестрельного оружия (Henze, 2011: 87–89; Визе, 2011: 306–308).

В это же время, в конце июня, по прилегающим к Волге уездам Саратовской и Самарской губерний стали распространяться слухи о том, что врачи отравляют народ и хоронят его заживо, рассказы об уже случившихся беспорядках в Астрахани и Саратове, а также молва о якобы предстоящих беспорядках, во время которых будут сжигать больницы[6].

В течение нескольких дней после саратовского бунта по Саратовской и Самарской губерниям прокатилась целая череда холерных беспорядков в городах и сельской местности. Они были локализованы рядом с самим Саратовом, а также в Саратовском и Хвалынском уездах Саратовской губернии и смежном с ними Новоузенском уезде Самарской губернии на противоположном берегу Волги. Указанные местности находились рядом с Вольском, Балаково и Хвалынском, пристани которых были специально определены властями как места высадки больных с пароходов и барж[7]. Учитывая, что пароходы шли из пораженной слухами и беспорядками Астрахани, последствия были предсказуемыми: приставшие к берегу пассажиры быстро возбуждали местное население к беспорядкам.

Ситуация усугублялась тем, что поток беженцев из Астрахани, шедший на север вверх по Волге, сталкивался на самой реке, речных пристанях и селениях с потоком сезонных рабочих и переселенцев из губерний Верхнего Поволжья, шедших навстречу по направлению к Астрахани, откуда они направлялись в Баку

4. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 1–1 об.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 17.
6. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 50 об. — 51; Ч. 2. Л. 140–141; Ч. 5. Л. 150 об.
7. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 237–237 об.

и Закаспийскую область[8]. Скопления масс людей, идущих навстречу друг другу вдоль Волги, а также большое количество работавших на строительстве железных дорог в прилегающей к реке местности[9], создавали в условиях распространения холеры и недоверия к санитарным мерам особо опасную ситуацию, чреватую массовыми беспорядками.

Практически одновременно с бунтом в Саратове, 28 июня, начались беспорядки в расположенной рядом с городом Монастырской слободке Саратовского уезда. В этот день из Саратова в слободу приехали крестьяне Степан и Евсей Рамзаевы и стали рассказывать местным жителям о том, что они присутствовали при разгроме холерной больницы в Саратове и были свидетелями «убийств врачей и полицейских чинов и восстания из гробов погребенных заживо врачами людей». Собравшаяся толпа народа обыскала фельдшера Богачева, требуя от него «пузырьки с ядом, которыми он отравляет народ, а затем разгромила его квартиру и сожгла его вещи и медикаменты, перед этим бросив лекарства собакам, с целью убедиться в наличии яда. Также толпа намеревалась убить урядника Сеина, обвинив его в выдумывании 60 случаев холеры в слободе, но не нашла его. В 3 часа дня в слободу из Саратова на телеге приехал извозчик Николай Морозов, встал у дороги и стал пытаться обыскивать проезжавших из Саратова дачников, называя их «докторами». Приехавший в слободку 29 июня становой пристав Крылов не смог провести дознание, поскольку окружившая его толпа требовала, чтобы в слободке не было «ни доктора, ни фельдшера, иначе их убьют», и чтобы урядник не смел доносить врачам о «мнимых» холерных заболеваниях[10].

Также 28 июня накалилась обстановка в Покровской слободе, крупном селе в Самарской губернии, расположенном напротив Саратова, на противоположном берегу Волги. Еще утром ситуация в слободе была спокойной, народ собрался на молебне «о ниспослании Божией помощи для избавления от холеры». Однако уже днем в слободу стали приходить пароходы и лодки из Саратова со слухами о холерном бунте в городе и о том, что там «врачи морят людей и хоронят живых, а аптеки приготовляют яд для отравления». Слухи из Саратова резко изменили настроение людей в слободе, как местного населения, так и пришлых сезонных рабочих[11], которые прорвали карантин на острове и вышли в слободу[12].

8. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 30–31.
9. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 113–114 об., 117–117 об.
10. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1494–1499, 1262–1262 об. URL: https://www.prlib.ru/item/1832409?mode=full (дата доступа: 05.10.2025).
11. Товарищ министра юстиции Горемыкин в докладе Александру III назвал их «бурлаками».
12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: https://www.prlib.ru/item/1832409?mode=full (дата доступа: 05.10.2025).

Открытые беспорядки в слободе начались 29 июня после утренней службы, когда толпы народа собрались на базаре. Поводом к беспорядкам послужила смерть сезонного рабочего после приема выписанных фельдшером Катиным гофманских капель и случай с холерным больным, который «был вывален» из санитарной повозки в протоку. В толпе закричали о том, что врачи и фельдшеры нарочно отравили воду, чтобы заразить все население. Толпа с криком «бей их, травителей» преследовала ехавшего на извозчике врача Петухова, но ему удалось скрыться. После этого толпа разгромила квартиру фельдшера Катина, самого его избила и таскала по слободе, подозревая его в том, что он был подкуплен врачами отравлять народ. После этого, бросив Катина на улице, толпа со свистом и криками «бей всех» разгромила земскую больницу, аптеку и квартиры врача Алмазова и фельдшера Косовского[13].

К полуночи толпа «с песнями» покинула больницу, а затем разошлась в разные стороны, разделившись на группы. Часть погромщиков ходила по слободе и ловила встречных прохожих, принимаемых за врачей. Другая часть погромщиков ходила к дому исправника, но не нашла его. Утром 30 июня в слободе вновь собралась толпа сезонных рабочих, «с которой смешались и некоторые из местных жителей». Погромщики потребовали у полиции осмотреть помещения старьевщика Баранова, которого якобы подкупил железнодорожный подрядчик Солянов «травить народ», дав ему «яду, положенного старьевщиком в кадушку с квасом». Один из лидеров погромщиков, сиделец винной лавки Федор Дворников, пытался ворваться в квартиру земского начальника Кругликова. В 4 часа вечера в слободу вошли войска из Саратова и беспорядки прекратились: толпа, увидев солдат, разбежалась в разные стороны[14].

В этот же день, 30 июня 1892 года, вспыхнули беспорядки в городе Хвалынске Саратовской губернии. Вооруженная кольями толпа убила санитарного врача Молчанова, обвинив его в отравлении источников воды, а также разгромила дома городского головы Васильева, членов городской управы и санитарных попечителей, угрожая при этом расправой и полицейским служителям. Город был во власти толпы в течение нескольких дней, поскольку должностные лица и чины полиции бежали из города или заперлись в тюремном остроге. Только вечером 3 июля в Хвалынск прибыли военные подразделения[15].

Беспорядки распространялись и вглубь приволжских уездов, на территории уже довольно удаленные от реки. В Саратовском

13. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: https://www.prlib.ru/item/1832409?mode=full (дата доступа: 05.10.2025).
14. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1480–1493 об. URL: https://www.prlib.ru/item/1832409?mode=full (дата доступа: 05.10.2025).
15. РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 350. Л. 1500–1511 об. URL: https://www.prlib.ru/item/1832409?mode=full (дата доступа: 05.10.2025).

и Хвалынском уездах крестьяне на сельских сходах принимали решение не принимать противохолерных мер и не пускать к себе в селения врачей и представителей власти[16], угрожали «начальникам и полиции»[17], а также обещали врачам «разделаться с ними по-саратовски», вследствие чего врачи, согласно официальным сообщениям, бежали из деревень[18]. А из деревни Дворянской Терешки уехали все помещики, «боясь проявления народной необузданности»[19]. Кульминацией напряженности в этих уездах стали действия в Саратовском уезде: сожжение крестьянами больницы в селе Вязовке[20], попытка нападения на врача, избиение фельдшера и разгром аптеки в Курдюме, а также нападение на аптеку в Сокуре[21].

2 июля 1892 года Петр Давыдов, землевладелец села Благодатного в Хвалынском уезде, комментируя беспорядки в Хвалынске и ситуацию в уезде, писал в своем тревожном письме министру внутренних дел следующее: «Мы все находимся под мечом этой бунтующей черни, почему взываем о помощи, так как сношение крестьян деревень с Хвалынском весьма пагубное, и может бунт охватить весьма большой район, если не будут взяты немедленно самые строгие меры»[22].

Беспокойно было и на противоположном берегу Волги, в Самарской губернии. Там в селе Липовке Новоузенского уезда крестьяне были взволнованы дошедшей до них молвой о беспорядках в Хвалынске и решили, по слухам, сделать подобное: произвести беспорядки, убить пристава, доктора, земского начальника и некоторых землевладельцев. Подобные настроения крестьян вызвали отъезд части «интеллигентной» публики из данной местности[23].

3 июля вспыхнули беспорядки в селе Балаково Самарской губернии, расположенном недалеко от города Вольска на противоположном берегу Волги. Согласно сообщению самарского губернатора в Департамент полиции, население Балакова слышало о беспорядках в Астрахани, Саратове и Покровской слободе и было недовольно врачебными мерами против холеры, и в первую очередь строительством на средства местных купцов холерного барака на берегу Волги. Звучали угрозы, что «они не так сделают», как в Саратове: «Там войска близко, а тут — пока еще его вышлют, все Балаково разнести можно, камней на улице, по случаю работ по замощению улиц, много. Если пойдут санитары, то нужно приготовить

16. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 25, 115–116, 117 об., 119.
17. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 25.
18. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 71.
19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 119.
20. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 68 об.
21. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 54.
22. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 59 об.
23. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 1. Л. 142.; Ч. 2. Л. 140–141.

вилы, колья и как войдут во дворы, то убивать. Как выстроится барак — разбить таковой»[24].

В селе началась паника. 3 июля, на следующий день после постройки здания холерного барака, группы агрессивных людей, собравшись на улицах, стали громко высказывать угрозы против земского врача Цветкова, местных купцов, пожертвовавших деньги на строительство барака, а также против полицейского пристава Ястребова. Согласно одному официальному сообщению, на 5 июля были назначены решающие беспорядки, с указанием лиц, которые будут убиты. Врач и пристав были вынуждены уехать, предупрежденные, что будут убиты первыми. Полицейские и урядник также отказывались служить ввиду угроз лишить их жизни. В результате беспорядков, по требованию толпы, купцы приказали подрядчику разобрать почти готовый холерный барак. В 6 часов утра 4 июля в Балаково были введены две роты для восстановления порядка[25].

В самом Вольске также ожидались волнения; беспорядки, согласно слухам, были назначены на 6 июля, то есть на сутки спустя после даты ожидаемых беспорядков в Балакове, однако благодаря вводу войск и судебному преследованию 6 человек, распространявших слухи с призывом противодействовать противохолерным распоряжениям правительства, беспорядки в городе были предотвращены[26].

Следует отметить, что после беспорядков в Балакове крупных эпизодов волнений в Поволжье больше не было, поскольку на пристанях и селениях вдоль Волги стояли военные подразделения и казаки[27], однако в течение всего лета в уездах, прилегающих к реке по всему течению Волги, все равно вспыхивали небольшие инциденты, которые были частью холерной паники, охватившей обширные районы Поволжья. Источником беспорядков часто были крестьяне, вернувшиеся из Астрахани, или члены команд судов, ходивших по Волге, ставшей одним из главных каналов передачи агрессивных слухов. Высаживаясь на берегу, эти люди рассказывали местным жителям о том, что в Астрахани врачи под предлогом борьбы с холерой морят людей и хоронят их заживо, чему якобы сами были свидетелями[28]. При этом волнения распространялись выше по течению Волги — на север Самарской, а также в Симбирскую, Казанскую и Нижегородскую губернии.

Среди этих сравнительно незначительных инцидентов следует выделить беспорядки в селе Головкино Ставропольского уезда Самарской губернии, которые получили некоторую известность бла-

24. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 239.
25. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 2. Л. 140–141; Ч. 5. Л. 235 об., 236 об., 237–237 об., 238–238 об., 239–239 об.
26. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 70.
27. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 105.; Ч. 5. Л. 93.
28. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 187–187 об., 229–229 об.

годаря воспоминаниям современников[29]. Согласно официальным данным, в конце июня, с появлением холеры в селе, крестьяне, собравшись на сходе, стали говорить о том, чтобы не пускать в село врачей и фельдшеров, а 12 июля потребовали от фельдшера Попова уехать из селения. По селу ходили слухи, что холеру распространяют помещики, священники, доктора и полиция, что ночью двое человек, одетых в белые штаны[30], «пускали холеру» в селе, а местный священник Тихов «один раз объехал вокруг села, чтобы вызывать появление холеры»[31]. Крестьяне отказывались выполнять противохолерные мероприятия, в частности, не выносили покойников в закрытых гробах[32].

Кульминацией же напряженности в Головкине стали события 15 июля. В тот день поздно вечером в село приехали двое рыбаков с берега Волги, Набатов и Потехин, которых вызвал к себе командированный для борьбы с холерой урядник Москалёв для выяснения обстоятельств смерти от холеры их товарищей по артели. Рыбаки стали переходить от одного двора к другому, пытаясь узнать, где найти въезжую, в которой остановился урядник. Жители села уже спали и неохотно отвечали на вопросы незнакомцев. Наконец, один из домохозяев заговорил с гостями, однако почти сразу закричал: «Поймал, холеру носят!» Собравшаяся толпа в 200 человек задержала рыбаков и избила их. Затем толпа стала преследовать урядника, заставив его спрятаться на сеновале въезжей квартиры. Выстрелив из револьвера, урядник сумел уйти от преследования. После бегства урядника толпа разбила окна в самой въезжей квартире, а затем собиралась бить в набат на церкви, на том основании, что «урядник перебил много народа»[33].

Участники беспорядков в Головкине были недовольны тем, что некоторые крестьяне уклонялись от участия в коллективных действиях, и даже подозревали их в сотрудничестве с «отравителями». Так, участник беспорядков крестьянин Тарасов говорил: «Вот Беспаловы не идут, а их — три брата! Один служит у господ: видно, заодно с ними народ морят». Еще один односельчанин, хозяин въезжей Акутенков, был избит за помощь уряднику. Кроме того, участники беспорядков подозревали не только урядника и фельд-

29. О беспорядках в Головкине писали в своих воспоминаниях бывший министр земледелия А. Н. Наумов и врач А. Паевская (Наумов, 1954: 116; Паевская, 1903: 154–155).

30. В. Г. Короленко в своем очерке о холерной эпидемии 1892 года упоминает о подобном слухе (Короленко, 1914: 391–392).

31. Согласно народным представлениям, демоны болезни могли распространять ее, обходя вокруг села, или приняв облик священника, или одевшись в белое и ходя по ночам (Славянские древности, 1995: 226; 2004: 296–297). Слух же о злоумышленниках, ходивших по деревням и отравлявших все вокруг, сформировался еще во время холерной эпидемии 1831 года.

32. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 3–4.

33. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 4 об., 6 об. –7, 8, 10.

шера, но и сельского старосту и сотских в злом умысле: «Отчего сотские не умирают холерой? Видно, они-то и морят народ!» Утром 16 июля крестьянин Андрей Чинилкин, представляя толпу в 200 человек, потребовал от волостного старшины Шамаева снять со старосты должностной знак, с намерением заковать старосту в кандалы[34].

26 июля 1892 года, сравнительно недалеко от Головкина, в селе Мулловке того же Ставропольского уезда местный крестьянин Василий Арканников, находясь в винной лавке, заявил присутствующим, что холера — это не божье наказание, а результат действий сельского старосты и священника, которые «народ морят». Арканников добавил к этому, что священник якобы ночью, «по огородам», «к воде шляется» (очевидно, с целью ее отравления. — *А. Е.*), и угрожал расправиться со старостой и священником. Когда Арканникову напомнили, что противохолерные мероприятия проводятся правительством, то он в ответ заявил: «Е... я хочу правительство!» Когда Арканникова задержали и повели в арестантскую при волостном правлении, то вокруг него собралась большая толпа односельчан с криками: «За что арестовать его? Он правду говорит!» Крестьянин Андрей Ведешин закричал в толпе: «Чего вы на них смотрите? Валяй их! Бей их!» Волостному старшине только тогда удалось остановить толпу, когда он достал находившийся при нем револьвер[35].

Выяснилось, что незадолго до этих беспорядков в селе стали распространяться слухи о том, что врачи, священники и власти, действуя заодно, морят людей, подкупленные для этого Англией с целью «ослабить могущество России». В народе говорили, что священник ездил в Самару незадолго до начала холеры в селе именно с целью получения денег и за каждого умершего «от холеры» он получает 30 рублей[36].

Точный источник таких слухов следствию определить не удалось. Однако выяснилось, что в самом начале холеры в Мулловку приходил один старик-богомолец, странствующий по святым местам, и рассказывал местной крестьянке, что во времена крепостного права он сам «пускал холеру», и что теперь он все силы посвятил на то, чтобы замолить свои грехи[37].

Богомолец не был найден, однако становой пристав нашел на дороге неподалеку от посада Мелекес, рядом с которым расположена Мулловка, анонимное воззвание, в котором народ призывали сопротивляться властям. Воззвание объясняло распространение холеры согласованными происками гражданских и духовных властей, которые, вместе с преследующими финансовую выгоду «попа-

34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Д. 6258. Л. 5 об. — 6, 7 об., 8.
35. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 205–207, 257–262.
36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 257–257 об.
37. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 257 об.

ми», морили народ, поскольку он не шел теперь на барщину. Чтобы справиться с холерой и не «пропасть как червь», народ, согласно тексту воззвания, должен был повиноваться богу и царю, но не пускать к себе врачей, а в случае настойчивости последних — бить «начальство, попов и докторов»[38].

Неспокойно было и в Сызранском уезде Симбирской губернии. Там 16 июля начались беспорядки в селе Усинское. Как и в Головкине, в этом селе был поставлен вопрос о смене местной власти. С появлением холеры в селе среди населения стали распространяться слухи о том, что холеру разносят по дворам и полям разные должностные лица и близкие к ним люди в самом селе. Жители села, руководимые авторитетным крестьянином Даниилом Зиминым, самовольно собрались на сельский сход и приняли решение: не допускать дезинфекции в домах, а должностных лиц, врачей и фельдшеров изгонять из села или убивать. Крестьяне потребовали от земского начальника устранения от должности волостного старшины, сотского, сторожей при волостном правлении и караульщиков при пожарном обозе, которых они подозревали в том, что они подкуплены и распространяют холеру вместе с врачом, фельдшером и «другим начальством»[39]. Когда земский начальник уехал, толпа обвинила и его самого в распространении холеры, бросилась на сотского, нанесла ему побои и камнем проломила голову. Затем сельский сход заменил волостного старшину и арестовал избитого сотского, волостного судью, караульщиков и сторожей; их заменили другими лицами[40].

Выводы

1. Начальным пунктом холерных волнений в Поволжье была Астрахань, холерные беспорядки в которой вызвали исход сезонных рабочих и маргиналов из города, которые на своем пути на пароходах вверх по Волге распространяли агрессивные слухи и провоцировали новые беспорядки в местах, где пароходы приставали к берегу. Как и в 1831 году, водные пути играли особую роль в эскалации беспорядков, поскольку навигация по Волге не прекращалась. Пароходное сообщение, будучи само зараженным холерной паникой — члены экипажей стремились покинуть свои суда, — распространяло слухи и беспорядки вверх по Волге с юга на север. Ситуация усугублялась встречным потоком рабочих, идущих с севера на юг, что создавало опасные скопления на волжских пристанях. Не способствовала стабилизации обстановки и некоторая несогласованность и недоверие между властями волжских губер-

38. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Д. 7492. Л. 168–169.
39. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 124–125.
40. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Ч. 5. Л. 124–125, 146 об.

ний: Саратовский и Симбирский губернаторы косвенно обвиняли в беспорядках Астраханского губернатора, который якобы выслал бунтовщиков на пароходах вверх по Волге[41].

2. Важным фактором волнений была плотная среда агрессивных слухов. По сравнению с 1831 годом, холерные слухи 1892 года распространялись быстрее и разнообразнее. Этому способствовали новые средства коммуникации и связи: пароходное и железнодорожное сообщение, телеграфная и телефонная связь, большое количество газет, публиковавших информацию о происшествиях. При этом содержание слухов, равно как и ход самих беспорядков, было в целом аналогично слухам и беспорядкам холерного 1831 года: те же враги в лице врачей, полиции, чиновников и в целом «господ», которые, по своей инициативе или будучи подкупленными, под предлогом холеры убивали народ. В роли подкупающей стороны могли выступать не только русские: если в 1831 году это были поляки, то в 1892 году это была «англичанка». Реакция на эти слухи также была вполне традиционной: отказ от принятия санитарных мер, нападения на больницы и медицинский персонал, подозреваемый в убийствах пациентов в больницах, а также нападения на других людей, подозреваемых в отравлении населения ядом.

3. В территориальном отношении крупные холерные беспорядки на Волге образовали два основных очага: первый включал в себя селения Астраханской губернии, второй — смежные уезды Саратовской и Самарской губерний. Волнения в обоих очагах начались одновременно, несмотря на большую разницу в расстоянии от Астрахани. Это можно объяснить тем, что основная масса агрессивных элементов миновала районы Нижней Волги в Астраханской губернии на пути к пристаням в Саратовской и Самарской губерниях, где и произошли основные беспорядки.

4. По содержанию и составу участников крестьянские холерные волнения на Волге можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести волнения, вспыхнувшие в «средневолжском» очаге: Монастырской слободке, Покровской слободе и Балакове, а также, с оговорками, беспорядки в Средне-Ахтубинском на Нижней Волге. Эти волнения были вторичными по отношению к городским беспорядкам, образуя с ними единый комплекс: сначала начинались беспорядки в расположенных рядом городах, а затем уже они через слухи и перемещение людей перекидывались на соседнюю сельскую местность. В таких волнениях движущей силой была толпа, состоявшая из пришлого и местного населения, при ведущей роли пришлого населения — сезонных рабочих. Такие беспорядки отличались достаточно высоким уровнем агрессии и разрушений. Крестьянские волнения первой группы отличались от соседних городских беспорядков только по количеству участников и размерам

41. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 49. Д. 124. Л. 1.; Ч. 1. Л. 109.

ущерба, являясь по своему существу погромами, и могут называться собственно крестьянскими только по месту действия.

Во второй группе волнений, в местах, территориально более удаленных от городов и/или от Волги — в Соленом-Займище, Марфине, Головкине и других, — инициаторами беспорядков были сами местные жители, при слабом или нулевом влиянии извне. Часто они санкционировались решениями сельских сходов и отличались более высоким уровнем контроля над насилием: крестьяне демонстрировали готовность договариваться (жители Марфина даже предлагали вынести стол на берег реки для решения чиновниками дел, если они «не касались вопроса о болезни»), убийств не было, а избиения не были жестокими. Беспорядки второй группы можно определить как крестьянские волнения в полном смысле этого слова.

5. При этом в некоторых волнениях второй группы можно увидеть зарождающийся внутренний конфликт между рядовым крестьянством и представителями местной администрации, причем крестьяне могли воспринимать в качестве своего противника даже максимально близких к ним по статусу представителей сельской власти: сельского старосту и сотских.

6. В целом можно заключить, что по сравнению с городами традиционные крестьянские сообщества Поволжья проявили больший иммунитет как к воздействию слухов о злом умысле властей и медицины, так и к призывам убивать «врачей-убийц». Сезонные рабочие и маргинальные элементы в городах и «капиталистических» селах, будучи крестьянского происхождения, но уже оторванные своими занятиями от традиционной деревни, представляли для общественного порядка гораздо большую опасность.

Библиография

Богданов К. А. (2005). Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ.

Вереин Л. Е. (1952). Холерный бунт 1892 г. в г. Астрахани // Труды Астраханского государственного медицинского института. Т. 10. С. 344–354.

Визе Ш. (2011). Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // *Нарский И. В.* (ред.). Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс. С. 300–320.

Егоров А. К. (2024). Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года // Крестьяноведение. Т. 9. № 1. С. 39–53.

Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев В. В. (2009). Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина.

Колпенский В. (1922). Холерный бунт в 1892 году // Архив истории труда в России. Петроград. Кн. 3. С. 104–113.

Короленко В. Г. (1914). В холерный год // Короленко В. Г. Полное собрание сочинений. СПб.: Тов. А. Ф. Маркс, Т. 3. С. 369–421.

Наумов А. Н. (1954). Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой.

Паевская А. (1903). Командировка на холеру. Из записок женщины-врача // Русское богатство. № 7. С. 121–169.
Славянские древности (1995). М.: Международные отношения. Т. 1.
Славянские древности (2004). М.: Международные отношения. Т. 3.
Фурсов В. Н. (1991). Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж: Изд-во ВГУ.
Clemow F. (1893). The Cholera Epidemic of 1892 in the Russian Empire. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences.
Cohn S. (2018). Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS. N.Y.: Oxford University Press.
Frieden N. (1981). Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton: PUP.
Friedgut T. (1987). Labor violence and regime brutality in tsarist Russia: The Iuzovka cholera riots of 1892 // Slavic Review. Vol. 46. № 2. P. 245–265.
Henze C. (2011). Desease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823-1924. London: Routledge.
Robbins R. (1975). Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. N.Y., London: Columbia University Press.
Sahadeo J. (2005). Epidemic and empire: Ethnicity, class, and ''civilization'' in the 1892 Tashkent cholera riot // Slavic Review. Vol. 64. № 1. P. 117–139.

Peasant unrest in the Volga Region in the summer of 1892

Alexander K. Egorov, PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University. Lenin St., 33, Petrozavodsk, 185910, Russia; Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 11, Petrozavodsk, 185910, Russia. E-mail: akegorov@yandex.ru

Abstract. The article considers the peasant unrest in the Volga Region during the cholera epidemic in the summer of 1892. Peasant uprisings began in communities along the Volga upstream — in the Astrakhan, Saratov, and Samara Provinces — soon after the cholera riots had ended in Astrakhan on June 22, 1892, and migrant workers had fled the city. Peasants refused to implement anti-cholera measures, denied officials and medical personnel entry to their villages and attacked those suspected of malicious intent against the people. The unrest was fueled by rumors of criminal abuse by officials and doctors who allegedly accepted bribes to kill people in hospitals or poisoned water and food supplies. The spread of rumors was facilitated by heavy shipping traffic on the Volga, which enabled potential instigators to move upriver quickly, which is why the 1892 riots broke out almost simultaneously in two main centers of unrest — in the Lower and Middle Volga regions. In 1892, there were two types of peasant riots by intensity and social composition: first, essentially a continuation of riots in the nearby cities of Saratov and Khvalynsk, which involved different social groups, both locals and migrants, and were characterized by extreme violence and many casualties; second, peasant unrest sparked by independent actions of the local population, without the involvement of outside elements, which was less aggressive and not accompanied by killings. Unlike seasonal workers and marginalized urban groups, the traditional peasantry of the Volga Region showed relative resilience to inflammatory rumors.

Key words: epidemic, cholera, rumors, poisoning, panic, violence, communication, transport routes, Volga Region

References

Bogdanov K. (2005) *Vrachi, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kultury XVIII–XIX vekov* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic Texts of Russian Culture in the 18th — 20th Centuries], Moscow: OGI.

Clemow F. (1893) *The Cholera Epidemic of 1892 in the Russian Empire,* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Cohn S. (2018) *Epidemics. Hate and Compassion from the Plague of Athens to AIDS,* New York: Oxford University Press.

Egorov A. (2024) Krestyanskie volneniya na Severo-Zapade Rossii letom 1831 goda [Peasant unrest in the North-West of Russia in the summer of 1831]. *Russian Peasant Studies,* vol. 9, no 1, pp. 39–53.

Frieden N. (1981) *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905,* Princeton: Princeton University Press.

Friedgut T. (1987) Labor violence and regime brutality in Tsarist Russia: The Iuzovka cholera riots of 1892. *Slavic Review,* vol. 46, no 2, pp. 245–265.

Fursov V. (1991) *Klassovaya borba v derevne tsentralno-chernozemnyh gubernij poreformennoj Rossii* [Rural Class Struggle in the Post-Reform Russian Black-Earth Provinces], Voronezh: Izd-vo VGU.

Henze C. (2011) *Disease, Health Care, and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1924,* London: Routledge.

Kanishhev V., Meshcheryakov Yu., Yakovlev V. (2009) *Tambovsky bunt 1830 g. v kontekste kholernyh krizisov v Rossii XIX veka* [Tambov Cholera Riot of 1830 under the Russian Cholera Crises of the 19th Century], Tambov: Izdatelsky dom TGU im. G. R. Derzhavina.

Kolpensky V. (1922) Kholerny bunt v 1892 godu [Cholera Riot of 1892]. *Arkhiv Istorii Truda v Rossii*, vol. 3, pp. 104–113.

Korolenko V. (1914) V kholerny god [In the year of the cholera epidemic]. *Polnoe sobranie sochinenij*, Saint Petersburg: Tov. A. F. Marks, vol. 3, pp. 369–421.

Naumov A. (1954) *Iz utselevshih vospominanij, 1868–1917* [From the Surviving Memories, 1868–1917], New York: Izd. A. K. Naumovoj i O. A. Kusevitskoj.

Paevskaya A. (1903) Komandirovka na kholeru. Iz zapisok zhenshhiny vracha [A mission to the cholera-stricken area. From the notes of the female doctor], *Russkoe Bogatstvo*, no 7, pp. 121–169.

Robbins R. (1975) *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis,* New York; London: Columbia University Press.

Sahadeo J. (2005) Epidemic and empire: Ethnicity, class, and “civilization” in the 1892 Tashkent cholera riot. *Slavic Review,* vol. 64, no 1, pp. 117–139.

Slavyanskie drevnosti (1995) [Slavic Antiquities], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 1.

Slavyanskie drevnosti (2004) [Slavic Antiquities], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, vol. 3.

Verein L. (1952) Kholerny bunt 1892 g. v g. Astrakhani [Astrakhan cholera riot of 1892]. *Trudy Astrakhanskogo Gosudarstvennogo Meditsinskogo Instituta,* vol. 10, pp. 344–354.

Vize Sh. (2011) Slukhi i nasilie: kholernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and violence: Saratov cholera riots of 1892]. *Slukhi v Rossii XIX — XX vekov. Neofitsialnaya kommunikatsiya i “krutye povoroty” rossijskoj istorii.* Ed. by I. Narsky, Chelyabinsk: Kamenny poyas, pp. 300–320.

В хаосе Гражданской войны: крестьянские хозяйства Южного Урала по материалам переписей 1917 и 1920 годов (на примере Малой Башкирии)

Л. Ф. Сайфуллина

Лейла Факиловна Сайфуллина, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, проспект Октября, д. 71.
E-mail: Sleila.83@mail.ru

EDN: QJEPIB

Аннотация. В статье на основе сохранившихся в Национальном архиве Республики Башкортостан коллекций подворных карточек Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов исследуются изменения в хозяйственном укладе крестьянства в ходе Гражданской войны. С этой целью были отобраны пять населенных пунктов левобережья р. Белой Стерлитамакского уезда с русским земледельческим населением, расположенные в разной удаленности от театра военных действий. Исследование показало, что во всех данных населенных пунктах за 1917–1920 годы увеличилось число хозяйств и наблюдался относительный рост населения. Сокращение числа мужчин рабочего возраста (18–60 лет) выявлено лишь в селах, расположенных на пути следования противоборствующих сторон или тех, в которых непосредственно находились вооруженные формирования. Определено, что к 1920 году было мобилизовано или ушло добровольно на фронт 19,3% мужчин, и с учетом этого сокращение числа мужчин рабочего возраста, по сравнению с их численностью в 1917 году, в среднем составило 26,2%. Резкое сокращение посевных площадей было обусловлено рядом причин (законодательный запрет аренды земель, природно-климатические факторы и др.), из которых наибольшее влияние оказала политика военного коммунизма (продразверстка, государственная хлебная монополия). На основе анализа сельскохозяйственных переписей отмечен процесс осереднячивания крестьянства за годы Гражданской войны. Упадок животноводства у земледельческого крестьянства выражался в большей убыли крупного и мелкого рогатого скота и, в меньшей степени, лошадей, которых старались сберечь на будущее как основную тягловую силу в хозяйстве. Зависимости степени сокращения размеров посевных площадей и уменьшения поголовья скота от территориальной удаленности от линии фронта не выявлено.

Ключевые слова: Всероссийская сельскохозяйственная перепись населения, Стерлитамакский уезд, животноводство, земледелие, кантоны, крестьянство, Малая Башкирия, подворные карточки, РСФСР

Гражданская война в России без всякого сомнения привела к сокрушительным последствиям в экономической, социальной и политической сферах общества, в том числе и в аграрном секторе страны. Переплетение различных факторов (военные действия,

мобилизация и сокращение числа мужских рабочих рук в селе, продразверстка, государственная монополия на хлеб и запрет частной торговли) затрудняет выявление степени влияния каждого из них на общий упадок в земледелии и животноводстве. В свою очередь, произошедшие после революций 1917 года неоднократные изменения административно-территориальных границ губерний, уездов и волостей позволяют лишь приблизительно сравнивать между собой положение крестьянства по опубликованным итогам Всероссийских сельскохозяйственных переписей, проводившихся в 1917 и 1920 годах, которые содержат данные по губерниям[1] и уездам[2].

Проследить изменения в численности населения и хозяйственном укладе в отдельных населенных пунктах позволяют сохранившиеся в некоторых региональных архивах первичные материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей — подворные карточки. Данный документ представляет собой отпечатанный в типографии бланк, состоящий из одного листа, где с обеих сторон фиксировалась информация по отдельному крестьянскому хозяйству. Переписчиками записывалась губерния, уезд, волость, общество и населенный пункт, к которому относился крестьянский двор; фамилия, имя, отчество главы семьи, национальность, возраст хозяина двора; отмечалось количество членов семьи, мужчин и женщин, их возраст, вид занятий. Особое место выделялось для записи посевных площадей и видов полевых культур в хозяйстве, пород и числа голов скота, числа пчелиных ульев, садовых насаждений. Кроме этого, записывалась информация об использовании наемной рабочей силы и владении торгово-промышленными заведениями. Естественно, изменение политической конъюнктуры вносило свои коррективы в регистрацию информации. Так, в 1917 году в подворных карточках отмечалось сословие домохозяина, подробно записывалась информация о площадях и видах владения землей (общинная, купчая и пр.), аренде земель, чего, по понятным причинам, нет в подворных карточках 1920 года. В свою очередь, в переписи 1920 года дополнительно собиралась информация о высаживаемых огородных культурах, видах и количестве домашней птицы в каждом хозяйстве.

1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской и Азиатской России // Труды ЦСУ РСФСР. Т. I. Вып. 2. М.: 14-я типография Моск. Сов. Нар. Хоз., 1921; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы Центрального статистического управления. М.: [Б.и.], 1924 и др.
2. Итоги сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 года по Курской губернии: поволостные и поуездные итоги: таблицы поволостных итогов. Курск: [Б.и.], 1922; Всероссийская перепись населения 1920 года. Симбирская губерния. Симбирск: Симб. губ. стат. бюро, 1923; Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа: Башнаркомзем, 1923 и др.

Анализ подворных карточек двух сельскохозяйственных переписей позволяет сравнивать демографические и экономические показатели хозяйств отдельных населенных пунктов по двум периодам: до начала активных боевых действий в стране и к концу Гражданской войны. Подобные исследования позволяют не только проследить степень упадка в земледелии и животноводстве, но и выявить конкретное влияние военных событий на демографические показатели и хозяйственный уклад крестьянских дворов выбранного региона.

Первичные материалы сельскохозяйственных переписей не раз становились объектом внимания историков. Так, подворные карточки переписи 1917 года по Алтайскому краю использовались в работах В. Н. Разгона, Д. Н. Белянина, А. В. Разгона (Разгон, Белянин, Разгон, 2021, 2023). По материалам переписи 1916 года в границах Томской губернии работала группа исследователей под руководством А. М. Бауфала (Бауфал и др., 1969). По Республике Бурятия к данным переписи 1917 года обращалась Н. В. Тумурхонова (Тумурхонова, 2009: 916–922; 2015: 27–30). М. И. Роднов обработал огромный массив сохранившейся коллекции подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов по Уфимской губернии (Роднов, 1997а, 1997б, 2002, 2009, 2014а, 2014б). Л. Ф. Сайфуллина (Тагирова) провела анализ карточек переписи 1920 года в границах Малой Башкирии (Тагирова, 2022: 123–127; 2023: 132–138; 2024: 229–233).

Малой Башкирией называют Автономную Башкирскую Советскую Социалистическую Республику — новый субъект государства, образованный 20 марта 1919 года по результатам подписанного соглашения между центральной Советской властью и Башкирским правительством. Она занимала обширные территории южной и северо-восточной части Уфимской губернии (части Уфимского, Стерлитамакского, Златоустовского уездов), северной и северо-восточной части Оренбургской губернии (части территорий Оренбургского, Орского, Челябинского, Верхнеуральского, Троицкого уездов), юга Пермской губернии (части Красноуфимского и Екатеринбургского уездов) и территории Бузулукского уезда Самарской губернии.

Административными единицами Малой Башкирии были кантоны, часть которых были образованы в территориальном отрыве друг от друга. Первоначальными принципами включения территорий в Малую Башкирию было компактное проживание на них представителей башкирского этноса. Соседствующие с ними населенные пункты других этнических групп Южного Урала также вошли в состав республики. Число кантонов, их границы, число уездов и населенных пунктов менялись с течением времени. На момент переписи 1920 года Малая Башкирия состояла из одиннадцати кантонов (Кипчак-Джетировский, Тамьян-Катайский, Бурзян-Тангауровский, Усерганский, Табынский, Юрматинский, Кудейский, Дуван-

Кущинский, Аргаяшский, Яланский, Ток-Чуранский). Декретом ВЦИК РСФСР от 18 ноября 1920 года к Республике присоединили вновь образованный Стерлитамакский кантон, состоящий из волостей бывшего Стерлитамакского уезда и г. Стерлитамак. В данном составе Республика просуществовала до 1922 года.

Множество природно-климатических зон, степень близости к военным действиям и изначальные исторически сложившиеся типы хозяйствования многонационального сельского населения не только по всему РСФСР, но и Малой Башкирии не позволяют обобщать и сравнивать их друг с другом по общим показателям. По этим причинам в нашем исследовании для анализа изменений количества дворов, численности населения, площадей посева и голов домашнего скота за период 1917–1920 годов были отобраны населенные пункты с проживающими в них русским земледельческим крестьянством в границах лесостепной зоны левобережья р. Белой бывшего Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, которые в ходе нескольких административно-территориальных изменений в 1919 году частично отнесены к образованным Табынскому и Юрматинскому кантонам, остальные с конца 1920 года вошли в состав Стерлитамакского кантона Малой Башкирии. Отобранные для исследования населенные пункты отличаются степенью вовлеченности в события войны. Два из них — Адвокатовка Бишкаиновской волости (с 1919 года Табынского кантона Малой Башкирии) и Домрачевка Четырмановской волости (с 1920 года Стерлитамакского кантона Малой Башкирии) — находились на относительном удалении от военных действий и прямых столкновений воюющих сторон. Два других — Старо-Барятино Рязановской волости (с 1920 года Стерлитамакского кантона Малой Башкирии) и хутор Самарский Мелеузовской волости (с 1920 года Стерлитамакский кантон Малой Башкирии) — вблизи основных дорог, на пути движения военных сил по Уфимскому тракту (связывающему регион с г. Оренбургом) при захвате г. Стерлитамака белочехами, затем колчаковцами, затем Красной Армией. Приводятся данные также по Русскому Саскулю Куганакской волости (с 1920 года Стерлитамакский кантон Малой Башкирии), где летом 1918 года непосредственно располагался штаб белогвардейцев и белочехов, неоднократно атакованный «красными партизанами» (Плотников, 1986: 177).

Целью данной работы является выявление изменений в количестве населения, площадей посевов и состояния животноводства на основе анализа подворных карточек переписей 1917 и 1920 годов по отдельным населенным пунктам бывшего Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, расположенным на разном удалении от прямых боевых столкновений и пути следования войск. В связи с этим были поставлены задачи: 1) подсчет количества дворов (хозяйств) и населения, в том числе мужчин рабочего возраста с выявлением числа мобилизованных; 2) подсчет площади посевов полевых культур; 3) определение количества лошадей, крупного

и мелкого рогатого скота; 4) анализ динамики этих показателей, характеризующей изменение положения крестьянства между 1917 и 1920 годами; 5) выявление зависимости этой динамики от близости театра военных действий.

Численность населения

Историки, социологи и демографы солидарны в вопросе о значительном сокращении населения за период Гражданской войны. Дискуссии вызывают лишь цифры потерь и характер привлекаемых в этих исследованиях источников. По официальным данным Центрального статистического управления, общее количество населения СССР в границах 1917 года составляло 146 755 520 человек. Данные переписи 1920 года, приведенные в тех же границах, показали наличие 134 569 206 чел., что означает уменьшение население за три года на 12 186 314 чел. (Почешхов, Абрегова, Шхачемуков, 2020: 64). По подсчетам Ю. А. Полякова, в 1920 году сокращение населения составило 3 806 тыс. чел., в 1921 году — 1 854 тыс., в 1922 году — 1 592 тыс. (Поляков, 1981: 170–175). Сюда входят жертвы военных действий, красного и белого террора, бандитизма, эпидемий и острых инфекционных заболеваний. К осени 1920 года к ним добавились жертвы локального неурожая в некоторых регионах, который в 1921–1923 годах принял черты массового голода в Поволжье.

Рассмотрим численность крестьянских хозяйств и населения отобранных селений бывшего Стерлитамакского уезда по подворным карточкам сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов (табл. 1).

Таблица 1. Изменения численности хозяйств и населения между 1917 и 1920 годами

Селение	Число хозяйств				Число жителей			
	1917	1920	прирост	в %	1917	1920	прирост	в %
Адвокатовка	48	54	6	12,5%	317	337	20	6,3%
Домрачевка	24	28	4	16,7%	198	213	15	7,6%
Старо-Барятино	29	32	3	10,3%	183	207	24	13,1%
Самарский хутор	28	31	3	10,7%	231	236	5	2,2%
Русский Саскуль	151	172	21	13,9%	1036	1049	13	1,3%
Итого	280	317	37	13,2%	1965	2042	77	3,9%

Составлено по: Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 816, 831, 835, 839, 846; Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3687, 4228, 4306, 4476, 4547.

Несмотря на военные действия, во всех рассматриваемых населенных пунктах с 1917 по 1920 год наблюдался рост числа хозяйств на 10,3–16,7%. При этом в Старо-Барятино количество дворов выросло за счет прибытия в село трех семей беженцев белорусов в количестве 12 человек, не имеющих скота и посевов[3]. Также произошел естественный прирост населения, который составлял от 1,3% в Русском Саскуле до 7,6% в Домрачевке, а в Старо-Барятино без учета беженцев — 6,6%. Таким образом, в Старо-Барятино, близко расположенном от основных путей передвижения войск противоборствующих сторон, количество хозяйств (без учета беженцев) не изменилось. Численность населения в наименьшей степени увеличилась в Русском Саскуле, где в годы войны располагался штаб белогвардейцев и белочехов, служивший мишенью для нападений «красных партизан». Однако абсолютного уменьшения количества дворов и численности населения в изучаемых селах не выявлено. Сельское земледельческое население старалось выживать в существующих условиях, избегая в своем поведении вызова прямых репрессий от противоборствующих сторон, и не стремилось оставлять свои участки и дома, уходить в города, предпочитая оставаться жить на земле.

Воздействие близости театра военных действий более заметно по изменению количества мужчин трудоспособного возраста. Именно они первыми погибали при карательных действиях воюющих сторон, именно их добровольно или насильственно мобилизовали в армию. В соответствии с нормами переписи 1920 года этот возраст определялся в 18–60 лет. Номинально абсолютное уменьшение количества мужчин наблюдалось лишь в населенных пунктах, расположенных вблизи активных боевых действий и основных путях передвижений войск. В процентном отношении уменьшение мужчин рабочего возраста составляло: в Русском Саскуле 10,8%, в Самарском хуторе 19,6%, в Старо-Барятино 23,8%. В относительно спокойных, отдаленных от боевых действий селах — Адвокатовке и Домрачевке — наблюдается небольшой, но рост численности мужчин (табл. 2).

Однако надо учитывать, что в 1920 году из зафиксированных переписью мужчин часть находилась в армии. Если вычислить процентное отношение мобилизованных и добровольно ушедших на фронт к числу всех мужчин рабочего возраста, то оно составляло: в Самарском хуторе 12,2%, в Русском Саскуле 14,1%, в Домрачевке 22,2%, в Адвокатовке 26%, в Старо-Барятино 40,6%. В среднем по селам было мобилизовано 19,3% мужчин. С учетом этого численность мужчин рабочего возраста к 1920 году сократилась относительно 1917 года в среднем на 26,2%, а по отдельным селениям от 18,6% в Адвокатовке до 54,8% в Старо-Барятино (см. табл. 2).

3. Национальный архив Республики Башкортостан (далее — НА РБ). Р-472. Оп. 1. Д. 839. Без пагинации.

Таблица 2. Изменение числа мужчин трудоспособного возраста между 1917 и 1920 годами

Селение	1917	1920	прирост/убыль		в 1920 году		сокращение с учетом ушедших в армию	
			абс.	%	в армии	оставшиеся в селах	абс.	%
Адвокатовка	70	77	+7	+10	20	57	13	18,6
Домрачевка	35	36	+1	+2,9	8	28	7	20,0
Старо-Барятино	42	32	-10	-23,8	13	19	23	54,8
Самарский хутор	51	41	-10	-19,6	5	36	15	29,4
Русский Саскуль	222	198	-24	-10,8	28	170	52	23,4
Итого	420	384	-36	-8,6	74	310	110	26,2

См. источники к табл. 1

Таким образом, при росте количества дворов и численности населения за годы Гражданской войны во всех изучаемых населенных пунктах именно в селах, непосредственно находившихся на территориях военных действий, наблюдалось сокращение мужчин рабочего возраста. При учете числа мобилизованных крестьянство в рассматриваемых нами населенных пунктах к 1920 году лишилось 26,2% мужских рабочих рук.

Полевые посевы

Основными отраслями сельского хозяйства на Южном Урале традиционно были земледелие и животноводство. В период Гражданской войны отмечалось сокращение площадей посевов и поголовья скота, что в большей мере являлось результатом политики государства в земельной и налоговой сфере периода военного коммунизма. Не стоит исключать и фактор близости сельских населенных пунктов к театрам военных действий, когда сельскохозяйственная продукция или рабочий скот (лошади) могли быть реквизированы проходившими вооруженными силами.

По результатам исследования подворных карточек сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов выбранных нами сел бывшего Стерлитамакского уезда с проживающим в них русским земледельческим крестьянством были подсчитаны посевные площади, результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3. Посевные площади 1917 и 1920 годов, в десятинах

Селение	1917	1920	сокращение	
			абс.	%
Адвокатовка	241	83,59	157,41	65,3%
Домрачевка	394,84	112	282,84	71,6%
Старо-Барятино	349,7	265,71	83,99	24,0%
Самарский хутор	358,65	190,12	168,53	47,0%
Русский Саскуль	815,75	617,36	198,39	24,3%
Итого	2 159,94	1268,78	891,16	41,3%

См. источники к табл. 1

За годы Гражданской войны во всех исследуемых населенных пунктах отмечалось резкое сокращение посевных площадей, которое составило от 24% в Старо-Барятино до 71,6% в Домрачевке. Уменьшение площадей напрямую не было связанно с близостью боевых столкновений или прохождения через населенный пункт военных формирований. Но одним из факторов, повлиявших на сокращение засеваемых площадей, было уменьшение количества мужчин рабочего возраста. Например, по материалам подворных карточек крестьян Русского Саскуля, в семье 45-летней Кожировой Агафьи Петровны числились дочь 17 лет и сноха 23 лет. Сын же, как единственный мужчина в семье, к моменту переписи 1920 года уже 4 года был в армии[4]. Кроме этого, в части дворов отмечалось отсутствие рабочих лошадей, скорее всего отобранных для нужд армии[5]. Естественно, в таких условиях засевать большие площади не представлялось возможным.

Еще одним фактором, обусловившим сокращение посевных площадей, был принятый в феврале 1918 года закон «О социализации земли», по которому аренда земель и наем рабочей силы был запрещен (Ильиных, 2023: 48). Если учесть, что русское крестьянство на территории Башкирии до Гражданской войны брало в аренду и засевало плодородные участки как в своем обществе, так и у соседствующих с ними многоземельных башкир, то после 1918 года данные сделки стали незаконными, хотя на сравнительно небольших площадях, в основном внутри своего общества, они имели место. Например, если в Адвокатовке в 1917 году было арендовано 111 дес. пахотных земель, то в 1920 году всего 11,985 дес.[6] Следует учитывать и психологический фактор, когда в лихолетье Гражданской войны крестьяне опасались делать посевы на землях чужих обществ, не имея твердой уверенности, что смогут собрать свой урожай.

Нельзя исключать и влияние природно-климатического фактора. 1920 год был засушливым в ряде регионов, в том числе и на не-

4. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 831. Б.п.
5. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 716. Б.п.
6. НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3687. Б.п; НА РБ. Ф. Р-472. Оп.1. Д. 846. Б.п.

которых территориях бывшего Стерлитамакского уезда. Данное обстоятельство отмечалось как дополнительная информация в подворных карточках у «ответственных» переписчиков (регистраторов). В рассматриваемых нами селах такой информации не зафиксировано, но в границах бывшего Стерлитамакского уезда она встречалась. Так, в Новой Слободке и Отраде Рязановской волости практически в каждом дворе отмечена гибель озимых культур из-за засухи[7]. В селах Отрада той же волости и Осиповке Наумовской волости был указан факт гибели озимых и пересев полей яровыми культурами[8]. В Бобринке Зиргановской волости встречаются записи «неурожая по случаю засухи и червей»[9].

В Стерлитамакском уезде часто присутствуют записи о недосеве в связи с недостатком семян (Асавбашево Бегенеш-Абукановской волости, Троицкое Мелеузовской волости, Ново-Барятино Рязановской волости и пр.), что скорее всего было связанно с налоговой политикой, а именно продразверсткой предыдущих лет.

В значительной мере именно политика властей, с проводимой ими стратегией изъятия излишков хлеба и государственной монополией на его продажу, делала расширение посевных площадей если не невозможным, то бессмысленным для крестьян. Некогда крупные крестьянские хозяйства с посевами свыше 10 дес. практически перестали существовать как значимое явление. В то же время заметно сокращается доля беспосевных крестьянских хозяйств, поскольку в тяжелой внутриполитической ситуации и отмены частной торговли хлебом каждый двор пытался выращивать продукцию, необходимую для собственного потребления (табл. 4).

Таблица 4. Группировка дворов по посевным площадям в 1917 и 1920 годах

Селение	Дворов без посева		С посевом до 4 дес.		С посевом 4–10 дес.		С посевом свыше 10 дес.	
	1917	1920	1917	1920	1917	1920	1917	1920
Адвокатовка	2	1	21	53	20	—	5	—
Домрачевка	—	1	2	13	7	14	15	—
Старо-Барятино	1	4	2	2	9	19	17	10
Самарский хутор	1	—	2	7	9	20	16	4
Русский Саскуль	7	1	59	105	70	66	15	—
Итого	11	7	86	180	115	119	68	14

См. источники к табл. 1

7. НА РБ. Ф. Р-472. Оп.1. Д. 716. Б.п.
8. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 719. Б.п; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 721. Б.п.
9. НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 717. Б.п.

В данном случае необходимо вспомнить общепризнанный тезис советской историографии об обеднении и осереднячивании деревни в годы Гражданской войны (Трапезников, 1971: 532; Поляков, 1967: 141). В современной историографии некоторые исследователи (Иванов, Тертышный, 2002: 146; Лабузов, 2004: 462–463) считали данный тезис экономически не обоснованным и продиктованным соображениями политического характера. Наши исследования, а именно обработка подворных карточек с разбивкой крестьянских хозяйств на группы по площадям посевов 1917 и 1920 годов показывают протекание процессов осереднячивания, когда у крестьян земледельческих регионов в большей мере сокращались (или полностью исчезали) беспосевные, а также крупнокрестьянские хозяйства. Земледельческое производство превращалось в большей мере в натуральное, существующее для удовлетворения потребностей семьи.

Животноводство

Животноводство русского крестьянства изучаемого региона традиционно было направлено на обеспечение земледельческого хозяйства тягловой рабочей силой (лошадьми рабочего возраста), а также снабжение семьи мясомолочными продуктами от крупного и мелкого рогатого скота. Исследователи аграрной сферы периода Гражданской войны подчеркивали повсеместный упадок животноводства на всей территории РСФСР. В рассматриваемых нами населенных пунктах также происходили процессы сокращения численности поголовья скота, характерные для большинства регионов страны (табл. 5).

Таблица 5. Поголовье лошадей в 1917 и 1920 годах

Селение	Всего лошадей				Лошадей рабочего возраста			
	1917	1920	убыль	убыль, %	1917	1920	убыль	убыль, %
Адвокатовка	93	70	23	24,7%	75	59	16	21,3%
Домрачевка	102	101	1	1,0%	80	72	8	10,0%
Старо-Баряшино	93	75	18	19,4%	71	53	18	25,4%
Самарский хутор	101	78	23	22,8%	77	61	16	20,8%
Русский Саскуль	292	269	23	7,9%	255	243	12	4,7%
Итого	681	593	88	12,9%	558	488	70	12,5%

См. источники к табл. 1

Из данных таблицы 5 следует, что за годы Гражданской войны во всех населенных пунктах сократилось поголовье лошадей, снижение составило от 1% в Домрачевке до 24,7% в Адвокатовке. В том числе снизилась численность лошадей рабочего возраста: от 4,7% в Русском Саскуле до 25,4% в Старо-Барятино. Данные цифры не связаны с территориальной близостью села к прифронтовым территориям или с прохождением войск через населенный пункт. Видимо, сокращение численности лошадей происходило из-за общей внутренней политики государства, сказавшейся на положении крестьянства этого периода. В целом сокращение поголовья лошадей в рассматриваемых населенных пунктах составило 12,9%, в том числе рабочего возраста 12,5%.

Снижение количества поголовья крупного рогатого скота (табл. 6) имело более выраженный характер и в среднем по изучаемым селам составило 31,3%: от 21,5% в Русском Саскуле до 51,4% в Старо-Барятино.

Таблица 6. Поголовье крупного рогатого скота в 1917 и 1920 годах

Селение	1917	1920	убыль	убыль, %
Адвокатовка	114	73	41	36,0%
Домрачевка	107	81	26	24,3%
Старо-Барятино	142	69	73	51,4%
Самарский хутор	141	80	61	43,3%
Русский Саскуль	441	346	95	21,5%
Итого	945	649	296	31,3%

См. источники к табл. 1

Примерно в тех же пропорциях, как и количество крупного рогатого скота, сократилось поголовье свиней, составив в среднем 30,9% (табл. 7).

Таблица 7. Поголовье мелкого скота в 1917 и 1920 годах

Селение	Овцы				Свиньи			
	1917	1920	убыль	убыль, %	1917	1920	убыль	убыль, %
Адвокатовка	254	146	108	42,5%	159	80	79	49,7%
Домрачевка	313	215	98	31,3%	61	37	24	39,3%
Старо-Барятино	567	242	325	57,3%	52	40	12	23,1%
Самарский хутор	358	156	202	56,4%	87	46	41	47,1%
Русский Саскуль	1249	758	491	39,3%	638	486	152	23,8%
Итого	2741	1517	1224	44,7%	997	689	308	30,9%

См. источники к табл. 1

Наибольшие потери за годы войны наблюдались в овцеводстве, снижение поголовья которого в среднем по изучаемым населенным пунктам составило 44,7%: от 31,3% в Домрачевке до 57,3% в Старо-Барятино (табл. 7). Козы же, являвшиеся большой редкостью в 1917 году и отмеченные лишь в хозяйствах Адвокатовки (6 голов) и в Русском Саскуле (8 голов), совершенно исчезли за годы Гражданской войны из крестьянских дворов рассматриваемых населенных пунктов.

Приведенные цифры в целом совпадают с ситуацией по всему Южному Уралу. Высокие темпы сокращения мелкого, а за ним и крупного рогатого скота объясняются стремлением крестьянства сохранить за счет них популяцию лошадей, как ведущей тягловой силы в земледельческом хозяйстве. Селяне вполне осознавали будущие перспективы развития экономики двора без них (Лабузов, 2004: 469).

Заключение

Период Гражданской войны в России, сопряженный с сильнейшим в XX веке экономическим, политическим и социальным кризисом, отразился и на аграрном секторе страны, в том числе Башкортостана, обширная территория которого включает различные природно-климатические зоны с различающимися хозяйственными укладами крестьян той или иной местности. В данном исследовании были отобраны русские населенные пункты с традиционно развитой земледельческой культурой в границах лесостепной зоны левобережья р. Белой Стерлитамакского уезда. При анализе подворных карточек Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов выявлено, что во всех изучаемых селах за годы Гражданской войны наблюдалось сокращение полевых посевов и поголовья скота, характерное для сельского хозяйства всех регионов страны. Отмечается общее осереднячивание крестьянства, при котором сокращалось число беспосевных, а также крупнопосевных (более 10 дес. посевов) крестьянских хозяйств.

В ходе исследования не выявлено непосредственных связей экономического упадка крестьянских хозяйств с фактором территориальной удаленности селений от линии боевых действий. Не исключено, что были селения, попавшие под удар воюющих сторон, когда убивали мирное население, уводили большую часть скота и пр. Но крестьянство, по своему менталитету, стремилось выживать в сложившихся обстоятельствах, избегая прямого влияния насильственных действий. Жители деревень на время присутствия войск в селах, скорее всего, прятались, отходили на другие, более спокойные территории, чтобы уберечь себя, свою семью и наиболее важное для них имущество. В рассмотренных населенных пунктах возможные единичные случаи реквизиции скота или про-

дуктов питания в целом не сильно отразились на общей экономике села. Можно предположить, что на сокращение площадей полевых посевов и численности скота в большей мере повлиял общегосударственный кризис и политика властей периода военного коммунизма. Единственное, что отличало населенные пункты, расположенные вблизи театра военных действий, от селений, находившихся на периферии, это абсолютная убыль мужчин рабочего (трудоспособного) возраста.

Изучение массовых источников, в данном случае сохранившихся коллекций подворных карточек Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов, открывает перед исследователями не только новые перспективы в изучении крестьянства того или иного региона на данный момент времени, но и позволяет увидеть происходившие социально-экономические процессы в эти переломные для истории государства годы.

Библиография

Бауфал А. М., Горюшкин Л. М., Золототрубов В. С., Островский И. В. (1969). Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск: Б.и.

Иванов А. В., Тертышный А. Т. (2002). Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экономического ун-та.

Ильиных В. А. (2023). Земельный кодекс РСФСР 1922 г. в контексте решения аграрного вопроса в России // ЭКО. № 1. (583). С. 43–60.

Лабузов В. А. (2004). Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург: ОРЛИТ-А.

Плотников И. Ф. (1986). Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа: Башкирское книжное издательство.

Поляков Ю. А. (1967). Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука.

Поляков Ю. А. (1981). Население советской России в 1917–1920 гг. (Историография и источники) // Проблемы русского общественного движения и исторической науки. М.: Наука. С. 170–175.

Почешхов Н. А., Абрегова Ж. О., Шхачемуков Р. М. (2020). Потери населения в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.): дискуссионное пространство исторической демографии // Современная научная мысль. № 6. С. 63–68.

Разгон В. Н., Белянин Д. Н., Разгон А. В. (2021). Грамотность сельского населения Алтайского округа в предреволюционный период (на материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Былые годы. № 16 (4). С. 2053–2061.

Разгон В. Н., Белянин Д. Н., Разгон А. В. (2023). Аренда земли старожилами и переселенцами в Алтайском округе: сравнительный анализ (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Былые годы. № 18 (4). С. 2136–2144.

Роднов М. И. (1997а). Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1997 года. Уфа: НУР-Полиграфиздат.

Роднов М. И. (1997б). Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа: Гилем.

Роднов М. И. (2002). Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа: ООО «ДизайнПолиграф-Сервис».

Роднов М. И. (2009). Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М.: ИЭА.

Роднов М. И. (2014а). Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и др. уезды). М.: ИЭА РАН.

Роднов М. И. (2014б). Население Уфимского уезда по переписи 1920 года. Справочник. СПб.: Свое издательство.

Тагирова Л. Ф. (2022). Рязановская волость Стерлитамакского уезда по сельскохозяйственной переписи 1920 г.// Личность в историческом измерении: новые источники и методологические подходы. Сборник научных трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет». С. 123–127.

Тагирова Л. Ф. (2023). Хозяйство мордвы Малой Башкирии по подворным карточкам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Отечественная официальная статистика: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Международной научной конференции. М.: Русайнс. С. 132–138.

Тагирова Л. Ф. (2024). Демография и экономика курганских башкир (на материалах переписи 1920 г.) // Городские башкиры: сохранение и развитие родного языка и культуры в условиях этнокультурного и языкового многообразия: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 229–233.

Трапезников С. П. (1971). Ленинизм и аграрный вопрос. Кн. 1. М.: Мысль.

Тумурхонова Н. В. (2009). Подворные карточки сельскохозяйственных переписей как исторический источник // Российский экономический интернет-журнал. № 2. С. 916–922.

Тумурхонова Н. В. (2015). Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. как демографический источник (на примере станицы Цакирской) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусства. № 2 (9). С. 27–30.

In the chaos of the Civil War: Peasant households in the Southern Urals (based on the data of the 1917 and 1920 censuses, Malaya Bashkiria)

Leyla F. Saifullina, PhD (History), Researcher, Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Prosp., 71, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450054, Russia. E-mail: Sleila.83@mail.ru

Abstract. The article considers changes in the economic structure of the peasantry during the Civil War, based on the collections of household cards of the 1917 and 1920 All-Russian Agricultural Censuses from the National Archive of the Republic of Bashkortostan. The author focuses on five settlements on the left bank of the Belaya River in the Sterlitamak district with the Russian agricultural peasantry, located at different distances from the theater of operations. In 1917–1920, in all selected settlements the number of farms increased, and there was a relative increase in the population. A decline in the number of working-age men (18–60 years old) was observed only in villages along the routes taken by opposing forces or where armed formations were stationed. Given the fact that by 1920, 19.3% of men were mobilized or volunteered for the front, the average reduction in the working-age male population was 26.2%. The sharp reduction in sown areas was caused by several factors (legislative ban on land leasing, natural and climatic conditions, etc.), with the greatest impact of the policy of War Communism, especially forced food procurement and the state grain monopoly. Based on the analysis of the agricultural censuses data, the study reveals a trend toward the “middling” of the peasantry during the Civil War. The decline in livestock farming among the peasant-

ry manifested in a significant loss of cattle and small livestock (sheep and goats) and, to a lesser extent, horses that owners strove to preserve for the future as the primary source of draft power for their farms. No correlation was found between the reduction in sown areas or livestock numbers and the distance from the front line.

Key words: All-Russian Agricultural Census, Sterlitamak uyezd, livestock farming, agriculture, cantons, peasantry, Little Bashkiria, household cards, RSFSR

References

Baufal A. M., Goryushkin L. M., Zolototrubov V. S., Ostrovsky I. V. (1969) *Materialy perepi-si 1916 g. po Tomskoi gubernii (iz opyta obrabotki na EVM)* [Materials of the 1916 Census for the Tomsk Province (Computer Processing Results)], Novosibirsk.

Ivanov A. V., Tertyshny A. T. (2002) *Uralskoe krestyanstvo i vlast v period grazhdanskoi voiny (1917–1921 gg.): opyt osmysleniya problemy v otechestvennoi istoriografii* [Ural Peasantry and the State during the Civil War (1917–1921): Conceptualization in the Russian Historiography], Ekaterinburg: Izd-vo UGEU.

Ilinykh V. A. (2023) Zemelny kodeks RSFSR 1922 g. v kontekste resheniya agrarnogo vopro-sa v Rossii [The 1922 Land Code of the RSFSR in the context of resolving the agrari-an question in Russia]. *ECO,* no 1, pp. 43–60.

Labuzov V. A. (2004) *Agrarnye otnosheniya na Yuzhnom Urale v pervye desyatiletiya Sovets-koi vlasti (1917–1932 gg.)* [Agrarian Relations in the Southern Urals in the First De-cades of the Soviet Power (1917–1932)], Orenburg: ORLIT-A.

Plotnikov I. F. (1986) *Geroicheskaya epopeya Uralskoi partizanskoi armii Blyukhera* [The He-roic Epic of Blyukher's Ural Partisan Army], Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izd-vo.

Polyakov Yu.A. (1967) *Perekhod k nepu i sovetskoe krestyanstvo* [Transition to the New Eco-nomic Policy and the Soviet Peasantry], Moscow: Nauka.

Polyakov Yu.A. (1981) Naselenie sovetskoi Rossii v 1917–1920 gg. (istoriografiya i istochni-ki) [Population of Soviet Russia in 1917–1920 (historiography and sources)]. *Prob-lemy russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskoi nauki*, Moscow: Nau-ka, pp. 170–175.

Pocheshkhov N. A., Abregova Zh.O., Shkhachemukov R. M. (2020) Poteri naseleniya v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii (1917–1922 gg.): diskussionnoe prostranstvo is-toricheskoi demografii [Population losses during the Russian Civil War (1917–1922): Debates in historical demography]. *Sovremennaya Nauchnaya Mysl*, no 6, pp. 63–68.

Razgon V. N., Belyanin D. N., Razgon A. V. (2021) Gramotnost selskogo naseleniya Altaiskogo okruga v predrevolyutsionny period (na materialah selskokhozyaistvennoi perepi-si 1917 g.) [Literacy of the rural population in the Altai district in the pre-revolu-tionary period (based on the 1917 Agricultural Census)]. *Bylye Gody*, vol. 16, no 4, pp. 2053–2061.

Razgon V. N., Belyanin D. N., Razgon A. V. (2023) Arenda zemli starozhilami i pereselentsami v Altaiskom okruge: sravnitelny analiz (po dannym vserossiiskoi selskokhozyaist-vennoi perepisi 1917 g.) [Land rent by long-term residents and settlers in the Altai region: A comparative analysis (based on the 1917 All-Russian Agricultural Census)]. *Bylye Gody,* vol. 18, no 4, pp. 2136–2144.

Rodnov M. I. (1997a) *Krestyanstvo Ufimskogo uyezda po perepisi 1997 goda* [Peasantry of the Ufa Uyezd According to the 1997 Census], Ufa: NUR-Poligrafizdat.

Rodnov M. I. (1997b) *Krestyane Birskogo uyezda po perepisi 1917 goda* [Peasants of the Birsk Uyezd According to the 1917 Census], Ufa: Gilem.

Rodnov M. I. (2002) *Krestyanstvo Zlatoustovskogo uyezda po perepisi 1917 goda* [Peasantry of the Zlatoust Uyezd According to the 1917 Census], Ufa: DizaiNPoligraf-ServiS.

Rodnov M. I. (2009) *Krestyanstvo Belebeevskogo uyezda po perepisi 1920 goda: etnichesky sostav* [Peasantry of the Belebeevsk Uyezd According to the 1920 Census: Ethnic Composition.], Moscow: IEA.

Rodnov M. I. (2014a) *Naselenie Ufimskoi gubernii po perepisi 1920 goda: etnichesky sostav (Birsky, Zlatoustovsky i dr. uyezdy)* [Population of the Ufa Province According to the 1920 Census: Ethnic Composition (Birsk, Zlatoust and Other Uyezds)], Moscow: IEA RAN.

Rodnov M. I. (2014b) *Naselenie Ufimskogo uyezda po perepisi 1920 goda. Spravochnik* [Population of the Ufa Uyezd According to the 1920 Census. Reference Guide], Saint Peterburg: Svoe izd-vo.

Tagirova L. F. (2022) Ryazanovskaya volost Sterlitamakskogo uyezda po selskokhozyaistvennoi perepisi 1920 g. [Ryazanovsk volost of the Sterlitamak uyezd according to the 1920 Agricultural Census]. *Lichnost v istoricheskom izmerenii: novye istochniki i metodologicheskie podkhody*, Sterlitamak: Bashkirsky gosudarstvenny universitet, pp. 123–127.

Tagirova L. F. (2023) Khozyaistvo mordvy Maloi Bashkirii po podvornym kartochkam Vserossiiskoi selskokhozyaistvennoi perepisi 1920 g. [The Mordvins' economy in Little Bashkiria according to household cards of the 1920 All-Russian Agricultural Census]. *Otechestvennaya ofitsialnaya statistika: proshloe, nastoyashchee, budushchee,* Moscow: Rusains, pp. 132–138.

Tagirova L. F. (2024) Demografiya i ekonomika kurganskih bashkir (na materialah perepisi 1920 g.) [Demography and economy of the Kurgan Bashkirs (based on the 1920 census)]. *Gorodskie bashkiry: sokhranenie i razvitie rodnogo yazyka i kultury v usloviyah etnokulturnogo i yazykovogo mnogoobraziya,* Ufa: IIYaL UFITS RAN, pp. 229–233.

Trapeznikov S. P. (1971) *Leninizm i agrarny vopros. Kn. 1.* [Leninism and the Agrarian Question. Book 1], Moscow: Mysl.

Tumurkhonova N. V. (2009) Podvornye kartochki selskokhozyaistvennyh perepisei kak istorichesky istochnik [Household cards of agricultural censuses as a historical source]. *Rossiisky Ekonomichesky Internet-Zhurnal*, no 2, pp. 916–922.

Tumurkhonova N. V. (2015) Pervichnye materialy Vserossiiskoi selskokhozyaistvennoi perepisi 1917 g. kak demograficheskiy istochnik (na primere stanitsy Tsakirskoi) [Primary materials of the 1917 All-Russian Agricultural Census as a demographic source (on the example of the Tsakirskaya stanitsa)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi Gosudarstvennoi Akademii Kultury i Iskusstva*, no 2, pp. 27–30.

Региональная дифференциация продовольственной безопасности в России[1]

Н. И. Шагайда, Д. С. Терновский, А. А. Еланская, Е. А. Шишкина

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор, Центр агропродовольственной политики ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: shagaida@ranepa.ru

Денис Сергеевич Терновский, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр агропродовольственной политики ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Александра Андреевна Еланская, кандидат географических наук, научный сотрудник, Центр агропродовольственной политики ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru

Екатерина Алексеевна Шишкина, научный сотрудник, Центр агропродовольственной политики ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82. E-mail: shishkina@ranepa.ru

EDN: QRIFDW

Аннотация. В статье использован подход к оценке региональной продовольственной безопасности на основе интегрального показателя. В отличие от традиционных подходов, когда продовольственная безопасность региона оценивается через многочисленные показатели самообеспеченности, интегральный показатель сформирован на основе пяти функциональных блоков, включая экономическую доступность продовольствия как главную составляющую продовольственной безопасности. Веса блоков, показателей в них были верифицированы экспертами. Информационную базу составили официальные статистические данные и микроданные обследований бюджетов домашних хозяйств Росстата за 2018–2023 гг. По динамике изменения интегрального показателя по годам регионы распределены по группам. Установлено, что ядро группы лидеров составляют республики Северного Кавказа, регионы Юга России и Черноземья. Высокая оценка этих регионов детерминирована не только объемами производства, но и развитостью малых форм хозяйствования, обеспечивающих население разнообразной и экономически доступной продукцией. Напротив, в группе аутсайдеров (регионы Севера и Дальнего Востока) доминируют риски физической недоступности и инфраструктурной изоляции. Анализ динамики индекса продемонстрировал преобладание позитивного вектора: у 42 регионов зафиксирован прирост показателя более чем на 1 балл. Однако на этом фоне выявлена нарастающая региональная поляризация — межре-

1. Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС.

гиональный разрыв между полюсами рейтинга увеличился на 28%. Выявлено, что несбалансированность рациона является межрегиональным явлением с небольшими исключениями, не имеющим прямой корреляции с уровнем самообеспечения и доходов региона. Обоснована необходимость перехода к дифференцированным механизмам поддержки территорий, учитывающим профили уязвимости каждого региона.

Ключевые слова: дифференциация регионов, продовольственная безопасность, интегральный индекс, экономическая доступность, полноценность питания, агроэкспорт, устойчивость продовольственных систем

Обеспечение продовольственной безопасности (ПБ) занимает центральное место в системе социально-экономических приоритетов государства. В настоящее время государственная политика России сфокусирована преимущественно на макроэкономических показателях: наращивании объемов производства для достижения пороговых значений самообеспеченности и реализации экспортного потенциала[2]. Такая «производственно-центричная» модель зачастую вступает в противоречие с конечной стратегической целью, закрепленной в актуальной Доктрине продовольственной безопасности РФ 2020 (Доктрина 2020) — 100% обеспечение каждого гражданина страны рациональными нормами потребления пищевых продуктов[3]. Несмотря на достигнутые успехи в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции, сохраняется значительная дифференциация состояния продовольственной безопасности на уровне субъектов РФ и домохозяйств (Шагайда и др., 2022). Это обуславливает необходимость пересмотра подходов к мониторингу ПБ и перехода к интегральной оценке, учитывающей реальную защищенность потребителя в региональном разрезе.

В современной экономической науке утвердился консенсус относительно многоуровневого и иерархического характера продовольственной безопасности. Глобальный дискурс, заданный работами экспертов ФАО[4] и другими фундаментальными исследованиями (Webb et al., 2006; Barrett, 2010), рассматривает ПБ как четырехмерную систему (наличие, доступ, использование и стабильность, в настоящее время предлагается добавить субъектность и устойчивость (FAO, 2021; Clapp et al., 2022)), где каждый уровень имеет свои детерминанты. Зарубежные исследователи акцентируют вни-

2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
3. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
4. Декларация Всемирного продовольственного саммита по вопросам продовольственной безопасности. Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. https://www.fao.org/4/k6050r/k6050r.pdf

мание на том, что агрегированные национальные показатели часто маскируют глубокую уязвимость отдельных районов и социальных групп. В частности, опыт субнациональных оценок в странах с высокой территориальной дифференциацией, таких как Китай (Qiang et al., 2023), Индия (Pingali et al., 2019) и Бразилия (Moura et al., 2025), наглядно демонстрирует, что игнорирование внутрирегиональных различий ведет к неэффективности аграрной политики.

Данная концепция находит развитие в работах ведущих российских ученых (Бородин, 2018; Ушачев, Колесников, 2021; Алтухов, 2025; Шагайда и др., 2025), которые подчеркивают, что состояние ПБ на уровне страны, региона и отдельного домохозяйства может различаться радикально. Если на национальном уровне приоритетом выступают суверенитет и физическое наличие продовольствия, то на уровне субъекта РФ ключевое значение приобретают эффективность распределительных механизмов и состояние инфраструктуры, межрегиональных связей. На уровне домохозяйства ПБ определяется реальной покупательной способностью и качеством/сбалансированностью рациона питания членов семьи (Шагайда и др., 2024). В России также важно учитывать региональную неоднородность: субъекты радикально различаются по аграрному потенциалу, транспортной доступности и уровню доходов населения (Зубаревич, 2010).

В зарубежной и отечественной науке для оценки многомерных связей внутри продовольственных систем широко применяется аппарат интегральных индексов. Данный подход позволяет агрегировать разнородные показатели в единую сопоставимую величину. Международный опыт интегральных оценок представлен индексами продовольственной безопасности The Economist Impact[5] и Deep Knowledge Group[6], Международного института окружающей среды IIED и развития[7], а также глобальным Индексом голода[8]. Однако их адаптация к национальному и региональному уровням анализа сталкивается с проблемами полноты охвата и объективностью данных. В частности, индекс The Economist включает в себя множество показателей, основанных на субъективных оценках экспертов, что не позволяет их верифицировать и снижает возможность межстрановых/межрегиональных сопоставлений. Индекс Deep Knowledge Group построен на основе статистических данных международных организаций, но он был рассчитан один раз, т. е.

5. The Economist (2022). Global food security index 2022. London etc.: The Economist Group.
6. Deep Knowledge Analytics. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dka.global/
7. IIED Food Security Index [Электронный ресурс]. URL:https://www.iied.org/collection/iied-food-security-index),
8. Global Hunger Index. [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalhungerindex.org/

не позволяет проводить анализ в динамике. Методологические уязвимости индекса IIED, выраженные в высокой мультиколлинеарности данных и подмене специфических маркеров продовольственной безопасности общими макроэкономическими и институциональными показателями, существенно ограничивают его применимость на региональном уровне, поскольку агрегированные общегосударственные метрики (такие как ВВП, эффективность правительства или уровень интернетизации) нивелируют внутреннее социально-экономическое неравенство и специфику локальных продовольственных систем. Недостатки данных интегральных оценок обуславливают потребность в создании национальных систем мониторинга, способных сочетать верифицируемые и регулярно обновляемые данные.

В России ведется поиск подходов к интегральной оценке продовольственной безопасности на федеральном (Шоба, 2023) и региональном уровне (Антамошкина, 2014; Тимофеева и др., 2017). Однако современным исследованиям зачастую не хватает четких критериев при формировании системы исходных индикаторов. В условиях избыточности статистических параметров выбор конкретных величин и определение их весовой значимости часто не сопровождаются достаточным теоретическим обоснованием (Голованова, 2021; Ковзунова и др., 2022). Большинство существующих методик опираются на доступные данные открытой статистики, которые при простоте расчета не позволяют в полной мере отразить многоаспектный характер продовольственной безопасности. Характерной проблемой остается директивное шкалирование и дублирование показателей, что искажает итоговые результаты. Таким образом, несмотря на наличие теоретических наработок, задача формирования интегрального показателя продовольственной безопасности остается актуальной. Существует потребность в методике, которая бы исключала дублирование показателей, основывалась на научно обоснованных весовых коэффициентах и охватывала все стороны ПБ в их взаимосвязи. Апробация такого инструментария на всей совокупности субъектов РФ в динамике позволит не только ранжировать регионы, но и выявлять структурные дефициты локальных продовольственных систем, становясь основой для дифференцированной государственной политики.

Цель исследования заключается в разработке и апробации методики интегральной оценки продовольственной безопасности регионов России — не просто констатация производственных достижений субъектов, а выявление реального уровня защищенности населения через призму экономической доступности и качества питания. Для достижения этой цели в работе решается задача верификации значимости отдельных индикаторов с помощью экспертных опросов, что позволяет отразить специфику продовольственной безопасности на разных уровнях: от макроэкономической стабильности региона до благополучия конкретной семьи.

Процесс формирования интегрального показателя продовольственной безопасности включал несколько последовательных этапов.

1. Формирование расширенного перечня индикаторов продовольственной безопасности

На первом этапе был сформирован массив первичных индикаторов ПБ, базирующийся на анализе нормативно-правовых актов (Доктрина продовольственной безопасности РФ, распоряжения Правительства РФ[9]), методических рекомендациях ФАО ООН и анализе отечественной и зарубежной научной литературы. Это позволило сформировать комплексное видение проблемы, объединяющее макроэкономические показатели страны, регионов и индикаторы благополучия домохозяйств.

2. Экспертная верификация и структурирование

Для систематизации показателей и определения их значимости был проведен экспертный опрос среди специалистов в аграрной сфере (ФАО, Минсельхоз, РАНХиГС, ВШЭ, МГУ, Тимирязевская академия, Национальная академия наук Беларуси). Респондентам было предложено оценить значимость индикаторов в рамках пяти функциональных блоков:

- Наличие продовольствия и устойчивость продовольственной системы.
- Экономическая доступность продовольствия.
- Физическая доступность продовольствия.
- Полноценность питания.
- Безопасность питания.

Также эксперты оценивали важность каждого блока для интегральной оценки продовольственной безопасности по 5-балльной шкале, где 1 — наименьшая значимость, а 5 — наибольшая. Согласованность мнений экспертов подтвердилась коэффициентом конкордации Кендалла.

На основе экспертных оценок каждому показателю был присвоен весовой коэффициент, отражающий его вклад в общую систему региональной продовольственной безопасности. Ввиду слабой вариативности средних баллов оценок по каждому блоку, был применен метод Фишберна. Это позволило выстроить систему весов в соответствии с правилом убывающего предпочтения (арифметическая прогрессия) и сделать различия между компонентами более нагляд-

9. Распоряжение Правительства РФ от 10.02.2021 № 296-р (ред. от 11.08.2022) Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации.

ными. Аналогичная процедура взвешивания по рангам была реализована для индикаторов внутри каждого блока.

3. *Аналитическое исключение показателей и устранение мультиколлинеарности*

Из итогового перечня показателей были исключены дублирующие и тесно коррелирующие. Также аналитическим путем исключались индикаторы с малыми весовыми коэффициентами, полученными от экспертов. Это позволило избежать «двойного счета» и смещения оценок, гарантируя, что каждый параметр вносит уникальный вклад в итоговый индекс. Отобранный набор показателей с весами проходил повторную экспертную верификацию.

По итогу работы с показателями и экспертами был составлен набор индикаторов для исчисления интегрального показателя продовольственной безопасности по регионам — 11 индикаторов, распределенных по 5 блокам (табл. 1).

Таблица 1. Показатели и их весовые коэффициенты для интегральной оценки ПБ регионов РФ

Показатели	Вес
Блок I. Наличие продовольствия и устойчивость продовольственной системы — 22%	
1.1. Уровень достаточности производства для покрытия внутренних потребностей (интегральный показатель самообеспеченности по группам)	9%
1.2. Индекс физического объема оборота розничной торговли продуктами питания	4,5%
1.3. Коэффициент обновления техники (тракторов)[10]	6,5%
1.4. Уровень концентрации производства	2%
Блок II. Экономическая доступность продовольствия — 34%	
2.1. Доля населения в зоне продовольственной небезопасности	22,5%
2.2. Волатильность цен (по методике ФАО)	11,5%
Блок III. Физическая доступность продовольствия — 22%	

10. Выбор коэффициента обновления техники (тракторов) в качестве индикатора инвестиционного потенциала был вынужденным компромиссом. Мы признаем его дуализм: с одной стороны, он прямо отражает инвестиционные возможности региона, с другой — может быть завышен в субъектах с критически низким базовым уровнем оснащенности. Однако альтернативные показатели, такие как прямые инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве, на региональном уровне характеризуются необъяснимой волатильностью и колоссальными статистическими выбросами. В связи с этим индекс по технике был принят как наиболее адекватный и верифицируемый инструмент оценки материально-технической устойчивости регионов.

Показатели	Вес
3.1. Удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования, в общем числе сельских населенных пунктов	14,5%
3.2. Доля населения, проживающего в малочисленных селах, где отсутствуют магазины с полноценным набором питания (принята численность менее 200 чел.)	7,5%
Блок IV. Полноценность питания — 11%	
4.1. Отклонение фактического потребления от рационального	11%
Блок V. Безопасность продовольствия — 11%	
5.1. Доля проб пищевой продукции, которая не соответствует санитарно-эпидемиологическим требованиям/гигиеническим нормативам	5%
5.2. Доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения	6%

4. Расчет интегрального показателя

Для обеспечения сопоставимости и последующего агрегирования в интегральный индекс разноразмерные показатели были приведены к единой шкале путем нормирования. Процедура нормирования данных осуществлялась по стандартному алгоритму, где референтные границы (минимумы и максимумы) определялись на основе всей совокупности данных по субъектам РФ за период 2018–2023 годов[11]. Это позволило обеспечить сопоставимость показателей в пространственно-временном разрезе.

Далее был реализован расчет интегрального индекса:

— Взвешивание индикаторов: балльная оценка каждого показателя определялась как произведение его нормированного значения на соответствующий весовой коэффициент.

— Покомпонентное агрегирование: на уровне отдельных блоков оценки производилось суммирование баллов входящих в них показателей.

— Финальный синтез: итоговый интегральный показатель продовольственной безопасности формировался путем кумулятивного суммирования баллов по всем анализируемым блокам.

Информационную основу исследования составила база данных, сформированная из официальных статистических источников за период 2018–2023 годов. Особенностью методики является использование не только агрегированных данных, но и микроданных выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств Росстата, что позволило оценить продовольственную безопасность на уровне домохозяйств.

11. Только по показателю «доля населения в зоне продовольственной безопасности брались за min — 0, max — 100%.

Объектом исследования послужили 83 субъекта Российской Федерации (без учета Республики Крым, г. Севастополя и новых территорий). Исключение данных регионов обусловлено продолжающимся процессом гармонизации региональных систем статистического учета и специфическими инфраструктурными трансформациями, которые создают аномальные статистические выбросы.

Результаты

Иерархия факторов продовольственной безопасности регионов РФ по мнению экспертного сообщества

В результате экспертного опроса была сформирована иерархическая система весовых коэффициентов, отражающая значимость различных факторов для продовольственной безопасности регионов (табл. 1). На основе ее анализа можно сделать следующие выводы.

Доминирование экономической доступности. Наибольший удельный вес получил блок экономической доступности продовольствия, который включается в себя два показателя: «Доля населения в зоне продовольственной небезопасности»[12] (22,5% — это самый высокий вес среди всех одиночных индикаторов) и «Волатильность цен»[13] (11,5% — третье место). Это подтверждает концептуальный сдвиг: эксперты признают, что в настоящее время ключевым риском продовольственной безопасности является не отсутствие товара, а нехватка средств у населения для его приобретения.

Расчеты, основанные на микроданных бюджетных обследований домашних хозяйств, показали, что домохозяйства с низким доходом и высокой долей расходов на питание в своих потребительских рас-

12. Уровень экономической доступности рассчитывается как соотношение стоимости рациона, который семьи могут себе позволить, к стоимости рационального набора членов домохозяйства. При этом возможность на уровне больше рациональной нормы признается равной рациональной норме. При расчете доли населения в зоне продовольственной небезопасности суммируется число членов домохозяйств, где может быть обеспечен доступ к продовольствию только в размере до 90% от рациональной нормы. Затем — находится соотношение членов таких домохозяйств к общему числу членов домохозяйств в стране. Обосновано в: (Шагайда и др., 2024).

13. Рассчитан по методике ФАО — отношение разницы в темпах прироста цен в наблюдаемом году и в среднем за 3 года к стандартному отклонению среднегодового прироста. Сводный показатель ценовых аномалий рассчитывается как среднее из показателей ценовых аномалий, характеризующих волатильность цен на продовольствие за 3 и 12 месяцев. Волатильность в месяцах, где фиксируется снижение цен, принимается за 0, чтобы не снижать влияние роста в остальные месяцы года. Далее находилось среднее значение показателя за год. То есть этот показатель учитывает не только годовые, но и колебания цен в большем диапазоне.

ходах могут обеспечить высокую продовольственную безопасность семей. Примером выступает Дагестан, в котором около 79% населения тратит на питание более 50% своих потребительских расходов. Несмотря на это, доля населения в зоне продовольственной небезопасности этого региона одна из самых низких в стране (в 2023 г. 9,6% членов домохозяйств). В большинстве регионов Северо-Кавказского федерального округа доля семей в продовольственной небезопасности ниже, чем в среднем по России.

Инфраструктурный каркас. Высокий вес блока «Физическая доступность продовольствия», в части показателя связности сельских пунктов дорогами с твердым покрытием (14,5%), подчеркивает специфику регионального анализа. В масштабах страны это может казаться второстепенным фактором, но для продовольственной безопасности конкретного субъекта РФ логистика является критическим условием физического доступа к продовольствию. Очевидно, что проблемы физического доступа к продовольствию трансформируются в проблему цен на продукты. В случае если относительные доходы не соответствуют относительному уровню цен, то усугубляются проблемы экономического доступа к продовольствию.

В соответствии с Доктриной 2020 «физическая доступность продовольствия — уровень развития товаропроводящей инфраструктуры, при котором во всех населенных пунктах страны обеспечивается возможность приобретения населением пищевых продуктов или организации питания в объемах и ассортименте, не меньше установленных рациональных норм потребления пищевых продуктов». Теоретически «возможность приобретения пищевых продуктов» в каждом населенном пункте должна оцениваться через наличие магазина стационарной торговли, который может обеспечить необходимый для полноценного питания ассортимент продуктов. Данных о наличии магазинов в каждом населенном пункте нет. Для решения этой проблемы в работе был применен следующий подход: определялась доля сел с населением до 200 человек. По объему потенциальных покупок был сделан вывод, что в таких селах маловероятно наличие магазина с полноценным ассортиментом. Очевидно, что почти в каждое село добираются автолавки. Однако они содержат минимальный набор продуктов и не могут рассматриваться как полная альтернатива стационарному магазину. Кроме того, автолавки могут совершать регулярное снабжение, когда есть дороги с твердым покрытием. Соответственно, оценка отсутствия инфраструктуры осуществлялась через долю населения, проживающего в малочисленных селах (где вряд ли могли быть стационарные магазины)[14], и наличие дорог с твердым покрытием.

14. Существенным ограничением является то, что перепись населения, по которой определятся доля населения, проживающая в малочисленных селах с отсутствием полноценных магазинов с продовольствием, проводится раз в 10 лет.

Оценка физической доступности продовольствия в крупных регионах РФ искажается «эффектом усреднения». На примере Красноярского края видно, что высокие показатели дорожной связности (93%) актуальны лишь для южного каркаса расселения. При этом около 10% населения (275 тыс. чел.) проживает в труднодоступных арктических и северных районах, где круглогодичное снабжение по дорогам невозможно. Таким образом, формальная статистика маскирует реальные риски физической доступности для части жителей. Этот аспект продовольственной безопасности важно оценивать на уровне муниципальных районов, с учетом численности населения, транспортной доступности по разным видам сообщения (авиа-, морское и т. д.). Но информационная база для этого отсутствует.

Устойчивость против «вала». В иерархии индикаторов региональной ПБ уровень самообеспеченности получил лишь 9%, что в 2,5 раза меньше веса показателя продовольственной небезопасности. Это обосновывает тезис о том, что статус аграрного лидера не гарантирует автоматической безопасности региона без учета других аспектов.

В обычной ситуации на уровне региона не важно, производится ли именно на его территории все многообразие продуктов для удовлетворения региональных потребностей. Страна — единый рынок и единое пространство, по которому перемещаются продукты из регионов, где есть сравнительные преимущества для их производства, в те, где есть потребность в продукции. Вместе с тем показатель самодостаточного производства можно рассчитывать и на уровне региона. Во-первых, ограничения передвижения товаров внутри стран во время пандемии COVID-19 показали, что в экстремальных ситуациях наличие продукции в самом регионе может быть важным. Поэтому полезно как-то отделить регионы, которые производят продовольствие для своих нужд, от тех, в которых есть потребность в импорте. Во-вторых, применяемая методика[15] исчисления учитывала только то производство, которое нужно для удовлетворения внутренних нужд, не завышало значимость региона для других регионов. Были получены результаты, которые могут привести к противоречиям со сложившимися представлениями.

Так, регионы, которые производят в сотни процентов больше своих внутренних потребностей по одному продукту, но не производят всего спектра продуктов для удовлетворения внутренних потребностей, имеют худшую оценку, чем регионы, которые произво-

15. Данные Росстата и Минсельхоза. Все значения по продуктам, где производство превышает потребность, принимаются за 100 (так потребность удовлетворяется). Для получения единого показателя все значения взвешиваются с учетом доли этого продукта в потребительских расходах населения, и исчисляется сумма. По регионам — расчет проводится по основным продуктам питания, кроме рыбы и рыбных продуктов.

дят достаточно только для своих потребностей, но более широкую номенклатуру продовольствия. В таблице 2 приведены значения по 10 лучшим регионам, при расчете самообеспеченности учитывались показатели выше 100%, чтобы показать потенциал региона. В таблице 3 — они приравнивались к 100%, чтобы снять влияние тех продуктов, которые производились сверх внутренних потребностей, но учесть широту номенклатуры производимых продуктов. То есть отсекалось избыточное производство по одному продукту, чтобы оно не нивелировало недостаточное производство по другому продукту.

Таблица 2. Топ-10 регионов по уровню достаточности производства для покрытия внутренних потребностей до исключения избыточного производства при расчете, %

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Тамбовская область	264,7	264,4	292,3	347,3	448,5	498,4
Курская область	270,7	274,9	305,5	325,2	462,4	479,4
Орловская область	162,2	189,5	205,1	277,3	395,1	477,3
Липецкая область	223,3	246,0	241,5	265,0	377,0	403,6
Белгородская область	404,3	409,4	389,2	417,3	453,6	387,8
Пензенская область	163,0	193,1	204,6	250,4	325,4	327
Воронежская область	166,0	172,6	161,9	209,7	270,9	295,6
Волгоградская область	137,6	150,8	150,7	171,9	176,7	253,9
Республика Мордовия	265,2	278,4	289,3	294,8	310,7	249
Алтайский край	130,1	129,8	134,1	185,2	197,9	245

Таблица 3. Топ-10 регионов по уровню достаточности производства для покрытия внутренних потребностей с исключением избыточного производства при расчете, %

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Липецкая область	99,7	99,1	100,0	100,0	100,0	100
Карачаево-Черкесская Республика	91,4	92,1	90,7	94,9	99,4	99,4
Белгородская область	93,4	93,4	96,4	93,3	98,5	97,3
Воронежская область	98,2	94,0	96,0	96,5	97,5	97,2
Республика Мордовия	97,9	99,5	98,2	92,9	97,9	95,4
Курская область	85,0	85,6	86,4	88,2	96,1	95,4
Тамбовская область	82,4	79,8	81,1	82,7	95,1	94,7
Брянская область	91,6	85,3	84,8	84,7	93,3	93,4
Рязанская область	83,9	91,1	90,0	88,9	94,8	92,8
Пензенская область	87,9	88,8	89,6	90,1	94,9	92,7

Сопоставление регионов в этих таблицах показывает, что состав обновился на 30%, а регионы поменялись местами. Очевидно, что в Липецкой области более разнообразное сельское хозяйство, которое удовлетворяет полностью внутренние потребности по всем базовым продуктам. Возможно, что сохраняется потребность в расширения разнообразия внутри одной группы продуктов (замена части яблок на мандарины, например), но потребность в среднем по группе удовлетворена полностью. Как видно по набору регионов, на первое место не попали ни Краснодарский край, ни Белгородская область, что свидетельствует о более глубокой специализации в их сельском хозяйстве. Первое место Липецкой области имеет историческое обоснование: в этом регионе в постперестроечный период активно велась работа по развитию сельского хозяйства во всех категориях населения, поощрялась кооперация мелких производителей, что стимулировало их желание производить продукцию.

Наименьшие веса блоков полноценности и безопасности питания — по 11%. В современной повестке государственная стратегия в основном сосредоточена на производственном аспекте — обеспечении продовольственной независимости и выполнении целевых показателей Доктрины, появляется акцент на экономической доступности (способность населения реально купить эти продукты). При этом блоки полноценности и безопасности питания, которые определяют долгосрочное качество жизни и здоровье нации, по-прежнему остаются на периферии внимания. При этом складывается парадоксальная ситуация: по показателям экономической и физической доступности наблюдаются существенные межрегиональные различия, блок полноценности питания практически не имеет значимой вариации между субъектами (будет показано далее). Несбалансированная структура рациона — дефицит потребления фруктов, овощей, качественного белка и избыток углеводов — характерна для всех регионов и является общенациональным вызовом, а не локальной спецификой.

По блоку безопасности (где учитывалось качество воды и продукции), наоборот, отмечается региональная поляризация. Если в среднем по России доля некачественных пищевых проб стабильна (2,8% на 2023 г.), то в регионах-аутсайдерах (например, Республика Дагестан (16,8%) и Новгородская область (9,6%)) риски остаются стабильно высокими. Еще более критическая ситуация сложилась с доступом к качественной питьевой воде из систем централизованного водоснабжения. На фоне стопроцентного обеспечения населения в крупных городах, в Республике Калмыкия доступ получает 7,3% жителей, а в Республике Тыва — 38%. Таким образом, региональная продовольственная безопасность зависит от инфраструктурного обеспечения, санитарных рисков и качества питания. Переход к обеспечению качества питания — следующий этап становления государственной политики.

Региональная дифференциация по интегральному показателю продовольственной безопасности 2023 года

Анализ интегрального показателя (ИП) ПБ позволил распределить регионы России по четырем квартилям, каждый из которых отражает специфику обеспечения продовольственной безопасности. Средние значения баллов оценки в целом и по составным блокам продовольственной безопасности приведены в таблице 4.

Таблица 4. Средние значения интегральной оценки продовольственной безопасности и входящих в нее блоков по квартилям

Квартиль/ название группы	Интегр. оценка		I бл. Наличие продовольствия и устойчивость		II бл. Экон. доступ		III бл. Физич. доступ		IV бл. Полноценность питания		V бл. Безопасность		Доля населения
	2023	2023/2018	2023	2023/2018	2023	2023/2018	2023	2023/2018	2023	2023/2018	2023	2023/2018	2023
РФ	70,1	1,4	9,8	0,4	27,6	0,7	16,1	0,2	7,4	-0,2	9,2	0,3	100
1 (лидеры)	79,4	3,1	12,5	1,5	30,1	1,1	19,4	0,0	7,9	0,2	9,4	0,3	26,1
2 (догоняющие)	72,9	1,7	10,0	0,4	28,0	1,1	17,5	0,1	7,6	-0,2	9,8	0,2	44,8
3 (ниже среднего)	67,9	1,1	9,6	-0,1	27,4	1,0	14,6	0,2	7,3	-0,3	9,0	0,3	20,3
4 (аутсайдеры)	60,3	-0,4	6,9	-0,3	24,8	-0,5	13,0	0,4	7,1	-0,5	8,6	0,6	8,8

1. Группа лидеров (1-й квартиль): «пояс устойчивости». Первый квартиль объединяет регионы с наивысшими значениями интегрального показателя (от 76,1 до 86,7 балла). Географически этот «пояс устойчивости» охватывает весь Северный Кавказ и Юг России (за исключением Калмыкии и Волгоградской области), а также ведущие аграрные регионы Центрального Черноземья и Поволжья. В этой группе регионов проживает 26% населения страны.

Наибольший вклад в интегральный показатель первого квартиля внес блок экономической доступности (30 баллов из 34 возмож-

ных). В регионах-лидерах доля населения, находящегося в зоне продовольственной небезопасности (неспособных обеспечить более 90% рационального набора), существенно ниже среднероссийского уровня (в 2023 г. 26,3%). Это подкрепляется низкой волатильностью цен и растущим индексом оборота розничных покупок в 17 субъектах группы. Регионы данной группы демонстрируют лучшие в стране показатели физической доступности продовольствия (19,6 из 22 баллов). Это обусловлено высокой долей сел с дорогами с твердым покрытием и низкой долей населения, проживающего в изолированных малочисленных селах. Средняя оценка регионов первого квартиля по блоку «Наличие продовольствия и устойчивость продовольственной системы» составила 12,3 балла из 22 возможных — регионы достаточно разнородны по аграрной структуре, но большинство из них имеет высокий уровень достаточности производства сельскохозяйственной продукции под внутренний платежеспособный спрос (более 85%). Специфика Северокавказских регионов также выявила роль личных подсобных хозяйств как стабилизатора ПБ на уровне семьи. Средние значения по остальным блокам представлены в таблице 4. Они достаточно статичны и практически не отличаются по квартилям.

2. Группа догоняющих (2-й квартиль): экономическая устойчивость при производственном дефиците. Второй квартиль (ИП от 70,1 до 76,0) представляет собой наиболее географически контрастную группу регионов. В ее состав вошли крупнейшие агломерации (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), стратегические логистические хабы (Калининградская область, Приморский край), а также индустриально-аграрные субъекты Поволжья, Урала и Сибири. Данная группа регионов показывает, что высокий уровень доходов и развитая инфраструктура успешно нивелируют нехватку собственного производства. По уровню экономического и физического доступа (Блоки II и III) «догоняющие» регионы незначительно уступают лидерам рейтинга. Однако лишь пять субъектов в этой группе — Липецкая, Рязанская, Брянская области, Алтайский край и Республика Татарстан — имеют уровень самообеспеченности свыше 85%. Для остальных регионов продовольственное обеспечение базируется на эффективности межрегиональных и импортных поставок. В регионах второго квартиля сосредоточено 45% населения страны. Таким образом, с учетом лидеров, суммарно две трети граждан России проживают в зонах с благополучным уровнем продовольственной безопасности.

3. Группа умеренного риска (3-й квартиль): зона хрупкой устойчивости. В третий квартиль по уровню ИП ПБ со средним значением в 68 баллов вошли отдельные регионы Центральной России, индустриальные регионы Урала и Сибири, северные нефтегазовые автономии (ХМАО, ЯМАО). В этой группе проживает 20% населения России.

По показателям экономической доступности и наличия продовольствия регионы третьего квартиля не сильно уступают второму. Однако существенное различие отмечается в части физического доступа к продовольствию и высокой концентрации агропроизводства (табл. 5). В среднем по группе более трети сельских населенных пунктов не имеют доступа к дорогам с твердым покрытием, а 17% сельского населения проживает в малочисленных пунктах. Около трети продукции сельского хозяйства приходится на первые пять сельхозорганизаций (СХО) по выручке в регионе. Таким образом, отсутствие диверсифицированной структуры производства и плохая транспортная связность делают эти регионы зависимыми от внешних поставок продукции и логистических издержек.

4. *Группа аутсайдеров (4-й квартиль): зона специфических вызовов.* Четвертый квартиль объединяет регионы с наиболее низкими значениями интегрального показателя (от 47,1 до 65,2 балла). В этой группе проживает почти 9% населения страны. Анализ состава регионов этой группы позволяет выделить два принципиально разных типа проблем ПБ.

Первый тип — регионы с объективными географическими ограничениями. К ним относятся субъекты Дальнего Востока, Северо-Запада и Республика Тыва. Низкий балл ИП обусловлен суровыми природно-климатическими условиями, экстремальной удаленностью и спецификой расселения: низкой плотностью населенных пунктов и сложностью рельефа.

Второй тип — староосвоенные территории Европейской части России: Ярославская, Калужская, Смоленская, Костромская, Новгородская и Псковская области. Несмотря на благоприятное географическое положение и близость к крупнейшим рынкам сбыта, эти регионы демонстрируют уязвимость в части концентрации производства (более 50% всей сельскохозяйственной продукции выпускается пятью крупнейшими СХО) и слабой сельской инфраструктуры (низкая обеспеченность сел дорогами с твердым покрытием в сочетании с высокой долей населения, проживающего в малочисленных деревнях). При этом показатели продовольственной безопасности имеют внутрирегиональную дифференциацию: ситуация в сельской местности значительно хуже, чем в городах.

Если для северных территорий ключевым вызовом остается физическое наличие продовольствия и, как следствие, его доступность, то для староосвоенных регионов Центральной России главная проблема в инфраструктурной деградации села и потере устойчивости из-за вытеснения малого агробизнеса крупными холдингами.

Таблица 5. Средние значения показателей блоков по квартилям, 2023 год

Блок	I бл. Наличие продовольствия и устойчивость				II бл. Экон. доступ		III бл. Физич. доступ		IV бл. Полноценность питания	V бл. Безопасность		Доля населения
Показатель	1.1	1.2	1.3	1.4	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	5.1	5.2	
1-й квартиль	81,5	118,3	5,2	22,1	16,5	0,2	89,7	7,3	0,71	2,6	86,8	26,1
2- квартиль	65,6	111,7	3,6	25,4	25,7	0,3	81,3	11,6	0,69	2,3	91,1	44,8
3-й квартиль	64,3	107,4	3,7	31,0	28,6	0,2	67,3	17,5	0,66	2,6	79,5	20,3
4-й квартиль	39,0	106,9	3,2	40,3	39,6	0,4	57,3	18,0	0,64	3,8	78,9	8,8

Примечания: 1.1. Уровень достаточности производства для покрытия внутренних потребностей; 1.2. Индекс физического оборота розничной торговли продуктами питания; 1.3. Коэффициент обновления техники (тракторов); 1.4. Уровень концентрации производства; 2.1. Доля населения в зоне продовольственной небезопасности; 2.2. Волатильность цен; 3.1. Удельный вес сельских населенных пунктов, имеющих связь по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования; 3.2. Доля населения, проживающего в селах до 200 чел.; 4.1. Отклонение фактического потребления от рационального; 5.1. Доля проб пищевой продукции, которая не соответствует санитарно-эпидемиологическим требованиям/гигиеническим нормативам; 5.2. Доля населения, обеспеченного качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения.

Сравнительный анализ профилей продовольственной безопасности (рис. 1) выявляет глубокую неоднородность между группами регионов. Если принять показатели лидеров (1-й квартиль) за эталон, то дефициты остальных групп становятся очевидными: 2-й квартиль демонстрирует «провал» в блоке наличия продовольствия и устойчивости системы; 3-й квартиль отстает по физическому доступу и инфраструктуре; 4-й — ожидаемо уступает лидерам по всем параметрам. Однако за этими различиями скрывается главный парадокс: качество рациона питания (отклонение фактического потребления от рациональных норм) оказалось практически

нечувствительно к общему уровню продовольственной безопасности региона. Несмотря на разрыв в доходах, объемах производства и других показателях, во всех четырех квартилях отмечается схожая картина несбалансированного питания. Ни высокая самообеспеченность регионов, ни высокая покупательная способность мегаполисов не конвертируются в здоровый рацион населения. Это доказывает, что проблема питания в России носит не только экономический или географический, но и системный поведенческий характер. Продовольственная безопасность на уровне семьи остается уязвимой даже в «благополучных» регионах: наличие продовольствия и возможности его приобретения пока не гарантирует соблюдения рациональных норм потребления.

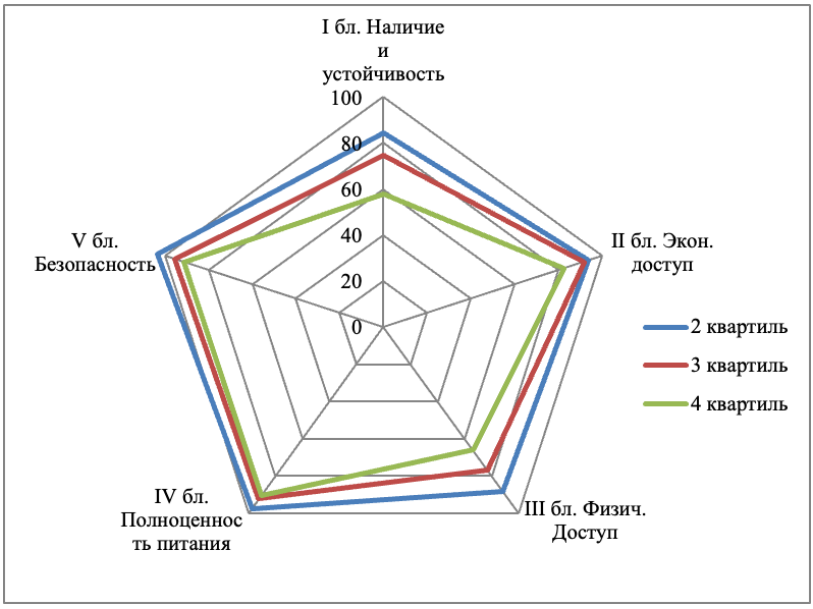

Рис. 1. Достижение регионами 2–4-го квартилей значений регионов 1-го квартиля

Динамика интегрального показателя продовольственной безопасности регионов РФ

Анализ динамики интегрального показателя за пятилетний период позволяет разделить субъекты РФ из каждого квартиля на группы в зависимости от вектора их развития: улучшили уровень интегральной оценки (рост более 1 балла); «стабильные» — сохранили уровень (изменения от 1 до –1 балла); ухудшили уровень (сокращение более чем на 1 балл). На этой основе была проведена кла-

стеризация регионов (табл. 6). Данный подход позволяет идентифицировать устойчивые модели обеспечения продовольственной безопасности и выявить зоны системных рисков.

В период с 2018 по 2023 год средний интегральный показатель ПБ по России вырос на 1,4 п.п., основной вклад внесли регионы-лидеры (+3,1 п.п.), «догоняющие» также продемонстрировали рост выше среднероссийского темпа (+1,7). В это же время регионы-аутсайдеры показали отрицательную динамику (табл. 4).

В группе лидеров положительная динамика ИП отмечена у 14 субъектов РФ. Наиболее интенсивный рост зафиксирован в Тюменской области и Республике Хакасия, что обеспечило их переход в первый квартиль из третьего и второго соответственно. В Тюменской области ключевым фактором роста послужило повышение экономической доступности продовольствия. В Хакасии отмечено улучшение показателей по всем блокам, прежде всего в части полноценности рациона (ранее находившейся на критически низком уровне). Также существенно повысили интегральную оценку республики Адыгея, Кабардино-Балкария, Мордовия, Чувашия, Астраханская область, что подтверждает гипотезу о том, что развитые малые формы хозяйствования и глубокая переработка продукции обеспечивают более высокую устойчивость системы ПБ.

В группе догоняющих регионов наибольший рост интегрального показателя с 2018 года, который позволил им повысить свой квартиль, показали Курганская, Иркутская области и Приморский край. В данных регионах улучшилась экономическая доступность продовольствия — доля семей в небезопасности существенно сократилась. В 2023 году Курганская область по этому показателю вошла в топ-3 по России. Это повлияло на улучшение полноценности питания. Кроме того, в Иркутской области и Приморском крае повысился индекс розничной торговли продовольствия.

Города федерального значения — Москва (+3,2 п.п.) и Санкт-Петербург (+1,8 п.п.) — продемонстрировали стабильный рост, перейдя из 3-го квартиля во 2-й. Несмотря на отсутствие собственного аграрного производства, динамика ИП обусловлена развитыми логистическими цепочками и высокой покупательной способностью населения, что в рамках интегральной оценки является важным фактором.

Наиболее тревожным стало снижение или стагнация ИП в ряде регионов, являющихся аграрными лидерами страны, — Ростовской, Белгородской, Воронежской, Курской, Волгоградской, Липецкой и Саратовской областях, Алтайском крае и Республике Татарстан. Последние четыре региона понизили свой квартиль, перейдя в 2023 году из лидеров в группу догоняющих. Это подтверждает, что рекордные объемы производства сельскохозяйственной продукции не конвертируются в продовольственную безопасность населения, если при этом снижаются экономическая, физическая доступность и качество питания.

В нижней части рейтинга (3–4-й квартили) динамика носит разнонаправленный характер. В 2023 году Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа[16] переместились из 4-го в 3-й квартиль. Положительный тренд ИП в данных субъектах обусловлен сочетанием высокого уровня среднедушевых доходов населения и эффективностью механизмов бюджетного субсидирования «северного завоза», что минимизирует риски физической недоступности продовольствия. Вместе с тем за пятилетний период в этих регионах зафиксирована негативная тенденция в части сбалансированности рациона питания. Позитивная динамика также характерна для республик Марий Эл и Калмыкия, Пермского края и Тверской области, перешедших из группы аутсайдеров в категорию субъектов с уровнем продовольственной безопасности «ниже среднего». Данный рост определен сокращением доли населения, находящегося в зоне продовольственной депривации (несмотря на сохранение этого показателя в Марий Эл и Пермском крае выше среднероссийских значений), и увеличением оборота розничной торговли продовольственными товарами. Дополнительным фактором укрепления позиций Пермского края послужило развитие транспортной инфраструктуры в сельской местности.

В 2023 году впервые появились 5 регионов в группе «аутсайдеры» с положительной динамикой ИП — наибольший рост показателя произошел в Костромской области (+5 п.п.) за счет увеличения экономической доступности продовольствия и оборота розничной торговли. Несмотря на это, слабым место региона остается физический доступ к продовольствию, качество и полноценность рациона питания.

Однако ряд регионов продемонстрировали глубокое падение. Самое резкое снижение индекса в 2023 году в стране зафиксировано в Тульской области (-5 п.п.), Республике Алтай (-4,8 п.п.) и Амурской области (-3,9 п.п.). Тульская область понизила свой квартиль и вошла в группу «ниже среднего», остальные регионы спустились в «аутсайдеры». Они стали антилидерами по росту доли населения в зоне продовольственной небезопасности с 2018 года среди всех регионов России. В Республике Алтай (наряду с высокой волатильностью цен) и Амурской области этот показатель достиг критических значений — более половины населения не могут приобрести

16. По показателям 1.1. «Уровень достаточности производства», 1.4. «Уровень концентрации производства» и 2.1. «Доля населения в продовольственной небезопасности» для ЯНАО и ХМАО брались оценки по Тюменской области, включая автономные округа, для НАО — оценки Архангельской обл. в связи с отсутствием данных по этим регионам в отдельности. По всем остальным показателям интегральной оценки продовольственной безопасности использовались данные по каждому региону в отдельности. В 2023 г. по сравнению с 2018 г. доля населения в продовольственной небезопасности в Тюменской области с округами сократилась практически в 3 раза и достигла 15%.

рациональный набор питания. В Тульской области эта доля составила 38%. В обозначенных областях также снизилась оценка наличия продовольствия — за счет снижения индекса оборота розничной торговли продуктами питания. Снижение экономической доступности продовольствия отразились и на индикаторе полноценности питания — рацион населения стал еще более разбалансированный относительно рациональных норм потребления.

В 2023 году по сравнению с 2018-м в группу, где интегральный показатель продовольственной безопасности улучшился более чем на 1 балл, попали 42 региона. В группе стабильных регионов, где показатель находится в интервале от -1 до +1 балла, — 25 регионов. Остальные 16 регионов попали в группы с разной степенью регресса.

Несмотря на общий рост среднего интегрального показателя ПБ по стране, анализ динамики за период 2018–2023 годов выявил дивергенцию уровней продовольственной безопасности субъектов РФ. Межрегиональная дистанция по крайним точкам рейтинга увеличилась на 28%. Сформировалась устойчивая группа регионов-лидеров (преимущественно регионы Северного Кавказа, Юга России и Черноземья), демонстрирующих рост ИП, и группа аутсайдеров (регионы Севера и Дальнего Востока), где уровень ПБ в ряде случаев показывает отрицательную динамику. Рост коэффициента вариации до 10,8% подтверждает усиление разрыва между регионами, хотя формально вариация остается низкой.

Заключение

Проведенное исследование позволило по-новому взглянуть на архитектуру продовольственной безопасности субъектов РФ, сместив аналитический фокус с валовых показателей производства и самообеспеченности на продовольственную безопасность конечного потребителя — экономическую и физическую доступность безопасного и полноценного продовольствия. На основе полученных результатов можно сформулировать следующие выводы.

Разработка индекса на основе экспертных весов подтвердила гипотезу о многоуровневом характере продовольственной безопасности. Апробация разработанной методики позволила пересмотреть иерархию факторов, определяющих состояние продовольственной безопасности в текущих социально-экономических условиях. Эксперты присвоили блоку «Экономическая доступность» (34%) и показателю продовольственной небезопасности (22,5%) наивысшие приоритеты. Второе место в структуре индекса разделили блоки наличия продукции (устойчивости системы) и ее физической доступности (по 22% каждый). Самообеспеченность на уровне страны является целью государства. Ориентиры ее достижения обосновываются возможностью производства продукции по всей террито-

Квартиль		2023			
		1 (Лидеры)	2 (Догоняющие)	3 (Ниже среднего)	4 (Аутсайдеры)
2018	1-й (Лидеры)	Республики Адыгея, Хакасия, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чечня, Дагестан, Башкортостан, Сев. Осетия, Ставропольский, Краснодарский края ↑			
		Пензенская, Курская, Белгородская, Воронежская, Оренбургская обл., Карачаево-Черкесская Республика →	Саратовская обл., Республика Татарстан →		
		Ростовская обл. ↓	Алтайский край, Липецкая, Брянская обл. ↓		
	2-й (Догоняющие)	Республики Хакасия, Мордовия, Чувашия и Астраханская обл. ↑	Рязанская, Калининградская, Челябинская, Новосибирская, Ульяновская обл., Республика Удмуртия ↑		
			Волгоградская, Кемеровская, Московская, обл., Красноярский край →	Владимирская обл. →	
				Самарская, Томская, Тульская обл. и Еврейская АО ↓	Р. Алтай ↓

2018	3-й (Ниже среднего)	Тюменская обл. ↑	Курганская, Иркутская, Нижегородская обл., Приморский кр., Москва, Санкт-Петербург ↑	Свердловская, Кировская, Ленинградская обл., Забайкальский кр., Р. Бурятия ↑	
				Вологодская, Тамбовская, ивановская, Омская, Орловская обл. →	Смоленская обл. →
					Мурманская, Калужская, Амурская обл. ↓
	4-й (Аутсайдеры)			ЯНАО, ХМАО, Р. Марий Эл, Калмыкия, Тверская обл., Пермский кр. ↑	Костромская, Ярославская, Магаданская обл., Р. Коми и Тыва ↑
					Псковская, Смоленская, Сахалинская обл., Камчатский кр., НАО, Р. Якутия, Карелия →
					Новгородская, Архангельская обл., Хабаровский кр., Чукотский АО ↓

↑ — рост, → — стабильность, ↓ — регресс ИП ПБ 2023 г. относительно 2018 г.

рии страны, учитывая специализацию регионов для получения наиболее конкурентных по стоимости продуктов. На уровне региона этот показатель менее значим, носит информативный характер для местных властей для того, чтобы проводить более осознанную политику в области движения продуктов для обеспечения нужд населения, а не только их производства. Полезно развести представления о цели производства на территории региона и успехов на этом поприще. Часто на практике региональные правительства заинтересованы в приходе крупных инвесторов и развитии крупных сельскохозяйственных производств. Однако эти производства более важны для всей страны, а не региона. Так, расчеты показали, что показатели достаточности производства ниже в регионе-рекордисте — Белгородской области, где производится продукция для многих регионов страны, чем в регионах, где более разнообразное сельское хозяйство, которое удовлетворяет внутренние потребности (Липецкая область как пример). Кроме того, сочетание разных форм хозяйствования, в том числе мелких, обеспечивает потребности в более широком круге продуктов для собственных нужд.

Выявленная стагнация и регресс интегральной оценки ПБ ряда аграрных лидеров (Ростовская, Белгородская, Курская, Воронежская области, Алтайский край) доказывает, что статус сельскохозяйственного центра не является автоматической защитой от продовольственной небезопасности для населения при росте цен и снижении качества рациона. Таким образом, интегральный показатель подсвечивает риски, когда интересы агрохолдингов, производящих много продукции для всех регионов, вступают в конфликт с задачей обеспечения рациональных норм питания для местного населения.

Физическая доступность остается «узким местом» для регионов со сложными географическими условиями. Статистический «эффект усреднения» маскирует локальные зоны риска: даже в благополучных субъектах (Красноярский край, Тюменская область с автономными округами) часть населения может находиться в зоне риска из-за отсутствия круглогодичного транспортного сообщения. Исследование показало, что дорожная связность и высокие доходы (Москва, Санкт-Петербург) успешно нивелируют производственный дефицит.

Высокий экспертный вес блока физической доступности продовольствия и его критическое влияние на итоговый балл свидетельствуют о том, что продовольственная безопасность в России перестает быть чисто аграрным вопросом и переходит в плоскость пространственного развития. Это требует междисциплинарного подхода к управлению, объединяющего усилия Минсельхоза, Минтранса, Минвостокразвития и других госучреждений.

Минимальные баллы эксперты присвоили блокам безопасности продукции и полноценности питания (по 11% соответственно). В части безопасности это коррелирует с данными международных

мониторингов (в частности, The Economist Impact), подтверждающими относительно высокий уровень соответствия российского продовольствия санитарным нормам. Однако существует региональная дифференциация: в одних регионах эти показатели близки к стопроцентным, а в других — на критически низком уровне. Несмотря на низкий удельный вес данных блоков в интегральном индексе, инфраструктурные и санитарные условия остаются значимыми детерминантами продовольственной безопасности на региональном уровне.

Отсутствие межрегиональной вариации в блоке «Полноценность питания» свидетельствует о том, что несбалансированность рациона — общенациональная проблема, за исключением нескольких регионов. Избыток потребления углеводов и дефицит качественного белка и микроэлементов не зависят от самообеспеченности и экономических показателей региона, что требует пересмотра государственной политики: переход к поддержке выпуска продукции, которая необходима для питания населения по рациональным нормам потребления. Однако реализация данного сценария невозможна без интеграции двух ключевых факторов. Во-первых, необходима активная пропаганда принципов здорового питания для трансформации потребительского поведения. Во-вторых, обязательным условием является рост реального экономического благополучия населения, поскольку именно покупательная способность остается главным ограничителем доступа к качественному и полноценному рациону питания.

Анализ динамики интегрального показателя за 2018–2023 годы позволяет констатировать нарастание региональной поляризации в сфере продовольственного обеспечения. Несмотря на то что у половины субъектов РФ (42 региона) зафиксирован прирост индекса более чем на 1 балл, в масштабах всей страны наблюдается выраженная дивергенция уровней продовольственной безопасности. Межрегиональный разрыв между лидерами и аутсайдерами рейтинга в исследуемом периоде не имеет тенденции к сокращению, что свидетельствует о сохранении структурных барьеров. Сформировавшаяся траектория развития указывает на разделение регионов на устойчивое ядро лидеров (субъекты Северного Кавказа, Юга России и Черноземья) и зону хронической депрессии (субъекты Северо-Запада и Дальнего Востока). Таким образом, предложенная методика интегрального индекса может быть использована органами исполнительной власти для перехода к дифференцированной поддержке регионов, учитывающей уникальный профиль уязвимости каждого конкретного региона.

Для аграрно-профицитных регионов приоритетом должна стать поддержка реальных доходов населения и стабилизация локальных цен, чтобы производственные успехи конвертировались в доступность продуктов. Для удаленных и северных территорий стратегия ПБ должна лежать в развитии опорной дорожной сети и субсиди-

рования логистических коридоров. На федеральном уровне целесообразно внедрение предложенного интегрального индекса в систему государственного мониторинга для оперативного выявления регионов, находящихся в зоне риска.

Библиография

Алтухов А. И. (2020). Пространственное развитие сельского хозяйства страны: проблемы и возможные пути решения // АПК: Экономика, управление. № 12. С. 48–55.

Антамошкина Е. Н. (2014). Интегральная оценка продовольственной безопасности регионов ЮФО // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. Вып. 1. С. 6–16.

Бородин К. Г. (2018). Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // Экономический журнал высшей школы экономики. № 4. С. 563–582.

Голованова Л. А. (2021). Интегральная оценка продовольственной безопасности Хабаровского края // Вестник ТОГУ. № 2. С. 115–124.

Зубаревич Н. В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.

Ковзунова Е. С., Руйга И. Р., Рогозинский Е. В., Тетерин Ю. А. (2022). Диагностическая модель оценки продовольственной безопасности российской Арктики // π-Economy. № 15(4). С. 96–109.

Тимофеева Г. В., Акмаева Р. И., Айтпаева А. А. (2017). Продовольственная безопасность территории: инновационные технологии измерения // Вестник НГУЭУ. № 4. С. 36–43.

Ушачев И. Г., Колесников А. В. (2021). Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 59–77.

Шагайда Н. И., Терновский Д. С., Шишкина Е. А., Еланская А. А. (2025). Интегральные показатели продовольственной безопасности: от страны к домохозяйству // Вопросы экономики. № 8. С. 44–69

Шагайда Н. И., Узун В. Я., Терновский Д. С., Шишкина Е. А. (2024). Оценка экономической доступности продовольствия в России в контексте продовольственной безопасности // Вопросы экономики. № 6. С. 73–95.

Шагайда Н. И., Узун В. Я., Троцук И. В., Шишкина Е. А., Потапова А. А. (2022). Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. М.: Дело.

Шоба С. А. (2023). Продовольственные системы и адаптационная политика государств Евразии в новых экономических условиях: коллективная монография. М.: ЕЦПБ, НИА-Природа.

Barrett C. B. (2010). Measuring food insecurity // Science. Vol. 327(5967). P. 825-828.

Clapp J., Moseley W. G., Burlingame B., Termine P. (2022). Viewpoint: The case for a six-dimensional food security framework // Food Policy. Vol. 106.

FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO (2021). In Brief to The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming Food Systems for Food Security, Improved Nutrition and Affordable Healthy Diets for All. Rome, FAO. https://doi.org/10.4060/cb5409en

Moura LdA, De Carli E., Xavier C. R., Marchioni D. (2025). A Multidimensional Index to Quantify Food Insecurity in Brazil (MUFII): An approach based on sustainable development indicators // Sustainability. Vol. 17(22). P.10234.

Pingali P., Mittra B., Rahman A., Kishore A. (2019). Transforming Food Systems for a Rising India. Palgrave Macmillan.

Qiang Q., Rong Z., Yuan Z. (2023). Research on the construction of China's provincial food security evaluation system and regional performance — based on the "Great Food View" // Agriculture. Vol. 13(6). P. 1240.

Webb P., Coates J., Frongillo E. A., Rogers B. L., Swindale A., Bilinsky P. (2006). Measuring household food insecurity: Why it's so important and yet so difficult to do // Journal of Nutrition. Vol. 136(5). P. 1404-1408.

Regional differentiation of food security in Russia

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agrifood Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: shagaida@ranepa.ru

Denis S. Ternovsky, DSc (Economics), Leading Researcher, Center for Agrifood Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Alexandra A. Elanskaya, PhD (Geography), Researcher, Center for Agrifood Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: elanskaya-aa@ranepa.ru

Ekaterina A. Shishkina, Researcher, Center for Agrifood Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: shishkina@ranepa.ru

Abstract. The authors applied an integral index to assess regional food security. Unlike conventional methods using multiple self-sufficiency indicators, the proposed integral index consists of five functional blocks, emphasizing economic food accessibility as the core component. The weights of blocks and their respective indicators were validated through expert assessments. The study is based on the official statistical data and microdata from the Federal State Statistics Service's Household Budget Surveys (2018–2023): according to the annual dynamics of the integral index, regions were divided into groups. The core of the leading group consists of the North Caucasus republics, southern regions, and Central Black-Earth Region — their position is determined not only by production volumes but also by the development of small-scale farming, which provides population with diverse and affordable food products. On the contrary, the lagging group (Northern and Far Eastern regions) is characterized by risks of physical unavailability and infrastructural isolation. The dynamic analysis of the index revealed a predominantly positive trend, with 42 regions showing an increase of more than 1 point. However, there is also growing regional polarization as the interregional gap between the highest- and lowest-ranking regions increased by 28%. The study identified dietary imbalance as an interregional phenomenon with few exceptions and no direct correlation with the region's self-sufficiency or income. The authors argue that there is a need for a transition to differentiated territorial support mechanisms that take the unique vulnerability profiles of each region into account.

Key words: regional differentiation, food security, integral index, economic accessibility, balanced nutrition, agricultural exports, food system resilience

References

Altukhov A. I. (2020) Prostranstvennoe razvitie selskogo khozyaystva strany: problemy i vozmozhnye puti resheniya [Spatial development of the country's agriculture: Problems and possible solutions]. *APK: Ekonomika, Upravlenie,* no 2, pp. 48–55.

Antamoshkina E. N. (2014) Integralnaya otsenka prodovolstvennoy bezopasnosti regionov YuFO [Integrated estimation of food security in the regions of the Southern Federal District]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya*, no 1, pp. 6–16.

Borodin K. G. (2018) Ekonomicheskaya dostupnost prodovolstviya: faktory i metody otsenki [Economic access to food: Factors and methods of assessment]. *Ekonomichesky Zhurnal VShE,* no 4, pp. 563–582.

Golovanova L. A. (2021) Integralnaya otsenka prodovolstvennoy bezopasnosti Khabarovskogo kraya [Integrated assessment of food security of the Khabarovsk Region]. *Vestnik TOGU,* no 2, pp. 115–124.

Zubarevich N. V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization], Moscow: Nezavisimy institut sotsialnoj politiki.

Kovzunova E. S., Ruyga I. R., Rogozinsky E. V., Teterin Yu.A. (2022) Diagnosticheskaya model otsenki prodovolstvennoy bezopasnosti rossiyskoy Arktiki [A diagnostic model for assessing food security in the Russian Arctic]. *π-Economy,* vol. 15, no 4, pp. 96–109.

Timofeeva G. V., Akmaeva R. I., Aytpaeva A. A. (2017) Prodovolstvennaya bezopasnost territorii: innovatsionnye tekhnologii izmereniya [Food security of the territory: Innovative measurement technologies]. *Vestnik NGUEU,* no 4, pp. 36–43.

Ushachev I. G., Kolesnikov A. V. (2021) Ekonomicheskaya dostupnost prodovolstviya dlya naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Economic access to food for the population of Russia]. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAS,* no 4, pp. 59–77.

Shagaida N. I., Ternovskiy D. S., Shishkina E. A., Elanskaya A. A. (2025) Integralnye pokazateli prodovolstvennoy bezopasnosti: ot strany k domokhozyaystvu [Integral indicators of food security: From the country level to the household]. *Voprosy Ekonomiki,* no 8, pp. 44–69.

Shagaida N. I., Uzun V.Ya., Ternovskiy D. S., Shishkina E. A. (2024) Otsenka ekonomicheskoy dostupnosti prodovolstviya v Rossii v kontekste prodovolstvennoy bezopasnosti [Assessment of the economic access to food in Russia in the context of food security]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 73–95.

Shagaida N. I., Uzun V.Ya., Trotsuk I. V., Shishkina E. A., Potapova A. A. (2022) *Sostoyanie prodovolstvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyah pandemii* [Food Security in Russia under the Pandemic], Moscow: Delo.

Shoba S. A. (2023) *Prodovolstvennye sistemy i adaptatsionnaya politika gosudarstv Evrazii v novyh ekonomicheskih usloviyah* [Food Systems and Adaptation Policies of the Eurasian States in the New Economic Conditions], Moscow: ECPB, NIA-Priroda.

Barrett C. B. (2010) Measuring food insecurity. *Science,* vol. 327, pp. 825–828.

Clapp J., Moseley W. G., Burlingame B., Termine P. (2022) Viewpoint: The case for a six-dimensional food security framework. *Food Policy*, vol. 106.

FAO, IFAD, UNICEF, WFP & WHO (2021) *In Brief to the State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming Food Systems for Food Security, Improved Nutrition and Affordable Healthy Diets for All*, Rome: FAO.

Moura L. A., De Carli E., Xavier C. R., Marchioni D. (2025) A Multidimensional Index to Quantify Food Insecurity in Brazil (MUFII): An approach based on sustainable development indicators. *Sustainability*, vol. 17, no 22, pp. 10234.

Pingali P., Mittra B., Rahman A., Kishore A. (2019) *Transforming Food Systems for a Rising India*, Palgrave Macmillan.

Qiang Q., Rong Z., Yuan Z. (2023) Research on the construction of China's provincial food security evaluation system and regional performance — based on the "Great Food View". *Agriculture*, vol. 13, no 6, pp. 1240.

Webb P., Coates J., Frongillo E. A. et al. (2006) Measuring household food insecurity: Why it's so important and yet so difficult to do. *Journal of Nutrition*, vol. 136, no 5, pp. 1404–1408.

Структура потребления продовольствия и экономическая доступность рационального питания в странах СНГ: выявление скрытой уязвимости[1]

С. В. Митрофанов, Р. Г. Янбых, Н. В. Орлова

Сергей Владимирович Митрофанов, кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: smitrofanov@hse.ru

Рената Геннадьевна Янбых, доктор экономических наук, заведующая отделом аграрной политики Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Надежда Владимировна Орлова, директор Института аграрных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Покровский б-р, 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: nvorlova@hse.ru

EDN: RSCTOS

Аннотация. Традиционные подходы к оценке продовольственной безопасности, опирающиеся на агрегированные показатели производства и калорийности, нередко маскируют структурные дисбалансы рациона и экономическую уязвимость домохозяйств. Цель исследования — выявить скрытые формы продовольственной уязвимости и на основе анализа структуры потребления и экономического контекста предложить типологию стран СНГ. Решались задачи: (1) проанализировать межстрановые различия в потреблении основных продуктов питания; (2) оценить экономические факторы доступа к рациональному питанию (доходы, доля расходов на питание, покупательная способность, бедность, неравенство); (3) провести типологизацию стран. Эмпирическая база — данные Межгосударственного статистического комитета СНГ за 2010–2022 годы по девяти странам. Методология включает статистический и сравнительно-географический анализ, а также кросс-табуляционный анализ, в котором пересекаются показатели разнообразия рациона, доли расходов на питание, коэффициента фондов и отклонений в потреблении микронутриентно-плотных продуктов. Установлено, что формальная калорийная достаточность не гарантирует сбалансированности рациона: в ряде государств высокая энергетическая ценность питания достигается за счет хлеба и картофеля при значительном недопотреблении мяса, молока и овощей. Выделены четыре типа скрытой уязвимости — от устойчивого моноструктурного рациона с критически высокой долей расходов на питание до «структурной инерции», при которой избыточное потребле-

1. Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ: «Качество жизни на сельских территориях: эволюция, оценка, перспективы».

ние мяса сочетается с дефицитом овощей. Показано, что около 36,8% населения региона (примерно 84 млн человек) проживают в странах с высокой долей расходов на питание (> 40%) и низким разнообразием рациона, формируя «зону критической уязвимости», где даже умеренные экономические шоки способны привести к углублению микронутриентной недостаточности. Отмечена роль яиц как экономически доступного источника полноценного животного белка в странах с низким потреблением мяса и молока. Концепция скрытой продовольственной уязвимости и построенная типология создают эмпирическую основу для мониторинга социальных последствий экономических реформ и координации мер политики в рамках ЕАЭС и СНГ.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, структура потребления, экономическая доступность, скрытая уязвимость, рациональное питание, социальная дифференциация, неравенство, СНГ

Традиционная оценка качества жизни долгое время базировалась на агрегированных экономических показателях — доходах, потреблении, ВВП на душу населения (Самуэльсон, Нордхаус, 2010). Однако в последние десятилетия утвердился многомерный подход, учитывающий не только материальные ресурсы, но и здоровье, образование, социальную безопасность и доступ к качественному питанию (UNDP; ЦУР ООН; FAO, WHO). А. Сен (2004) предложил оценивать благополучие через реальные возможности (capabilities), что легло в основу Индекса человеческого развития (Haq, 1995) и Индекса многомерной бедности (Alkire, Foster, 2007).

В странах СНГ традиционные подходы к продовольственной безопасности, ориентированные на валовое производство и калорийность, не отражают реальной доступности сбалансированного питания. Как отмечает ФАО (2023), национальный избыток продовольствия не гарантирует доступа для всех слоев населения: домохозяйства с низкими доходами вынуждены ограничиваться монодиетой из дешевых калорийных продуктов (хлеб, картофель, крупы), испытывая дефицит белка, витаминов и микроэлементов. Это явление, известное как «скрытый голод» (hidden hunger) или продовольственная уязвимость, снижает качество жизни, здоровье и воспроизводственный потенциал.

Современные исследования подтверждают устойчивый социальный градиент питания: качество и разнообразие рациона систематически ухудшаются с понижением социально-экономического статуса (Turrell, Vandevijvere, 2015; Mayén et al., 2017). Продовольственная необеспеченность снижает показатели качества жизни даже после контроля доходов и здоровья (Hanmer et al., 2021; Park et al., 2023, 2024). Для стран СНГ эти риски усугубляются резким увеличением неравенства в доступе к питанию после распада СССР (Lunze et al., 2015).

В российской научной традиции исследования качества жизни развивались преимущественно в рамках социально-экономической географии (Черныш, 2021; Кабашова, 2024), демографии

(Касимова, 2024; Гузев, 2024; Лаврикова, Яблочкин, 2024; Митрофанов и др., 2025) и региональной экономики (Зубаревич, 2010, 2024; Zubarevich, Safronov, 2024; Вартанова, 2021; Кочкина и др., 2024; Кислая, 2024; Арзамасцева и др., 2020). Преобладающий фокус делался на территориальной дифференциации благосостояния, анализе факторов регионального развития и оценке социальной инфраструктуры. Продовольственный аспект, как правило, не выделяется в самостоятельное измерение, а методология многомерной бедности (Губарев и др., 2024) фокусируется на экстремальных дефицитах, оставляя в стороне «серую зону» — ситуацию формальной обеспеченности базовыми продуктами при дефиците сбалансированного рациона из-за неравенства доходов и высокой доли расходов на питание.

Цель исследования — выявить скрытые формы продовольственной уязвимости и предложить типологию стран СНГ на основе анализа структуры потребления и экономического контекста доступа к рациональному питанию. Задачи: анализ межстрановых различий в потреблении основных продуктов питания; оценка экономических факторов (доходы, доля расходов на питание, покупательная способность, бедность, неравенство); типологизация стран по уровню скрытой уязвимости.

Методология исследования

Эмпирическую основу работы составили официальные данные Межгосударственного статистического комитета Содружества Независимых Государств (МСК СНГ) за 2010–2022 гг. по девяти странам: Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Азербайджан, Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. Анализировались следующие показатели:

- среднедушевое потребление шести групп продуктов (хлебные изделия в пересчете на муку с крупами и бобовыми, картофель, овощи и бахчевые, мясо и мясопродукты в пересчете на мясо, молоко и молочные продукты в пересчете на молоко, яйца) — в кг, л или шт. на человека в месяц;
- доля расходов на продукты питания в общих потребительских расходах домохозяйств, %;
- распределение общего фонда денежных доходов по 20-процентным квинтильным группам; коэффициент фондов;
- структура источников денежных доходов (оплата труда, предпринимательство, сельское хозяйство, пенсии, прочие поступления), %;
- уровень бедности (доля населения с доходами ниже черты бедности).

Исследование опирается на сочетание описательного статистического анализа, сравнительно-географического метода и эксперт-

ной группировки на основе кросс-табуляции четырех индикаторов: (1) разнообразие рациона (адаптированный индекс HDDS), (2) доля расходов на питание, (3) коэффициент фондов, (4) отклонение потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных норм. Пересечение этих измерений позволило выделить качественно различные типы скрытой продовольственной уязвимости без формальной кластеризации.

Методологические ограничения. Из-за изменений в методологии обследований (Россия — переход на показатель «на потребителя» с 2016 года, Беларусь — деноминация 2016 года, Молдова — реформа выборки с 2019 года) временные сопоставления для этих стран ограничены. Данные агрегированы по странам, без разбивки по доходам, что маскирует внутристрановую поляризацию. Официальная статистика может недоучитывать потребление из личных подсобных хозяйств (ЛПХ), что занижает фактический уровень потребления. Анализ ограничен шестью группами продуктов и не охватывает фрукты, рыбу, масла, что сужает полноту оценки, однако использованные категории являются ключевыми для диагностики основных структурных дисбалансов рациона.

Для оценки отклонений фактического потребления от рекомендованного уровня использованы «Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания», утвержденные Приказом Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614. Из документа отобраны группы продуктов, соответствующие статистике МСК СНГ (табл. 1). Годовые нормы (далее — «норма») пересчитаны в среднемесячные для прямого сопоставления. Применение единого ориентира для всех стран — сознательное методологическое решение, обусловленное отсутствием международных продуктовых норм, общей постсоветской традицией нормирования и необходимостью обеспечить сопоставимость. Нормы используются не как универсальный эталон, а как шкала для выявления системных межстрановых диспропорций. Отклонения интерпретируются не как строгая оценка полноценности питания, а как аналитический сигнал о структурных дисбалансах, требующих дальнейшего анализа с учетом страновой специфики.

Таблица 1. Рациональные нормы потребления пищевых продуктов, используемые в качестве ориентира

Группа продуктов	Норма, кг/год/чел.	Норма, кг/мес.*
Хлебные изделия (в пересчете в муку)	96	8,0
Картофель	90	7,5
Овощи и бахчевые	140	11,7

Мясо и мясопродукты (в пересчете в мясо)	76	6,3
Молоко и молочные продукты (в пересчете в молоко 3,2% жирности)	340	28,3
Яйца	270	≈22,5 шт./мес.

* Округленные значения.

Источник: Приказ Минздрава России от 19.08.2016 № 614.

Структура потребления основных продуктов питания в странах СНГ

Потребление хлебных изделий демонстрирует устойчивую региональную дифференциацию на протяжении всего периода наблюдения 2010–2022 годов (рис. 1).

В странах Центральной Азии зафиксированы наиболее высокие значения: Таджикистан (13,2 кг/мес. в 2022 г.), Узбекистан (12,9 кг/мес.), Кыргызстан (9,9 кг/мес.).

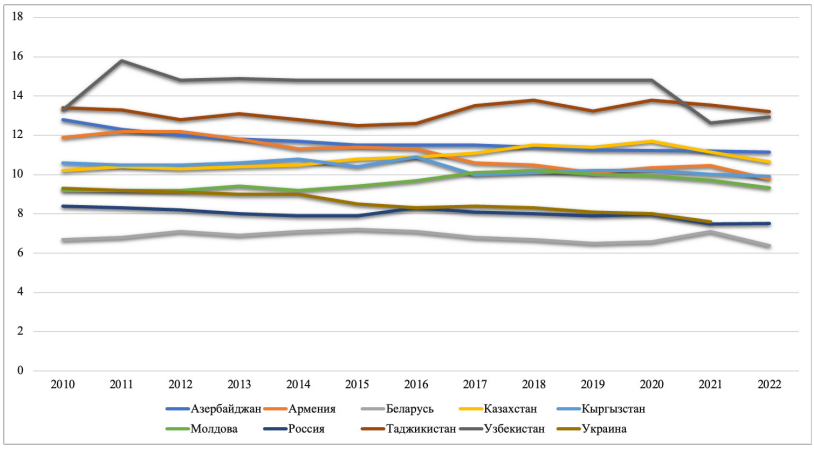

Рис. 1 Динамика потребления хлебных изделий в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В странах Восточной Европы наблюдается нисходящий тренд: Россия — снижение с 8,4 кг/мес. (2010) до 7,5 кг/мес. (2022) (–10,7%); Беларусь — с 6,7 до 6,4 кг/мес. (–4,5%). Страны Кавказа сохраняют потребление на уровне 9,8–11,1 кг/мес. (Армения, Азербайджан).

Отклонения от нормы (8,0 кг/мес., согласно Приказу Минздрава России № 614) в 2022 году составили:

- потребление ниже нормы: Беларусь (−20,0%), Россия (−5,9%);
- потребление близкое к норме: Молдова (+16,8%);
- потребление выше нормы: Армения (+22,0%), Кыргызстан (+23,8%), Казахстан (+33,3%), Азербайджан (+39,3%), Узбекистан (+61,1%), Таджикистан (+65,0%).

Снижение потребления хлебных изделий в странах Восточной Европы может отражать постепенную трансформацию пищевых привычек, связанную с диверсификацией источников углеводов, что согласуется с общемировыми тенденциями. В странах Центральной Азии сохраняется традиционная структура питания с высокой долей хлебобулочных изделий, обусловленная исторически сложившимися кулинарными практиками и аграрной специализацией региона.

В Таджикистане и Узбекистане высокие показатели потребления по данной группе частично связаны с методологией агрегирования: в нее включены не только хлеб и макаронные изделия (в пересчете в муку), но и крупы с бобовыми. Это ограничивает возможности оценки реального разнообразия углеводных источников, поскольку значительная часть потребления приходится на рис и пшено — традиционные культуры Центральной Азии.

Казахстан демонстрирует рост потребления с 10,2 кг/мес. (2010) до пика 11,5 кг/мес. (2018), с последующей стабилизацией на уровне 10,7 кг/мес. (2022), что может быть связано с переходом от элементов традиционного кочевого питания к оседлому типу с сохранением высокой доли зерновых в рационе. В Азербайджане наблюдается постепенное снижение с 12,8 кг/мес. (2010) до 11,1 кг/мес. (2022), что может объясняться урбанизацией и изменением пищевых предпочтений населения.

Динамика потребления хлебных изделий в странах СНГ отражает не только социально-экономические трансформации (урбанизация, рост доходов), но и сохранение культурно обусловленных пищевых практик. Более низкие значения в Восточной Европе согласуются с тенденцией к диверсификации рациона, тогда как устойчиво высокие показатели в Центральной Азии указывают на необходимость дополнительного анализа структуры потребления внутри агрегированной группы для оценки реального разнообразия питания.

Потребление картофеля демонстрирует преимущественно нисходящий тренд в большинстве стран СНГ, что может отражать постепенное изменение структуры рациона в сторону диверсификации источников углеводов (рис. 2). В то же время в Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане зафиксирован рост потребления, хотя его уровень остается далеким от показателей, характерных для стран Восточной Европы в начале рассматриваемого периода.

Наиболее заметное снижение отмечено в России (с 5,5 до 4,4 кг/мес., −20,0%), Молдове (с 4,3 до 3,4 кг/мес., −20,9%) и Беларуси (с 4,9 до 4,7 кг/мес., −4,1%). В странах Центральной Азии и Закавказья потребление картофеля остается сравнительно невысоким (3,2–4,5 кг/мес. в 2022 г.). В Узбекистане и Азербайджане значения наиболее приближены к норме (4,5 и 6,4 кг/мес. соответственно), что отчасти может объясняться традициями использования картофеля в национальных кухнях и его доступностью на рынках.

Норма, установленная Минздравом России (7,5 кг/мес.), существенно превышает фактическое потребление во всех рассматриваемых странах. Это объясняется не только различиями в сложившихся моделях питания (российские рекомендации отражают более высокую традиционную долю картофеля в рационе), но и разной ролью этого продукта как источника калорий и пищевых волокон в разных климатических зонах.

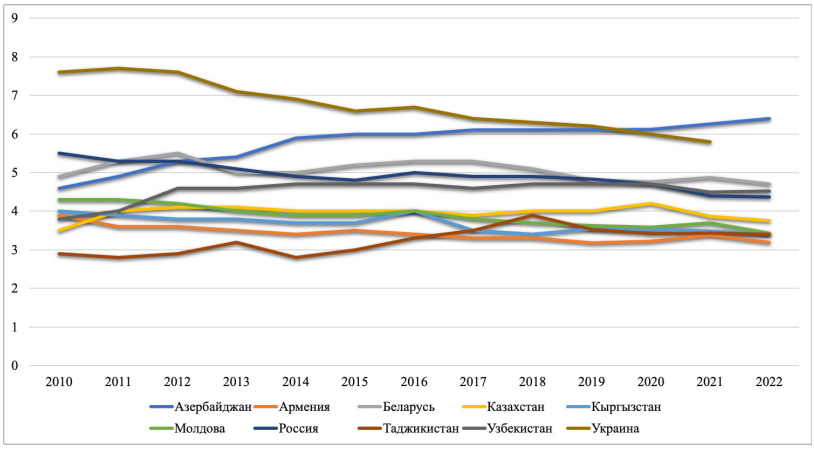

Рис. 2. Динамика потребления картофеля в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Поэтому количественные отклонения от нормы (от −14,7% в Азербайджане до −57,5% в Армении) не следует интерпретировать как критическую нехватку картофеля — они фиксируют глубокие структурные различия между эталонной российской моделью и реальным потреблением в других странах региона.

Снижение потребления картофеля может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, с расширением ассортимента овощей, фруктов и продуктов их переработки, частично замещающих картофель в повседневном меню. Во-вторых, с изменением потребительских предпочтений, особенно среди городского населения, в пользу менее трудоемких в приготовлении гарниров. В-третьих,

с сокращением доли домохозяйств, выращивающих картофель для собственного потребления, по мере урбанизации.

В ряде стран снижение потребления картофеля пока не сопровождается соразмерным ростом потребления овощей и источников пищевых волокон. Такая динамика может создавать предпосылки для недостаточного поступления отдельных микронутриентов, традиционно связанных с картофелем (витамин С, калий), однако для окончательных выводов необходимы прямые оценки нутриентного состава рационов.

Потребление овощей и бахчевых в странах СНГ демонстрирует наибольшую межстрановую дифференциацию среди всех рассмотренных групп продуктов, варьируясь в 2022 году от 6,0 кг/мес. (Армения) до 19,0 кг/мес. (Узбекистан) — более чем в три раза (рис. 3). Такая поляризация отражает сочетание агроклиматических условий, исторически сложившихся пищевых традиций и уровня развития овощеводства.

Узбекистан сохраняет стабильно высокое потребление овощей и бахчевых на протяжении всего периода наблюдения (19,0–23,2 кг/мес.), что в 1,6–2,0 раза превышает норму, установленную Минздравом России (11,7 кг/мес.).

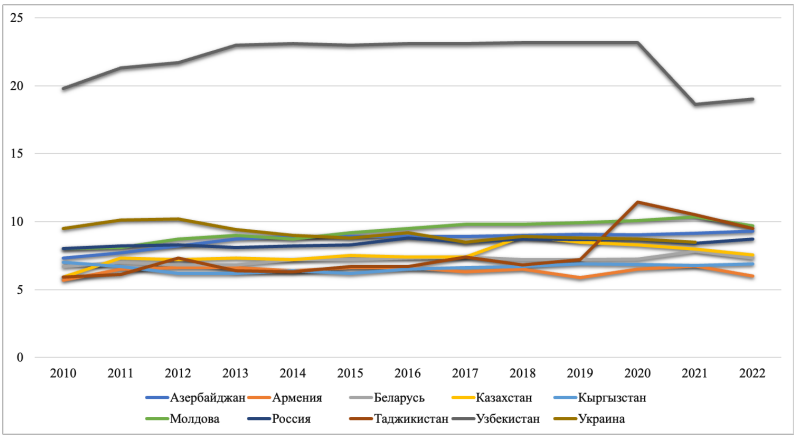

Рис. 3. Потребление овощей и бахчевых в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Следует отметить, что в статистике МСК СНГ бахчевые культуры включены в группу «овощи и бахчевые», что ведет к завышению показателя для стран с традиционно высоким потреблением дынь и арбузов, прежде всего Узбекистана.

В большинстве других стран региона потребление овощей и бахчевых находится существенно ниже нормы. Армения сохраняет наиболее низкие значения на протяжении всего периода (5,7–6,7

кг/мес.), что более чем на 40% ниже нормы. Столь заметное отставание может быть связано с ограниченными возможностями овощеводства в горных районах республики и высокой стоимостью импортных овощей в зимний период. Значения ниже нормы зафиксированы также в Кыргызстане (6,9 кг/мес., –41,0% от нормы) и Беларуси (7,3 кг/мес., –37,6%).

В России, Молдове и Азербайджане потребление овощей и бахчевых несколько выше, хотя и не достигает нормы: Россия (8,7 кг/мес., –25,6%), Молдова (9,7 кг/мес., –17,2%), Азербайджан (9,3 кг/мес., –20,4%). При этом ни в одной из этих стран не наблюдается выраженной положительной динамики, что свидетельствует об отсутствии устойчивого тренда к сближению с рекомендуемым уровнем. В Молдове зафиксирован умеренный рост (+21,3% за период), однако его масштаб пока не привел к достижению нормы.

Таджикистан демонстрирует временный всплеск потребления: в 2020–2021 годах показатель вырос с 6,3 до 11,4 кг/мес., превысив норму, но в 2022 году снизился до 9,5 кг/мес. (–18,8% от нормы), вернувшись к уровню, близкому к 2019 года. Это указывает на чувствительность потребления к экономическим условиям — скорее всего, к колебаниям доходов и цен.

Таким образом, все страны, кроме Узбекистана, находятся в зоне отрицательных отклонений. Наиболее значительные расхождения зафиксированы в Армении (–48,7%), Кыргызстане (–41,0%) и Беларуси (–37,6%). Подобные межстрановые различия могут указывать на неодинаковую роль овощей и бахчевых как источника пищевых волокон, витаминов С, А и фолиевой кислоты в рационах населения разных стран. Однако сами по себе отклонения от российского норматива не являются прямым свидетельством микронутриентной недостаточности — для ее оценки необходим учет потребления фруктов, зелени и других источников микронутриентов, а также данных о фактическом пищевом статусе населения.

Потребление мяса и мясопродуктов демонстрирует значительную межстрановую поляризацию: в 2022 году разброс составил 4,4 раза — от 1,8 кг/мес. в Таджикистане и Кыргызстане до 7,9 кг/мес. в России (рис. 4). Такая дифференциация отражает сочетание экономических возможностей, исторически сложившихся пищевых традиций и уровня развития животноводства в странах региона.

Сопоставление с нормой, установленной Минздравом России (6,3 кг/мес.), выявляет три группы стран.

Первая группа — Россия и Беларусь, где фактическое потребление превышает норму: Россия (7,9 кг/мес., +25,4%) демонстрирует устойчивый рост с 6,6 кг/мес. (2010) до 7,9 кг/мес. (2022); Беларусь (6,8 кг/мес., +7,9%) сохраняет высокие показатели на протяжении всего периода. Казахстан (6,5 кг/мес.) находится практически на уровне нормы (+3,5%), продемонстрировав наиболее выраженный рост (+47,7% за 12 лет), что может быть связано с развитием мясного животноводства и повышением реальных доходов.

Вторая группа — Молдова (4,5 кг/мес., –28,6%) и Узбекистан (3,7 кг/мес., –40,5%), в которых потребление заметно ниже нормы, хотя и демонстрирует умеренную положительную динамику за рассматриваемый период.

Третья группа — Армения (2,3 кг/мес., –63,5%), Азербайджан (2,9 кг/мес., –53,3%), Кыргызстан (1,8 кг/мес., –71,4%) и Таджикистан (1,8 кг/мес., –71,4%), где потребление остается стабильно низким относительно нормы.

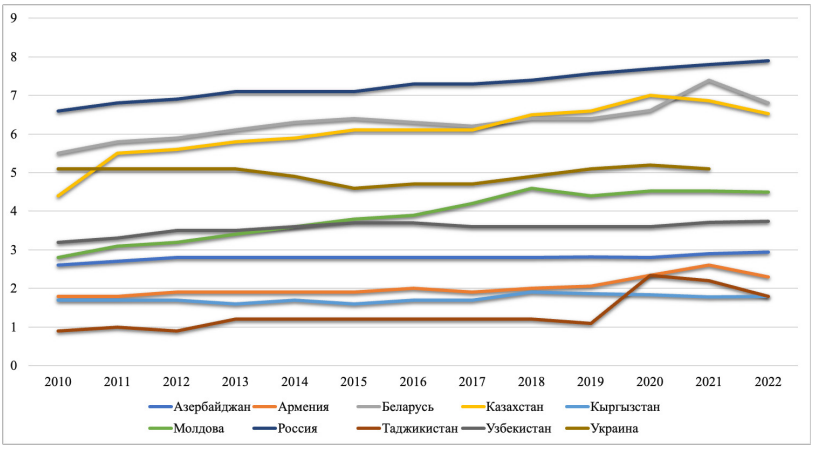

Рис. 4. Потребление мяса и мясопродуктов в странах СНГ, 2010–2022 гг. (кг/мес.)

Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Таджикистане зафиксирован временный рост потребления мяса в 2020–2021 годах (до 2,3 кг/мес.), совпавший с ростом денежных переводов трудовых мигрантов, однако в 2022 году показатель вернулся к уровню 1,8 кг/мес. Подобная волатильность указывает на высокую зависимость потребления от внешних экономических факторов.

Низкое потребление мяса, характерное для ряда стран Центральной Азии и Закавказья, потенциально может ограничивать поступление в рацион легкоусвояемого (гемового) железа, витамина B12 и цинка — микронутриентов, значимым источником которых служат мясные продукты. Оценка фактической обеспеченности этими нутриентами требует специального анализа рационов в разрезе доходных и возрастных групп, что выходит за рамки агрегированных данных.

В России и Беларуси потребление мяса заметно превышает норму, что само по себе не является индикатором несбалансированности, однако при сохранении низкого потребления овощной

продукции может формировать определенные риски для здоровья, связанные с избыточной долей насыщенных жиров в рационе. Эта особенность рассматривается в рамках типа «структурная инерция».

Потребление молока и молочных продуктов в странах СНГ характеризуется резкой межстрановой поляризацией: в 2022 году разброс составил 15,8 раза — от 1,5 л/мес. в Армении до 23,7 л/мес. в Беларуси (рис. 5). Подобные контрасты отражают комплекс факторов — масштабы и продуктивность молочного животноводства, исторически сложившиеся пищевые традиции, экономическую доступность молочной продукции для домохозяйств.

В качестве ориентира для сопоставления используется норматив, установленный Минздравом России, — 28,3 л/мес. (340 кг/год). Фактически ни одна из рассматриваемых стран не достигает этого уровня, однако степень отклонения варьирует кардинально, что позволяет разделить государства на три группы.

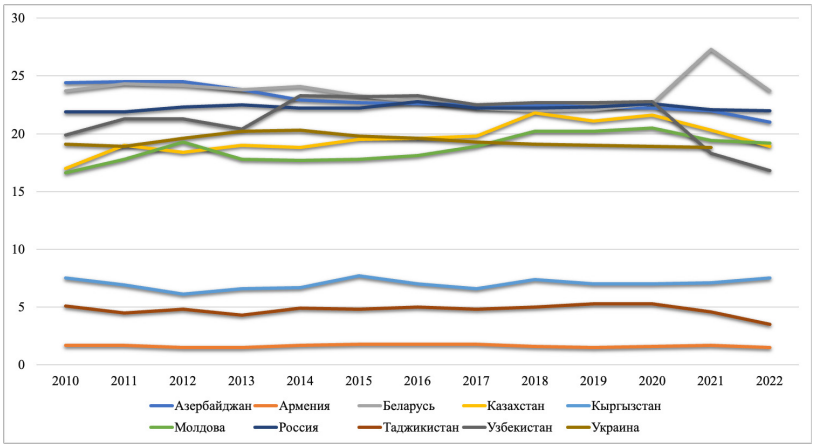

Рис. 5. Потребление молока и молочных продуктов в странах СНГ, 2010–2022 гг. (л/мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Первая группа — страны с наиболее высоким потреблением, приближающимся к норме (22–24 л/мес.): Беларусь (23,7 л/мес., –16,3% от нормы), Россия (22,0 л/мес., –22,3%), Азербайджан (21,0 л/мес., –25,8%) и Молдова (19,2 л/мес., –32,2%). В Беларуси потребление остается сравнительно стабильным на протяжении всего периода (22,0–27,3 л/мес.), что связано с развитой молочной промышленностью и традиционно высокой долей молочных продуктов в рационе. Россия сохраняет устойчивый уровень около 22 л/мес. В Азербайджане и Молдове отклонение от нормы несколь-

ко больше, однако молочная продукция остается значимой составляющей рациона.

Вторая группа — страны с умеренно низким потреблением (16–19 л/мес.): Казахстан (18,9 л/мес., –33,2%) и Узбекистан (16,8 л/мес., –40,6%). В Казахстане после заметного роста в 2018–2020 годах (до 21,8 л/мес.) наметилось снижение. Узбекистан демонстрирует заметный спад в последние годы (с 22,8 л/мес. в 2020 г. до 16,8 л/мес. в 2022 г.), причины которого могут быть связаны с ценовыми и доходными факторами.

Третья группа — страны с потреблением значительно ниже нормы (до 8 л/мес.): Кыргызстан (7,5 л/мес., –73,5%), Таджикистан (3,5 л/мес., –87,6%) и Армения (1,5 л/мес., –94,7%). Такие значения лишь отчасти объясняются погрешностями учета (в Армении и Кыргызстане часть молочных продуктов из личных подсобных хозяйств может не попадать в официальную статистику), но даже с учетом этого недопустимо считать, что разрыв с нормой полностью компенсируется за счет домашнего производства. Скорее, он сигнализирует о систематически низкой роли молока и его производных в традиционном рационе или о крайне ограниченной экономической доступности этих продуктов для значительной части населения.

Особого внимания заслуживает динамика в Таджикистане, где потребление снизилось с 5,1 л/мес. (2010) до 3,5 л/мес. (2022) с кратковременным подъемом до 5,3 л/мес. в 2019–2020 годах. Эта волатильность согласуется доходами домохозяйств, сильно зависящих от денежных переводов трудовых мигрантов.

Низкое потребление молочных продуктов в ряде стран означает потенциально ограниченное поступление с рационом кальция, витамина B12 и рибофлавина, традиционно ассоциируемых с этой группой продуктов. Однако прямая экстраполяция отклонений от продуктового ориентира на уровень микронутриентной обеспеченности была бы некорректной: окончательные выводы требуют анализа индивидуальных рационов и данных о пищевом статусе населения. Тем не менее выявленные межстрановые различия подчеркивают неодинаковую роль молочных продуктов в питании и могут служить основанием для углубленных исследований в странах с наиболее низкими показателями.

Среди всех групп продуктов питания яйца занимают особое место в структуре потребления стран СНГ: они демонстрируют наименьшую вариацию между странами при одновременном устойчивом росте на протяжении 2010–2022 годов (рис. 6). В 2022 году разброс потребления составил всего 2,5 раза (от 8 шт./мес. в Кыргызстане до 20 шт./мес. в Беларуси и России), что контрастирует с 15,8-кратной разницей по молочным продуктам или 4,4-кратной — по мясу. Такая однородность отражает универсальную роль яиц как экономически доступного источника полноценного животного белка, особенно значимого при ограниченной покупательной способности населения.

Особенность динамики — заметный рост потребления в странах, стартовавших с наиболее низких уровней: Таджикистан (+333% к 2010 г.), Узбекистан (+67%), Кыргызстан (+60%).

В странах с низким потреблением мяса и молока (Таджикистан, Кыргызстан, отчасти Армения) яйца выступают важным источником полноценного белка и ряда микронутриентов (витамины A, D, B12, холин, железо), частично компенсируя ограниченный доступ к другим продуктам животноводства.

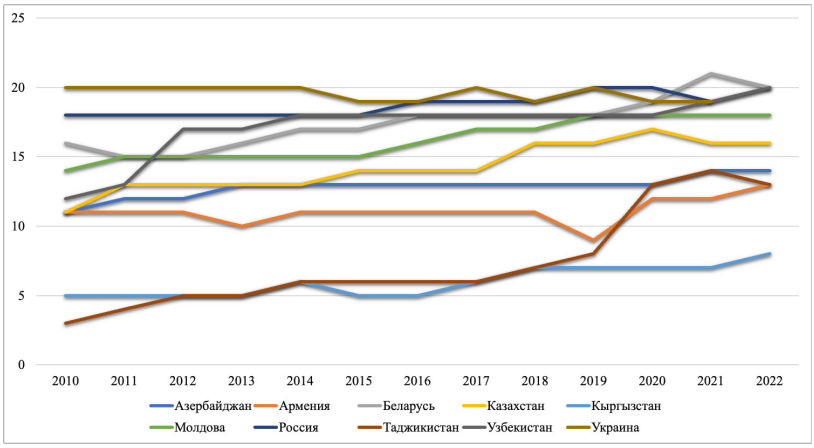

Рис. 6. Потребление яиц в странах СНГ, 2010–2022 гг. (шт./мес.)
Составлен на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Таджикистане, где потребление мяса составляет 1,8 кг/мес., а молока — 3,5 л/мес., рост потребления яиц с 3 до 13 шт./мес. за 12 лет может рассматриваться как адаптационная стратегия домохозяйств, стремящихся восполнить нехватку животных белков наиболее доступным способом.

В странах с традиционно высоким потреблением (Беларусь, Россия) яйца интегрированы в структуру «мясо-молочного» рациона как дополнительный источник белка и микронутриентов. Здесь наблюдается стабилизация потребления на уровне 18–20 шт./мес., близком к норме, установленной Минздравом России (≈22,5 шт./мес.).

В Беларуси в 2021 году зафиксирован временный подъем до 21 шт./мес., совпавший с пандемийным периодом, что может объясняться краткосрочным изменением потребительского поведения в условиях неопределенности.

Относительно нормы 22,5 шт./мес. в 2022 году все страны, кроме России и Беларуси (отклонения −12% и −11% соответственно), демонстрируют более заметные отрицательные отклонения: от −20% в Узбекистане до −64% в Кыргызстане. Это указывает на то, что

яйца, несмотря на их растущую доступность, еще не достигли уровня, рекомендуемого для полного удовлетворения потребностей в соответствующих нутриентах, в большинстве стран региона. Однако следует учитывать, что яйца — лишь один из возможных источников белка и микронутриентов, и более полная оценка обеспеченности требует анализа всего рациона.

В странах с наиболее низкими показателями (Кыргызстан — 8 шт./мес., Таджикистан — 13 шт./мес.) сохраняющееся отставание от нормы может быть связано с недостаточным развитием локального птицеводства, зависимостью от импортных поставок и ограниченной покупательной способностью части домохозяйств.

Интегральным показателем энергетической ценности питания выступает калорийность потребленных продуктов. По данным МСК СНГ за 2022 год, ее уровень варьирует от 2058 ккал/сут. в Армении до 2979 ккал/сут. в Азербайджане (табл. 2). Большинство стран демонстрируют формальную калорийную достаточность: в семи из девяти стран показатель превышает нижнюю границу физиологической нормы (2300 ккал/сут. для взрослого населения с умеренной физической активностью).

Главный же вывод заключается в том, что калорийная достаточность не гарантирует сбалансированности рациона. В странах с высокой долей хлеба и картофеля в энергетической ценности (Таджикистан — 68%, Армения — 63%, Кыргызстан — 58%) формальная норма достигается преимущественно за счет крахмалсодержащих продуктов при значительно более низком, чем рекомендуется, потреблении основных источников животного белка и микронутриентов. Так, в Таджикистане калорийность составляет 2594 ккал/сут., однако потребление мяса (1,8 кг/мес.) и молока (3,5 л/мес.) многократно уступает нормам, установленным Минздравом России (6,3 кг/мес. и 28,3 л/мес. соответственно); потребление овощей (9,5 кг/мес.) также не достигает рекомендованных 11,7 кг/мес. Подобная структура питания характерна для состояния, известного в литературе как «скрытый голод», — хронического дефицита микронутриентов при достаточной или даже избыточной калорийности рациона.

Таблица 2. Калорийность рациона в странах СНГ, 2022 г. (ккал/сут. на члена домохозяйства)

Страна	Калорийность, ккал/сут.	Отклонение от нижней границы нормы (2300 ккал), %	Доля хлеба и картофеля в рационе, %	Потребление мяса, кг/мес.	Потребление молока, л/мес.
Азербайджан	2966	+29,0	45	2,9 (–54,0%)	21,0 (–25,8%)

Армения*	2058	−10,5	63	2,3 (−63,5%)	1,5 (−94,7%)
Беларусь	2637	+14,7	35	6,8 (+7,9%)	23,7 (−16,3%)
Кыргызстан	2299	−0,0	58	1,8 (−71,4%)	7,5 (−73,5%)
Молдова	2459	+7,0	52	4,5 (−28,6%)	19,2 (−32,2%)
Россия	2574	+11,9	35	7,9 (+25,4%)	22,0 (−22,3%)
Таджикистан	2594	+12,8	68	1,8 (−71,4%)	3,5 (−87,6%)
Украина*	2779	+20,8	40	5,1 (−19,0%)	18,9 (−33,2%)

* Данные за 2020 г. (последние доступные).
Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Таким образом, анализ калорийности подтверждает наличие двух контрастных паттернов несбалансированного питания:

1. «Скрытый голод» в странах с моноструктурным рационом (Таджикистан, Кыргызстан, отчасти Армения) — достаточная или близкая к норме калорийность, обеспеченная в основном хлебом и картофелем, при значительном отставании потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных величин, что может ограничивать поступление незаменимых аминокислот, железа, кальция и витаминов.
2. Дисбалансированный рацион с избыточной калорийностью (Россия, Беларусь) — превышение нормы по мясу при недостаточном потреблении овощей и пищевых волокон, формирующее потенциальные риски для здоровья, связанные с избытком насыщенных жиров.

Выявленные паттерны подчеркивают необходимость перехода от оценки продовольственной безопасности исключительно через среднюю калорийность к комплексному анализу, учитывающему сбалансированность рациона, его разнообразие и экономическую устойчивость доступа домохозяйств к качественным продуктам питания.

Экономический контекст доступа к питанию: доходы, расходы и уязвимость домохозяйств

Доступ к рациональному питанию определяется не только аграрно-производственными возможностями страны, но и экономической базой домохозяйств, формирующей их способность приобре-

тать разнообразные продукты питания в необходимых количествах. Согласно концепции продовольственной безопасности, разработанной ФАО, экономический доступ (economic access) представляет собой ключевой компонент, без которого физическая доступность продовольствия теряет практическое значение для значительных слоев населения. В условиях стран СНГ экономический контекст приобретает особую значимость вследствие выраженной дифференциации уровня денежных доходов и сохраняющейся зависимости части домохозяйств от минимального набора продуктов с высокой калорийной плотностью при низкой микронутриентной ценности.

Анализ данных МСК СНГ выявляет устойчивый рост номинальных денежных доходов во всех странах региона (табл. 3).

Наиболее высокие темпы зафиксированы в Таджикистане (+326,3%), что отражает как восстановление экономики, так и рост объемов денежных переводов трудовых мигрантов, составляющих до 30% ВВП республики. Кыргызстан демонстрирует рост на +166,5%, Молдова — на +193,0%.

Страны Восточной Европы показывают умеренные темпы: Россия — +93,4% (за период 2011–2021 гг.), Азербайджан — +108,5%, Казахстан — +110,2% (за период 2012–2021 гг.). Беларусь после деноминации 2016 года демонстрирует рост на +80,5% за пятилетний период (2016–2021 гг.).

Однако номинальный рост доходов напрямую не транслируется в улучшение структуры потребления. В Таджикистане, несмотря на рекордный прирост доходов, потребление мяса в 2022 году составляет 1,8 кг/мес. (–71,4% от нормы Минздрава 6,3 кг/мес.), молока — 3,5 л/мес. (–87,6% от нормы 28,3 л/мес.), а доля хлебных изделий в рационе достигает 68% калорийности. В России рост доходов сопровождался увеличением потребления мяса до 7,9 кг/мес. (+25,4% к норме), но при этом потребление овощей (8,7 кг/мес.) остается ниже нормы в 11,7 кг/мес.

Такая слабая связь между динамикой доходов и структурой питания может объясняться тремя факторами. Во-первых, инфляционным обесцениванием — в Таджикистане и Кыргызстане номинальный рост доходов частично нивелировался среднегодовой инфляцией 7–9%, тогда как в России рост доходов (+93%) при среднегодовой инфляции 6–7% фактически означал стагнацию реальных доходов в 2014–2020 годах. Во-вторых, структурой расходов — значительная доля доходов направляется на непродовольственные статьи (жилье, коммунальные услуги, транспорт), что ограничивает возможности для диверсификации рациона. В-третьих, относительными ценами — в странах Центральной Азии мясо в 5–7 раз дороже хлеба в пересчете на калорийность, что формирует экономический стимул к потреблению зерновых даже при росте доходов.

Структура источников денежных доходов выявляет фундаментальные различия в экономической устойчивости доступа к продо-

Таблица 3. Динамика денежных доходов домашних хозяйств в странах СНГ, 2010–2021 гг.

Страна (валюта)	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Изменение, %
Азербайджан (манат)	144,2	166,0	190,9	214,7	230,0	240,5	257,8	268,4	276,0	292,6	291,4	300,6	+108,5
Армения (драм)	31553,0	34206,0	39056,5	42405,0	49717,4	52377,2	56544,4	58474,0	61047,0	61075,9	71182,4	76057,9	+141,0
Беларусь (рубль)1)	669,1	1033,5	1941,9	2702,6	3220,6	3514,5	369,4	390,3	452,7	518,2	563,5	666,9	+80,52)
Казахстан (тенге)	–	–	32872,0	36047,8	38980,3	41105,3	44463,4	47561,9	52419,4	57725,3	62035,3	69111,1	+110,23)
Кыргызстан (сом)	2494,4	2936,4	3215,8	3336,3	3919,2	4048,0	4230,6	4701,6	5281,4	5630,5	5625,4	6647,8	+166,5
Молдова (лей)	1123,3	1279,8	1339,1	1507,0	1584,8	1756,2	1868,9	2043,3	2176,5	2658,0	2875,1	3291,2	+193,0
Россия (рубль)4)	–	17570,7	–	22995,9	24088,7	25723,8	26552,4	26717,6	28267,9	30052,6	30960,0	33979,6	+93,45)
Таджикистан (сомони)	160,5	196,1	225,2	259,9	276,4	270,8	299,2	344,4	372,1	425,4	505,2	684,2	+326,3
Украина (гривна)	1207,1	1636,4	1795,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1) Деноминация 2016 г. (10 000 старых руб. = 1 новый руб.).
2) Расчет изменения за период 2016–2021 гг. (в новых рублях) из-за деноминации.
3) Расчет изменения за период 2012–2021 гг. (первый доступный год).
4) С 2016 г. — данные «на потребителя» (с учетом фактического пребывания в домохозяйстве), а не «на душу населения»
5) Расчет изменения за период 2011–2021 гг. (первый доступный год).
Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

вольствию между странами СНГ и позволяет выделить три принципиально различных типа стабильности доходной базы (табл. 4).

Таблица 4. Структура источников денежных доходов домашних хозяйств в странах СНГ, 2010 и 2022 гг. (% к денежному доходу)

Страна	Источник дохода	2010 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Тип структуры доходов
Россия	Оплата труда	68,6	70,8	+2,2	Стабильный наемный труд
	Предпринимательство	6,7	6,6	−0,1	
	Сельское хозяйство	0,3	0,2	−0,1	
	Пенсии	14,7	14,2	−0,5	
Беларусь	Оплата труда	63,6	62,8	−0,8	Стабильный наемный труд + высокие пенсии
	Предпринимательство	2,7	0,0	−2,7*	
	Сельское хозяйство	1,1	0,3	−0,8	
	Пенсии	21,1	25,8	+4,7	
Казахстан	Оплата труда	69,7	64,0	−5,7	Стабильный наёмный труд
	Предпринимательство	8,6	8,0	−0,6	
	Сельское хозяйство	2,2	1,2	−1,0	
	Пенсии	12,8	18,5	+5,7	
Азербайджан	Оплата труда	34,7	37,9	+3,2	Смешанный тип
	Предпринимательство	25,2	22,2	−3,0	
	Сельское хозяйство	13,9	10,7	−3,2	
	Пенсии	12,4	16,2	+3,8	
Молдова	Оплата труда	48,1	54,1	+6,0	Смешанный тип + денежные переводы**
	Предпринимательство	7,7	6,7	−1,0	
	Сельское хозяйство	0,4	3,2	+2,8	
	Пенсии	17,1	16,8	−0,3	
Армения	Оплата труда	53,1	52,6	−0,5	Смешанный тип + денежные переводы**
	Предпринимательство	7,0	12,5	+5,5	
	Сельское хозяйство	3,7	6,6	+2,9	
	Пенсии	15,9	14,9	−1,0	

Кыргызстан	Оплата труда	39,2	43,1	+3,9	Нестабильные доходы
	Предпринимательство	14,3	13,2	−1,1	
	Сельское хозяйство	17,4	12,4	−5,0	
	Пенсии	12,9	13,5	+0,6	
Таджикистан	Оплата труда	19,2	26,5	+7,3	Нестабильные доходы + денежные переводы**
	Предпринимательство	29,1	19,2	−9,9	
	Сельское хозяйство	8,9	5,7	−3,2	
	Пенсии	4,3	5,0	+0,7	

* В Беларуси с 2016 г. данные по предпринимательству не выделяются отдельно и включаются в показатель «оплата труда».

** В Молдове, Армении и Таджикистане значительная доля доходов формируется за счет денежных переводов трудовых мигрантов, которые в статистике МСК СНГ учитываются в графе «прочие доходы» и не отражены в таблице.

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Страны со стабильной структурой доходов (Россия, Беларусь, Казахстан) характеризуются доминирующей долей оплаты труда (63–71% в 2022 г.) при минимальной доле сельскохозяйственных доходов (< 2%). Такая структура обеспечивает предсказуемость денежных потоков домохозяйств, но не гарантирует сбалансированности питания: даже при достаточных доходах может сохраняться инерция сложившихся пищевых привычек (т.н. «структурная инерция» рациона).

Страны со смешанной структурой доходов (Азербайджан, Молдова, Армения) демонстрируют более диверсифицированное распределение источников, что создает определенную буферность при временном снижении одного из них. Однако в условиях относительно низкого среднего уровня доходов (особенно в Армении и Молдове) этой буферности может оказаться недостаточно для обеспечения разнообразия рациона. Страны с нестабильной структурой доходов (Кыргызстан, Таджикистан) характеризуются высокой долей предпринимательских и сельскохозяйственных доходов, а также значительной зависимостью от денежных переводов трудовых мигрантов (до 30% ВВП в Таджикистане). Это порождает «циклическую моноструктурность» рациона: в периоды высоких поступлений наблюдается кратковременное улучшение разнообразия питания, в периоды спада — возврат к минимальному набору продуктов с высокой калорийной плотностью (хлеб, картофель).

Согласно классификации Энгеля, доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в общих потребительских расходах служит индикатором экономической уязвимости домохо-

зяйств: менее 30% — высокий уровень благосостояния, 30–40% — средний, свыше 40% — низкий с повышенной чувствительностью к продовольственным шокам. Данные МСК СНГ за 2010–2022 годы выявляют устойчивую дифференциацию стран по этому показателю (табл. 5).

Таблица 5. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в общих потребительских расходах домашних хозяйств в странах СНГ, 2010 и 2022 гг. (%)

Страна	2010 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Уровень экономической уязвимости (2022 г.)
Россия	32,9	32,9	0,0	Средний
Беларусь	39,0	36,8	−2,2	Средний
Казахстан	41,6	51,2	+9,6	Высокий
Армения	51,8	44,5	−7,3	Высокий
Кыргызстан	52,4	51,2	−1,2	Критический
Азербайджан	48,2	43,5	−4,7	Высокий
Таджикистан*	63,7	48,8	−14,9	Высокий

* Данные Таджикистана по КИПЦ отсутствуют; приведены данные по укрупненной группе «Продукты питания».

Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Наиболее низкая доля расходов на питание в 2022 году отмечена в России (32,9%) и Беларуси (36,8%), что соответствует среднему уровню уязвимости. Большинство стран региона, однако, превышают 40-процентный порог, указывая на повышенную уязвимость: в Кыргызстане и Казахстане доля расходов на питание превышает 50% (51,2% в обеих странах), в Армении, Азербайджане, Молдове и Таджикистане находится в диапазоне 43–49%.

Страны с наиболее высокой долей расходов на питание, как правило, характеризуются моноструктурным рационом: в Кыргызстане (51,2%) доля хлеба и картофеля в калорийности достигает 58%, в Таджикистане (48,8%) — 68%, в Армении (44,5%) — 63%. При этом потребление мяса, молока и овощей в них существенно уступает рекомендованным нормам. Высокая доля расходов на питание сама по себе не означает обязательного перехода к моноструктурному рациону при любом шоке, но делает домохозяйства потенциально более чувствительными к колебаниям цен и доходов.

Покупательная способность среднедушевых доходов позволяет оценить физическую доступность ключевых продуктов (табл. 6). Разрыв между странами остается значительным. В России и Беларуси на средний доход можно приобрести объемы, многократно превышающие потребности по всем группам.

Таблица 6. Покупательная способность доходов в отношении ключевых продуктов питания в странах СНГ, 2022 г. (кг или шт. на средний месячный доход)

Страна	Картофель, кг	Яйца, шт.	Молоко, л	Масло животное, кг	Хлеб пшеничный, кг	Говядина, кг	Индекс доступа к микронутриентным продуктам*
Россия	1049	5975	572	58	571	102	100,0
Беларусь	633	3040	510	45	340	98	96,3
Казахстан	478	2009	263	25	434	34	54,8
Молдова	433	1430	262	23	258	36	51,2
Армения	285	1328	222	16	149	23	36,5
Азербайджан	390	1514	341	32	404	28	42,1
Кыргызстан	245	789	173	17	131	16	26,7
Таджикистан	132	130	35	10	64	10	12,4

* Индекс рассчитан как среднее арифметическое нормированных значений по молоку, яйцам и говядине (база — Россия = 100).
Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

В Казахстане, Молдове, Азербайджане и Армении покупательная способность в отношении микронутриентно-плотных продуктов (молоко, говядина, яйца) заметно ниже, чем в России. В Таджикистане и Кыргызстане она минимальна: на средний месячный доход в Таджикистане в 2022 году можно было купить лишь 132 кг картофеля, 130 яиц, 35 л молока и 10 кг говядины. Это свидетельствует о крайне ограниченных возможностях для приобретения полноценного набора продуктов питания даже на среднюю заработную плату.

При этом важно подчеркнуть, что высокая покупательная способность (как в России и Беларуси) автоматически не ведет к сбалансированному рациону: существенную роль играют сложившиеся пищевые предпочтения и относительные цены на различные категории продуктов.

Уровень бедности, измеряемый долей населения с доходами ниже черты бедности, остается высоким в Кыргызстане (29,8%), Таджикистане (21,2%), Армении (21,7%) и Молдове (31,6%) (табл. 7). В этих странах бедность сочетается с моноструктурностью рациона и низ-

ким потреблением мяса и молока. В то же время низкий уровень бедности в Беларуси (3,9%), Казахстане (5,2%) и Азербайджане (5,3%) не устраняет дисбалансы в структуре питания, в частности, избыточное относительно нормы потребление мяса и недостаток овощей.

Коэффициент фондов (отношение доходов 20% наиболее и наименее обеспеченных групп) варьирует от 2,9 в Азербайджане до 8,5 в Кыргызстане (табл. 8). Высокие значения в Кыргызстане (8,5), России (8,0) и Армении (7,0) указывают на значительную внутристрановую дифференциацию доходов. При отсутствии данных о потреблении в разрезе доходных групп прямая связь неравенства с разнообразием рациона на агрегированном уровне не может быть установлена, однако косвенные показатели (доля расходов на питание, уровень бедности) позволяют предполагать, что в странах с высоким неравенством наименее обеспеченные группы особенно уязвимы к нехватке микронутриентов.

Таблица 7. Доля населения ниже черты бедности в странах СНГ, 2000 и 2022 гг. (%)

Страна	2000 г.	2022 г.	Изменение, п.п.	Уровень бедности (2022 г.)	Потребление мяса, кг/мес.	Потребление молока, л/мес.
Таджикистан	–	21,2	–	Высокий	1,8 (–71,4%)	3,5 (–87,6%)
Кыргызстан	56,4	29,8	–26,6	Высокий	1,8 (–71,4%)	7,5 (–73,5%)
Армения	–	21,7	–	Высокий	2,3 (–63,5%)	1,5 (–94,7%)
Молдова	–	31,6	–	Критический	4,5 (–28,6%)	19,2 (–32,2%)
Россия	29,0	9,0	–20,0	Средний	7,9 (+25,4%)	22,0 (–22,3%)
Беларусь	41,9	3,9	–38,0	Низкий	6,8 (+7,9%)	23,7 (–16,3%)
Казахстан	–	5,2	–	Низкий	6,5 (+3,2%)	18,9 (–33,2%)
Азербайджан	49,0	5,3	–43,7	Низкий	2,9 (–54,0%)	21,0 (–25,8%)
Узбекистан	27,5	11,0	–16,5	Средний	3,7 (–41,3%)	16,8 (–40,6%)

Примечание: данные по Таджикистану за 2000 г. отсутствуют; по Молдове и Армении — неполные ряды наблюдения. Отклонения в скобках рассчитаны от норм Минздрава России (мясо — 6,3 кг/мес., молоко — 28,3 л/мес.). Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Таблица 8. Распределение общего фонда доходов домашних хозяйств по 20% группам населения в странах СНГ, 2022 г. (%)

Страна	Первый квинтиль (беднейшие 20%)	Второй квинтиль	Третий квинтиль	Четвертый квинтиль	Пятый квинтиль (богатейшие 20%)	Коэффициент фондов (5-я/1-я)
Россия	5,7	10,3	15,4	22,8	45,8	8,0
Беларусь	9,6	13,7	16,9	21,7	38,1	4,0
Казахстан	9,8	13,0	16,3	21,7	39,2	4,0
Азербайджан	11,5	15,0	18,2	22,2	33,1	2,9
Молдова	6,9	11,9	16,1	22,0	43,1	6,3
Армения	6,1	11,8	16,7	22,7	42,7	7,0
Кыргызстан	5,3	10,1	15,5	24,1	45,0	8,5
Узбекистан	8,6	13,1	16,8	22,0	39,5	4,6

* Данные Таджикистана за 2022 г. отсутствуют в предоставленной статистике.
Таблица составлена на основе Базы данных показателей Статкомитета СНГ «Статистика СНГ»

Проведенный анализ экономического контекста позволяет сформулировать несколько обобщений, которые, однако, не должны восприниматься как жесткие утверждения, а скорее, как наблюдаемые закономерности, требующие дальнейшей проверки на микроданных:

1. Номинальный рост доходов не обязательно сопровождается улучшением структуры питания: в странах с низким исходным уровнем доходов он часто нивелируется инфляцией и необходимостью нести обязательные непродовольственные расходы, а в странах с высокими доходами — консервирует сложившиеся пищевые паттерны.
2. Характер уязвимости связан со структурой доходов: преобладание стабильной оплаты труда создает предсказуемость, но может закреплять дисбаланс рациона из-за инерции привычек; высокая доля нестабильных источников (предпринимательство, переводы мигрантов) формирует циклическую моноструктурность, следуя за колебаниями поступлений.
3. Доля расходов на питание свыше 40% маркирует зону повышенной чувствительности к ценовым и доходным шокам, хотя для точной оценки масштабов этой чувствительности необходимы эконометрические модели спроса.
4. Покупательная способность в отношении микронутриентно-плотных продуктов (молоко, мясо, яйца) дает более информативную картину, чем номинальные доходы или общая калорийность, однако и она не гарантирует сбалансирован-

ности рациона из-за влияния пищевых привычек и относительных цен.

5. Яйца в странах с низкой доступностью мяса и молока выступают экономически доступным источником животного белка, частично компенсируя ограниченность других белковых продуктов, но для окончательных выводов о достаточности компенсации требуется анализ аминокислотного состава рационов.

Таким образом, экономический контекст доступа к рациональному питанию в странах СНГ характеризуется сложным сочетанием факторов, определяющих не только текущий уровень, но и устойчивость доступа к разнообразному питанию. Комбинация структуры доходов, доли расходов на питание, покупательной способности и степени неравенства формирует в разных странах специфические режимы уязвимости — от «циклической моноструктурности» в Таджикистане до «структурной инерции» в России. Полученные результаты создают основу для более детального, дезагрегированного по доходным группам анализа и подчеркивают необходимость включения экономических индикаторов в системы мониторинга продовольственной безопасности.

Выявление скрытой продовольственной уязвимости: пересечение потребления и экономической уязвимости

Проведенный анализ структуры потребления и экономического контекста позволяет перейти от описания отдельных показателей к синтетической оценке скрытых форм уязвимости, не фиксируемых традиционными подходами к измерению продовольственной безопасности. Традиционная методология ФАО, ориентированная преимущественно на калорийность рациона и агрегированные показатели производства, оказывается недостаточной для выявления системных рисков, связанных с моноструктурностью питания, микронутриентной недостаточностью и экономической хрупкостью доступа к качественному питанию (табл. 9).

Скрытая продовольственная уязвимость — это состояние, при котором формальные показатели (агрегированная калорийность рациона, среднее потребление продуктов на душу населения) создают иллюзию продовольственной безопасности, однако домохозяйства при этом остаются сильно подверженными экономическим шокам и могут испытывать нехватку микронутриентов из-за моноструктурного характера рациона.

В отличие от традиционного недоедания (калорийный дефицит $<$ 2100 ккал/сут.), скрытая уязвимость может проявляться в трех формах:

Скрытый голод — достаточная либо формально приемлемая калорийность, достигаемая в основном за счет хлеба и картофеля,

при значительном отставании потребления мяса, молока и овощей от рекомендованных норм. Типичный пример — Таджикистан: калорийность рациона (2594 ккал/сут.) формально превышает нижнюю границу нормы, однако доля хлеба и картофеля в ее структуре достигает 68%, а потребление мяса составляет лишь 1,8 кг/мес. (норма — 6,3 кг/мес.), молока — 3,5 л/мес. (норма — 28,3 л/мес.), овощей — 9,5 кг/мес. (норма — 11,7 кг/мес.). Подобное сочетание может ограничивать поступление железа, кальция, витаминов С и группы В, что особенно значимо для уязвимых групп — детей и женщин репродуктивного возраста.

Хрупкое благополучие — формально приемлемое потребление при доле расходов на питание свыше 40%. Высокая доля таких расходов означает, что даже умеренный рост цен или снижение доходов способны вынудить домохозяйства резко сократить потребление более дорогих микронутриентно-плотных продуктов (молока, мяса, овощей) и перейти к моноструктурному рациону с доминированием хлеба и картофеля. Примером может служить Казахстан: доля расходов на питание здесь составляет 51,2% — одно из самых высоких значений в регионе — при том, что потребление мяса и молока лишь незначительно отклоняется от нормы. Это создает «иллюзию благополучия»: агрегированные показатели потребления выглядят удовлетворительно, но маскируют высокую чувствительность домохозяйств к ценовым шокам.

Структурная инерция рациона — заметное превышение норм по одним продуктам при сохранении отставания по другим, наблюдаемое даже в странах с низкой долей расходов на питание. В России и Беларуси домохозяйства имеют достаточно ресурсов для приобретения разнообразного набора продуктов, однако сложившиеся пищевые привычки и относительная дороговизна овощной продукции способствуют сохранению дисбаланса. В результате потребление мяса в России достигает 7,9 кг/мес. (при норме 6,3 кг/мес.), а в Беларуси — 6,8 кг/мес., тогда как потребление овощей составляет 8,7 кг и 7,3 кг соответственно (норма — 11,7 кг/мес.). Такая несбалансированность потенциально связана с избыточным поступлением насыщенных жиров на фоне дефицита пищевых волокон и антиоксидантов, что в долгосрочной перспективе может повышать риски некоторых неинфекционных заболеваний.

Ключевой методологический прием, использованный в работе, — экспертная группировка на основе кросс-табуляции показателей потребления с индикаторами экономической уязвимости. Именно пересечение нескольких измерений позволяет выявить скрытые риски, которые остаются незамеченными при анализе отдельных показателей. На основе комбинации четырех измерений — (1) разнообразие рациона (адаптированный индекс HDDS), (2) доля расходов на питание, (3) коэффициент фондов, (4) степень отклонения потребления мяса, молока и овощей от норм — выделены четыре типа продовольственной уязвимости (табл. 9). Данная типо-

логия построена экспертным путем, поскольку малое число стран ($n = 9$) не позволяет применить формальные процедуры кластеризации, а пороговые значения определены на основе содержательных критериев, принятых в литературе.

Устойчивая моноструктурность (Кыргызстан). Характеризуется низким разнообразием рациона (HDDS < 6), критически высокой долей расходов на питание (51,2%) и значительным неравенством (коэффициент фондов 8,5). Доля хлеба и картофеля в калорийности достигает 58%, а потребление мяса и молока находится на уровне, многократно уступающем нормам (1,8 кг/мес. и 7,5 л/мес. соответственно). Подобное сочетание делает рацион уязвимым для любых дополнительных экономических стрессов, способных еще сильнее сузить его разнообразие.

Циклическая моноструктурность (Таджикистан). Низкое разнообразие рациона (HDDS < 6) сочетается с высокой волатильностью доходов, обусловленной зависимостью от денежных переводов трудовых мигрантов (до 30% ВВП). В 2020–2021 годах приток переводов обеспечил временный рост потребления мяса до 2,3 кг/мес., однако к 2022 году показатель вернулся к 1,8 кг/мес.

Таблица 9. Типология стран СНГ по уровню скрытой продовольственной уязвимости, 2022 г.

Тип уязвимости	HDDS	Доля расходов на питание, %	Коэффициент фондов	Отклонение потребления (мясо/молоко/овощи)*	Страны	Характерные риски
Устойчивая моноструктурность	< 6	> 50	> 7	мясо −71%, молоко −74%, овощи −41%	Кыргызстан	При любых экономических шоках — углубление моноструктурности рациона, дальнейшее снижение поступления железа, кальция и витаминов

Циклическая моноструктурность	< 6	40–50	–	мясо –71%, молоко –88%, овощи –19%	Таджикистан	Периодическое ухудшение разнообразия питания при снижении денежных переводов; риск микронутриентной недостаточности в «низкие» годы
Хрупкое благополучие	6–9	> 40	< 4	мясо от –54% до +3%, молоко от –95% до –26%, овощи от –49% до –17%	Казахстан, Азербайджан, Молдова, Узбекистан, (Армения — см. примечание)	Высокая чувствительность к ценовым шокам; при росте цен на продовольствие домохозяйства могут сокращать потребление молока, мяса и овощей, переходя на более дешевые калорийные источники

Структурная инерция	> 9	< 40	> 4	мясо +25%, +8%; овощи −26%, −38%	Россия, Беларусь	Сохранение несбалансированного рациона с избытком насыщенных жиров и недостатком пищевых волокон; потенциальное повышение риска неинфекционных заболеваний в долгосрочной перспективе
Устойчивое благополучие	> 9	< 40	< 4	минимальные отклонения	*(не представлен)*	–

* Отклонения от норм Минздрава России: мясо 6,3 кг/мес., молоко 28,3 л/мес., овощи 11,7 кг/мес. Отрицательные значения — недопотребление, положительные — превышение.

Примечание: Армения по ряду параметров (низкий HDDS, крайне низкое потребление молока, высокая доля расходов на питание) тяготеет к типам «устойчивая» или «циклическая моноструктурность», однако для окончательного определения ее места в типологии требуется более детальный анализ с учетом неполноты учета ЛПХ. В данной таблице она условно отнесена к группе «хрупкого благополучия» на основании доли расходов на питание 44,5% и HDDS около 6.

Подобная нестабильность формирует «циклическую моноструктурность»: в периоды экономического подъема рацион кратковременно диверсифицируется, в периоды спада — возвращается к минимальному набору продуктов с высокой калорийной плотностью.

Хрупкое благополучие (Казахстан, Азербайджан, Молдова, а также Узбекистан, занимающий промежуточное положение). Умеренное разнообразие рациона (HDDS 6–9) наблюдается при высокой доле расходов на питание (> 40%) и относительно низком неравенстве. В Казахстане доля расходов на питание достигает 51,2% — максимального значения в регионе, несмотря на то что

среднее потребление мяса и молока не демонстрирует критических отклонений от нормы. Это порождает «иллюзию благополучия»: благополучные в среднем показатели маскируют высокую чувствительность домохозяйств к ценовым шокам, которая может быстро реализоваться при ухудшении макроэкономической ситуации.

Структурная инерция (Россия, Беларусь). Высокое разнообразие рациона (HDDS $>$ 9) и низкая доля расходов на питание ($<$ 40%) сочетаются с заметным дисбалансом в структуре потребления: мясо потребляется в объемах, превышающих норму, тогда как потребление овощей ощутимо отстает от рекомендованного. При достаточных доходах изменение этого паттерна, по-видимому, сдерживается устойчивыми пищевыми привычками и соотношением цен на различные категории продуктов. Такой тип уязвимости не связан с экономической недоступностью продовольствия, а отражает инерцию сложившейся модели питания.

Устойчивое благополучие — целевая модель, предполагающая высокое разнообразие рациона, низкую долю расходов на питание и минимальные отклонения от рекомендуемых норм. В выборке стран СНГ на 2022 год данный тип не представлен, что указывает на наличие резервов для улучшения качества питания даже в наиболее благополучных государствах региона. Наиболее близкими к этой модели являются Россия и Беларусь, однако они классифицируются как «структурная инерция» в силу сохраняющегося дисбаланса. Достижение параметров «устойчивого благополучия» может рассматриваться как долгосрочный стратегический ориентир продовольственной политики в СНГ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что традиционные подходы к оценке продовольственной безопасности, основанные на агрегированных показателях калорийности и валового производства, недостаточны для выявления скрытых структурных дисбалансов рациона и экономической уязвимости домохозяйств. На примере девяти стран СНГ подтверждено, что формальная калорийная достаточность во многих случаях маскирует значительные отклонения в потреблении микронутриентно-плотных продуктов и высокую чувствительность к ценовым и доходным шокам. Это указывает на необходимость дополнения традиционных индикаторов показателями, отражающими разнообразие рациона, долю расходов на питание и устойчивость источников доходов.

На основе пересечения четырех измерений (разнообразие рациона, доля расходов на питание, неравенство и отклонения от рекомендуемых уровней потребления) была построена экспертная типология стран СНГ, в которой выделены четыре типа скрытой продовольственной уязвимости: устойчивая моноструктурность

(Кыргызстан), циклическая моноструктурность (Таджикистан), хрупкое благополучие (Казахстан, Азербайджан, Молдова, Узбекистан) и структурная инерция (Россия, Беларусь). Около 36,8% населения региона (примерно 84 млн человек) проживают в странах с высокой долей расходов на питание ($>$ 40%) и низким разнообразием рациона, что формирует зону повышенной уязвимости, где даже умеренные экономические шоки могут привести к дальнейшему сужению рациона и углублению микронутриентной недостаточности. В странах с низкой долей расходов на питание, напротив, основной проблемой выступает не экономическая доступность, а структурная инерция — устойчивый дисбаланс рациона, при котором избыточное потребление мяса сочетается с недостатком овощей даже при наличии финансовых возможностей.

Предложенная типология впервые в региональном контексте дифференцирует не только уровни, но и режимы уязвимости, порождаемые различными комбинациями нутрициологических и экономических факторов. Она создает основу для более адресного мониторинга социальных последствий экономических реформ и ценовых шоков — эффектов, которые традиционные макроэкономические индикаторы улавливают слабо.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все выводы основаны на агрегированных страновых данных и не могут быть автоматически перенесены на отдельные доходные группы внутри каждой страны. Дальнейшие исследования должны быть направлены на дезагрегирование показателей по квинтилям доходов, типам домохозяйств и сельской/городской местности, а также на построение количественных индикаторов, позволяющих измерять глубину скрытой уязвимости и отслеживать ее динамику во времени. Именно такие индикаторы способны в перспективе дополнить существующие системы мониторинга продовольственной безопасности и качества жизни в странах СНГ.

Библиография

Арзамасцева Л. П., Трофименков А. Ф., Федченко А. А., Шкиренко Г. А. (2020). Трансформация качества жизни населения: региональный аспект // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. Т. 17. № 2. С. 39–48.

Вартанова М. Л. (2021). Качество жизни как комплексный показатель социально-экономического развития регионов // Естественно-гуманитарные исследования. № 36 (4). С. 52–60.

Губарев Р. В., Каримов А. Г., Дзюба Е. И. (2024). Измерение многомерной бедности населения регионов России: гибридный подход // Журнал институциональных исследований. Т. 16. № 3. С. 80–95.

Гузев М. М. (2024). Россия в борьбе за Россию, демография: между Сциллой и Харибдой // Философия хозяйства. № 2 (152). С. 45–54.

Зубаревич Н. В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики.

Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1 (83). С. 4–18.
Кабашова Е. В. (2024). Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 3. С. 397–414.
Касимова З. Н. (2024). Анализ демографической ситуации России // Актуальные вопросы современной экономики. № 5. С. 180–184.
Кислая Т. Н. (2024). Показатель «качество жизни» в системе экономической безопасности региона // Экономика. Информатика. Т. 51. № 3. С. 503–520.
Кочкина Е. М., Радковская Е. В., Попова Н. П. (2024). Качество жизни как комплексный показатель конкурентоспособности региона // Глобальный научный потенциал. № 6 (159). С. 295–298.
Лаврикова Н. И., Яблочкин С. П. (2024). Моделирование последствий влияния демографических факторов на экономическое развитие // Управленческий учет. № 12. С. 38–45.
Митрофанов С. В., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Николаев Д. В. (2025). Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК // Крестьяноведение. Т. 10. № 3. С. 38–67.
Самуэльсон П., Нордхаус В. (2010). Экономика. 18-е изд. М.: Вильямс.
Сен А. (2004). Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. Р. М. Нуреева. М.: Новое издательство: Либеральная миссия.
Черныш М. Ф. (2021). Институциональные основы неравенства в современном обществе // Социологические исследования. Т. 30. № 3. С. 6–28.
Alkire S., Foster J. (2007). Counting and Multidimensional Poverty Measurement. Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper No. 7. Oxford: OPHI. URL: https://ophi.org.uk/sites/default/files/ophi-wp7_vs2.pdf (дата доступа: 10.02.2026)
FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO (2023). The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural–Urban Continuum. Rome: FAO.
Hanmer J., DeWalt D. A., Berkowitz S. A. (2021). Association between food insecurity and health-related quality of life: A nationally representative survey // Journal of General Internal Medicine. Vol. 36. № 6. P. 1638–1647.
Haq M. ul. (1995). Reflections on Human Development. New York: Oxford University Press.
Lunze K., et al. (2015). Food security and nutrition in the Russian Federation: A health policy analysis // Global Health Action. Vol. 8.
Mayén A. L., et al. (2016). Interventions promoting healthy eating as a tool for reducing social inequalities in diet in low- and middle-income countries: A systematic review // International Journal for Equity in Health. Vol. 15. Art. 205.
Park S., et al. (2023). Dose–response relationship between food insecurity and quality of life // Journal of Affective Disorders. Vol. 321. P. 456–464.
Park S., et al. (2024). Social isolation, loneliness, and quality of life among food-insecure adults // Preventive Medicine Reports. Vol. 37.
Turrell G., Vandevijvere S. (2015). Socio-economic inequalities in diet and body weight: Evidence, causes and intervention options // Public Health Nutrition. Vol. 18. № 5. P. 759–763.
Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2024). Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century // Regional Research of Russia. Vol. 14. № 4. P. 513–524.

Consumption patterns and economic accessibility of rational nutrition in the CIS: Identifying hidden vulnerability

Sergey V. Mitrofanov, PhD (Agriculture), Head of the Department of Economics of Innovation in Agriculture, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: smitrofanov@hse.ru

Renata G. Yanbykh, DSc (Economics), Head of the Department of Agrarian Policy, Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: ryanbykh@hse.ru

Nadezhda V. Orlova, Head of the Institute of Agrarian Research, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028, Russia. E-mail: nvorlova@hse.ru

Abstract. Traditional approaches to the food security assessment, based on aggregated indicators of production and calorie intake, often hide structural imbalances in diets and economic vulnerability of households. The study aims at identifying hidden forms of food vulnerability and providing a typology of the CIS countries based on consumption patterns and economic access to rational nutrition. The authors address the following tasks: (1) to analyze cross-country differences in the consumption of basic food products; (2) to assess economic factors affecting access to rational nutrition (income, share of food expenditure, purchasing power, poverty, inequality); (3) to develop a typology of countries. The study is based on the data of the Interstate Statistical Committee of the CIS for 2010–2022 on nine countries; the methodology combines statistical, comparative-geographical and cross-tabulation analysis (indicators of dietary diversity, share of food expenditure, quintile ratio, and deviations in the consumption of micronutrient-dense products). The authors argue that formal caloric sufficiency does not guarantee a balanced diet: in some countries, high energy value of the diet is achieved by bread and potatoes, while there is significant underconsumption of meat, milk and vegetables. Four types of hidden vulnerability were identified – from a persistent monotonous diet with a critically high share of food expenditure to "structural inertia", combining excessive meat consumption with a deficit of vegetables. 36.8% of the region's population (approximately 84 million people) live in countries with a high share of food expenditure (>40%) and low dietary diversity, which form a "zone of critical vulnerability" – even moderate economic shocks can increase micronutrient deficiencies. The authors emphasize the role of eggs as an affordable source of high-quality animal protein in countries with low consumption of meat and milk. The concept of hidden food vulnerability and the proposed typology provide an empirical basis for monitoring social consequences of economic reforms and coordinating policy measures within the EAEU and CIS.

Key words: food security, consumption patterns, economic accessibility, hidden vulnerability, rational nutrition, social differentiation, inequality, CIS

References

Alkire S., Foster J. (2007) *Counting and Multidimensional Poverty Measurement*. Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper No. 7, Oxford: OPHI. URL: https://ophi.org.uk/sites/default/files/ophi-wp7_vs2.pdf.

Arzamastseva L.P., Trofimenkov A.F., Fedchenko A.A., Shkirenko G.A. (2020) Transformatsiya kachestva zhizni naseleniya: regionalny aspekt [Transformation of the population's quality of life: A regional aspect]. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya*, vol. 17, no 2, pp. 39–48.

Chernysh M.F. (2021) Institutsionalnye osnovy neravenstva v sovremennom obshchestve [Institutional foundations of inequality in contemporary society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, vol. 30, no 3, pp. 6–28.

FAO, IFAD, UNICEF, WFP & WHO (2023) *The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, Agrifood Systems Transformation and Healthy Diets Across the Rural-Urban Continuum*, Rome: FAO.

Gubarev R.V., Karimov A.G., Dzyuba E.I. (2024) Izmerenie mnogomernoy bednosti naseleniya regionov Rossii: gibridny podkhod [Measuring the multidimensional poverty in Russian regions: A hybrid approach]. *Zhurnal Institutsionalnyh Issledovaniy*, vol. 16, no 3, pp. 80–95.

Guzev M.M. (2024) Rossiya v borbe za Rossiyu, demografiya: mezhdu Scylloy i Charibdoy [Russia in the struggle for Russia, demography: Between Scylla and Charybdis]. *Filosofiya Khozyaystva*, no 2, pp. 45–54.

Hanmer J., DeWalt D.A., Berkowitz S.A. (2021) Association between food insecurity and health-related quality of life: A nationally representative survey. *Journal of General Internal Medicine*, vol. 36, no 6, pp. 1638–1647.

Haq M. ul. (1995) *Reflections on Human Development*, New York: Oxford University Press.

Kabashova E.V. (2024) Mezhregionalnye razlichiya v kachestve i urovne zhizni naseleniya Rossii [Interregional differences in the quality of life and standard of living in Russia]. *Uroven Zhizni Naseleniya Regionov Rossii*, vol. 20, no 3, pp. 397–414.

Kasimova Z.N. (2024) Analiz demograficheskoy situatsii v Rossii [Analysis of the demographic situation in Russia]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Ekonomiki*, no 5, pp. 180–184.

Kislaya T.N. (2024) Pokazatel "kachestvo zhizni" v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Indicator "quality of life" in the regional system of economic security]. *Ekonomika. Informatika*, vol. 51, no 3, pp. 503–520.

Kochkina E.M., Radkovskaya E.V., Popova N.P. (2024) Kachestvo zhizni kak kompleksny pokazatel konkurentosposobnosti regiona [Quality of life as a comprehensive indicator of regional competitiveness]. *Globalny Nauchny Potentsial*, no 6, pp. 295–298.

Lavrikova N.I., Yablochkin S.P. (2024) Modelirovanie posledstviy vliyaniya demograficheskih faktorov na ekonomicheskoe razvitie [Modeling the impact of demographic factors on economic development]. *Upravlenchesky Uchet*, no 12, pp. 38–45.

Lunze K. et al. (2015) Food security and nutrition in the Russian Federation: A health policy analysis. *Global Health Action*, vol. 8.

Mayén A.L. et al. (2016) Interventions promoting healthy eating as a tool for reducing social inequalities in diet in low- and middle-income countries: A systematic review. *International Journal for Equity in Health*, vol. 15.

Mitrofanov S.V., Yanbykh R.G., Orlova N.V., Nikolaev D.V. (2025) Demograficheskie vyzovy razvitiyu selskih territoriy i kadrovoe obespechenie APK [Demographic challenges for Russian rural areas and their impact on staffing of agriculture]. *Russian Peasant Studies*, vol. 10, no 3, pp. 38–67.

Park S. et al. (2023) Dose-response relationship between food insecurity and quality of life. *Journal of Affective Disorders*, vol. 321, pp. 456–464.

Park S. et al. (2024) Social isolation, loneliness, and quality of life among food-insecure adults. *Preventive Medicine Reports*, vol. 37.

Samuelson P., Nordhaus V. (2010) *Ekonomika* [Economics], Moscow: Williams.

Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Transl. from English and ed. by R.M. Nureev, Moscow: Novoe izd-vo; Liberalnaya missiya.

Turrell G., Vandevijvere S. (2015) Socio-economic inequalities in diet and body weight: Evidence, causes and intervention options. *Public Health Nutrition*, vol. 18, no 5, pp. 759–763.

Vartanova M.L. (2021) Kachestvo zhizni kak kompleksny pokazatel' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov [Quality of life as a comprehensive indicator of regional social-economic development]. *Estestvenno-Gumanitarnye Issledovaniya*, vol. 36, no 4, pp. 52–60.

Zubarevich N.V. (2010) *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Russia's Regions: Inequality, Crisis, Modernization], Moscow: Nezavisimy institut sotsialnoy politiki.

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Mezhregionalnoe neravenstvo v Rossii i postsovetskih stranah v XXI veke [Interregional inequality in Russia and post-soviet countries in the 21st century]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 1, pp. 4–18.

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024) Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century. *Regional Research of Russia*, vol. 14, no 4, pp. 513–524.

Does Russia have a food safety crisis?

S. Wegren

Wegren Stephen, Distinguished University Professor, Professor of Political Science, Department of Political Science, Southern Methodist University, Dallas (USA). 3300 University Blvd., Carr-Collins Hall, Dallas, TX 75275–0117. E-mail: swegren@smu.edu.

EDN: JQVJJM

Abstract. Unsafe food is a global problem and occurs in every country to varying degrees. This article suggests a policy process framework to understand the food safety problem in Russia. At first glance Russia does not appear to have a food safety crisis because it is not similar to developing countries or China. Most of Russia's food is safe for public consumption. And yet, the persistence of falsified and adulterated food, phony production facilities, and the scope of bad actor activity might be termed a crisis because these incidents continue to exist despite government efforts to eradicate those problems. In particular, the scope and persistence of bad actor activity have to be troubling considering the considerable legal, administrative, and manpower resources that have been invested in food safety. In short, it might be argued that Russia has a crisis because the regulatory state is not fulfilling policy goals. The purpose of this article is to work through the food safety crisis question in Russia. The applied policy process approach entails four steps: goal setting, policy design, allocation of resources, and implementation. The process-oriented framework reveals successes and shortcomings in Russia's food safety policy. On the positive side, policy adjustments have led to a decline in food counterfeiting and falsification. At the same time, the bad actor problem persists. Shortcomings in each step of the policy process are identified and discussed.

Key words: food security, food insecurity, regulatory state, agricultural production, food safety, policy process

Introduction

One of the most important challenges to global food security is unsafe food. The World Bank and Food and Agriculture Organization include food safety as an element of food security, but the two concepts are not the same. Food security is concerned with sufficient levels of daily caloric intake, while food safety relates to food that will not make a person sick without regard to levels of consumption. The differences between these two concepts play out in food policy. Food security policy aims to increase availability and access to food for a healthy life. Food safety policy aims to make food safe. Food safety affects every consumer on a daily basis and directly affects the health and well-being of the population. It makes little sense to talk about levels of food consumption if food is unsafe.

According to the World Health Organization (WHO), unsafe food containing harmful bacteria, viruses, parasites, or chemical substances causes more than 200 different diseases. The causes of foodborne illnesses depend on which stage they occur in the production-processing-consumption cycle. Food may become unsafe due to the way it is produced or handled during food production and processing, during storage, during transportation over long distances, during marketing and retail stages, and during preparation and consumption. Foodborne diseases may result from ignorance, neglect, accident, underdeveloped sanitation systems, or poor choices by consumers at home. Food safety, therefore, is a multidimensional issue that transcends time, space, and location.

Problems surrounding food safety affect hundreds of millions of people each year. Around the world, an estimated 600 million people become ill after eating contaminated food, resulting in 420,000 deaths every year (WHO, 2022b). The WHO estimates that 125,000 children under 5 years of age die from a foodborne illness each year (WHO, 2015). Diarrheal diseases are a major culprit, responsible for more than one-half of global foodborne diseases, causing 550 million people to become ill and 230,000 deaths every year (WHO, 2015). Developing countries are most likely to experience food safety problems. Africa has the largest regional percentage of foodborne illnesses, where hygienic standards and sanitation levels are very low, access to clean water is problematic, and modern methods of food storage (refrigeration, electricity) may be irregular. High levels of that illness from unsafe food strain hospital systems, especially in nations that already have underdeveloped health care. Countries that develop reputations for unsafe food may experience lower levels of foreign tourism.

Unsafe food creates a cycle of disease and malnutrition. Unsafe food impacts cohorts of the population low-and middle-income nations that are already vulnerable: infants, small children, the elderly, and immuno-compromised individuals. Moreover, unsafe food leads to economic losses from lower productivity and medical expenses, which are estimated at $110 billion USD annually in low- and middle-income countries (WHO, 2022a: 9). Thus, food safety is arguably *at least as* important to food security as levels of food consumption or daily caloric intake. If food is unsafe, calories consumed per day are irrelevant.

Unsafe food—contaminated food—can sicken or even kill those who consume it. To meet the global challenge of safe food, the WHO adopted a 'Global Strategy for Food Safety' in 2002 (WHO, 2002). This strategy advocated transitioning from reactive product testing to proactive science-based management. The strategy supported international cooperation to reduce hazards in food systems and improve detection, management, and communication about foodborne illnesses. The 2002 strategy was followed by a strategic plan for food safety for 2013–2022 (WHO, 2013), and a third strategy for food safety that

runs 2022–2030 (WHO, 2022a). The 2022-2030 strategy aims to establish a harmonized framework for food legislation among nations; establish an institutional framework to coordinate national food control systems; develop and implement standards and guidelines; strengthen compliance, verification and enforcement; and establish emergency response systems (WHO, 2022a). The 2022–2030 strategy is integral to meeting the food security goals defined in the UN's Sustainable Development Goals that run 2016–2030. Thus, as the world's population increases to 10 billion people by 2050 (Suziki, 2019), solving the world's hunger problem entails more than increasing food production and consumption.

Russia does not occupy a significant position in the literature on food safety, which is to say that food safety is an understudied aspect of Russia's food policy and food security. But food safety is no less important in Russia than it is in any other country. The question that this article addresses is whether Russia has a food safety crisis. By crisis we do not have in mind the systemic problems that stem from a low level of development. Developing countries lack clean water, have shortages of refrigeration, and have inadequate sanitation during storage, processing, and transportation. We also do not put Russia in the same category as China, where several very serious food safety incidents have occurred (Yasuda, 2018: 6). For example, in 2008 a baby milk scandal killed six infants and sickened another 300,000 children (Donnellon-May, 2024); in 2010, waste oil was found to be used in food preparation; and during 2007–2015 rice was found to be contaminated with heavy metals (Bozzini, Sicurelli, 2021: 341–342). In 2011, pork was contaminated by a substance that poisons the cardiovascular system (Yasuda, 2018: 1). In 2013, more than 6,600 diseased pork carcasses floated in Shanghai's main water ways (Dead pigs in Shanghai River, 2013). In 2014, a widespread rotten meat scandal attracted international attention (Gough, 2014). Even after the adoption of food safety laws and policies, the problem has not disappeared. In 2024, another food oil scandal erupted when it was found that the company that transported edible oils had not cleaned their trucks for years, made possible by inadequate government monitoring and regulation (Liu, Tang, 2025). A few months later, farm workers and merchants were discovered to have soaked goji berries in a banned substance and sprayed them with illegal additives to enhance their color (Donnellon-May, 2024). These types of incidents explain why consumers' trust in domestically produced food in China is so low (Kendall et al., 2019).

The purpose of this article is to work through the food safety crisis question in Russia. That macro question may be broken into subsidiary sub-questions: 1) Does Russia have a regulatory crisis regarding food safety? This question asks whether the regulatory system in food safety is effective. 2) Does Russia have an institutional crisis in food safety? This question asks whether the institutions have

the capacity, authority, and resources to effectively fulfill their roles. 3) Does Russia have a public health crisis in food safety? This question asks whether food safety policy and institutions are protecting public health. 4) Does Russia have a public policy crisis in food safety? This question asks whether the policy process is effective to meet food safety goals. The answers to these questions are discussed further in the Conclusion

The state of knowledge

We start with the question why the unsafe food problem exists before proceeding to review schools of thought about food safety. One reason why unsafe food exists relates to a country's level of development. Foodborne illnesses may occur in any country, but are most common in the developing world, where unsanitary water, a lack of knowledge about sanitation, a shortage of refrigeration, and unclean storage and processing facilities are prevalent. Low- and middle-income nations in South Asia, Southeast Asia, and Sub-Sahara Africa account for 41% of the world's population, but 53% of foodborne illnesses and 75% of food illness-related deaths (Jaffe et al., 2019). Food safety in developing countries is important because foodborne diseases lead to lower IQ and stunting in children. Stunting, in turn, is associated with chronic childhood diseases that carry over to adulthood; increased risk of not completing school; lower adult earning potential; and lower productivity (Vipham, Chaves, Trinetta, 2018: 17). In short, problems associated with food safety start in childhood and can continue throughout the rest of the person's life.

Unsafe food also comes from industrial agriculture. In developed nations, factory farming creates unsanitary conditions that pose threats to human health. The use of chemicals during production and processing of food raises the risks that exposure to pesticides and food additives can cause illness in humans. Animals are fed compound feed, corn, and animal parts that cause diseases in livestock (Pollan, 2006: 65–84). To combat diseases that are caused by unhealthy feed, livestock are raised on a diet of antibiotics that may be passed to humans through their meat, creating resistance to antibiotics in humans (Lymbery, Oakeshott, 2014: 135–159). Chickens are raised in cramped, unsanitary conditions where diseases can easily spread (Lymbery, Oakeshott, 2014: 27– 38, 187–196). At chicken processing plants, the processing lines move so fast that diseased animals are difficult to identify and remove, which means that they enter the food supply (Schlosser, 2023: 11–25). Therefore, foodborne illnesses occur as a byproduct of industrial agriculture.

A third source for unsafe food occurs in both developed and developing states. Many foodborne illnesses are caused by inadequate hygienic and sanitation practices at home. The undercooking of meat

products is a particular hazard. The United States is considered to have safe food and refers to its food system as the "safest in the world". Yet, in 2025 an estimated 9.9 million people suffered from a foodborne illness, leading to 53,000 hospitalizations and 931 deaths in the United States (Center for Disease Control, 2025). The United States Department of Agriculture places annual estimates much higher at 48 million people sickened — nearly one in six people — and 3,000 deaths from foodborne illnesses (US Department of Agriculture, 2025). Most of the fatal cases occurred in the home and were related to improper preparation or handling of food.

A final reason why unsafe food exists is due to manmade causes. One manmade cause is outright fraud by bad actors. Fraud refers to a food product being sold as something that it is not, in other words, selling an imposter. Food fraud occurs in nearly every country. The main consequence of imposter food is that consumers pay for something that is not what they thought they were buying, although in some instances the substituted product can be dangerous to human health (Olmstead, 2016). Another manmade cause includes adulteration, or counterfeiting, which refers to contents of a product being falsified. Counterfeiting entails deliberate falsification of a product through additives, the substitution of one content for another, or the use of contents that are not disclosed. This type of activity is very common and occurs across a wide range of food and drink products. The common link between types of manmade causes is greed.

Different schools of thought about food safety exist. One school of thought looks at food safety as a regulatory problem. This approach considers the efficacy of government oversight and emphasizes food safety standards, inspection, and quarantine. This school of thought sees the rise of a regulatory state and argues that technological underdevelopment leads to weakened regulatory monitoring (Liu, 2010). A second school of thought examines the origins of food safety rules. Some scholars emphasize foreign influences while others consider domestic sources. China's entry into the World Trade Organization in 2002, for example, necessitated new rules about food safety in order for its food exports to be competitive. China's 2009 Food Safety Law was heavily influenced by food safety laws in the European Union, although institutional arrangements and China's macro-governing framework were quite different which made the fit problematic (Yasuda, 2018: 189). On the other hand, domestic origins of regulation of food safety have evolved in China since 1949 when industrial ministries held regulatory power. In the post-1993 period, regulatory institutions became independent of the firms being regulated (Liu, 2010; Liu, Mutukumira, Chen, 2019).

A third school of thought looks at trust in food safety and its broader linkages to societal trust. From a political perspective, trust in food safety affects how people feel about their leaders. In China, President Xi asserted that if the Communist Party continued to mis-

handle the food safety issue, the Chinese people would lose trust in the Party and question whether it was capable of governing (Yasuda, 2018: 2). Trust also relates to economic markets. Specifically, when societal conditions are stable, trust in economic institutions is influenced by cultural values, but during periods of social change, trust in food is related to their performance in a market environment (Berg et al., 2005).

While these schools of thought are distinct, they have in common a focus on policy outcomes, a method that is useful but incomplete. The outcome approach presents binary choices: a state has safe food or it does not. The binary is possible because the definition of food safety is too broad and vague. What exactly does it mean for a country to be "food safe"? Is it 100% of all food? Is it 90%? Is there a threshold for the number of people who get ill from unsafe food each year? Unlike food self-sufficiency, which has a quantitative threshold that acts as a guide (Clapp, 2017), food safety has none. Outcomes are obviously important, but outcomes do not reflect the complete story. An alternative analytical approach considers states' capability, an approach that emphasizes the policy process. A process-oriented approach deconstructs state capability and investigates the fulfillment of the criteria that define state capability. State capability is explored in more detail in the following section.

An alternative approach: The policy process

We have established that food safety is a component of food security; that food safety is an important public policy issue; and that food safety has different causes. How are we to understand states' ability to deal with their food safety problem? A common approach looks at outcomes and draws broad conclusions whether a specific country has safe food or not. That approach is limited in that it does not tell the analyst much about how the outcome came to be. An approach that looks only at outcomes does not inform the analyst about the policy process, strengths and weaknesses in the policy process, and about state capability.

Alternatively, a policy process framework may be utilized, the purpose of which is to shift the discussion from outcome to process and from outcome to state capability. The policy process framework entails four separate but complementary steps: 1) the definition of goals; 2) the design of policy; 3) the allocation of resources; 4) the implementation of policy (Andrews, Prichett, Woolcock, 2017). Together, these steps inform the analyst about state capability. The policy process framework provides insight into which steps of the policy process are efficacious and which are not. The analyst using the process-oriented framework is interested in which of four steps in the policy process are satisfied. Is the policy challenge unresolvable, or

are steps in the policy process not adequately fulfilled? Are the goals not clearly defined? Is the design inadequate? Are sufficient resources allocated? Is implementation effective? Once the process analysis is completed, the analyst is positioned to understand the policy outcome. Further, a policy process framework not only allows the analyst to understand state capability, it also permits comparison of state capability over time, identifying periods of stronger or weaker capability.

The fulfillment of the four steps in the process makes a positive outcome (goal attainment) likely but is not guaranteed. There are three possible results from the process-oriented analysis. 1) All steps are fulfilled and a positive outcome is attained. 2) All steps are fulfilled but policy goals not met because some policy challenges are irresolvable. 3) One or more steps in the policy process are not fulfilled and policy goals are not met.

The policy steps

The first step in the policy process concerns *defining goals*. Once basic goals are defined, choices must be made about how to achieve those goals. For example, one choice is whether to let the market be the primary driver of food policy or whether to pursue a state-led model. How interventionist and regulatory will the state be? How much control over wholesale and retail markets will the state have? Which enforcement mechanisms will be used and how strong should they be? Other fundamental choices must be addressed and the choices that are made will shape the process to achieve policy goals.

A second step entails *policy design*. This step speaks to what policy will look like. This step reveals which actors in the food system have influence into the policy process, and the strength of that influence. Policy design is affected by different actors, from the household to the large agrifirm, each with different levels of influence and access to policymakers. Other factors impact the policy design for example, by geographical differences. Design is affected by the efficacy and competence of local governance and external factors such as the international environment. A well-designed policy will integrate these factors, transforming heterogeneity into a uniform regulatory system.

After basic choices about policy goals and the design of policy are decided, the third step is the *allocation of resources*. Policymakers must deal with constraints when allocating resources. The allocation of resources contains two parts. The first part concerns the resources that are available; the quality of those resources; and the quantity of those resources. Resources are defined broadly and may include natural resources, political resources, economic resources, financial resources, personnel resources; or leadership as a resource. The second part concerns the political process in which different interest groups compete for the distribution of resources. Access to decision-makers and interest groups' influence is not equal for all interests. Access

and influence are not equal for all policymakers either. The allocation of resources, therefore, reflects access, influence, and ultimately, power within the system. Ideally, resources are directed to the most capable actors and sectors in pursuit of policy goals.

A fourth step is the *implementation* of policies. This step speaks to the utilization of the resources that have been allocated (Andrews, Prichett, Woolcock, 2017: 11–14). This step looks at state capability — the powers of implementation and the obstacles and barriers to implementation. Two sets of factors are relevant to state capability. On the positive side, the quality of administration and oversight, and effective levers of enforcement are important. On the negative side, resource wastage, corruption, non-compliance, and mission drift are considered.

Taken together, these four steps in the policy process go far in determining whether a policy outcome will be positive, that is, the policy goal will be achieved. Fulfilling those four steps may not result in goal attainment because some policy challenges are difficult or even impossible to resolve. Even if a state defines goals, designs policy, devotes resources, and implements its policy, it still may not achieve its policy goal because some policy challenges are irresolvable no matter what else happens. However, a positive outcome is impossible if the four steps are not fulfilled. In other words, fulfillment of the four steps of the policy process provides a chance for success but does not guarantee success.

Fulfillment of the four steps makes it *likely* that the policy outcome will meet the intended goal, but there is *no* guarantee because some policy challenges are irresolvable or require multinational efforts. One (or more) of those four steps could go awry. There are numerous variations that illustrate this point, but for example, policy goals may be defined but policy design is lacking; policy goals are defined and policy is designed, but insufficient resources are allocated; policy goals are defined, policy is designed, and resources are allocated, but implementation is insufficient. There are other variants, but the basic point is that a lot can go wrong that directly impinges on state capability.

Furthermore, regional, sectoral, or specialized political interests or their agents may exert influence on one or more of the steps enumerated above and bend policy toward their desired outcome (Winders, 2009). Three variants arise: 1) The state resists interest group influence and pursues policy goals defined by the state. This variant sees an autonomous and neutral state. 2) State policy becomes an amalgam of influences from different actors, with no one actor or interest group being dominant. This variant sees the state as non-autonomous and not neutral. 3) An actor or interest group obtains a dominant position in the policy process and is able to influence the definition of policy goals, the allocation of resources, and the course of policy implementation. This variant also sees the state as non-autonomous and

not neutral, instead it is used as a vehicle of control by a single actor. This third variant is referred to as state capture. State capture is defined as 'the process of obtaining, or capturing, state regulatory authority without democratic authorization' (Bracking, 2018: 170). Another definition sees members of the business community and/or political elite take control over parts or functions of the state and use its resources for the benefit of the group while harming the public good (Fazekas, Toth, 2016: 322). Because state capture reduces accountability, it is often associated with a rise in corruption.

In conclusion, fulfillment of the four policy process steps is a necessary but insufficient condition for a positive policy outcome. The likelihood of a positive outcome for *resolvable* policy challenges is greatly enhanced if the aforementioned four steps are fulfilled. For *unresolvable* challenges, even the fulfillment of the four steps is unlikely to result in a positive outcome. The takeaway is that policy is crafted and shaped by many variables; policy does not magically happen.

Policy instruments

States have different instruments, or levers, to achieve policy goals, and these instruments can be grouped into categories. There are *policy* levers, which are expectations for specific actions by personnel in a hierarchical bureaucracy. This lever would include the expectation of compliance and administrative discipline. There are *resource* levers, which refers to the marshalling of human or productive resources. There are *financial* levers that create incentives for material gain. There are *coercive* levers, which refer to the use or threat of physical, legal, or psychological coercion toward a person or persons to get desired action. At the opposite end of the spectrum from coercive levers are levers of *vision or aspiration*. This lever motivates desired behavior by creating a vision of an appealing future if certain behaviors are performed. Over time, levers may grow in strength or may erode, depending on other variables such as the willingness of the leader to utilize that lever, the power and legitimacy of the leader, available resources, and the policy issue.

The policy process and Russian food safety

By the beginning of Putin's third term as president in 2012, levels of consumers' food consumption were rising, yet the country had only a very loosely regulated food safety system. Food safety policy was amorphous. In 2010, as part of the recovery from the 2008–2009 financial crisis, former President Dmitry Medvedev instructed state agencies to lessen their oversight of businesses to create a pro-business environment that would provide economic and psychological stimuli for

higher production. Subsequently, mandatory safety certification of food was ended, replaced by a requirement that producers and processors proclaim that their food products met quality standards. Medvedev's instruction established self-regulation that continued for several years.

A critical juncture occurred following the introduction of Russia's countersanctions in August 2014. Competition from high-quality Western brands declined after Russia imposed its food embargo. The food import ban was followed by a recession in 2014–2015 due to the collapse of oil prices. These two events created pressures to lower production costs at the same time that government oversight was weakened. As a result, Russia's domestic food safety worsened as Russian companies cut corners and rushed to take over market share that had been held by Western firms. Russian companies offered low prices by using cheap substitutes and even dangerous additives. Fake food hit Russian shelves, evidenced by the importation of oysters from Belarus, a landlocked nation. Counterfeiting became rampant for all kinds of dairy products, sausage, and other food categories. Product testing revealed shockingly high content falsification rates in the early period after countersanctions: 36 of 46 brands of cheese and butter; 7 of 33 brands of sausage; 13 of 23 brands of red caviar; and 4 of 10 bottled mineral water brands (Hobson, 2016). The state responded with a massive increase in state regulation of food safety to combat the food safety problem.

This section applies the process-oriented analytical framework to Russian food safety. Food safety is a case study of bifurcated state capability. The policy impetus for food safety was top down and did not originate as a grassroots movement whereby consumers demanded protection from unsafe food. Nor did food safety policy originate from corporate actors in the food system. Instead, the state defined policy goals and utilized different policy instruments even in the face of private sector resistance over costs and complications during the introduction of bar-coding and tracing.

Policy goals

Russia's 2020 Food Security Doctrine — the basic document that guides food policy and food security policy — defines three pillars of food security: adequate levels of food consumption; national and regional food self-sufficiency as defined by production levels; and safe food. Western academic attention has been devoted to the politics of Russia's food security (Azarieva, Brudny, Finkel, 2023), and to the political economy of Russia's food security and self-sufficiency (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2018). These publications describe attempts to secure adequate levels of food consumption through increased production.

One problem is that the Food Security Doctrine is imprecise in terms of defining the policy goal of safe food. Food security for an

individual is quantified at 2,100 calories per day. National food self-sufficiency has a threshold of 85% of food produced domestically. But safe food is not quantified and not specified. The 2020 version of the Food Security Doctrine contains text relevant to food safety. Point 2 (subpoint a) defines food security as the guarantee of physical and economic availability of safe food to every citizen (Government of the Russian Federation, 2020). Point 16 refers to the "strategic goal" of providing safe and accessible food to the population. Point 17 (subpoint 3) identifies physical and economic accessibility for an assortment of safe foodstuffs as a component of national food security. But specification of what food safety is, is lacking. Russia's various state standards (GOST) for products are more specific but are quality and use standards rather than policy goals. Thus, from the beginning Russia was confronted with a rather amorphous policy goal of safe food without a concrete definition of what that meant.

Policy design

The policy design created national requirements that register, certify, bar-code, trace, and conduct laboratory tests for a wide variety of raw and processed food products. The *Mercury* system monitors raw materials and the production process, and *Chestny znak* [Honest Sign] controls the quality of the final product during its movement from the manufacturer to the retail store. The *Mercury* system began to operate in January 2018 as an electronic veterinary system to streamline the collection of information about raw and processed agricultural products. From July 1, 2018, the *Mercury* system introduced mandatory electronic certification for the entire lifecycle of a meat product, for example, from when an animal leaves the farm to slaughterhouse, or when meat leaves a processing plant. The intent was to ensure that no meat products without electronic certification would end up in retail stores. The introduction of the *Mercury* system was not without problems. At the beginning, small farms reported difficulty connecting to the *Mercury* system and remote farms in rural areas had no physical means of connecting due to the absence of the internet (Vorotnikov, 2018).

Complementing the *Mercury* system, a federal state information system was introduced called *VetIS* [Veterinary Information System] to which cattle and pigs are to be registered in a program called *Khorriot*. The *VetIS* system requires registration of animals and links veterinary services, manufacturers, and retailers, providing real-time data on animal diseases, treatments, and product movements. The *Khorriot* system encompasses the registration of livestock and poultry on farms and traces them once they leave the farm.

Mandatory registration began on September 1, 2024, for cattle, pigs, horses, and poultry raised by farm organizations. In addition, cattle were to have ear tags that would allow them to be tracked

throughout their journey from farm to slaughterhouse. Starting September 1, 2024, private farmers were required to register their livestock. By March 2025, almost 16 million cattle, 561 million poultry, and nearly 25 million pigs had been registered in *Khorriot* (Vetandlife.ru, 2025b). The registration of breeding animals began in 2025 for cows and horses, continuing into 2026 for pigs and poultry. Imported breeding animals must be registered as well. The registration process for breeding animals became mandatory on March 1, 2026, and is to be completed by January 1, 2027. In 2025, the head of *Rosselkhoznadzor* [Russian Agricultural Supervision], Sergei Dankvert, proposed that animal registration in *Khorriot* should be required to receive state financial support (Vetandlife.ru, 2025b). This requirement became a reality in 2026.

These registration systems created a vast regulatory regime to oversee food from farm to store shelf. The three main organizations are *Rosselkhoznadzor*, *Rospotrebnadzor* [Russian Consumer Supervision], and *Roskachesto* [Russian Quality System], whose functions overlap although *Roskachesto* has more an informational function rather than enforcement agency. *Rosselkhoznadzor* is the primary organization to enforce policy and it has broad powers over domestic raw food, processed food, retail food, food imports, food exports, and even conducts inspections of foreign food processing facilities. However, it could be argued that policy design is insufficient, despite the fact that registration is required nationwide throughout all regions in Russia.

Although Russia's food safety policy is national and the regulatory system is vast, there are loopholes in policy design. The *Mercury*, *Khorriot*, *Chestny znak*, and *VetIS* systems target agricultural organizations and retail networks. Mostly outside the systems are private farmers and individuals who engage in personal subsidiary farming. Individual entrepreneurs and household producers are supposed to register their livestock but are not included in the certification, barcoding, tracing, and testing processes. The danger from this exclusion was evidenced by the outbreak of pasteurellosis — a bacterial infection that spreads from animal to animal — in the Novosibirsk Region in March 2026 on household farms that did not have veterinary certification and the animals were not registered in the *Khorriot* system (Chiragova, 2026). The outbreak occurred in five districts in the region and led to the culling of livestock in nearly 200 households at a cost exceeding 5.7 million rubles (TASS, 2026c). Moreover, plant products, eggs, milk, honey, and berries from personal subsidiary farms are not in the coding, tracing, or testing system. While most production from personal subsidiary farms is self-consumed, there is a percentage that is sold at urban markets without any assurance of it being safe. Only a small percentage of food from this sector is retailed, but that food which is sold is not traced or tested for adulteration, counterfeiting, or safety.

Further, private farmers, who are responsible for registering their livestock in the food safety system, have high rates of non-compliance. Private farmers are supposed to register their livestock in the *Khorriot* system, but many do not. In addition, non-animal products from private farmers are not registered, bar-coded, or traced. Plant products from private farmers only enter the tracing system if the farmer participates in the aggregator program whereby farmers sell their produce to a farm organization and it becomes responsible for meeting safety standards.

While it is understandable why the state's food safety policy design may have difficulty regulating private farmers and individuals who engage in personal subsidiary farming, this exclusion is important. Therefore, while the policy design includes farm organizations, processors, and retailers, it excludes at least 29% of animal husbandry products and 22% of plant products in Russia (Rosstat, 2025: 382). This design flaw is partially compensated by the fact that consumers buy a large percentage of their food at retail stores which are in the *Chestny znak* system while the percentage of food bought at urban markets, which are not in *Chestny znak*, has declined. Another design flaw is that the *Chestny znak* system is not used for food deliveries to schools, hospitals, and kindergartens. Counterfeit food has appeared more frequently in these locations where the consumers are children and sick people, in other words, the most vulnerable segments of the population.

Finally, the policy design has created a regulatory state, but Russia's food system is so vast that the different parts are not well integrated among federal, regional, and local levels. This situation creates problems in implementation and efficacy. The first aspect of vastness pertains to the number of food producers. Russia's food system consists of thousands of producers of different sizes who have varying degrees of commercialization. As noted above, individual and household food producers are included in the regulatory system to different degrees. The second aspect is simple geography. Russia is an enormous country, which means that there are literally hundreds of different food markets, each with different resources and constraints. A similar size problem exists in China, where 'resolving interests under a common framework of governance becomes exponentially difficult at each increasing level of scale given the food system's heterogeneity' (Yasuda, 2018: 5). The point is that it is enormously difficult to bring the heterogeneity of local food markets, spread out over vast spaces, into a uniform food system that can be effectively regulated. The third aspect is the number of products that must be regulated by food safety rules. Tens of thousands of different products are produced each year. Production, production volumes, and production practices vary significantly from region to region, thereby making it difficult to design a uniform regulatory system.

The policy process approach allows us to understand possible resourcing shortcomings, whereas an outcome-based analysis would not be as revealing. Financial resources are allocated to food safety, although it could be argued based on available evidence that financial resources are insufficient to the tasks assigned. The budgets for *Rospotrebnadzor* and *Roskachesto* are not published, but in 2024 the budget for *Rosselkhoznadzor* was less than 4% of the total budget for the Ministry of Agriculture at R18.8 billion (Ministry of Agriculture, 2025: 5–7). Moreover, while the range of products that are certified, bar-coded, traced, and tested is ever-increasing, monetary resources for *Rosselkhoznadzor* have actually *decreased* relative to other expenditures made by the Ministry of Agriculture (Table 1).

Table 1. State financing for Rosselkhoznadzor

Year	Allocation from revised consolidated budget (billion rubles)	Rosselkhoznadzor budget as % of MinAg budget
2018	13.7	6
2019	16.9	6.4
2020	15.9	6.3
2021	16.5	5.4
2022	15.4	3.8
2023	18.2	4.4
2024	18.8	3.7

Sources: Ministry of Agriculture of the Russian Federation, various years

The table shows that even though budgetary allocations have increased from R13.7 billion in 2018 to R18.8 billion in 2024, the allocation to *Rosselkhoznadzor* has decreased as a percentage of the budget of the Ministry of Agriculture. Financing for *Rosselkhoznadzor* during 2024 was the lowest since 2018 as a percentage of the ministry's expenditures. This revelation is not to say that food safety has become less of a priority, but it does mean that other projects have received relatively more financing.

Legal and administrative resources are also utilized to enforce food safety policy. Administrative and legal penalties are given to bad actors, including revoking licenses to operate. Bad actors who cheat are fined and have their production confiscated. In June 2021, a law established fines for officials at R5,000–R10,000 and companies from R50,000–R100,000, plus confiscation of the product or products. Officials who are repeat offenders have their fines doubled. In addition, production facilities are shut down, certification of product safety is withdrawn, and licenses to operate are canceled. In extreme cases, vi-

olators are referred to local prosecutors. Food safety violations in the form of product falsification constitute criminal activity. The head of the state agency *Rosselkhoznadzor*, Sergei Dankvert, has for several years called for criminal penalties instead of mere administrative fines when food products are falsified (Vetandlife.ru, 2025a).

Policy implementation

The regulatory state adopts rules and regulations and enforces them. Arguably, the most important aspect of the policy process is implementation, without which goal attainment is impossible. Food safety policy is implemented through the *Mercury*, *Khorriot* and *VetIS* systems which include registration, certification, bar-coding, tracing, and testing a wide variety of raw and processed food products, as well as live animals.

For retail food stores, the *Chestny znak* system was approved in 2020 and began to operate in 2021. It uses a bar-coding system (QR codes) that traces food in retail stores to ensure that products are registered and have not expired. Bar-coding allows a product to be traced from origin to retail sale, thus introducing accountability if food safety is violated. Products that are not registered in the system are blocked from sale at the cashier. Bar-coding of dairy products began in January 2021, followed by mandatory bar-coding for cheese products and ice cream starting on June 1, 2021. During 2022–2023, mineral water, tobacco, beer, non-alcoholic drinks, and caviar were required to be bar-coded. Non-alcoholic beer was included in the *Chestny znak* system in September 2024. All types of packaged drinks were to be bar-coded starting October 1, 2024.

The list of raw and processed food commodities that are to be registered and bar-coded is constantly expanding. In early 2026 it was announced that bar-coding of cookies, gingerbread, marmalade, marshmallows, oriental sweets, wafers, chocolates, nuts, and other sweets had begun in Russia. Further, starting September 1, 2026, bar codes will be required for breakfast cereals, honey, pasta, and instant potatoes. Bar-coding has been expanded to include dietary supplements containing fats and oils. In veterinary medicines, labeling is expanding to include certain types of antiparasitic medications and gastrointestinal medications for animals. Mandatory registration in the system has also begun for manufacturers and importers of certain types of grocery products: cereals, pasta, flour and dough mixes, porridge, muesli, instant potatoes, and honey in consumer packaging (TASS, 2026b). Starting December 1, 2026, bar-coding will become mandatory for flour, including mixtures for baking, cereals, and dry mixes for soups and porridges. Manufacturers of these products must be registered in the *Chestny znak* system (The Dairy News, 2026d).

Recently, *Rosselkhoznadzor* has increased oversight over veterinary drugs and vaccines (Makeev, 2026). This development is impor-

tant because domestically produced veterinary drugs continue to gain market share within Russia. In early 2026, it was reported that domestic veterinary drugs accounted for 78% of the supply within Russia (The Dairy News, 2026b). Registration is also expanding for animals. Starting March 1, 2026, all breeding farms in Russia — breeding bulls and aquaculture — were to be registered. The system includes a catalog of animals for sale and a registry of breeding achievements. Also on March 1, 2026, manufacturers and wholesalers of veterinary drugs were required to have *Chestny znak* labeling codes. Agricultural organizations, retail veterinary pharmacies, and veterinary clinics were required to accept these codes and withdraw the codes from circulation upon sale or use on the farm (Likarchuk, 2026).

The implementation of bar-coding and tracing improves food safety in three ways. First, testing supports GOST standards, and the range of products with GOST standards is also expanding. Second, bar-coding gives consumers information to make informed decisions. Consumers with the *Chestny znak* application on their phones can find information about the product and its lineage. An estimated 35 million consumers use the *Chestny znak* system, which entails downloading an app on their phone and checking that a product is registered in the system (TASS, 2026a). Third, bar-coding allows a product to be traced so that if a food safety problem does arise, the source can be identified and addressed in a timely manner, thereby preventing uncontrolled spread. Bar coding also has a financial element. The government is able to track food sales and make sure that taxes are paid on sales revenue. In 2024, Deputy Prime Minister and head of the Ministry of Industry and Trade, Denis Manturov, claimed that since bar-coding began in 2021, it brought tax revenues totaling more than R471 billion to the federal budget (RIA News, 2024).

Despite its benefits, the implementation of food safety policy is significantly affected by corruption. The integrity of *Rosselkhoznadzor* inspectors and veterinarians who certify animals is central to the efficacy of food safety policy. However, corruption among *Rosselkhoznadzor* inspectors is widespread, who use their positions to extract payments for verification and certification of food safety. Veterinarians also occupy an important role in food safety. Their responsibilities are to inspect animals and the conditions surrounding the raising and transport of livestock and certify their safety. Veterinarians are also well positioned to extract payments for animal inspections that did not occur and for certification that should not have been made.

Discussion

The implementation of policy through the *Mercury*, *Khorriot*, *Chestny znak*, and *VetIS* systems led to a decline in counterfeiting and falsification of food products. While there is general agreement about

improvement in Russia's food safety, there is no consensus by how much. After August 2014, a flood of illegitimate dairy products appeared in the Russia food market (Food Processing Technology, 2015). A 2018 inspection of milk and dairy products in retail stores by *Rosselkhoznadzor* and *Rospotrebnadzor* found that cheaper contents were substituted in a significant number of cases. For cheese products, palm oil and vegetable fats were substituted for milk fat. In a 2018 inspection, 20% of milk, 36% of butter, and 62% of cottage cheese was counterfeit (Keep food safe, 2018). *Rosselkhoznadzor* in 2019 found that 24% of dairy products had ingredients different from what was printed on their labels. According to the research conducted in 2019 by *Soiuzmoloko* [National Union of Milk Producers], 39% of dairy products were falsely labeled (Foreign Agricultural Service, 2020). The most frequent violations were found in cheese, butter and sour cream. In 2019, *Rosselkhoznadzor* tested thousands of samples of milk and cheese products and found 6.6% had safety violations, a number which steadily declined to 2.6% in 2022. During 2023, the *Chestny znak* system claimed that the percentage of counterfeit dairy products had declined from 30% to 10% (The Dairy News, 2023). In that same year, the Ministry of Trade and Industry claimed that dairy violations were down by more than 76% (The Dairy News, 2024a). In June 2024, the *Chestny znak* system claimed that falsified dairy products fell from 30% to less than 1% (The Dairy News, 2024b). Nonetheless, regional variation suggests that the problem has not disappeared. In Sverdlovsk during 2025, *Rosselkhkoznadzor* inspected 205 cafes and restaurants and found that 122 (59%) were not registered in the *VetIS* system, which meant that ingredients for their dishes did not undergo sanitary inspections and therefore the safety and quality was unknown (The Dairy News, 2026a).

Can we conclude that the goal of safe food in Russia has been achieved? The answer is that there is a bifurcated outcome. Significant progress toward safer food has been made and falsification of food has declined, but it is not possible to say that 100% of food is free from falsification and counterfeiting. In fact, it would be unreasonable to expect complete attainment of the food safety goal because, as discussed above, multiple steps of the policy process have deficiencies. At best, fulfillment of all four steps is a necessary but not sufficient condition for goal attainment.

Regarding how safe Russia's food is, there are arguments on both sides. On the positive side, in 2025 there were more than 1 million companies registered in the *Chestny znak* system, including a 33% increase in participation during 2025, which shows that system is becoming more widely accepted. Manufacturers, importers, distributors, and retailers are participating in the system. More than 2.6 billion documents are processed in the system each year, and in 2025 more than 135 million products were checked, all of which shows that the regulatory state is active (TASS, 2026a).

On the negative side, bad actors continue to cheat, producing and selling food that may be counterfeit or even dangerous to human health. In 2025, laboratory tests by *Rosselkhoznadzor* found that almost 18% of dairy products on shelves was counterfeit, an increase over the 12–14% during 2022–2024 (RIA News, 2026). Second, not only is counterfeit food still on shelves, the problem of food safety also remains enormous. During 2025, *Rospotrebnadzor* blocked more than 330 million units of dairy products from sale. The good news is that the expired products were detected, but the bad news is that *Rospotrebnadzor* conducted more than 25,000 inspections and found violations in 95% of those inspections (The Dairy News, 2026c). Another food safety agency, *Roskachestvo*, tested dairy products over a ten-year period (2016–2025) and found falsification had increased from its 2019 low of 4% (Litvinova, 2026). The continuation of the bad actor problem also reflects the fundamental difficulty in resolving the food safety conundrum: greed and the quest for higher profit cannot be extinguished.

Conclusion

In Russia's food safety policy, deficiencies and shortcomings were identified in the articulation of policy goals, in policy design, in the allocation of resources, and in policy implementation. The answers, therefore, to the questions posed about a food safety crisis in Russia are as follows.

1) Does Russia have a regulatory crisis regarding food safety? The answer is yes and no. Russia's regulatory state adopts rules, implements those rules, and enforces those rules for food safety. Evidence was presented to show that Russia has performed well in the adoption of rules and regulations. However, the regulatory state struggles to deal with the vastness of the food system. Russia's vastness encompasses the number of producers and their sizes, the number of products, and geographical variance whereby state regulations are difficult to enforce in the thousands of regional food markets. Regulatory enforcement (in the form of inspections and testing) covers only a small fraction of food products. Policy is implemented, but corruption by food inspectors and veterinarians undermines intended policy goals.

2) Does Russia have an institutional crisis in food safety? The answer is yes and no. Food safety institutions have the authority to fulfill their roles. At the same time, there are shortcomings in resource allocation. The evidence clearly suggests that food safety goals are under-resourced in manpower and finances. With regard to financial resources, the budget of *Rosselkhoznadzor* has declined relative to other projects funded by the Ministry of Agriculture. Ironically, the expansion of state regulation of food safety through the inclu-

sion of more commodities in *Chestny znak* makes budgetary shortfalls more glaring.

3) Does Russia have a public health crisis in food safety? The answer is no. On the whole, food safety policy and its institutions are protecting public health, evidenced by a decrease in the incidence of unsafe food since 2018. Systemic, national level data are not published on the extent of foodborne illnesses, but available evidence does not suggest a problem on the scale of China or even the United States.

4) Does Russia have a public policy crisis in food safety? The answer is yes and no. On the yes side, deficiencies in the regulatory state and the persistence of the bad actor problem suggest that the unsafe food problem will never go away. Greed and the quest for profit can never be fully extinguished will never disappear. In some regions and for some products, the unsafe food problem remains significant. The persistence of unsafe food suggests a crisis because public policy and the regulatory state cannot solve this problem. The crisis is that the problem endures and the policy goal cannot be attained. Moreover, as the regulatory state expands the number and scope of products that are to be registered, certified, and traced more opportunities to falsify and adulterate food exist. In this regard, vastness is necessary but also carries inherent problems. The no side cites evidence that shows nearly two-thirds of consumers in Russia prefer domestically produced food and trust in domestic foodstuffs is increasing (Newretail.ru, 2025).

Whereas an outcomes approach does not offer much guidance as to necessary corrective actions, the policy process framework is more useful. The good news for Russia's policymakers is that shortcomings in the policy process can be corrected. The policy goal of safe food can be made more specific and concrete, with clear markers to measure progress. The policy design can be revised to encompass more food producers. The level of financial and other resources can be increased. Implementation could be aided by criminalizing the falsification and adulteration of food, a step that might change the cost-benefit calculation by bad actors. Similarly, *Rossel'khoznador* inspectors and veterinarians who accept bribes could face mandatory prison sentences. Would these measures guarantee success? Maybe not. Greed is hard to extinguish. But if these or similar measures were adopted, it is likely that food safety would be further enhanced and policy goals would be closer to fulfillment.

References

Andrews M., Prichett L., Woolcock M. (2017) *Building State Capacity: Evidence, Analysis, Action*, Oxford: Oxford University Press.

Azarieva J., Brudny Y. M., Finkel E. (2023) *Bread and Autocracy: Food, Politics, and Security in Putin's Russia*, Oxford: Oxford University Press.

Berg L. et al. (2005) Trust in food safety in Russia, Denmark, and Norway. *European Societies*, vol. 7, no 1, pp. 103–129.

Bozzini E., Sicurelli D. (2021) Precautionary authoritarianism and the contested governance of Chinese food safety. *Contemporary Politics*, vol. 27, no 1, pp. 336–355.

Bracking S. (2018) Corruption and state capture: What can citizens do? *Daedalus*, vol. 147, no 3, pp. 169–183.

Center for Disease Control (2025) Estimates: Burden of foodborne illness in the United States. March 19. URL: https://www.cdc.gov/food-safety/php/data-research/foodborne-illness-burden/index.html.

Chiragova A. (2026) Rosselkhoznadzor: It is necessary to strengthen control over illegal livestock transportation. March 26. URL: https://agroexpert.press/zhivotnye-ryba-ptitsa/rosselhoznadzor-neobhodimo-usilit-kontrol-za-nezakonnymi-perevozkami-skota.

Clapp J. (2017) Food self-sufficiency: Making sense of it, and when it makes sense. *Food Policy*, vol. 66, pp. 88–96.

Dead pigs in Shanghai River (2013) *Guardian*, March 13. URL: https://www.theguardian.com/world/2013/mar/13/dead-pigs-shanghai-huangpu-river.

Donnellon-May G. (2024) China food safety crises. Some oils just shouldn't mix. *Interpreter*. November 26. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/china-s-food-safety-crises-some-oils-just-shouldn-t-mix.

Fazekas M., Toth J. (2016). From corruption to state capture: A new analytical framework with empirical applications from Hungary. *Political Research Quarterly*, vol. 69, no 2, pp. 320–334.

Food Processing Technology (2015) Food import ban led to deluge of fake dairy products in Russian market, says watchdog. May 14. URL: https://www.foodprocessing-technology.com/uncategorised/newsfood-import-ban-led-to-deluge-of-fake-dairy-products-in-russian-market-says-watchdog-4577551.

Foreign Agricultural Service, USDA, Moscow (2020). Dairy and Products Annual. GAIN Report RS 2020-0062, December 8. URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Dairy%20and%20Products%20Annual_Moscow_Russian%20Federation_10-15-2020.

Gough N. (2014). 5 detained in China over processing of spoiled meat. *New York Times*, July 23. URL: https://archive.nytimes.com/sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/07/23/5-detained-in-china-over-processing-of-spoiled-meat.

Government of the Russian Federation (2020) Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20, Doctrine of Food Security of the Russian Federation. January 21. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/45106.

Hobson P. (2016) "Warning: This is not cheese. In Russia, watch what You eat". July 22. *Moscow Times*. URL: https://www.themoscowtimes.com/2016/07/22/warning-this-is-not-cheese-in-russia-watch-what-you-eat-a54689.

Jaffee S., Henson S., Unnevehr L., Grace D., Cassou E. (2019) *The Safe Food Imperative: Accelerating Progress in Low- and Middle-Income Countries*, Washington: International Bank for Reconstruction and Development and World Bank.

Keep food safe (2018) *Selskaya Zhizn*, November 15–21, p. 4.

Kendall H. et al. (2019) Chinese consumer's attitudes, perceptions and behavioral responses towards food fraud. *Food Control*, vol. 95, January, pp. 339–351.

Likarchuk Yu. (2026) What laws in veterinary: which ones come into force on March 1, 2026? March 1. URL: https://dairynews.ru/news/zakony-v-oblasti-veterinarii-kakie-vstupili-v-silu.html.

Litvinova E. (2026) Roskachestvo: The share of counterfeit dairy products is 9% of the products studied. January 26. URL: https://www.agroinvestor.ru/markets/news/45480-roskachestvo-dolya-falsifikata-molochnoy-produktsii-9-ot-chisla-issledovannykh-tovarov.

Liu L., Tang M. (2025) Rebuilding trust in China's food safety system. March 4. URL: https://eastasiaforum.org/2025/03/04/rebuilding-trust-in-chinas-food-safety-system.

Liu P. (2010) Tracing and periodizing China's food safety regulation: A study on China's food safety regime change. *Regulation and Governance*, vol. 4, pp. 244–260.

Liu Z., Mutukumira A.N., Chen H. (2019) Food safety governance in China: From supervision to coregulation. *Food Science and Nutrition*, vol. 7. pp. 4127–4139.

Lymbery P., Oakeshott I. (2014) *Farmageddon: The True Cost of Cheap Meat*, London: Bloomsbury.

Makeev A. (2026) Rosselkhoznadzor will receive new powers to control the production of veterinary drugs. January 30. URL: https://vetandlife.ru/zakons/rosselhoznadzor-poluchit-novye-polnomochiya-po-kontrolju-za-proizvodstvom-vetpreparatov.

Ministry of Agriculture of the Russian Federation (2025) On the progress and results of the implementation in 2024 of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural, Raw Materials and Food Markets, Moscow: Ministry of Agriculture.

New-retail.ru 2025. Nilsen: 62% of surveyed Russians prefer to buy domestic goods. December 26. URL: https://dairynews.ru/news/nilsen-62-oproshennykh-rossiyan-predpochitayut-pok.html.

Olmsted L. (2016). *Real Food Fake Food*: *Why You Don't Know What You're Eating & What You Can Do About It*, Chapel Hill: Algonquin Books

Pollan M. (2006) *Omnivore's Dilemma: A Natural History of Four Meals,* New York: Penguin Press.

RIA News (2024) Labeling of dairy products brought almost 60 billion rubles into the budget. March 12. URL: https://dairynews.ru/news/markirovka-molochnoy-produktsii-prinesla-v-byudzhe.html.

RIA News (2026) Almost 18% of dairy products in Russia in 2025 turned out to be counterfeit. January 29. URL: https://ria.ru/20260129/produktsiya-2070891632.html.

Rosstat (2025) Russian Statistical Yearbook 2025, Moscow: Rosstat.

Schlosser E. (2023) The essentials. Weber K. (Ed.). *Food Inc.2: Inside the Quest for a Better Future for Food,* New York: Public Affairs, pp. 11–25.

Suziki E. (2019) World's population will continue to grow and will reach nearly 10 billion by 2050. July 8. URL: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/worlds-population-will-continue-grow-and-will-reach-nearly-10-billion-2050.

TASS (2026a) Center for the Development of Advanced Technologies: Over 1 million companies have registered in the Chestny znak system. February 18. URL: https://dairynews.ru/news/tsrpt-v-sisteme-chestnyy-znak-zaregistrirovalis-sv.html.

TASS (2026b) Mandatory labeling of cookies, gingerbread, and marmalade has begun in Russia. March 3. URL: https://dairynews.ru/news/v-rf-startovala-obyazatelnaya-markirovka-pechenya-.html.

TASS (2026c) In the Novosibirsk Region, 113 families received payments after their livestock was confiscated due to pasteurellosis. March 21. URL: https://kvedomosti.ru/?p=1187277.

The Dairy News (2023) Chestny znak reported a threefold reduction in the amount of counterfeit milk. September 6. URL: https://dairynews.ru/news/chestnyy-znak-soobshchilo-snizhenii-kolichestva-m.html.

The Dairy News (2024a) Illegal trafficking of dairy products in Russia increased by 76.5% in 2023. February 8. URL: https://dairynews.today/news/na-76-5-sokratilsya-v-2023-godu-nezakonnyy-oborot-.html.

The Dairy News (2024b) Counterfeiting of dairy products in Russia has decreased from 30% to 0.2%. June 28. URL: https://dairynews.ru/news/falsifikatsiya-molochnoy-produktsii-v.html.

The Dairy News (2026a) More than half of the inspected cafes in the Sverdlovsk Region operated without veterinary documents. January 15. URL: https://dairynews.ru/news/bolee-poloviny-proverennykh-kafe-sverdlovskoy-obla.html.

The Dairy News (2026b) The share of domestic veterinary drugs in circulation in the Russian Federation has reached 78%. January 27. URL: https://dairynews.ru/news/dolya-otechestvennykh-vetpreparatov-v-oborote-v-rf.html.

The Dairy News (2026c) Rospotrebnadzor blocked 330 million units of expired dairy products. January 30. URL: https://dairynews.ru/news/rospotrebnadzor-zablokiroval-330-mln-edinits-prosr.html.

The Dairy News (2026d) Russia has expanded the list of goods subject to mandatory labeling. March 3. URL: https://dairynews.ru/news/v-rf-rasshirili-spisok-tovarov-podlezhashchikh-obya.html.

US Department of Agriculture, Food Safety and Inspection Service (2025) Foodborne illness and disease. February 7. URL: https://www.fsis.usda.gov/food-safety/foodborne-illness-and-disease.

Vetandlife.ru (2025a) Sergei Dankvert: Counterfeiting of products must be punished to the utmost. January 30. URL: https://dairynews.ru/news/sergey-dankvert-falsifikatsiya-produktov-dolzhna-k.html.

Vetandlife.ru (2025b) State support for livestock farming will be linked to mandatory labeling from 2026. April 4. URL: https://dairynews.ru/news/gospodderzhku-zhivotnovodstva-s-2026-goda-privyazh.html.

Vipham J. L., Chaves B. D., Trinetta V. (2018) Mind the gaps: How can food safety gaps be addressed in developing nations? *Animal Frontiers*, vol. 8, no 4, pp. 16–25.

Vorotnikov V. (2018) Russian meat traceability system brings problems. July 17. URL: https://www.foodnavigator.com/Article/2018/07/17/Russian-meat-market-disrupted-by-traceability-system.

Wegren S. K., Nikulin A., Trotsuk I. (2018) *Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table*, Lanham: Lexington Press.

WHO (2002) WHO Global Strategy for Food Safety. June 16. URL: https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/0087fb49-4278-4399-97ec-32d5e969a521/content.

WHO (2015) WHO's first ever global estimates of foodborne diseases find children under 5 account for almost one third of deaths. December 3. URL: https://www.who.int/news/item/03-12-2015-who-s-first-ever-global-estimates-of-foodborne-diseases-find-children-under-5-account-for-almost-one-third-of-deaths.

WHO (2022a) *WHO Global Strategy for Food Safety 2022–2030*, Geneva, Switzerland: World Health Organization.

WHO (2022b) Food Safety, Overview. May 19. URL: https://www.who.int/health-topics/food-safety#tab=tab_1.

WHO (2013). *Advancing Food Safety Initiatives: Strategic Plan for Food Safety Including Foodborne Zoonoses 2013–2022*, Geneva: World Health Organization.

Winders B. (2009) *The Politics of Food Supply: U. S. Agricultural Policy in the World Economy*, New Haven: Yale University Press.

Yasuda J. K. (2018) *On Feeding the Masses: An Anatomy of Regulatory Failure in China*, Cambridge: Cambridge University Press.

Можно ли о говорить о кризисе продовольственной безопасности в России?

Вегрен Стивен, заслуженный профессор политологии, кафедра политических наук, Южный методистский университет Далласа (США). Университетский бульвар, 3300, Карр-Коллинз Холл, Даллас, Техас, 75275–0117. E-mail: swegren@smu.edu.

Аннотация. Небезопасные продукты питания — глобальная проблема, которая в той или иной степени затрагивает каждую страну. В статье предложен подход к пониманию проблемы продовольственной безопасности в России, основанный на концепции государственного регулирования. На первый взгляд в России

не наблюдается кризис продовольственной безопасности, аналогичный ситуации в развивающихся странах или Китае: большая часть продуктов питания в России безопасна для потребителей. Однако сохраняются такие явления, как продовольственный фальсификат и подделки, нелицензированное производство и значительные масштабы деятельности недобросовестных производителей и поставщиков — в совокупности они формируют кризис, поскольку сохраняются, несмотря на усилия правительства по их искоренению. В частности, масштабы и устойчивость деятельности недобросовестных лиц не могут не вызывать беспокойство, учитывая значительные правовые, административные и кадровые ресурсы, брошенные государством на обеспечение продовольственной безопасности. Иными словами, можно говорить о наметившемся в России кризисе продовольственной безопасности, потому что главный ее гарант — государство — пока не решило поставленные в этой сфере задачи. Цель статьи — проанализировать проблему кризиса продовольственной безопасности в России на основе применения концепции государственного регулирования как включающего четыре последовательных этапа: постановка целей, разработка мер по их достижению, распределение ресурсов и реализация мер. Предложенный процессуальный подход позволяет показать успехи и ограничения российской модели обеспечения продовольственной безопасности: к положительным моментам можно отнести корректировку решений, что позволило снизить долю подделок и фальсификата на рынке продовольствия, однако сохраняется проблема его недобросовестных участников. В статье обозначены и описаны ограничения, возникающие на каждом этапе государственного обеспечения продовольственной безопасности в России.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственный кризис, регулирующее государство, сельскохозяйственное производство, безопасность продуктов питания, государственное регулирование

Продвижение региональных брендов Республики Крым: возможности развития агропромышленного комплекса[1]

О. Б. Ярош, Н. Н. Калькова, С. Е. Бабак

Ольга Борисовна Ярош, доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4. E-mail: iarosh.olga.cfu@gmail.com

Наталья Николаевна Калькова, доктор экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, ведущий научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4. E-mail: nkalkova@yandex.ru

Светлана Евгеньевна Бабак, аспирантка кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, лаборант-исследователь Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского». 295007, Республика Крым, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4. E-mail: svetlana.babak@list.ru

EDN: LLDWYR

Аннотация. Потенциал развития региональных брендов Республики Крым значителен, особенно в контексте развития сельского хозяйства. В настоящее время благодаря программе региональной поддержки агропромышленного комплекса и продвижения местных брендов начинается активная работа по систематизации, каталогизации и оценке их рыночных возможностей. По мере выявления и регистрации новых брендов, включенных в ГУ и НМПТ, растет научный интерес к изучению потребительского спроса на товары местного фермерского производства и определению факторов их выбора, перспективных групп брендов для внешнего товарного позиционирования региона. В статье дается оценка потенциала агропроизводства для региональных брендов. Выявлена территориальная специализация фермерских хозяйств в Республике Крым. Практическая значимость работы заключается в формировании основы для разработки стратегий продвижения региональных брендов на основе единого товарного знака для поддержки местных сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Республика Крым, товары местного производства, региональные бренды, крестьянские и фермерские хозяйства

---

1. Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20286, https://rscf.ru/project/25-28-20286/

Республика Крым обладает уникальным сочетанием природно-климатических условий и богатого историко-культурного наследия, что формирует значительный потенциал для развития фермерства и конкурентоспособного агропромышленного комплекса. Развитая торговая инфраструктура и высокая узнаваемость крымской продукции создают благоприятные условия для ее брендирования. В свою очередь, региональные бренды открывают новые возможности для роста смежных отраслей хозяйства региона, в частности стимулируют развитие гастрономического туризма и фермерских маршрутов (Гордин, Трабская, 2014).

Роспатент начиная с 2020 года проводит конкурсы региональных брендов России, где субъекты Федерации представляют свои лучшие продукты. Фактически подобные конкурсы рассматриваются региональными органами власти как инструмент продвижения местных товаров за счет повышения их узнаваемости. Регистрация региональных продуктов с точки зрения их географических указаний (ГУ) — один из способов продвижения, равно как и наименование мест происхождения (НМПТ) (Неретин, Климанов, Горушкина, 2024: 394–405), что является не только знаком аутентичности и качества, но и становится частью коммуникационной стратегии продвижения всего региона (табл. 1).

Работа по выявлению и регистрации традиционных продуктов регионального происхождения для их последующей регистрации в качестве НМПТ была инициирована в 2017 году по поручению Совета Федерации во всех субъектах РФ. Данные шаги привели к формированию к 2025 году облегченной процедуры регистрации, реализованной в созданном институте географических указаний (ГУ). Так, за счет облегчения административных процедур с 2022 года были уменьшены расходы российских заявителей при международной регистрации наименований мест происхождения товаров[2].

В настоящее время государственная поддержка развития региональных брендов осуществляется при содействии местных органов власти за счет программ развития и продвижения агропромышленного комплекса, в Республике Крым функционирует программа поддержки местных брендов, принятая в 2024 году[3]. Результаты этой программы — ряд уже зарегистрированных региональных брендов Крыма, защищенных свидетельствами об авторском праве. Их можно классифицировать по следующим товарным группам.

2. Федеральный закон «О присоединении Российской Федерации к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях» от 30.12.2021 № 450-ФЗ.
3. Постановление Совета министров Республики Крым от 11 апреля 2024 года № 200 «Об утверждении региональной программы по поддержке и продвижению местных брендов и производителей Республики Крым».

Таблица 1. Различия в понятиях и статусе брендов регионального происхождения

Критерий	Региональный бренд[4]	Товарный знак (ТЗ)[5]	Географическое указание (ГУ)[6]	Наименование места происхождения товара (НМПТ)
Юридический статус	Не является отдельным, самостоятельным объектом права, используется как маркетинговый термин	Является самостоятельным объектом правового регулирования	Является самостоятельным объектом правового регулирования	Является самостоятельным объектом правового регулирования
Законодательное регулирование	В ГК РФ — не закреплен; в практике Роспатента используется как обобщающий термин для ГУ/НМПТ	ГК РФ, гл. 76, § 2, ст. 1477	ГК РФ, гл. 76, § 3, ст. 1516	ГК РФ, гл. 76, § 3, ст. 1516
Правообладатель	Зависит от формы оформления	Конкретное юридическое лицо (компания, ИП)	Производители, соответствующие условиям и находящиеся в соответствующей географической области	Производители, соответствующие условиям НМПТ
Цель	Продвижение территории либо категории товара, бренда	Позиционирование бренда на рынке	Защита и продвижение регионального бренда для группы производителей	Защита уникального автохтонного товара или продукта с сильной аутентичной спецификой

4. Роспатент: Региональные бренды (ГУ, НМПТ), https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/regional-brands
5. ГК РФ, ст. 1477 — Товарный знак и знак обслуживания. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/9489e6b560df6980556555d14f93f770f826b9b8b/
6. ГК РФ, § 3, гл. 76 — Право на ГУ и НМПТ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/41e9f1becbc5e01664e6314cc67970ac23287 7c7/

Маркировка на товаре	Зависит от правовой формы: «ТЗ», «ГУ» или «НМПТ»	Зарегистрирован товарный знак	Зарегистрировано географическое указание	Зарегистрировано НМПТ

Первая включает продовольственные товары с географическими указаниями (ГУ): «Крымские яблоки» (ГУ № 324, Республика Крым), «Холмовская земляника» (ГУ № 356, с. Холмовка) и «Байдарский мед» (ГУ № 361, Байдарская долина, Севастополь). Географическое указание представляет собой «правовой инструмент идентификации товаров, чьи качественные характеристики, репутация или иные отличительные свойства существенно связаны с их географическим происхождением, при условии, что хотя бы один существенный этап производства осуществляется на данной территории» (Честных, 2020: 146–153).

Во второй группе «минеральных вод» присутствует зарегистрированное наименование места происхождения товара (НМПТ), связывающее лечебно-столовые качества воды с ее географической локализацией, например, вода «Крымская» (№ 240, Сакское месторождение, скважина № 3503).

В третьей группе винодельческой продукции представлены НМПТ марок вин, закрепляющие их отличительные характеристики и территориальную принадлежность: «Магарач» (№ 143, урочище Магарач, Ялта), игристые вина «Новый Свет» (№ 144, пгт. Новый Свет) и вина «Балаклава» (№ 140, Балаклавская долина, Севастополь)[7].

Присвоение ГУ и НМПТ подчеркивает взаимосвязь качества и происхождения товаров, «отражая многообразие традиций, историю и самобытность народов, населяющих Россию» (Честных, 2020: 146–153).

Помимо вышеуказанных на Национальном гастрономическом фестивале «Вкусы России», проводимом под эгидой Министерства сельского хозяйства России, были представлены региональные продукты «Крымский персик», «Ялтинский лук», «Крымское масло из виноградных косточек» и «Крымский сыр», которые могут стать в будущем региональными брендами[8].

В настоящее время благодаря программе региональной поддержки и продвижения местных брендов начинается активная работа по систематизации, каталогизации и оценке их рыночных возможностей для местного сельхозпроизводителя. По мере выявления и регистрации новых брендов, включенных в ГУ и НМПТ, растет

7. Региональные бренды России [Электронный ресурс]. URL: https://irbis.fips.ru/web/regbrands/regbrands.html (дата обращения: 24.12.2025).
8. Гастрофестиваль «Вкусы России» [Электронный ресурс]. URL: https://msh.rk.gov.ru/articles/46e81996-be8c-4d48-b512-c4f474974738 (дата обращения: 24.12.2025).

научный интерес к изучению потребительского спроса на товары местного производства.

Целью работы являются изучение и систематизация потенциальных региональных брендов исходя из потребительских предпочтений и возможностей крестьянских хозяйств региона. Среди основных задач:

— выявление и оценка потенциала региональных брендов для развития агропромышленного комплекса, в том числе фермерства, с позиции экономической специализации различных районов Республики Крым;

— определение механизмов включения крестьянских хозяйств Республики Крым в процессы создания и продвижения региональных брендов.

За последние пять лет в отечественной научной литературе активно исследуется региональный брендинг как инструмент продвижения товаров местного сельскохозяйственного производства (Ершов, 2023). Ряд исследований подтверждают устойчивый рост потребительского спроса на продукцию с выраженной географической идентичностью (Rendleman et al., 2016), что обусловлено трансформацией пищевого поведения в сторону повышения требований к качеству и поддержки местных производителей.

Современные фермерские хозяйства и крупные сельхозпроизводители активно используют географический брендинг как инструмент повышения привлекательности производимой продукции, подчеркивая уникальные характеристики региона происхождения, поскольку такой подход создает конкурентные экономические преимущества. Эмпирические данные[9] свидетельствуют о дифференциации премиальной наценки к стоимости продуктов с географической идентификацией в зависимости от товарной категории. Наибольшие наценки наблюдаются в сегменте зерновых культур (+121,5%), мясной продукции (+72%) и свежих сельскохозяйственных товаров (+64%). В категории сыров зафиксирована средняя надбавка к цене в 43,5%. Наименьшие показатели наценки характерны для винодельческой продукции (+21,5%), что объясняется ее высокой исходной добавленной стоимостью.

Участие крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) в процессах брендинга следует рассматривать в контексте общей трансформации агропромышленного комплекса региона. Для формирования стратегии включения крестьянских фермерских хозяйств региона в процесс создания единой стратегии продвижения. Актуальным становится выявление товарных групп и наименований перспективных региональных брендов на основе оценки потребительской к ним лояльности и превалирующих факторов выбора (Виноградский, 2022: 131–145).

9. Республика Крым в цифрах. 2023 (2024): крат. стат. сб. Симферополь: Крымстат.

В официальной статистике не существует показателя уровня брендирования фермерской продукции, поэтому оценить данные процессы напрямую затруднительно, однако по отдельным товарным группам можно сделать это косвенно (табл. 2).

Таблица 2. Потенциал агропроизводства крестьянских хозяйств (КФХ) в Республике Крым для производства региональных брендов, 2024 г.

Товарная группа	Общий объем производства, тыс. т	Объем производства КФХ, тыс. т	Доля в выпуске КФХ, %	Потенциал КФХ	Возможности для развития региональных брендов в КФХ
Зерновые и зернобобовые	1427,5	632,2	44,3	Высокий	Перспективно для всех групп
Семена подсолнечника (масличные)	36,1	12,0	33,2	Высокий	Высокая доля КФХ в масличной группе; перспективно для сырья и продуктов переработки
Картофель	61,2	18,9	30,8	Высокий	Существенная доля КФХ; потенциал существует у локальных фермерских брендов и развития местной потребкооперации
Овощи	188,4	77,5	41,1	Высокий	Очень высокие перспективы КФХ по объему и доле производства; перспективная ниша для региональных производителей
Плоды и ягоды	182,6	19,3	10,6	Средний	Объем КФХ заметный, но доминируют другие организации (крупные сельхозпроизводители); существует потенциал производства нишевых и агротуристических брендов
Мясо (в убойном весе)	99,3	2,0	2,0	Низкий	КФХ участвуют ограниченно; брендовый потенциал связан скорее с переработкой, чем с массовым фермерским выпуском

Молоко	187,6	14,2	7,6	Низкий	Потенциал развития региональных брендов есть, но по структуре КФХ пока занимают небольшую долю, перспективная группа для КФХ — сыры
Яйца	287,0	4,5	1,6	Низкий	Низкая доля КФХ; потенциал ограничен
Шерсть	457,0	100,0	22,0	Средний	Нишевый сегмент с заметной ролью КФХ; возможно развитие ремесленных и этнокультурных региональных брендов бренды

Источник: Малое и среднее предпринимательство в Республике Крым за 2020–2024 гг. (2025). Симферополь: Крымстат.

Статистические данные показывают, что по группе растениеводства в 2024 году наблюдается высокая доля участия крупных сельскохозяйственных организаций региона и КФХ, в то время как в других товарных группах значителен вклад личных хозяйств населения. Описанная в таблице 2 структура агропроизводства может рассматриваться как основа для определения механизмов включения крестьянских хозяйств Республики Крым в процессы создания и продвижения региональных брендов.

Агропроизводство в КФХ не всегда напрямую связано с региональным брендингом, что объясняется особенностями их сбытовой политики. Так, местные производители зачастую больше ориентированы на внутренние локальные рынки, их основные каналы сбыта — это ярмарки, а также прямая продажа в фермерских хозяйствах. С одной стороны, подобные формы торговли обеспечивают гибкость при реализации товаров, однако ограничивают возможности масштабирования и формирования узнаваемых брендов (Adukova, 2025: 26–41). С другой стороны, подобные практики хозяйствования осложняют стандартизацию и контроль за качеством, а также формирование узнаваемых за пределами региона товарных брендов. Кроме того, важным является укрепление за пределами региона репутации производителя, основанной на доверии потребителей к выпускаемой им продукции. Таким образом, перспективы развития региональных брендов и их производство связаны как со специализацией районов Республики Крым (табл. 3), так и с их потребительской узнаваемостью.

Таблица 3. Территориальная сельскохозяйственная специализация крестьянских хозяйств (КФХ) как основа для продвижения региональных брендов, 2024 г.

Товарная группа	ТОП-5 районов Республики Крым по доле КФХ, %
Зерновые и зернобобовые	Судак (98,2%); Армянск (89,0%); Раздольненский (64,7%); Кировский (59,8%); Сакский (54,8%)
Семена подсолнечника (масличные)	Кировский (92,8%); Первомайский (81,6%); Нижнегорский (70,7%); Белогорский (70,2%); Феодосия (62,2%)
Картофель	Джанкойский (71,1%); Советский (42,3%); Красноперекопский (39,8%); Первомайский (30,5%); Раздольненский (9,6%)
Овощи	Армянск (85,2%); Раздольненский (78,3%); Джанкойский (74,4%); Красноперекопский (47,1%); Кировский (24,1%)
Семена подсолнечника (масличные)	Кировский (92,8%); Первомайский (81,6%); Нижнегорский (70,7%); Белогорский (70,2%); Феодосия (62,2%)
Картофель	Джанкойский (71,1%); Советский (42,3%); Красноперекопский (39,8%); Первомайский (30,5%); Раздольненский (9,6%)
Шерсть	Армянск (85,2%); Раздольненский (78,3%); Джанкойский (74,4%); Красноперекопский (47,1%); Кировский (24,1%)
Молочная продукция	Доля КФХ/ИП по районам не представлена в статсборниках. Всего произведено по всем сельхозорганизациям: 187,6 тыс. т. Районы: Первомайский (39,9 тыс. т); Красногвардейский (11,6 тыс. т); Раздольненский (10,0 тыс. т); Симферопольский (3,9 тыс. т); Сакский (1,6 тыс. т)
Мясная продукция	Доля КФХ/ИП по районам не представлена в статсборниках. Всего произведено по всем сельхозорганизациям: 99,3 тыс. т. Районы: Красногвардейский (87,2 тыс. т); Симферопольский (7,7 тыс. т); Первомайский (1,9 тыс. т); Сакский (0,5 тыс. т); Белогорский (0,2 тыс. т)
Вино	Доля КФХ/ИП по районам не представлена в статсборниках. Всего произведено: 123 тыс. т. ТОП-5 по реализации винограда сельхозорганизациями (2024): Бахчисарайский (33,0 тыс. т); Красногвардейский (11,6 тыс. т); Сакский (11,5 тыс. т); Симферопольский (3,1 тыс. т); Кировский (3,1 тыс. т)
Слабоалкогольные напитки	Всего произведено: 5 370 486,9 тыс. т

Источники: Инфраструктура Республики Крым. Муниципальный срез (2025). Симферополь: Крымстат; Регионы Республики Крым. Статистический аспект: Стат. сб. (2024).Симферополь: Крымстат. Статистический сборник «Сельское хозяйство Республики Крым в 2024 году» (2025). Симферополь: Крымстат.

Данные по реализации сельскохозяйственной продукции в 2024 году демонстрируют ярко выраженную концентрацию производства отдельных товарных групп в ряде муниципальных районов, что создает основу для территориального брендирования и формирования кластерных инициатив (например, по виноградарско-винодельческому, плодово-ягодному и зерновому направлениям).

Для выявления потребительской узнаваемости региональных брендов в январе-мае 2025 года было проведено комплексное исследование покупательского поведения в отношении товаров местного производства. Опрашивалось местное население, проживающее в соответствующих административно-территориальных единицах ($N = 403$). В опросе участвовали 56% женщин и 44% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, учитывался уровень образования и семейное положение. Оценка потребительской лояльности к местным брендам, идентификация с регионом, а также оценка финансового состояния осуществлялась по шкале: 1 — абсолютно не согласен; 2 — не согласен, но бывают исключения; 3 — чаще не согласен; 4 — трудно сказать; 5 — чаще согласен; 6 — согласен, но бывают исключения; 7 — абсолютно согласен. Узнаваемость местных брендов исследовалась на основе контент-анализа открытых вопросов о спонтанном знании крымских брендов. Изучение структуры потребления включало как продовольственные группы товаров (молочная продукция, хлебобулочные изделия, мясные продукты, кондитерские изделия, плодоовощная продукция, растительные масла, безалкогольные и алкогольные напитки и др.), так и непродовольственные (косметика и одежда). В каждой категории респондент перечислял конкретные местные продукты или марки, которые приобретает (либо мог оставить категорию пустой, если товары этой категории им не приобретаются). Оценка влияния на выбор региональных брендов формировалась на основе ранжирования (от 1 до 9) следующих факторов: цена, качество, вкус, известность торговой марки, состав/ингредиенты, местный производитель, широкий ассортимент, доступность во всех магазинах и упаковка.

Полученные данные были обработаны с использованием описательной статистики в среде SPSS 23.0, а также методов визуализации структурных взаимосвязей, выявленных на основе корреляционного и регрессионного анализа и реализованных в среде SPSS AMOS 24.0. Рассчитаны распределения ответов по каждой переменной, средние значения и их стандартные отклонения. Открытые вопросы были проанализированы на основе контент-анализа, реализованного на основе применения VBA для Excel. Визуализация в части построения карты для выявления пространственной специализации и распределения производителей местных брендов осуществлялась с применением ГИС-технологий в среде ArcMap 10.4.1.

Механизмы продвижения региональных брендов для КФХ традиционно связаны с обеспечением потребностей местного населения — 98,8% опрошенных приобретают продукты местного производства.

Это молочная, хлебобулочная, мясная продукция, безалкогольные напитки и кондитерские изделия. Наиболее массовыми местными товарными сегментами являются сыры — 82,9% и хлебобулочные изделия — 79,2%. Фактически местные крымские производители полностью обеспечивают базовые потребности проживающего населения в продуктах питания, что указывает на самообеспеченность региона, даже в товарных группах, где высокая конкуренция с материковыми российскими производителями и импортными — сладости и напитки.

Обрабатывающие предприятия региона дают 9% вклада в ВРП (Республика Крым в цифрах, 2024). Сравнительно невысокая доля покупок непродовольственных товаров местных производителей, особенно одежды местного производства и изделий из меха, что связано с ограниченностью ассортимента. Несмотря на то что в Крыму зарегистрировано 369 компаний, занимающихся пошивом одежды, известных брендов, отмеченных респондентами, указано не было. При этом косметические и парфюмерные товары имеют широкие возможности для брендирования, учитывая тот факт, что в Республике Крым активно развивается эфиромасличное производство (Ярош, 2025: 313–324) и регион обладает в настоящее время самыми значительными в России площадями выращивания эфиромасличных культур — 51,3 тыс. га в силу благоприятных природно-климатических особенностей и исторических традиций (Тимиргалеева, 2023).

Невысокий потребительский спрос местного населения отмечается на местную рыбу и рыбные продукты, вероятно, это связано с ограниченным предложением, так как морепродукты, произведенные в Крыму, зачастую дороже, чем привозные.

Местные мясные продукты — одна из наиболее востребованных категорий спроса. Так, в регионе производятся мясо КРС в объеме 356,5 т, свинины 8 232,1 т и мяса птицы 37 484 т (Республика Крым в цифрах, 2024). Продукция производится, как правило, в Симферополе, Керчи, Евпатории, а также в Белогорском, Джанкойском, Красногвардейском и Симферопольском районах и представлена брендами «Скворцово», «Дубковские колбасы», «Дружба народов», «Азовские колбасы».

Жиры и масла местного производства составляют 6491 т. (Республика Крым в цифрах, 2024), их производство размещено в северных, восточных и центральных районах полуострова (Симферополь, Феодосия, Белогорский, Красногвардейский и Симферопольский районы).

Производство муки в объеме 117 329,7 т также исторически приходится на степные, северные районы полуострова, а хлебобулочные изделия в объеме 68 907 т выпекаются во всех административно-территориальных единицах Республики Крым (Регионы Республики Крым. Статистический аспект, 2024).

Для анализа факторов выбора местных продуктов и критериев, которыми руководствуется местное население при покупке товаров, было предложено на основе ранжирования 9 факторов (цена, каче-

ство, торговая марка, состав, местный производитель, ассортимент, доступность, упаковка) выделить важнейшие критерии, которыми руководствуются жители региона.

Ключевой вывод, который следует из анализа полученных данных, состоит в том, что значимость местного производителя гораздо выше объективных потребительских свойств товаров. Это указывает на выраженную региональную идентичность жителей региона (Калькова, 2024) и согласуется с концепцией регионального потребительского этноцентризма, согласно которой привязанность к региону формирует более благоприятное отношение и доверие к товарам местного производства.

Оценка скрытых переменных влияния на потребительский выбор была проведена на основе структурного моделирования, путем построения PLS-SEM модели (табл. 4) с помощью пакета SPSS AMOS (Xu, Huang, 2024).

Таблица 4. Идентификаторы переменных для PLS-SEM модели

Скрытые переменные	Наблюдаемые переменные по данным опроса
Социально-демографические	пол (soc1), возраст (soc2), образование (soc3), семейное положение (soc4)
Финансовые	уровень дохода (fin1), оцените уровень своего материального положения (fin2), оцените ситуацию в экономике региона (fin3)
Потребительская лояльность	считаю, что крымчанин всегда должен покупать товары, произведенные в Крыму (loyal1); предпочитаю покупать крымские, а не привозные товары (loyal2); думаю, что покупать товары за пределами Крыма нужно, если они не могут быть произведены в регионе (loyal3); предпочитаю поддерживать крымского производителя (loyal4); приобретаю товары крымских производителей, потому что они дешевле привозных (loyal5); покупаю товары местных производителей, потому что они лучше привозных (loyal6); покупаю товары крымских производителей, потому что считаю их качественнее (loyal7)
Идентичность	чувствую идентификацию с Крымом (iden1), нравится жить в Крыму (iden2), чувствую приверженность к Крыму (iden3), нравится быть частью регионального сообщества (iden4), испытываю чувство гордости за Крым (iden5)
Факторы выбора брендов	цена (vib1), качество (vib2), вкус (vib3), торговая марка (vib4), состав (vib5), местный производитель (vib6), широта ассортимента (vib7), доступность (vib8), упаковка (vib9)

Двусторонние связи показывают коэффициенты корреляции между параметрами, которые обозначены красным цветом. Оценка коэффициентов корреляции осуществляется по стандартной шкале Чеддока. Потребительская лояльность имеет высокую корреляцию $r = 0{,}76$ с социально-демографическими переменными, а также с ними умеренно средне связана потребительская идентичность $r = 0{,}42$. Остальные корреляционные связи слабые и практически отсутствуют (рис. 1).

Односторонние связи указывают на β коэффициенты регрессии и показывают, насколько сильно индикаторы связаны со своей скрытой переменной, которые обозначены синим цветом. Они изменяются от 0 до 1, чем ближе к единице, тем сильнее связь. Правила оценки: $\beta \geq 0{,}70$ указывают на очень сильную связь, так как индикатор хорошо измеряет скрытую переменную; если β от 0,50 до 0,70, то это приемлемая связь; $\beta < 0{,}40$ показывает слабую связь, поскольку индикатор плохо отображает влияние. Оценка факторных нагрузок показывает сильные и очень сильные значения в коэффициентах потребительского выбора и потребительской лояльности, слабые и аномально слабые в блоках социально-демографических и финансовых переменных. Около 25% респондентов отмечали улучшение финансового положения, примерно у 20% наблюдалось их ухудшение. В блоке финансовых показателей оценки экономической ситуации в Крыму: 30% респондентов отметили улучшения, а 18% указывали на ухудшения, около 50% значимых изменений не заметили. Медианная оценка финансовых переменных равна 4, что соответствует неопределенному ответу «трудно сказать», поэтому они показывают нейтральную динамику и значимых влияний в модели не имеют. Интерес представляют показатели идентичности и потребительской лояльности.

Результаты оценки идентичности показывают, что 85% респондентов высказывают сильную идентификацию, они выставили утверждение «полностью согласен» по параметру «чувствую идентификацию с Крымом (iden1)», а более 90% указали на согласие с фразой «нравится жить в Крыму (iden2)». Средние балльные оценки по идентификаторам (iden3, iden4, iden5), отражающим региональную идентичность, находятся в диапазоне от 5,7 до 7 баллов, что свидетельствует о высоком уровне гордости и принадлежности к местному сообществу, доля таких оценок превысила 85%.

Переменные, относящиеся к оценке потребительской лояльности, указывают на в целом хороший ее уровень. Так, переменная (loyal1) с утверждением «считаю, что крымчанин всегда должен покупать товары, произведенные в Крыму» имеет 4,3 балла (по 7 балльной шкале). При этом респонденты в основном не согласились с более радикальным утверждением, сформулированным в переменной (loyal2), ее средний балл составил 3,5 балла. В целом данный блок утверждений указывает на очень лояльное отношение к местному производителю без крайнего протекционизма.

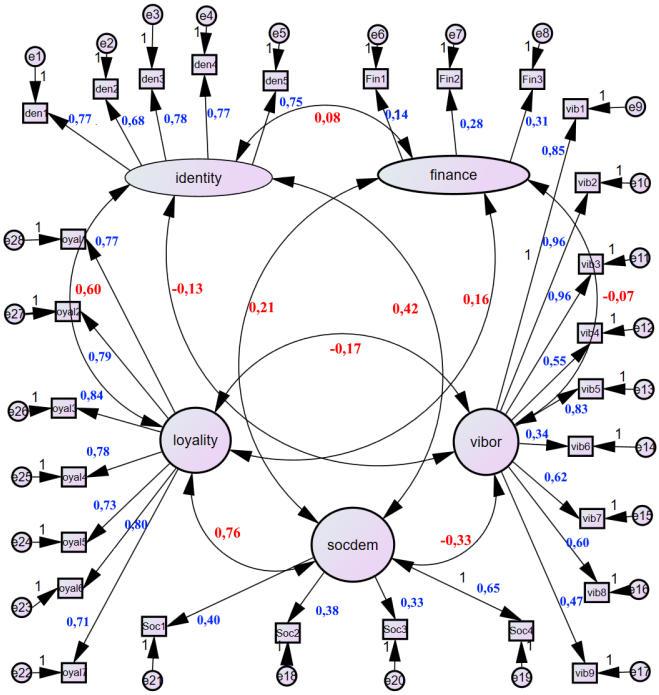

Рис. 1. Структурная PLS модель взаимосвязей переменных, влияющих на потребительский выбор региональных брендов

Факторы выбора региональных брендов (vibor) также оценивались по семибалльной шкале: фактор местного производства является ключевым мотивом приобретения, практически все опрошенные приобретают товары крымского производства в повседневной жизни.

Полученные данные позволяют выделить ключевые характеристики механизмов включения крестьянских хозяйств Республики Крым в процессы создания и продвижения региональных брендов на основе потребительских предпочтений. К ним относятся: региональная идентичность местных жителей, высокий уровень потребительской лояльности, что создает хорошие возможности для развития регионального брендинга. Однако участие КФХ в процессе продвижения региональных брендов сталкивается с рядом институциональных и экономических барьеров, к которым относятся высокие издержки на регистрацию ГУ и НМТП, а также недостаточное понимание сельскохозяйственными производителями системы маркетингового продвижения в части регионального брендинга, включающего механизмы правовой охраны прав интеллектуальной деятельности. Кроме этого, ограничительными факторами развития

следует считать низкий уровень кооперации между КФХ и высокую конкуренцию со стороны крупных сельскохозяйственных организаций, обладающих значительными ресурсами для продвижения производимой ими продукции. Из-за этого КФХ, производящие действительно автохтонную и уникальную продукцию, могут оставаться вне процессов регионального брендирования.

Возможности для включения крестьянских хозяйств Республики Крым в процессы создания и продвижения региональных брендов зависят не только от увеличения потребительского спроса, но и от государственной поддержки: организационной, консультационной и финансовой (Анциферова, 2025). Из-за слабой кооперации между производителями требуется функционирование посреднических государственных структур для создания коллективного регионального бренда (Кабаненко, 2019: 1905–1924).

В Республике Крым под эгидой Крымского фонда поддержки предпринимательства к концу 2026 года планируется создание зонтичного бренда, регионального знака качества, объединяющего маркировку товаров местных производителей, в рамках которого будет формироваться перечень уникальных продуктов региона с учетом потребительских предпочтений и возможностей производства.

В Роспатенте 13 августа 2025 года в зарегистрирован товарный знак «Сделано в Крыму» (рис. 2). Право на использование[10] данного знака предоставляется предприятиям[11], осуществляющим производство на территории региона. Предполагается, что он позволит усилить узнаваемость крымской продукции, служить маркером качества и стимулировать развитие местных брендов.

Рис. 2. Зарегистрированный товарный знак «Сделано в Крыму»

10. Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/2008-2025-ot-abrau-dyurso-do-essentukov-kak-zashchishchayut-regionalnye-brendy (дата обращения: 24.12.2025).
11. Официальный портал МСП Республики Крым. Дом предпринимателя [Электронный ресурс]. URL: https://made-in-crimea.ru/ (дата обращения: 24.12.2025).

Подобный логотип можно рассматривать как перспективную визуальную, графическую форму для регионального брендирования продукции, произведенной в регионе, поскольку позволяет выработать коллективные стандарты качества, согласованную маркетинговую стратегию и транслировать потребителю идею аутентичности происхождения продукции. Результаты потребительской оценки были обработаны с помощью контент-анализа и рассчитана частота упоминаний местных брендов (табл. 5).

Таблица 5. Потребительская известность региональных торговых марок, % упоминаний

«Коктебель» (в)	71,2	«Айнур» (к)	33,3
«Азбука Крыма» (с)	70,0	«Мегатрейд-юг» (м.п)	32,3
«Джанкойское молоко» (м.п)	68,0	«Буренушка» (м.п)	32,0
«Новый свет» (в)	66,0	«Крымские масла» (п)	31,3
«Массандра» (в)	63,8	«Крымская Стевия» (ч)	31,0
«Солнечная долина» (в)	63,3	«Доброе» (м.п)	30,5
«Долина легенд» (с)	61,3	«Крымская натуральная коллекция» (п)	30,5
«Золотая балка» (в)	58,8	«Крымский рай» (п)	29,8
«Минеральная вода Крымская» (м.в)	57,3	«Крымские сказки» (п)	29,3
Пивобезалкогольный комбинат «Крым» (п.б)	56,7	«Крымский десерт» (к)	29,3
«Крымская роза» (п)	55,8	«Душистый мир» (п)	29,3
«Джанкойский сыр» (м.п)	54,8	«Крымский травник» (п)	29,0
«Villa Krim» (в)	53,1	«Зеленые сокровища Крыма» (ч)	27,3
«Крымский султан» (к)	51,6	«АЭМСЗ» (п)	26,1
«Крымская коровка» (с)	49,4	«Пантика» (п)	25,1
«Alma Valley» (в)	43,7	«Лавандовый край» (п)	23,6
«Скворцово» (м)	42,2	«Травы горного Крыма» (ч)	19,9
Крымская мануфактура «Дом Природы» (п)	41,9	«Формула Вашего здоровья. Сакские грязи» (п)	19,6
«Магарач» (в)	38,2	«Целебная сила Сакского озера» (п)	19,6
«Дружба народов» (м)	37,7	«Усадьба Перовских» (в)	18,9
«Никитский сад» (п)	37,5	«Скифия» (п)	18,6
«Восточный букет» (к)	35,5	«Floris» (ч)	16,4
«Новатор» (м.п)	35,0	«Чай Крыма» (ч)	14,4

«Крым-чай» (ч)	34,5	«Фитон-Крым» (п)	13,4
«Бахчисарай» (в)	33,7	«Азовские колбасы» (м)	10,2
«Сокровища Крыма» (ч)	33,7	«Дубковские колбасы» (м)	6,5

в — вино; п — парфюмерно-косметические изделия; ч — крымские травяные чаи; с — сыры; к — кондитерские изделия; м.в — минеральная вода; м — мясная продукция, м.п — молочная продукция; п.б — слабоалкогольные напитки.

Из данного списка в настоящее время зарегистрированными брендами являются только «Магарач» и минеральная вода «Крымская». Это скорее перспективный каталог для рассмотрения возможности государственной регистрации. Он охватывает восемь товарных групп (минеральные воды, мясная и молочная продукция, чай, вина, парфюмерно-косметические и кондитерские изделия).

Для внешнего продвижения региона, а именно для туристов, в качестве сувениров рассматриваются пять перспективных групп брендов: парфюмерно-косметические, крымские травяные чаи, вина, сыры, кондитерские изделия. Большая часть представленных товаров находится в группах вин и парфюмерно-косметических изделий.

С точки зрения локализации производств уже существующих производителей региональных брендов около 26% производится в г. Симферополь (рис. 3). Здесь зарегистрирована большая часть производителей парфюмерно-косметических средств и два производителя травяных чаев.

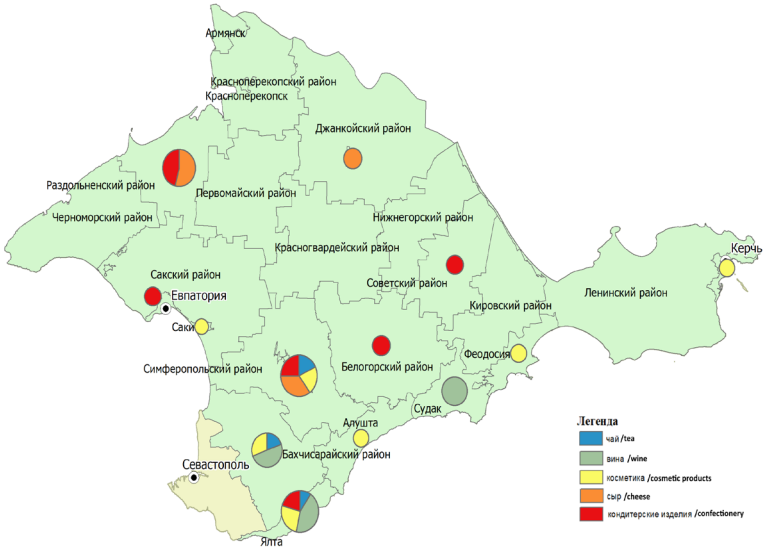

Рис. 3. Специализация административно-территориальных единиц Республики Крым по товарным группам производства региональных брендов

В г. Ялта сосредоточены известные производители исторических брендов вин «Магарач», «Массандра», а в г. Бахчисарай новые бренды вин «Вилла Крым», «АльмаВале». На Южном берегу Крыма расположены производители эфирных масел: Никитский ботанический сад и Алуштинский эфиромасличный совхоз-завод (АЭМСЗ), которые производят на их основе линейки косметических средств. В центральной части полуострова специализация предприятий направлена на производство вин, травяных чаев и эфирных масел. Западные и северо-западные районы полуострова традиционно обладают развитым сельским хозяйством, в частности животноводством, поэтому производство известных брендов сыров локализовано в Раздольненском и Красногвардейском районах и г. Джанкой, хотя ряд небольших частных фермерских сыроварен есть и в центральной части Республики Крым.

В регионе насчитывается около 20 виноградарско-винодельческих предприятий, которые выпускают сухие и полусухие красные, белые и розовые вина, игристые и крепленые вина, коньяки (Республика Крым в цифрах, 2024). Из них в качестве известных брендов потребители называют около половины торговых марок, указанных в таблице 5. Отрасль виноградарства на полуострове имеет широкую господдержку в виде субсидий на развитие новых виноградников, поэтому имеются широкие перспективы для появления в ближайшее время новых, интересных и аутентичных брендов.

Крымская косметика и ее производство основано на местном природном сырье: лечебной сакской грязи, морской розовой соли, эфирных маслах. Основной производитель находится в г. Саки — ГНПП РК «Крымская грязелечебница», здесь выпускается официально зарегистрированная как региональный бренд Российской Федерации торговая марка «Сакские грязи»[12]. Известными парфюмерно-косметическими фабриками являются «Крымская роза», расположенная в Симферопольском районе, и ООО «Лавандовый край» (г. Алушта). Государственная поддержка этой сферы деятельности направлена на создание к 2029 году регионального косметического кластера. Предполагается, что его участники получат приоритетные субсидии при заключении госконтрактов, что позволит увеличить объем производства парфюмерно-косметической продукции региона в 2,3 раза[13].

Бренды сыров представлены 20 предприятиями, из них потребители знают около пяти производителей (Республика Крым в ци-

12. Роспатент. Федеральная служба по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/news/20-08-2025-ot-abrau-dyurso-do-essentukov-kak-zashchishchayut-regionalnye-brendy (дата обращения: 24.08.2025).
13. Официальный портал МСП Республики Крым. Дом предпринимателя [Электронный ресурс]. URL: https://made-in-crimea.ru/ (дата обращения: 24.12.2025).

фрах, 2024). Травяные чаи и фитопродукты выпускаются ООО «Чаи Крыма», г. Алупка, «Крымская Стевия» и др. Ими занимаются фермерские хозяйства и малые предприятия (Вегрен, 2019: 22–49), поддержка производителей осуществляется на основе льготного кредитования и помощи в сертификации предприятий АПК на переработку дикорастущих растений.

Крымские сладости включают в себя группы кондитерских изделий и меда. Заметим, что «Байдарский мед» зарегистрирован Роспатентом (ГУ 361), локализация производства — окрестности г. Севастополь. Конфетные и хлебобулочные производства выпускают сладости под региональными марками ООО «Крымский десерт» (г. Симферополь), «Крымский султан» (г. Симферополь). Государственная поддержка данного сектора доступна на основе получения субсидий Минсельхоза.

Оценка потенциала развития региональных брендов позволила провести каталогизацию наиболее известных потребителю торговых марок, которые можно в перспективе рекомендовать для государственной регистрации.

С точки зрения товарных групп существуют как перспективные, так и товары, бренды которых пока малоизвестны (рыба и рыбная продукция). Поскольку традиционные места промысла Черное и Азовское моря дают около 8 тыс. т рыбной продукции, практически весь улов поставляется на внутренний рынок. Опрос потребительских предпочтений выявил невысокий интерес к местной продукции, однако внимание привлекает другая товарная группа — *аквакультура*. В последнее годы активно развиваются морские фермы, так, в 2023 году реализовано 6 инвестиционных проектов по развитию аквакультуры на сумму 135,7 млн руб. в Судаке, Евпатории, Керчи, Джанкойском и Черноморском районах, благодаря чему было произведено 1072 т мидий и устриц (Республика Крым в цифрах, 2024). Развитие брендов данной товарной группы позволяет решать вопросы импортозамещения.

Перспективным брендом можно считать *крымскую кальцинированную соду*. В регионе расположено в г. Красноперекопск единственное крупное предприятие этой отрасли «Крымский содовый завод» с мощностью производства до 20 тыс. т в год. Однако, несмотря на широкие экспортные возможности, ограничения в его развитии связаны с дефицитом водных ресурсов.

Морская соль, добыча которой ведется двумя предприятиями. Первое — «Крымский содовый завод» — выпускает пищевую морскую соль, полученную на основе испарения вод западной части Сиваша, объемом 40 тыс. т в год. Второе — крупное предприятие ПК «Галит» (г. Саки) — добывает знаменитую крымскую розовую соль из озера Сасык-Сиваш, которая благодаря светящимся водорослям *Dunaliella salina* содержит бета-каротин и микроэлементы, активно используемые и в косметике. Выпуск розовой соли варьируется от 2 тыс. т до 20 тыс. т в зависимости от погодных условий (Республика Крым

в цифрах, 2024). Ограничения связаны с природными возможностями, они намного выше в засушливые годы по данной товарной группе. Все производство соли в регионе значительно превышает местное потребление, что открывает широкие экспортные возможности.

Плодоовощные консервы производятся шестью предприятиями, расположенными в Нижнегорском районе, Алуште и Бахчисарае. Преимуществами развития данного направления является климат и высокий туристический спрос, а также государственная поддержка в рамках свободной экономической зоны. Однако вся продукция реализуется только для местного потребителя, маркетинговое позиционирование ее крайне слабое.

Заключение

Проведенное исследование показало, что регион обладает хорошими перспективами для развития региональных брендов. По данным проведенного опроса местных жителей, очевиден высокий спрос на продукцию местного производства. Маркетинговое продвижение региональных брендов, исходя из наших данных, можно разделить на два направления: внутреннее и внешнее. У местного населения наибольший потребительский спрос наблюдается на молочную продукцию, сыры, хлебобулочные изделия, мясные товары, вина и кондитерские изделия, а непродовольственные товары занимают ограниченную долю потребления.

Основными факторами выбора товаров для местного населения является указание на местного производителя, факторы цены, вкуса и качества. Высокий уровень потребительской лояльности и идентичности показывает, что население готово поддерживать местных производителей, поэтому именно местные жители являются основной целевой аудиторией для большинства региональных торговых марок.

Вместе с тем исследование выявило ряд ограничений. Далеко не все товары, производимые в регионе предприятиями агропромышленного комплекса, воспринимаются как бренды. Для их успешного позиционирования необходимы уникальные особенности продукта. С этой точки зрения важным результатом для внешнего продвижения стала регистрация в 2025 году единого товарного знака «Сделано в Крыму», который объединяет продукцию местных производителей и служит маркером качества и аутентичности товаров для туристов.

Проведенная каталогизация местных брендов позволила систематизировать товары и выделить перспективные товарные группы:

— виноделие как отрасль с историческими брендами и активной господдержкой, способная формировать новые торговые марки, имеющая высокий экспортный потенциал для развития КФХ;

— парфюмерно-косметическая продукция, основанная на автохтонных эфирных маслах, сакских грязях и розовой соли, что делает ее уникальной и перспективной для кластерного развития;

— аутентичные сыры представлены широкой производственной базой и возможностями для продвижения частных фермерских сыроварен;

— травяные чаи являются развитой группой сувенирной продукции;

— кондитерские изделия и сладости — включают бренды местных фабрик, востребованные как местными жителями, так и туристами;

— продукция аквакультуры и мариокультуры считается перспективной новой товарной группой для КФХ, развитие которой решает вопросы импортозамещения.

Возможности развития региональных брендов для крестьянских (фермерских хозяйств) в Республике Крым связаны с такими показателями, как:

1. Увеличение занятости населения в организациях АПК.
2. С точки зрения территориальной концентрации сельскохозяйственных производств развитие региональных брендов перспективней рассматривать в аграрных районах полуострова с высокой сельскохозяйственной занятостью: Красногвардейском (1967 чел.), Бахчисарайском (1353 чел.), Джанкойском (686 чел.), Первомайском (637 чел.), Нижнегорском (585 чел.) и Симферопольском (563 чел.).
3. Структура агропромышленного комплекса региона показывает рост доли фермерского сектора за последние 9 лет почти в два раза, это указывает на формирующийся тренд на увеличение доли КФХ, который может рассматриваться как потенциал для развития региональных брендов за счет сдвига структуры производства.
4. Увеличение доли реализуемой продукции через специализированные магазины и фермерские ярмарки приводит к увеличению доли КФХ в формировании организованных каналов сбыта и снижению его разрозненности за счет кооперации производителей и формирования соответствующих кластеров.

В заключение отметим, что практическая значимость данной работы состоит в попытке систематизации и каталогизации региональных брендов Республики Крым, основанной на анализе их потребительской узнаваемости и особенностей выбора.

Библиография

Анциферова О. Ю. (2025). Развитие сельскохозяйственной кооперации в Российской Федерации // Учет и статистика. № 3.

Вегрен С., Троцук И. В. (2019). Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 22–49.

Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. (2022). Отечественное фермерство: сигналы новизны // Крестьяноведение. Т. 7. № 1. С. 131–145.

Гордин В., Трабская Ю. (2014). Гастрономические бренды дестинаций: подходы и применение: коллективная монография. СПб.: Издательство «Левша. Санкт-Петербург».

Ершов А. М. (2023). Зарубежный опыт типологизации сельской местности // Крестьяноведение. Т. 8. № 4.

Инфраструктура Республики Крым (2025). Муниципальный срез. Симферополь: Крымстат.

Кабаненко М. Н. (2019). Зарубежный и отечественный опыт и перспективы развития форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Экономические отношения. Т. 9. № 3. С. 1905—1924.

Калькова Н. Н. (2024). Региональный этноцентризм как один из предикторов потребительского выбора в парадигме нейробренда // Региональная экономика. Юг России. Т. 12. № 4. С. 196–208.

Тимиргалеева Р. Р. и др. (2023). Комплексный механизм управления развитием эфиромасличного производства в Республике Крым. Симферополь: ИТ «АРИАЛ».

Малое и среднее предпринимательство (2025) в Республике Крым за 2020–2024 гг. Симферополь: Крымстат.

Статистический сборник «Сельское хозяйство Республики Крым в 2024 году» (2025). Симферополь: Крымстат.

Неретин О. П., Климанов В. В., Горушкина С. Н. (2024). Подходы к систематизации мер поддержки, направленных на вовлечение в гражданский оборот продукции под региональным брендом // Вестник ФИПС. № 3(4). С. 394–405.

Регионы Республики Крым (2024). Статистический аспект: стат. сб. Симферополь: Крымстат.

Республика Крым в цифрах (2024): крат. стат. сб. Симферополь: Крымстат.

Честных А. Д. (2020). Региональный бренд как инструмент развития экономики регионов // Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее: сб. материалов II Междунар. науч. конф. молодых ученых (Москва, 29 апреля 2020 г.). В 2 ч. Ч. 2 / Под ред. О. А. Флягиной. М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности. С. 146–153.

Ярош О. Б. (2025). Вербальные и кожно-гальванические реакции на предъявления крымских эфирных масел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. Т. 11. № 2. С. 313–324.

Adukova A. N. (2025). Assessment of the state, trends and development potential of agriculture in Russia // Russian Journal of Management. № 3. P. 26-41.

Rendleman C. M., Hoemmen G. A., Altman I., Taylor B., Moon W., Smith S. (2016). Wine industry competitiveness: A survey of the Shawnee Hills American viticultural area // Wine Economics and Policy. Vol. 5. № 1. P. 4–13. Xu P., *Huang J., Liu M., Li Y.* (2024). Promotion paths for regional public brand development of agri-products in urban areas: Resource and institutional perspectives // Frontiers in Sustainable Food Systems. Vol. 8. Article 1327574.

Promoting regional brands of the Republic of Crimea: Opportunities for developing the agro-industrial complex

Olga B. Yarosh, DSc (Economic), Professor, Department of Marketing, Trade and Customs; Chief Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Ac. Vernadskogo Prosp., 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia. E-mail: iarosh.olga.cfu@gmail.com

Natalia N. Kalkova, DSc (Economic), Associate Professor, Department of Marketing, Trade and Customs; Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal

University. Ac. Vernadskogo Prosp., 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia. E-mail: nkalkova@yandex.ru

Svetlana E. Babak, PhD Student, Department of Marketing, Trade and Customs; *Researcher,* Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Ac. Vernadskogo Prosp., 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia. E-mail: svetlana.babak@list.ru

Abstract. The authors argue that the potential for developing regional brands in the Republic of Crimea is significant, particularly in the context of agricultural development. Currently, the program supporting the agro-industrial complex and promoting local brands has stimulated active efforts to systematize, catalog and assess the market potential of regional brands. As new brands, specifically with geographical indications (GIs) and appellations of origin (AOs), are identified and registered, there is growing scholarly interest in analyzing consumer demand for local farm produce and in identifying factors that influence purchasing decisions and brand groups that hold the most promise for positioning the region's products in external markets. The authors also assess the agricultural production potential for regional brands and territorial specialization of (peasant) farms in the Republic of Crimea. The study's practical significance lies in its contribution to strategies for promoting regional brands based on a unified trademark to support local agricultural producers.

Key words: agro-industrial complex, Republic of Crimea, locally produced goods, regional brands, (peasant) farms

References

Adukova A. N. (2025) Assessment of the state, trends and development potential of agriculture in Russia. *Russian Journal of Management,* no 3, pp. 26–41.

Antsiferova O.Yu. (2025) Razvitie selskokhozyaistvennoi kooperatsii v Rossiiskoi Federatsii [Development of agricultural cooperation in Russia]. *Uchet i Statistika*, no 3.

Chestnykh A. D. (2020) Regionalny brend kak instrument razvitiya ekonomiki regionov [Regional brand as a means of the regional economic development]. *Intellektualnaya sobstvennost: vzglyad v budushchee*, Moscow: RSAIP, pp. 146–153.

Ershov A. M. (2023) Zarubezhny opyt tipologizatsii selskoi mestnosti [International typologies of rural areas]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 4, pp. 41–53.

Gordin V., Trabskaya Yu. (2014) *Gastronomicheskie brendy destinatsii: podkhody i primenenie* [Gastronomic Destination Brands: Approaches and Applications], Saint Petersburg: Levsha.

Infrastruktura Respubliki Krym. Munitsipalny srez (2025) [Infrastructure of the Republic of Crimea. Municipalities], Simferopol: Krymstat.

Kabanenko M. N. (2019) Zarubezhny i otechestvenny opyt i perspektivy razvitiya form khozyaistvovaniya v selskom khozyaistve [Foreign and national experience and prospects for the development of economic activities in agriculture]. *Ekonomicheskie Otnosheniya*, vol. 9, no 3, pp. 1905–1924.

Kalkova N. N. (2024) Regionalny etnotsentrizm kak odin iz prediktorov potrebitelskogo vybora v paradigme neirobrenda [Regional ethnocentrism as a predictor of consumer choice in the neurobranding paradigm]. *Regionalnaya Ekonomika. Yug Rossii*, vol. 12, no 4, pp. 196–208.

Timirgaleeva R. R. et al. (2023) *Kompleksny mekhanizm upravleniya razvitiem efiromaslichnogo proizvodstva v Respublike Krym* [Comprehensive Mechanism for Managing the Development of Essential Oils Production in the Republic of Crimea], Simferopol: ARIAL.

Maloe i srednee predprinimatelstvo v Respublike Krym za 2020–2024 gg. (2025) [Small and Medium-Sized Enterprises in the Republic of Crimea in 2020–2024], Simferopol: Krymstat.

Neretin O. P., Klimanov V. V., Gorushkina S. N. (2024) Podkhody k sistematizatsii mer podderzhki, napravlennyh na vovlechenie v grazhdansky oborot produktsii pod regionalnym brendom [Approaches to systematizing support measures for the promotion of regionally branded products]. *Vestnik FIPS*, vol. 3, no 4, pp. 394–405.

Regiony Respubliki Krym. Statistichesky aspekt (2024) [Regions of the Republic of Crimea. A Statistical Aspect], Simferopol: Krymstat.

Rendleman C. M., Hoemmen G. A., Altman I. et al. (2016) Wine industry competitiveness: A survey of the Shawnee Hills American viticultural area. *Wine Economics and Policy,* vol. 5, no 1, pp. 4–13.

Respublika Krym v tsifrah. 2023 (2024) [Republic of Crimea in Figures. 2023], Simferopol: Krymstat.

Statistichesky sbornik "Selskoe khozyaistvo Respubliki Krym v 2024 godu" (2025) [Statistical Yearbook "Agriculture of the Republic of Crimea in 2024"], Simferopol: Krymstat.

Wegren S., Trotsuk I. V. (2019) Paradoksy razvitiya lichnogo podsobnogo khozyaistva v sovremennoi Rossii [The paradoxes of smallholders in contemporary Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 4, pp. 22–49.

Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O.Ya. (2022) Otechestvennoe fermerstvo: signaly novizny [Farming and the rural world: A generational change]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1, pp. 131–145.

Xu P., Huang J., Liu M., Li Y. (2024) Promotion paths for regional public brand development of agri-products in urban areas: Resource and institutional perspectives. *Frontiers in Sustainable Food Systems,* vol. 8, art. 1327574.

Yarosh O. B. (2025) Verbalnye i kozhno-galvanicheskie reaktsii na predyavleniya krymskih efirnyh masel [Verbal and galvanic skin responses to the Crimean essential oils]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Biologiya. Khimiya*, vol. 11, no 2, pp. 313–324.

И к селу, и к городу: маркетплейсы как фактор трансформации торговли и повседневной жизни в малых городах и сельской местности Нижегородской области[1]

Я. К. Куксин, А. М. Баринштейн, Е. А. Александров, Т. В. Рачков, М. В. Красноперов, Д. А. Майоров

Ярослав Константинович Куксин, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: kuksinyk@my.msu.ru.
ORCID: 0009-0004-0749-5568.

Анна Марковна Баринштейн, студентка факультета географии и геоинформационных технологий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11.
E-mail: anya.barin@gmail.com

Евгений Алексеевич Александров, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Тимофей Вячеславович Рачков, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: timrachkov@gmail.com

Максим Владимирович Красноперов, студент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: maxim.krasnoperov2015@yandex.ru

Дмитрий Александрович Майоров, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: 79166726771@ya.ru

EDN: VQIYWF

Аннотация. Исследование ставит своей целью понять, какие эффекты для торговли и населения вызывает экспансия крупнейших маркетплейсов в малые города и сельские поселения Нижегородской области. На примере 47 населенных пунктов в 16 муниципальных образованиях авторы анализируют, как появление пунктов выдачи заказов трансформирует торговлю и повседневную жизнь в сельской мест-

1. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

ности. Ключевыми методами в работе стали интервью с работниками маркетплейсов, местными жителями и представителями бизнеса, а также пространственный и статистический анализ. В тексте подробно описывается географическое распространение сетей пунктов выдачи заказов, начиная с периода пандемии и заканчивая современным этапом освоения сельских территорий. Исследователи подчеркивают двоякое влияние цифровизации: с одной стороны, она провоцирует упадок традиционных рынков, с другой — помогает выживать малым продуктовым магазинам. Особое внимание уделяется адаптивным стратегиям открытия пунктов выдачи заказов: на базе продуктового магазина и Почты России, для собственных нужд и выстраивания логистики своего бизнеса. Выделяются универсальные эффекты от захода маркетплейсов: ухудшение позиций местной непродуктовой офлайн-торговли, расширение возможностей потребления и удобства местных жителей, снижение потребительской мобильности последних. Показана связь между размером, типом и статусом населенного пункта и вариацией трансформирующих жизнь и торговлю эффектов. Полученные выводы позволяют по-новому взглянуть на взаимодействие онлайн-платформ с традиционными форматами торговли и укладами повседневной жизни сельских территорий и оценить влияние этих процессов на сжатие пространства, смежные рынки и свойства места.

Ключевые слова: маркетплейсы, пункты выдачи заказов, трансформация жизненных укладов, трансформация торговли, Нижегородская область, сельская местность, малые города

Маркетплейсы — одна из главных новаций в B2C-торговле России последних лет. С их появлением связаны существенные изменения повседневных практик россиян и B2C-торговли. Малоизвестные до пандемии COVID-19 маркетплейсы плотно вошли в жизнь россиян середины 2020-х, опередив все другие направления онлайн-торговли и навязав серьезную конкуренцию офлайн-формату. В разгар пандемии маркетплейсами пользовался только 51% населения (Покупки, 2021: 2), в то время как уже в 2022 году эта цифра выросла до 59% (Россияне, 2022), а к концу 2023-го — до 84% (Выбор, 2024: 3). Доля Ozon и Wildberries от всех онлайн-заказов в 2023 г. возросла до 78% с 38% в 2019 г. (Выбор, 2024: 59), а доля электронной коммерции в структуре всего ритейла увеличилась с 13% в 2019 г. до 37% в 2023 г. (Выбор, 2024: 49). Российская электронная коммерция — одна из самых быстрорастущих в мире (Выбор, 2024: 31), и отечественные маркетплейсы играют в этих процессах ключевую роль, стремительно меняя потребительские привычки россиян.

Однако все это время бенефициарами развития маркетплейсов становились прежде всего горожане, в особенности — жители городов-миллионников (Покупки, 2021: 23; Вирин, 2024: 7). Именно в крупных городах маркетплейсы уже успели войти в обиход и для ряда горожан стать неотъемлемой частью жизни. Заход пунктов выдачи заказов (здесь и далее — ПВЗ) крупнейших маркетплейсов в малые города и сельскую местность — процесс не столь стремительный; он начался в последние 2–3 года и продолжается до сих пор. Распределение ПВЗ крупнейших маркетплейсов сильно дифференцировано в пространстве между центрами и перифе-

рией, городами и сельской местностью, разными регионами России. И именно сельские территории являются тем фронтиром, на котором остановилась современная экспансия главных игроков в отечественной электронной коммерции.

Более того, не только в сельской, но и во всей остальной России феномен влияния маркетплейсов на развитие жизни и торговли в населенных пунктах пока практически не описан. Большинство исследований посвящено анализу рынков (Аксенов, 2022), логистике (Макушин, 2024), экономике города (Лачининский, 2024), но никак не социальным и пространственным эффектам от этих марширующих по стране цифровых новаций. Цель нашего исследования — сделать первые шаги на этом пути, проведя анализ того, как появление ПВЗ в селе или малом городе повлияло на жизненные и хозяйственные уклады его жителей.

Обзор ранее выполненных исследований

В последние несколько лет сектор электронной коммерции получил активное развитие во многих странах мира, и Россия — не исключение (Аксенов, 2022). За период 2018–2024 гг. доля интернет-торговли в обороте всей розничной торговли страны увеличилась с 5,2%[2] до 16,2%[3]. Вместе с тем исследований, посвященных изучению пространственной организации электронной коммерции, в России почти не проводилось. Единичные работы в этой области рассматривали пространственную диффузию складской недвижимости в городах как инфраструктуры для электронной коммерции (Макушин, 2024), новые тенденции в электронной коммерции и их пространственную проекцию после пандемии (Аксенов, 2022), проводили анализ эффектов от маркетплейсов для региональной (Космачева, Черкасская, 2023) и городской (Лачининский, 2024) экономики.

В зарубежной транспортной географии, экономике и логистике накоплен значительный опыт исследований маркетплейсов и электронной коммерции в целом. Среди факторов, влияющих на локализацию ПВЗ, преобладают плотность населения и уровень его доходов, транспортно-географическое положение (близость к трассе, наличие парковки/остановки общественного транспорта рядом, автомобильная/велосипедная/пешеходная доступность), экологическая устойчивость (Mohri et al., 2024). Дифференциация факторов между странами весьма существенная: если в Китае и США на первом месте стоит экономическая эффективность (Ibid.), то в ряде европейских стран география ПВЗ определяется экологическим фак-

2. https://admin.akit.ru/wp-content/uploads/2021/10/Analitika-2018.pdf
3. https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-rossii-v-2024-godu-uvechilsya-na-41

тором (минимизацией выбросов от автотранспорта) (Taniguchi et al., 2023). Отметим также важные для нашей работы тенденции в электронной коммерции США и Китая: в обеих странах (и особенно явно в КНР) при расширении сети ПВЗ новые точки открываются на базе существующих офлайн-магазинов (Mohri et al., 2024), в том числе небольших. Аналогично, во Франции пригороды отличаются от городов интеграцией с уже существующими торговыми объектами формата офлайн (Morganti et al., 2014a). А в Германии новые ПВЗ зачастую интегрируются с почтовыми отделениями (Morganti et al., 2014b). Как мы увидим, обе эти стратегии используются при открытии ПВЗ в российских селах.

Существуют попытки оценить социально-экономические эффекты от диффузии электронной коммерции в сельскую местность. Наиболее изучены так называемые *Taobao villages*, сельские населенные пункты Китая, экономика которых получила существенный импульс к развитию с появлением платформ электронной торговли (в частности, Taobao компании Alibaba). Под влиянием электронной коммерции происходят экономические (развитие сельского бизнеса, диверсификация рынков сбыта) и социальные (актуализация социального капитала, появление новых связей) перемены в жизни сельского Китая (Li, Qin, 2022; Cui et al., 2024; Zang et al., 2025; Wang et al., 2025). Детально изучены факторы развития маркетплейса (Li, Gan, 2025), влияние его появления на сельские территории (Li, Qin, 2022; Cui et al., 2024; Zang et al., 2025) и региональные различия этих эффектов (You, 2023). Отмечается не только экономическое развитие некогда депрессивных сельских районов Китая, но и рост неравенства между деревнями (Zhu et al., 2023; Zang et al., 2025). Не последнюю роль в этой дифференциации играет социальный капитал местных жителей (Wang et al., 2025). Феномен *Taobao* распространяется также и на малые города, порождая такое явление, как *Taobao towns* (Cui et al., 2024).

Однако, в отличие от российского контекста, главный эффект для сельского Китая от развития электронной коммерции заключается скорее в новых возможностях для сбыта продукции сельского производства (Zhang, Qiu, 2024), в то время как в России главным эффектом от появления маркетплейсов в сельской местности, как мы покажем ниже, становятся новые возможности для потребления. Так или иначе, в ряде стран маркетплейсы используют схожие стратегии экспансии и локализации своих ПВЗ, несмотря на институциональные, культурные и другие различия между странами. И практически везде (за исключением Китая) развитие маркетплейсов в сельской местности — проблема, находящаяся на периферии внимания исследователей, и область, где, по-видимому, работают иные экономические и пространственные принципы и законы, чем в городах.

Первоначальной гипотезой нашей работы стало утверждение о том, что маркетплейсы повлияли на жизнь и торговлю в малых городах и селах. Для верификации гипотезы был сформулирован ряд вопросов, связанных с изменениями укладов жизни в малых городах и сельской местности на фоне ускоренного развития интернет-торговли. Как появление маркетплейса в населенном пункте влияет на традиционные форматы офлайн-торговли? А как — на жизненные уклады и схемы мобильности местных жителей? Есть ли различия в закономерностях пространственного размещения ПВЗ разных маркетплейсов? Отличаются ли эффекты от их деятельности в малых городах и селах? Задавшись этими вопросами, мы отправились в первую экспедицию зимой 2025 года в юго-западную часть Нижегородской области.

Регион был выбран не случайно. Городская агломерация миллионного города с пригородами и дачами, промышленные моногорода, туристско-рекреационные центры, аграрная сельская местность юга и лесная руральная зона севера формируют высокую территориальную социально-экономическую неоднородность Нижегородской области. Здесь можно обнаружить и центр, и провинцию, и периферию; регион одновременно имеет что-то общее со всей страной, и свою специфику. И хотя, безусловно, сделанные на примере Нижегородской области выводы нельзя грубо экстраполировать на всю Россию, все-таки этот регион, за счет своего внутреннего разнообразия, вполне подходит для первого погружения в проблему влияния маркетплейсов на трансформацию традиционных форматов торговли и укладов повседневной жизни.

Полученные в ходе первого исследования выводы сподвигли нас на расширение территориального охвата работы, и летом 2025 года были организованы еще две экспедиции, посвященные сбору материала по той же методике. Во всех трех экспедициях мы опирались главным образом на полуструктурированные экспертные интервью с работниками пунктов выдачи заказов, с местными жителями и с представителями местного малого бизнеса и офлайн-торговли. Всего было проведено 144 интервью в 47 городах и сельских населенных пунктах, входящих в состав 16 муниципальных образований Нижегородской области (рис. 1).

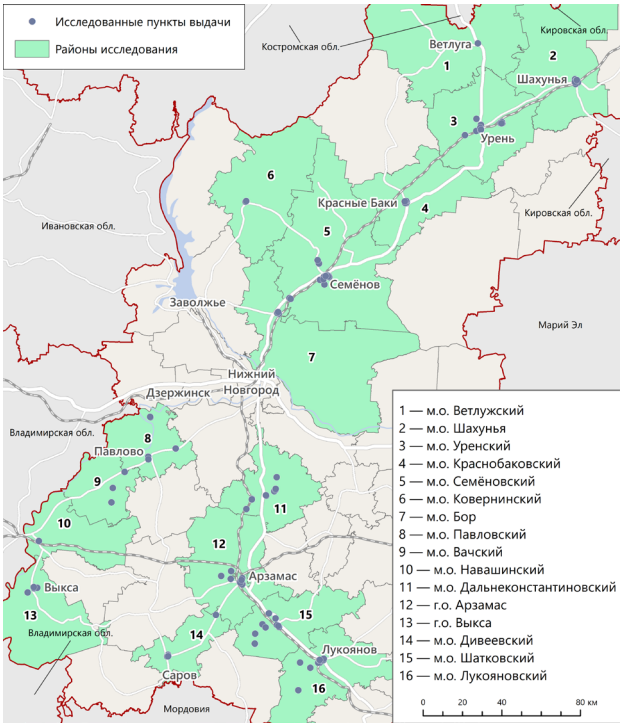

Рис. 1. Территории Нижегородской области, охваченные полевыми исследованиями. Составлено авторами.

При камеральном анализе использовались статистические данные компаний Wildberries и Ozon об открытии и закрытии пунктов выдачи заказов в Нижегородской области в динамике с 2020 года. В полевом исследовании главными методами стали экспертные интервью и полевые наблюдения, а при обработке собранных данных — сравнительно-географические, геоинформационные и статистические методы. Интервью проводились по структурированной анкете посредством живого общения с работниками ПВЗ, офлайн-торговли и местными жителями. Выборка информантов по ПВЗ состояла из их работников; последние отбирались с целью получить информацию из ПВЗ в разных частях населенного пункта (центр, полупериферия, периферия, ближайший пригород, поселения-спутники) и в разных по удаленности от районного центра сельских поселениях (пригородное, отдаленное на крупной трассе, периферийное). По мере возможности в выборку включалось несколько ПВЗ, имеющих общие характеристики местоположения. Кроме территориального критерия, мы старались наполнить выборку поселениями с разным населением, административным статусом, отличающиеся по туристской привлекательности и хозяйственной специализации. Чем больше был населенный пункт и чем больше ПВЗ в нем распо-

ложено, тем больше было число точек, в которых проводилось интервью. Однако, в силу ограниченности ресурсов авторов и нежелания некоторых сотрудников отвечать на наши вопросы, охватить все ПВЗ включенных в выборку населенных пунктов не представлялось возможным.

Работникам маркетплейсов задавались вопросы про работу их ПВЗ, конкуренцию с другими форматами торговли и маркетплейсами, параметры посетителей ПВЗ и их заказов, селлеров, изменения последних лет и пр. При сборе количественных показателей (число посетителей в день и т.п.) мы опирались на экспертные оценки работников ПВЗ, часть из которых прибегала к просмотру статистики из внутренних данных компании. Однако эти оценки нельзя считать полностью достоверными; они призваны скорее показывать порядок чисел, а не давать точные ответы на заданные нами вопросы. Мы опирались на оценки сотрудников, так как более точные статистические данные о потоке клиентов маркетплейсов являются коммерческой тайной компаний, в связи с чем недоступны исследователям. Также мы общались с местными жителями и работниками офлайн-торговли, набирая выборку методом случайного отбора и задавая им вопросы про то, изменилась ли их жизнь с приходом маркетплейсов, и если да, то в чем состояли изменения. Собранные таким образом количественные и качественные данные легли в основу карт, графиков и аналитических выводов работы.

Эволюция сетей ПВЗ крупнейших маркетплейсов в Нижегородской области

За последние пять лет в России наблюдался экспоненциальный рост числа маркетплейсов, начавшийся с интенсивного роста числа точек в городах во время пандемии и продолжившийся экстенсивным расширением сети в направлении пригородов и сельских территорий. Возможность такого быстрого роста, помимо катализатора в лице пандемии, появилась во многом за счет открытия ПВЗ по франшизе и упрощения условий для создания собственной точки. Предприниматели в такой схеме берут риски на себя, а у маркетплейсов высвобождаются ресурсы для организации эффективных логистических операций.

До пандемии COVID-19 единичные маркетплейсы работали в крупнейших городах Нижегородской области. Ни один город за пределами Нижегородской агломерации не имел больше 5–10 ПВЗ, многие из которых были открыты не по франшизе, а самими компаниями. Более того, далеко не во всех районных центрах и городах в принципе существовали точки даже крупнейших маркетплейсов. Сеть ПВЗ маркетплейсов была более чем в зачаточном состоянии.

Во время пандемии изменения происходили стремительно. Наиболее смелые предприниматели, первыми открывшие точки в малых городах и крупных селах после начала пандемии, открывались уже в основном по франшизе. Их владельцы оказались в выигрыше, т.к. смогли выбрать для ПВЗ локации с наиболее выгодным географическим положением. Чаще всего первые (и самые популярные, как мы покажем ниже) ПВЗ в любом малом городе открывались во внутригородском центральном месте — около автостанции, железнодорожной платформы, центрального рынка, сельского магазина или храма. Одним словом — в месте концентрации потоков. На этом втором, ковидном этапе в Нижегородской области ПВЗ открывались, прежде всего, в районных центрах, а также в крупнейших населенных пунктах на трассах между ними.

С ходом пандемии и последовавшей за ней цифровизацией эти единичные точки в центральных местах (чаще всего совпадавшие с центрами муниципалитетов) стали множиться, уходя во вторые по значимости локации в малых городах и начав открываться, пусть и не очень активно, в сельских населенных пунктах:

«Отец открывался попозже остальных, и они решили брать какие-то деревни. Есть, допустим, Сосновское, там людей не очень много, 10 тысяч, но они все ездят в Павлово. Так что если все 10 тысяч будут ходить к тебе... В итоге они там открыли один пункт, он очень быстро разогнался, его не хватило, открыли еще один, он еще разогнался, открыли еще один. Ну, то есть спрос был на это!» (сотрудник маркетплейса, г. Павлово).

Именно на этом этапе начался стремительный отрыв двух крупнейших маркетплейсов — Ozon и Wildberries — от их конкурентов. Уже к концу 2021 года сеть их ПВЗ разрослась за пределы районных центров и крупных трасс и во многом дублировала друг друга. В малых городах, где маркетплейсы либо существовали до пандемии, либо открывались в ее разгар, начался выход на периферию города (например, в окраинные микрорайоны) и в пригороды; в центрах городов, на пересечении потоков, рядом со старыми ПВЗ стали открываться новые, в т.ч. того же бренда. Условной верхней границей этого этапа можно считать 2023 год (рис. 2).

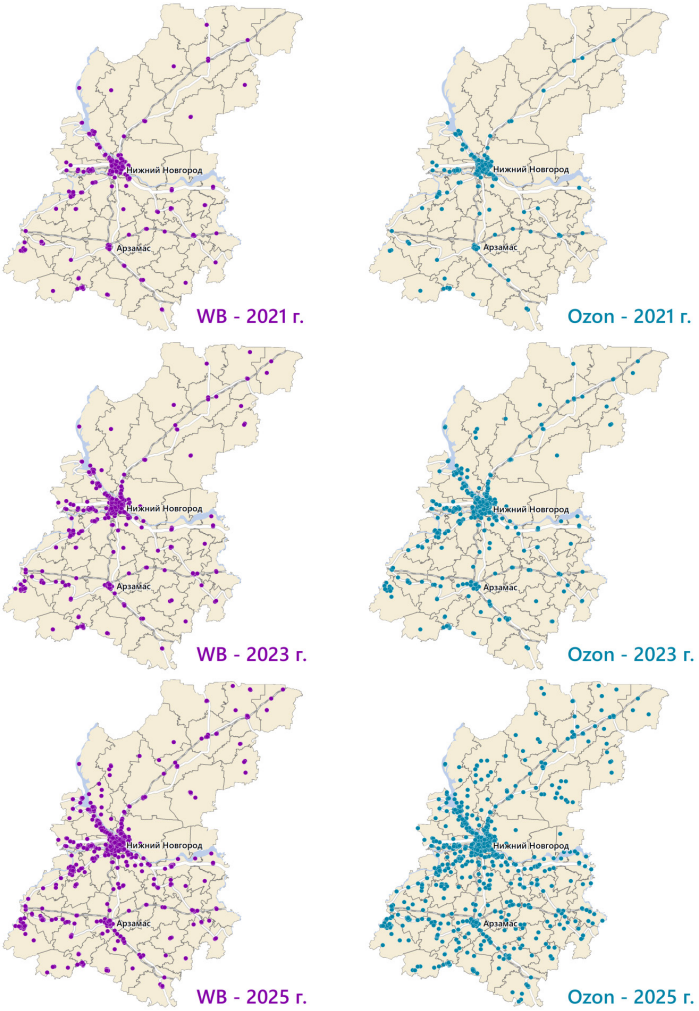

Рис. 2. Эволюция сетей ПВЗ Ozon и Wildberries в Нижегородской области за 2020–2025 гг. Составлено авторами по данным Ozon и Wildberries.

Следующий — экстенсивный — этап начался в последние два года и продолжается до сих пор. Он характеризуется активной экспансией Ozon и Wildberries в сельскую местность и еще большим отрывом двух крупнейших маркетплейсов от Яндекс.Маркета и других игроков. Понятие экспансии здесь следует использовать аккуратно, т.к. почти все новые точки в деревнях открывались местными жителями по франшизе, а не были стратегией головных компаний. Последние скорее создавали условия для открытия ПВЗ в небольших селах, в части из которых нет ни платежеспособного спроса, ни вы-

годного транспортно-географического положения. Именно в связи с разницей политик Ozon и Wildberries на этом этапе наметились принципиальные различия в географии открытий ПВЗ этих маркетплейсов. У Wildberries продолжили открываться точки в более крупных поселениях, и до 2025 года сельские ПВЗ массово не открывались — прежде всего, в связи с требованиями по помещениям со стороны компании и ее рекомендациями не открывать ПВЗ в зонах с низкими показателями спроса:

«Wildberries нам не одобрил [заявку], мы подавали заявку и туда и сюда. Не одобрил в связи с тем, что им показалось на тот момент, то ли количество населения маленькое, то ли помещение они домашнего не рассматривают... То есть это нужно отдельное помещение для них. У нас на тот момент еще не было такой возможности, взять какое-то помещение в аренду. Поэтому Ozon подтвердил, открыли Ozon» (хозяйка домашнего ПВЗ, село Константиновского муниципального округа).

Компания Ozon пошла другим путем, разработав программу Домашний Ozon, облегчающую требования к качеству помещений и графику работы и тем самым позволяя открыть ПВЗ практически в любой точке страны. В результате ПВЗ Ozon появились во многих периферийных деревнях области, за пределами крупных дорог и без административного статуса. Первое время сотрудники Ozon сами искали активных людей и бизнесменов через группы деревень в социальных сетях и вживую и предлагали им открыть свою точку на облегченных условиях. Как результат, сеть ПВЗ Ozon в сельской местности сильно обогнала главного конкурента, который, однако, стал пользоваться несколько большей популярностью в малых городах и крупных поселках и планирует догнать Ozon, открывая с 2025 года сельские ПВЗ на базе Почты России.

Тем не менее к концу 2025 года Ozon сильно обгонял конкурентов по числу ПВЗ на сельских территориях. Чаще всего такие ПВЗ (по программе Домашний Ozon) открывали прямо в частном доме (1–2 нежилые комнаты) либо на базе сельского магазина, где выдача товара происходит за тем же прилавком. Нередко мотивацией для открытия ПВЗ становилось не получение прибыли (даже в малых городах доход от одной точки едва позволяет прокормить семью его владельцу), а собственное бытовое удобство:

«Ты вообще ничего в него не вкладываешь. Открыли для себя, чтобы никуда не бегать, ребенок часто пользуется, какую-нибудь фигню надо ей заказывать, зачем я поеду в город, если мне домой всё привезут» (сотрудница домашнего Ozon, деревня в Семеновском городском округе).

Тем не менее бенефициарами подобных эгоистичных стратегий становились все жители села, получая доступ к товарам, за которыми раньше пришлось бы ехать в далекий райцентр или даже крупный город. Особенно актуально это стало для периферийных сел, расположенных не на крупных трассах:

«Я вынуждена была из Нижнего Новгорода приехать сюда и здесь некомфортно в плане того, что недостаточно магазинов и не совсем есть возможность выехать куда-то. Поэтому приняли решение, что вот если есть возможность открыть, то решили открыть, вот. Для себя в первую очередь, да. И люди сразу откликнулись — заказы сразу пошли. И ходят, говорят "Спасибо!"» (хозяйка домашнего Ozon, периферийное село Дальнеконстантиновского муниципального округа).

Местная специализация и маркетплейсы

В отдельных случаях открытие сельского ПВЗ может происходить не в связи с поиском персонального удобства, а в рамках бизнес-стратегии, как логистическое решение. Так произошло в одной из небольших деревень Вачского района, где бизнесмен решил, что для удобства сбыта продукции местного производства через маркетплейсы ему выгодно будет открыть собственную точку Ozon. Тем самым себе он сэкономил средства на дороге до ближайшего на тот момент ПВЗ в районном центре, куда раньше он должен был ехать, чтобы отправить свою продукцию на склады Ozon как селлер. Однако выиграл от этого не он один: жители деревни получили доступ к товарам со всей страны, хотя без этого решения едва ли в селе такого размера и столь удаленном появилось бы что-то подобное. Таким парадоксальным образом иногда ПВЗ открываются не для потребителей, а для производителей, и в результате выигрывают от этого все местные жители.

Это не единственный пример связи специализации территории с заходом маркетплейсов. В Нижегородской области, известной своими народными промыслами и развивающей туризм, ряд местных предпринимателей успели стать селлерами маркетплейсов и тем самым диверсифицировать свой сбыт. Из поокской части региона, славящейся своими мастерами по металлу, отправляют через маркетплейсы ножи (Ворсма, Павлово, Вача), литую продукцию (Звягино, Вача), топоры и инструменты (Арефино, Вача). Так, открытое в Ваче в 2025 году металлургическое предприятие ориентировано на сбыт 100% производимых ими ножей через маркетплейсы. Жители Семенова, славящиеся хохломской росписью, продают через маркетплейсы игрушки и сувениры. На одном из ПВЗ Ozon в Семенове матрёшки были выделены сотрудниками как преобладающая категория среди отправляемых селлерами товаров, а ПВЗ Wildberries, расположенный прямо напротив фабрики «Хохломская роспись», по несколько раз в неделю принимает для отправки большие коробки с продукцией фабрики. Сразу в нескольких ПВЗ Дивеево (одно из главных мест православного паломничества в России) на первом месте среди отправленных товаров — монастырские свечи, а монахини и насельницы часто приходят в ПВЗ за сырьем

для будущей монастырской продукции. Во многих дачных поселках и аграрных селах в структуре покупок появлялось больше садовой техники и других покупок «для огорода». Только в этих населенных пунктах, пусть и не везде, отмечалась сезонность оборота ПВЗ с летним пиком:

«Летом как раз идет это увеличение за счет дачников, потому что они приезжают, говорят: ну мы решили, что нам проще сюда заказать, чем тащить из города лишние вот эти вот всякие [инструменты]» (сотрудница Ozon, г. Арзамас).

В то же время далеко не любой товар, прославивший то или иное место, выгодно продавать через маркетплейсы. Внутренняя система скидок и запрос на дешевую и серийную продукцию делают невыгодной торговлю уникальными и дорогостоящими товарами ручной работы, вроде клинков или филиграни, а ограниченная пропускная способность газелей маркетплейсов зачастую не дает выходить на маркетплейсы крупносерийным производителям. Первые предпочитают маркетплейсам выставки и интернет-магазины, вторые — продажу оптом. Тем не менее для ряда местных производителей и ремесленников маркетплейсы стали важным подспорьем и способом не только заработать, но и заявить о себе за пределами собственного региона.

Маркетплейсы и эффекты для развития территории

Электронная коммерция изменила традиционные отношения продавца и покупателя (Космачева, Черкасская, 2023). Есть все основания утверждать, что активная экспансия маркетплейсов за пределы крупных городских агломераций повлияла не только на хозяйственные отношения и торговлю, но и на жизнь местных жителей. В ходе наших полевых интервью нам удалось выделить три универсальных эффекта, которые оказали влияние на сельские территории и малые города в связи с заходом маркетплейсов. Это увеличение возможностей и разнообразия потребления местных жителей (1), снижение потребительской мобильности последних (2) и трансформация офлайн-торговли в связи с конкуренцией со стороны маркетплейсов (3).

Одно из главных изменений в жизни большинства местных жителей с появлением маркетплейсов в шаговой доступности — большее удобство и экономия времени. На вопрос, повлияло ли появление маркетплейсов на вашу жизнь, единицы отвечали нам, что мало что поменялось. Для абсолютного большинства наших информантов жизнь бок о бок с маркетплейсами стала удобнее и комфортнее, будь то бизнесмены или монахини, подростки или бабушки. Причем, вопреки стереотипам, услугами маркетплейсов в малых городах и сельской местности пользуется не только молодежь, но и пожилые люди (пусть и в меньшем масштабе), традиционно относи-

мые к числу не самых уверенных пользователей Интернета. Люди старших возрастов часто обращаются к родственникам или напрямую к сотрудникам ПВЗ с просьбами научить их делать заказы на маркетплейсах:

«Все уже адаптируются, смотришь любую возрастную аудиторию. Даже взять у меня — мама уже, ну, на пенсии. Все равно мы ее научили. То есть она в телефоне уже разбирается, она заказывает» (местная жительница среднего возраста, р.п. Вача).

«Если [пожилые люди] не умеют [пользоваться приложением] — приходят, я показываю, рассказываю» (сотрудница ПВЗ, г. Выкса).

И хотя многие информанты отмечали, что среди клиентов преобладают люди молодых и средних возрастов, во всех точках нам свидетельствовали о небольшом, но растущем проценте возрастных клиентов и пенсионеров.

Также наши информанты рассказали, что с возникновением возможности делать заказы на маркетплейсах и забирать заказы рядом с домом у многих отпала необходимость тратить время и силы на дорогу до более крупных населенных пунктов (чаще всего — районных центров), куда раньше ездили за покупками:

«Конечно, [жизнь] изменилась [когда открылся ПВЗ в Центральном]. Мне не нужно ездить в магазины, не нужно ездить в город»

Наиболее сильные изменения коснулись торговли одеждой и бытовой техникой, которую раньше приобрести в сельской местности не представлялось возможным:

«Зачем тебе ехать, допустим, в Павлово или в Нижний покупать газонокосилку, если ты можешь заказать ее на Вайлдберисе. И, соответственно, где-то в далеких местах, где нифига нет, тебе гораздо проще заказать это на Озоне» (сотрудник маркетплейса, г. Павлово).

И хотя более чем половина наших информантов свидетельствовала о том, что в связи с появлением в их или соседнем поселении ПВЗ они стали меньше ездить за покупками «в город», нельзя утверждать, что новая реальность полностью оборвала связи между сельской местностью и городами. В большинстве случаев речь шла о прекращении/сокращении не самых регулярных, часто семейных, организованных поездок, а не о трудовых миграциях, являющихся наиболее распространенным паттерном мобильности на изучаемой территории и в стране вообще. Есть основания говорить о трансформации практик поездки «за покупками», или изменении дальности подобных поездок (когда маркетплейс в селе отсутствует, но появился в соседнем населенном пункте, который тем не менее расположен ближе райцентра и столицы региона). Одним словом, в последние годы начала трансформироваться потребительская мобильность сельских жителей.

Однако есть небольшая прослойка местных жителей, которые,

несмотря на удобство сервисов в повседневной жизни, проклинают тот день, когда в их населенном пункте открылся первый ПВЗ. Это владельцы хозяйственных магазинов, точек на рынке и магазинов одежды. Именно эти сферы торговли оказались в наибольшей степени затронуты экспансией маркетплейсов и понесли наибольшие убытки. За счет эффекта масштаба, отстроенной системы логистики, огромного разнообразия товаров маркетплейсы выигрывают конкуренцию у всех тех предпринимателей, которые обслуживали малые города и села на протяжении многих лет в условиях низкой конкуренции. Ни объем предложения, ни разнообразие, ни ценовой разброс у местных производителей не может сравниться с тем, что предлагают маркетплейсы. На момент написания работы все эти процессы продолжаются на территории, а главные пострадавшие высказываются о них, не скрывая эмоций:

«— А нет ли такого, что последние годы, когда стало много WB, стало сложнее с продажей одежды?

— Конечно, чтобы провалился он, этот Озон с Вайлдберриз!

— А что поменялось?

— Людей не стало, все ходят в WB и Ozon» (диалог на рынке, г. Ворсма).

Со слов самих предпринимателей, объемы торговли на центральных рынках сократились весьма существенно: если в малых городах на северо-западе области мы фиксировали сокращения объемов торговли на 70–90% за последние несколько лет, то на юге региона нам называли те же цифры как для малых городов, так и для крупных сел. Так, в Дивеево, пользующемся популярностью среди туристов и паломников, экспансия маркетплейсов *«окончательно добила»* местный рынок, а оборот магазинов одежды упал на 50% (и то, со слов самих продавцов, исключительно за счет более консервативно настроенных паломников и туристов, желающих привезти сувениры из Дивеево). В целом от развития сети ПВЗ в наибольшей степени пострадали именно точки торговли одеждой и товарами длительного пользования:

«Раньше я вот не сидела, я вот крутилась, то там, то там подойду. А сейчас вот сижу, уже и молитвы читаю, уже и не знаешь, что читать, чтобы Господь хоть помог, хоть чем-то...» (владелица точки торговли одеждой на вещевом рынке, г. Ворсма).

Причем если часть подобных частных магазинов и лавок еще продолжают борьбу с маркетплейсами, то многие были вынуждены закрыться, чтобы не работать себе в убыток:

«Раньше по воскресеньям здесь был большой рынок, то есть очень большое количество приезжало из города, ну, из ближайших районов, и наши тоже местами занимались. Остались единицы, кто приезжает и торгует на рынке» (местная жительница, р.п. Вача).

«Магазины обуви, по-моему, штуки три закрылись, также магазин распродажи был у нас, большой стоял, он тоже закрылся» (местная жительница, г. Навашино).

То, что отчасти помогает местной офлайн-торговле продолжать конкурировать — это расположение и рынков/магазинов одежды, и самых популярных маркетплейсов на пересечении потоков, в центре города/поселка и рядом с авто/железнодорожной станцией. Подобная кластеризация торговли играет на руку работникам рынков и магазинов, т.к. местные жители нередко по привычке заходят к ним и докупают все то, что забыли или не успели заказать онлайн. Другое подспорье в конкуренции с маркетплейсами — пожилое население, где, несмотря на помощь внуков и детей в освоении интернета, далеко не все успели перестроиться на новый формат торговли:

«— А люди все перешли на маркетплейсы? Или вот, я смотрю, пожилые люди вроде еще ходят [к вам на рынок]?

— Пожилые еще ходят, а молодежь совсем ушла» (владелица точки на рынке, г. Ворсма).

Несколько лучше в конкуренции с маркетплейсами чувствуют себя магазины хозтоваров. Для части населения (особенно — для людей старших возрастов) важно потрогать товар и увидеть его своими глазами. Вдобавок если десятилетиями человек покупал в одном и том же месте одни и те же товары быта, ему может быть проще дойти и взять все в одном месте, пусть даже и чуть дороже, чем при покупке через Ozon или Wildberries.

Маркетплейсы, ритейлеры и адаптивные форматы торговли

В еще меньшей степени появление маркетплейсов затронуло торговлю продуктами питания. В этой сфере конкуренцию местным магазинам навязывает уже не Ozon или Wildberries, а крупные сетевые ритейлеры: «Пятерочка», «Магнит», «Красное и Белое» и др. Их появление в малых городах и сельской местности «убивает» местные частные магазины продуктов (сельмаги, райпо и т.п.) примерно так же и по тем же причинам, как появление маркетплейсов приводит к закрытию рынков и магазинов одежды. То, что позволяет сельмагам и райпо выживать, — это недоразвитость сети ритейлеров в сельской местности, инертность потребительского поведения и наличие местных «натуральных» продуктов. За простыми товарами бывает проще дойти до расположенного у дома сельмага, а не идти на другой конец поселения в «Пятерочку» или «Магнит». В то же время овощи, молочную продукцию, выпечку сельские жители чаще покупают в местных магазинах, так как качество названных товаров оказывается выше сетевых, либо вызывают больше доверия у местных жителей. Некоторые товары с долгим сроком хранения, вроде макарон или сахара, по скидке могут заказать на маркетплейсах. Во всех прочих случаях крупные ритейлеры оказываются конкурентоспособнее частных магазинов, нередко приводя к закрытию последних.

В попытках выжить частным продуктовым магазинам приходилось адаптироваться к новым реалиям. Чаще всего они (пере)открывались под брендом «Авокадо», реже — под местным брендом «КООП» и региональным — «Малинка». При таком сценарии франшиза берет на себя наиболее сложные операции (логистика, реклама), предоставляет оборудование (эквайринг, печать QR-кодов) и тем самым позволяет таким небольшим, часто семейным бизнес-предприятиям оставаться на плаву и сосуществовать с такими гигантами, как «Пятерочка» или «Магнит». Как результат, по числу работающих магазинов в сельской местности «Авокадо» опережает и «Пятерочку», и «Магнит», не говоря про прочих ритейлеров. «Авокадо» можно встретить и в районных центрах, и в самых немногочисленных населенных пунктах, куда крупные ритейлеры не зашли и где вряд ли в ближайшее время появятся. По внешнему виду от «обычных» сельмагов многие магазины этой сети отличает только вывеска, но новые выгодные условия франшизы позволяют держаться на плаву в новых рыночных реалиях.

Другая форма адаптации местных частных магазинов напрямую связана с маркетплейсами. Как и во многих зарубежных городах, ПВЗ стали открываться на базе частного магазина (как под франшизой, так и без) или Почты России. Одно здание наделяется кластерной функцией — это и магазин, и пункт выдачи заказов; при этом экономится место под склад и человеко-часы (поток клиентов в сельской местности небольшой) и увеличивается мера центральности (притягательности) торговой точки. Так, значительная часть обследованных нами ПВЗ в сельской местности, открытых по программе Домашний Озон, равно как и многие другие сельские ПВЗ, были как раз примером открытия точки маркетплейса в целях выживания и увеличения привлекательности торговой точки:

«— А как вообще пришла идея открыть [Wildberries на базе магазина «Авокадо»]?

— Помещение пустовало и решили, думаю, может, в магазин побольше народу придет. Решили маленько попытаться заработать чуть больше.

— И как, получилось?

— Ну народ оттуда стал заходить сюда, ну чуть-чуть [больше стало людей]» (работница магазина «Авокадо», с.н.п. в пригороде Лукоянова).

Тот же эффект используется Почтой России, которая массово открывает на своих точках ПВЗ Wildberries. Сотрудничество Wildberries и Почты России началось в октябре 2024 года с открытия 250 пилотных ПВЗ в почтовых отделениях в ЦФО, к концу 2025 года планировалось открытие 10 000 подобных точек по всей стране. Для маркетплейса — это расширение географии присутствия, особенно в отдаленных регионах, и снижение логистических издержек. Для Почты России — увеличение клиентского потока и решение финансовых проблем. Сами ПВЗ не похожи на обычные Wild-

berries — в отделениях появляются фирменные вывески, но почти нигде (пока) нет примерочных, могут отличаться условия и график работы (меньше работают), у пункта часто в целом нет отдельного помещения, а выдачей заказов занимаются сами сотрудники почты:

«Хотим мы или не хотим — нам открыли Wildberries» (сотрудница почты, р.п. Арья).

Часы работы некоторых почтовых отделений остаются прежними, непривычными для ПВЗ, однако некоторым пришлось существенно изменить график из-за появления Wildberries. Помимо этого, сотрудников почты обязывают обслуживать клиентов Wildberries в приоритетном порядке по сравнению с клиентами самой почты.

«Мы работали с 8 до 5, суббота и воскресенье — выходной. А сейчас мы с 10, как бы, до 9, без выходных. Ну сейчас временный режим до 7, потому что у нас не хватает сотрудников» (сотрудница почты в одном из поселков Нижегородской области).

Открытие ПВЗ на почтах никак не учитывает наличие поблизости других ПВЗ того же маркетплейса, и нередко они открываются буквально в соседних домах с другой точкой Wildberries. Заказы в ПВЗ на почтах привозят машины Почты России, а не Wildberries, и делают это обычно значительно реже, а уровень осведомленности о таких ПВЗ среди жителей ниже. Таким образом, на момент написания статьи Wildberries на Почте России значительно проигрывал классическим точкам той же компании.

Небольшой спрос на ПВЗ подобного формата формируют пожилые люди, которым удобно совмещать походы на почту с получением заказанных на маркетплейсе товаров, а также жители отдаленных деревень, куда обычные Wildberries пока не зашли:

«Заходят коммуналку платить или там еще что-то, газетку: “О, у вас Wildberries, о, мы тогда переоформляемся, всё-всё, здесь нам очень удобно, что мы туда [в ПВЗ на другом конце поселка] поедем...” Ну, маленько там подальше, они все, как жучки, сюда побегут, так что вот я смотрю, что теперь мне с каждым разом больше и больше товара [стало] поступать» (сотрудница почты, поселок Краснобаковского муниципального района).

Пока сложно с уверенностью оценить успешность этой программы, но в исследованных нами населенных пунктах эффекты от нее значительно менее ощутимые, чем от комбинирования магазина и ПВЗ или открытия ПВЗ в частном доме.

Дифференциация эффектов в зависимости от параметров населенных пунктов

Один из главных вопросов исследования — есть ли разница в эффектах от захода маркетплейсов в зависимости от размера и административного статуса поселения? С одной стороны, описан-

ные выше эффекты схожим образом работают и в малых городах, и в самых небольших селах. С другой — нами были встречены как качественные, так и количественные отличия, главное из которых заключается в масштабе произошедших в связи с появлением маркетплейсов изменений. Из собранных нами интервью следует, что чем меньше число жителей населенного пункта, тем больше, при прочих равных, появление ПВЗ повлияет на характер жизни и торговли на территории:

«— То есть это на жизнь прям сильно повлияло?

—- Да. И чем менее развитое, скажем так, поселение, тем больше влияет. Ну то есть, я считаю, что Сосновское... Вообще там у людей башню снесло, как появились Wildberries и Ozon» (сотрудник маркетплейса, г. Павлово.

Не меньшую роль играет и географическое положение сельского населенного пункта, а именно — его удаленность от городов/районных центров, где уже работают ПВЗ:

«— Многие, кто работает в Лукоянове и кто здесь забирает заказ, им тут проще [получить заказ], то есть от дома далеко не шарахаться. Другая деревня у нас (с Озоном), там заказывают вообще все, потому что им неудобно ехать за этой фигней, семьсот рублей тратить еще на такси. Им это невыгодно.

— А вы здесь ближе к Лукоянову, поэтому проще?

— Ну да» (сотрудница маркетплейса, с. Иванцево).

Соответственно, можно предположить, что именно эти удаленные мелкоселенные территории окажутся главными бенефициарами от экспансии маркетплейсов. Важен и эффект соседства: многие информанты в сельских ПВЗ отмечали, что к ним за заказами ездят из соседних сел, т.к. это гораздо быстрее и проще, чем доехать до районного центра и либо купить там что-то вживую, либо заказать на более «старом» пункте выдачи. Это может несколько ослабить фиксируемое в последние десятилетия «сжатие пространства» (Трейвиш, 2010) и частично децентрализировать районные центры, создав новые точки притяжения потребительских поездок за их пределами.

Отличаются населенные пункты разного размера и статуса и по средней посещаемости ПВЗ. Прямой связи между числом жителей и средним числом клиентов на ПВЗ поселения в день не обнаружилось, однако полностью отрицать значение размера населенного пункта тоже нельзя. Посещаемость (число клиентов в сутки) сельских населенных пунктов в полтора раза меньше, чем у рабочих поселков и ПГТ, и вдвое меньше, чем у малых и средних городов (рис. 3). Соответственно, нет связи между оборотом ПВЗ и его влиянием на территорию: первый больше в малых городах, даже на их окраинах, а субъективно ощущаемые жителями изменения жизни и мобильности — в самых небольших деревнях и селах.

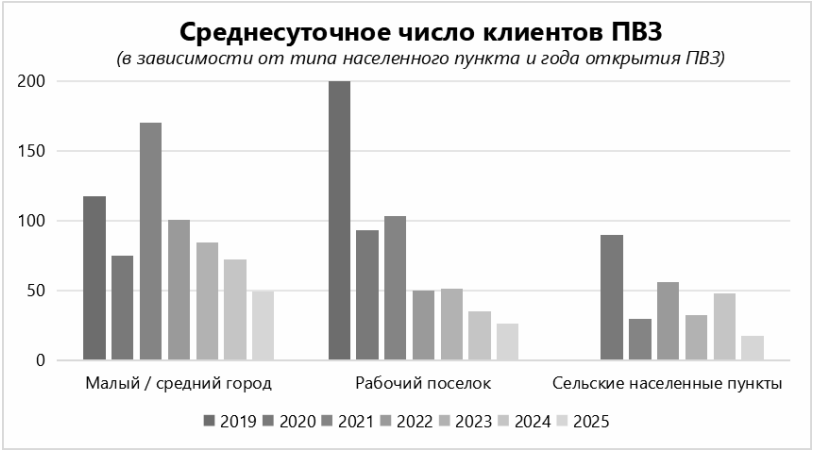

Рис. 3. Динамика числа клиентов ПВЗ Ozon и Wildberries за сутки по типам населенных пунктов за 2019–2025 гг. Составлено авторами по материалам интервью.

При этом в населенных пунктах всех типов мы видим, что наибольшей популярностью пользуются ПВЗ, открытые до пандемии (2019 г. и раньше) и в ее начале (2021 г.). Здесь значение имеет не только привыкание местных жителей к конкретному месту и его работнику, но и более выгодное положение старых ПВЗ в населенных пунктах (чаще всего — в центре, на пересечении потоков). Это четко видно на примере малых городов, где разнообразие ПВЗ разных компаний в разных частях города позволяет выявлять пространственную дифференциацию (рис. 4).

Практически везде крупнейшие по числу клиентов ПВЗ расположены во внутригородском центральном месте: у автостанции/железной дороги, рядом с администрацией и рыночной площадью. По мере удаления от этих центральных мест посещаемость ПВЗ ощутимо снижается. В малых городах вторые по популярности точки формируются в центрах второго порядка, далее идут окраинные микрорайоны. Еще меньший спрос наблюдается в пригородах районных центров, в примыкающих к их территории деревням и селам. Минимум числа посетителей ПВЗ встречался в сельских населенных пунктах вдали от районных центров и крупных поселений; именно там, где ПВЗ зачастую открывались «для себя» и на упрощенных условиях. При этом практически везде посещаемость Wildberries ощутимо превышала посещаемость точек Ozon, и еще больше оба маркетплейса превосходили редкие ПВЗ Яндекс.Маркета. Эти отличия частично объясняются разной структурой заказов на трех крупнейших маркетплейсах. Wildberries — это прежде всего одежда, а также товары быта и многое другое. Ozon — преобладание комплектующих для автотехники, товаров для дома и ого-

рода, бытовой техники. Яндекс.Маркет — главным образом дорогая электроника и техника; все то, что требует больше гарантий.

Рис. 4. Пространственная дифференциация среднесуточного числа клиентов ПВЗ в поселениях-кейсах. Составлено авторами по материалам интервью.

В небольших сельских населенных пунктах, где ПВЗ открывались в последние два года, гораздо большее значение играют местные условия, нежели законы спроса и предложения и конкуренция с другими торговыми точками. Как мы показали выше, многие открывают ПВЗ Ozon не столько для заработка, сколько для оптимизации собственных поездок. Сельские ПВЗ Wildberries открываются на базе Почты России, что также не всегда соотносится с рыночными реалиями. Открытие ПВЗ в небольшом селе скорее выступает индикатором «живости» территории, предпринимательской активности местных жителей и их открытости к инновациям. Однако этот этап массового открытия ПВЗ в сельской местности далек от завершения, и есть основания предполагать, что сеть сельских пунктов выдачи претерпит значительные изменения в связи с открытием новых точек на новых местах и закрытием уже существующих убыточных.

Заключение

Стремительная экспансия маркетплейсов за пределы крупнейших агломераций в последние несколько лет существенно трансформи-

ровала непродуктовую торговлю в малых городах и сельской местности России. Это привело к усилению существующих трендов на франчайзинговую экспансию и закрытие точек локальной офлайн-торговли. Заход маркетплейсов на сельских территориях усугубил ситуацию и привел к закрытию значительного числа вещевых рынков и ухудшению ситуации в несетевых магазинах одежды и хозтоваров. Для местных продовольственных магазинов (сельмаги и пр.) маркетплейсы, напротив, нередко становились подспорьем. Дав возможность объединить магазин и ПВЗ за одним прилавком и увеличить за счет этого поток клиентов, появление маркетплейсов способствовало поддержанию сельмагов на плаву в конкуренции с сетевыми ритейлерами. Другой бенефициар захода маркетплейсов — Почта России, на базе которой в 2025 году Wildberries открыл тысячи точек в сельской местности, что также может способствовать большей популярности почтовых точек в будущем.

Появление ПВЗ в сельской местности трансформировало не только торговлю, но и повседневные практики и мобильность местных жителей. Последние получили доступ к товарам, ранее доступным для покупки в лучшем случае в районном или региональном центре, в связи с чем люди стали меньше либо реже ездить в более крупные поселения за покупками. Распространение этого эффекта на все более удаленные и мелкоселенные части страны может несколько замедлить сжатие пространства и занизить «центральность» районных центров как важного звена в потребительской мобильности населения. Открытие ПВЗ в небольших селах нередко происходило не для получения прибыли от маркетплейса как бизнеса, а для большего персонального удобства его владельца или выстраивания сбыта и логистики местного бизнеса. В этом смысле сеть ПВЗ может быть рассмотрена как новый вид сельской инфраструктуры, способствующий развитию самых периферийных сельских территорий и еще большей дифференциации между последними. Наличие ПВЗ едва ли сможет переломить миграционную ситуацию в целом, но способно стать новым pull-фактором для периферийных сельских территорий.

Так или иначе, маркетплейсы — парадоксальный пример диффузии глобального на периферию и периферии — в глобализированные центры, вопреки закономерностям центр-периферийной модели. Жители отдаленных деревень получают доступ к товарам со всей страны и из-за рубежа и к почти городскому формату потребления, в то время как местные производители имеют возможность отправки товаров местного производства в любую точку страны и репрезентации собственных брендов. Это может оказывать амбивалентное влияние на свойства места и его эрозию. С одной стороны, закрытие местных торговых точек и изменение характера потребления может повлиять на сохранность функций и свойств территории. С другой стороны, маркетплейсы показали свою способность интегрироваться в местную жизнь и торговлю, способствуя сохранению локальных

смыслов и производств и поддерживая ряд местных производителей, специализацию территорий и владельцев магазинов в их конкуренции с федеральными торговыми сетями.

Пока рано давать однозначные оценки влиянию захода маркетплейсов на образ жизни и эрозию места вообще, хотя какие-то изменения, как мы показали, происходят. В ближайшем будущем можно ожидать не только дальнейшего расширения географии сетей ПВЗ крупнейших маркетплейсов, но и закрытия неперспективных и убыточных точек: как в селах с низким спросом, так и в малых и средних городах с франчайзинговым каннибализмом. На данный момент сеть ПВЗ нельзя назвать устоявшейся, а описанные процессы нельзя окрестить тотальными и актуальными для всех регионов России. Остается надеяться, что экспансия маркетплейсов станет устойчивым фактором развития сельских территорий, а исследования, подобные нашему, позволят выделить не только внутрирегиональные, но и межрегиональные различия в формируемых заходом маркетплейсов эффектах.

Библиография

Аксенов К. Э. (2022). Цифровая трансформация и пространственная организация непищевого ритейла в российском городе // Известия Русского географического общества. Т. 154. № 4. С. 22–38.

Космачева Н. М., Черкасская Г. В. (2023). Влияние функционирования маркетплейсов формата B2C на региональную экономическую систему // Региональные проблемы преобразования экономики. Т. 152. № 6. С. 100–108.

Лачининский С. С. (2024). Контуры постиндустриальной структуры экономики городов Санкт-Петербургской агломерации на основе деятельности e-маркетплейсов // Региональные исследования. Т. 84. № 2. С. 63–75.

Макушин М. А. (2024). Пространственное развитие рынка складской недвижимости в России: e-commerce против классического ритейла // Региональные исследования Т. 86. № 4. С. 38–48.

Трейвиш А. И. (2010). «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории территориального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С. С. Артоболевского и Л. М. Синцерова. М.: Эслан. С. 16–31.

Покупки россиян на маркетплейсах // Маркетинговое исследование DataInsight от 12.11.2021 (электронный ресурс). URL: https://datainsight.ru/BuyersOnMarketplaces (дата доступа: 30.12.2025)

Вирин Ф. Маркетплейсы 2024: тренды, стратегии, точки роста Маркетинговое исследование DataInsight от 01.03.2024 (электронный ресурс). URL: https://datainsight.ru/DI_FedorVirin_SellersnMarketplaces_2024 (дата доступа: 30.12.2025)

Выбор брендов на маркетплейсах // Маркетинговое исследование DataInsight от 29.01.2024 (электронный ресурс). URL: https://datainsight.ru/DI_Choosing_brands_on_marketplaces_2023 (дата доступа: 30.12.2025)

Россияне назвали самый большой и выгодный маркетплейс // Социологический опрос ВЦИОМ от 18.01.2022 (электронный ресурс). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-nazvali-samyi-bolshoi-i-vygodnyi-marketpleis (дата доступа: 30.12.2025)

Cui X., Huang W., Zhang J. et al. (2024). Exploring the spatiotemporal evolution mechanism of rural e-commerce: Insights from the experience of Taobao towns in China // Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 11. №. 1. P. 1-13.

Li F., Gan Y. (2025). Research on the sustainable development capability of Chinese rural E-Commerce based on multidimensional perspective // Scientific Reports. Vol. 15. №. 1. P. 11547.

Li G., Qin J. (2022). Income effect of rural E-commerce: Empirical evidence from Taobao villages in China // Journal of Rural Studies. Vol. 96. P. 129-140.

Mohri S. S., Ghaderi H., Van Woensel T., Mohammadi M., Nass N., Thompson R. G. (2024). Contextualizing alternative delivery points in last mile delivery // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. Vol. 184. P. 103788.

Morganti E., Dablanc L., Fortin F. (2014a). Final deliveries for online shopping: The deployment of pickup point networks in urban and suburban areas // Research in Transportation Business & Management. Vol. 11. P. 23-31.

Morganti E., Seidel S., Blanquart C., Dablanc L., Lenz B. (2014b). The impact of e-commerce on final deliveries: Alternative parcel delivery services in France and Germany // Transportation research procedia. Vol. 4. P. 178-190.

Wang Y., Tian Y., Nasrullah M., Zhang R. (2025). Does social capital influence farmers' e-commerce entrepreneurship? China's regional evidence // Electronic Commerce Research. Vol. 25. №. 5. P. 3397-3425.

You T. (2023).Embeddedness at varying depths: interactions between rural e-commerce entrepreneurs and China's local politico-economic contexts // Journal of Chinese Sociology. Vol. 10. №. 1. P. 22.

Zang Y., Hu S., Li J., Lv L., Ma Z., Tan Y. (2025). Reconfiguring rural development: Spatial diffusion of E-Commerce and its multifaceted effects // Habitat International. Vol. 163. P. 103496.

Zhang S., Qiu Z. (2024). Why is rural E-commerce successful? A sociological analysis of the mechanism for actualizing technological dividends // Journal of Chinese Sociology. Vol. 11. №. 1. P. 2.

Zhu C., Wang X., Wang D., Zhong W. (2023). The spatial linkage of Taobao Villages in Haining City based on the operation process // Frontiers of Urban and Rural Planning. Vol. 1. №1. P. 16.

Serving both the village and the city: Marketplaces as a factor of transformation of trade and everyday life in small towns and rural areas in the Nizhny Novgorod Region

Yaroslav K. Kuksin, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: kuksinyk@my.msu.ru.

Anna M. Barinshtein, Student, Faculty of Geography and Geoinformation Technology, HSE University. Pokrovsky Bl., 11, Moscow, 109028. E-mail: anya.barin@gmail.com

Evgeny A. Aleksandrov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: aleksandrovea@my.msu.ru

Timofei V. Rachkov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: timrachkov@gmail.com

Maksim V. Krasnoperov, Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: maxim.krasnoperov2015@yandex.ru

Dmitry A. Mayorov, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991. E-mail: 79166726771@ya.ru

Abstract. The study aims at understanding the effects on trade and population of the largest marketplaces expansion into small towns and rural settlements in the Nizhny Novgorod Region. On the example of 47 settlements in 16 municipalities, the authors consider how pickup points transform trade and everyday life in rural areas using the methods of interview with marketplace employees, local residents and business representatives, spatial and statistical analysis. The article describes the geographical expansion of pickup point networks — from the pandemic period to the current stage of rural development. The authors emphasize the dual impact of digitalization: on one hand, it leads to the decline of traditional markets; on the other hand, it helps small grocery stores survive. The article pays particular attention to the adaptive strategies in opening pickup points: on the basis of grocery stores and post offices, for one's needs or for one's business logistics. The authors identify general effects of the marketplaces expansion: the weakening position of local offline non-food retail, expanded consumption opportunities and increased convenience for local residents, and a reduction in their consumer mobility. The study shows the link between settlement size, type and status and the variation in effects transforming both life and trade. The findings offer a new perspective on the interaction between online platforms, traditional retail and rural lifestyles, allowing for an assessment of how these processes influence space-time compression, related markets and the characteristics of place.

Key words: marketplaces, pickup points, transformation of lifestyle, transformation of trade, Nizhny Novgorod Region, rural areas, small towns

References

Aksenov K. E. (2022) Tsifrovaya transformatsiya i prostranstvennaya organizatsiya nepishchevogo riteila v rossiiskom gorode [Digital transformation and spatial organization of non-food retail in the Russian city]. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, vol. 154, no 4, pp. 22–38.

Cui X., Huang W., Zhang J. et al. (2024) Exploring the spatiotemporal evolution mechanism of rural e-commerce: Insights from the experience of Taobao towns in China. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 11, no 1, pp. 1–13.

DataInsight (2021) Pokupki rossiyan na marketpleisah [Russians' purchases on marketplaces]. URL: https://datainsight.ru/BuyersOnMarketplaces.

DataInsight (2024) Vybor brendov na marketpleisah [Choosing brands on marketplaces]. URL: https://datainsight.ru/DIChoosingbrandsonmarketplaces2023.

Kosmacheva N. M., Cherkasskaya G. V. (2023) Vliyanie funktsionirovaniya marketpleisov formata V2S na regionalnuyu ekonomicheskuyu sistemu [The impact of B2C marketplace operations on the regional economic system]. *Regionalnye Problemy Preobrazovaniya Ekonomiki*, vol. 152, no 6, pp. 100–108.

Lachininsky S. S. (2024) Kontury postindustrialnoi struktury ekonomiki gorodov Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii na osnove deyatelnosti e-marketpleisov [Outlines of the post-industrial structure of the urban economy in Saint Petersburg agglomeration based on the activities of e-marketplaces]. *Regionalnye Issledovaniya*, vol. 84, no 2, pp. 63–75.

Li F., Gan Y. (2025) Research on the sustainable development capability of Chinese rural e-commerce based on multidimensional perspective. *Scientific Reports*, vol. 15, no 1, p. 11547.

Li G., Qin J. (2022) Income effect of rural e-commerce: Empirical evidence from Taobao villages in China. *Journal of Rural Studies*, vol. 96, pp. 129–140.

Makushin M. A. (2024) Prostranstvennoe razvitie rynka skladskoi nedvizhimosti v Rossii: e-commerce protiv klassicheskogo riteila [Spatial development of the warehouse real estate market in Russia: E-commerce versus classic retail]. *Regionalnye Issledovaniya*, vol. 86, no 4, pp. 38–48.

Mohri S. S., Ghaderi H., Van Woensel T. et al. (2024) Contextualizing alternative delivery points in last mile delivery. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, vol. 184, p. 103788.

Morganti E., Dablanc L., Fortin F. (2014) Final deliveries for online shopping: The deployment of pickup point networks in urban and suburban areas. *Research in Transportation Business & Management*, vol. 11, pp. 23–31.

Morganti E., Seidel S., Blanquart C., Dablanc L., Lenz B. (2014) The impact of e-commerce on final deliveries: Alternative parcel delivery services in France and Germany. *Transportation Research Procedia*, vol. 4, pp. 178–190.

Treivish A. I. (2010) "Szhatie" prostranstva: traktovka i modeli ["Compression" of space: Interpretation and models]. *Szhatie sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii territorialnogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya.* Eds. by S. S. Artobolevsky, L. M. Sintsorov, Moscow: Eslan, pp. 16–31.

VCIOM (2022) Rossiyane nazvali samy bolshoy i vygodny marketpleis [Russians named the largest and offering the best value marketplace]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-nazvali-samyi-bolshoi-i-vygodnyi-marketpleis.

Virin F., DataInsight (2024) Marketpleisy 2024: trendy, strategii, tochki rosta [Marketplaces 2024: trends, strategies, growth points]. URL: https://datainsight.ru/DIFedorVirinSellersnMarketplaces2024.

Wang Y., Tian Y., Nasrullah M., Zhang R. (2025) Does social capital influence farmers e-commerce entrepreneurship? China's regional evidence. *Electronic Commerce Research*, vol. 25, no 5, pp. 3397–3425.

You T. (2023) Embeddedness at varying depths: Interactions between rural e-commerce entrepreneurs and China's local politico-economic contexts. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 10, no 1, p. 22.

Zang Y., Hu S., Li J., Lv L., Ma Z., Tan Y. (2025) Reconfiguring rural development: Spatial diffusion of e-commerce and its multifaceted effects. *Habitat International*, vol. 163, p. 103496.

Zhang S., Qiu Z. (2024) Why is rural e-commerce successful? A sociological analysis of the mechanism for actualizing technological dividends. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 11, no 1, p. 2.

Zhu C., Wang X., Wang D., Zhong W. (2023) The spatial linkage of Taobao villages in Haining city based on the operation process. *Frontiers of Urban and Rural Planning*, vol. 1, no 1, p. 16.

Эволюция муниципальной власти в постсоветской России: сельский ракурс[1]

О. П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, заведующая отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

EDN: VXBYFK

Аннотация. Новый этап преобразования муниципального управления в условиях формирования системы «публичной власти», введенной в научный и практический оборот последней редакцией Конституции РФ, предполагает существенную трансформацию складывающихся десятилетиями взаимодействий между разными уровнями власти, бизнесом и населением. Переход к одноуровневой системе муниципальной власти является серьезным вызовом для сложившихся социально-экономических и культурно-бытовых практик на сельских территориях, в управлении которыми традиционно заметную роль играли органы местного самоуправления. Стремление к оптимизации административно-территориального устройства за счет укрупнения муниципальных образований и унификации правил взаимодействия в системе местного самоуправления неоднозначно воспринимается представителями региональной и местной власти, специалистами сельских администраций. Мнения информантов, зафиксированные во время полевых исследований, проведенных в разное время в разных регионах РФ, позволяют оценить спектр имеющихся представлений о плюсах и минусах очередного этапа муниципальной реформы. По мнению некоторых информантов и автора статьи, возможные издержки и негативные последствия уже начавшихся преобразований могут быть нивелированы конструированием гибких моделей муниципальной власти и стандартов благоустройства и жизнеобеспечения сел и деревень, дифференцированным по демографическим, экономическим, социально-культурным и географическим условиям сельских территорий. Мониторинг общественного мнения и обсуждения результатов на разных стадиях реформирования могут существенно облегчить процесс административных преобразований и снизить возможные риски.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, реформирование, двухуровневая, одноуровневая и смешанная системы муниципального устройства

На страницах журнала «Крестьяноведение» вопросы сельского развития, устройства и функционирования местной власти под-

1. Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Практики адаптации территориальных образований, предприятий, домохозяйств к современным вызовам: концептуализация способов поддержания стабильности и развития», № 1260205164 93-9.

нимались уже не раз (Архипова, 2023; Андрианов, Кащеева, 2024; Овчинцева, 2026), в том числе и в наших публикациях (Фадеева, Нефёдкин, 2020; Фадеева, 2022). Мы подробно описывали рабочую повседневность глав и специалистов сельских администраций (или сельсоветов, как этот орган вполне официально называют в ряде российских регионов) и их усилия по решению вопросов местного значения, связанных с благоустройством и поддержанием порядка на территории, обеспечением пожарной и прочей безопасности, распоряжением муниципальной землей и иным имуществом, оформлением прав собственности и прочее. Речь также шла о причинах хронической дотационности сельских бюджетов и возникающих в связи с этим коалициях между властью и присутствующим на территории бизнесом, а также социально-экономических эффектах подобных партнерств. Анализ касался и нерешаемых годами проблем, связанных с ограниченной самодостаточностью местного самоуправления, результаты которого говорили сами за себя. При сохранении сложившегося дисбаланса между возложенными на данный институт власти полномочиями и их ресурсным обеспечением в рамках действующей налоговой системы управленческая автономия сельских муниципалитетов была весьма условна.

В данной статье анализ сфокусирован на перспективах местного самоуправления в свете достраивания системы публичной власти, объединяющей, по замыслу реформаторов, государственные и муниципальные органы. Для понимания логики трансформации властных «вертикали и горизонтали» в постсоветский период представлен краткий обзор содержания трех федеральных законов, касающихся формирования и регулирования деятельности городских и сельских муниципалитетов. Особое внимание уделено положениям принятого в 2025 году Федерального закона № 33 «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти»[2], оставляющего российским регионам вариативность в выборе конфигурации института местного самоуправления в виде одноуровневой, двухуровневой или смешанной системы. Цель статьи — исследовать различия в отношении администраторов и населения к кардинальным преобразованиям системы власти на сельских территориях, рассмотреть разные оценки начавшейся трансформации и сопутствующую аргументацию. В основе лежат материалы социологических экспедиций в сельские районы Алтайского и Краснодарского краев, Республики Хакасия, Томской, Новосибирской и Нижегородской областей, которые были проведены в 2021–2025 годах.

2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/

Институциональная динамика местного самоуправления

В постсоветский период институт местного самоуправления (МСУ) неоднократно реформировался. Основы были заложены Федеральным законом № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[3], который легитимизировал деятельность исполнительных и представительных органов местной власти (администраций и советов депутатов), предоставил широкие права субъектам РФ в определении территориальных границ муниципальных образований (МО), формировании перечня объектов управления, обеспечении прав и гарантий граждан на осуществление самоуправления. Законом были заданы процедуры избрания органов МСУ и создания условий для их правоустанавливающей, финансовой и хозяйственной деятельности (бюджет, собственность, управленческие полномочия).

Принятый с тем же названием через 8 лет новый Закон № 131-ФЗ[4] заметно усилил регламентацию деятельности института МСУ и стандартизировал распределение полномочий и компетенций между государственными (региональными) и муниципальными властными структурами, правила формирования и расходования местных бюджетов. Ранее заданный вектор, направленный на свободу регионов в конструировании собственных моделей управления и межуровневого взаимодействия, был заметно скорректирован. Законом была введена отсутствующая до этого момента двухуровневая система МО с делением на муниципальные и городские районы (верхний уровень), сельские и городские поселения (нижний уровень). Ответственность за решение вопросов местного значения, полный список которых был размещен в тексте Закона, была четко разграничена между верхним и нижним уровнями МО в соответствии с действующими правилами закрепления налоговых и неналоговых поступлений в местные бюджеты и финансирования взятых обязательств. Закон обозначил порядок предоставления МО субвенций и субсидий из бюджетов вышестоящего уровня для исполнения ими отдельных государственных полномочий, а также определил механизм выравнивания бюджетной обеспеченности поселений. Организация местной власти также трансформировалась: была введена единая структура органов МСУ с обязательным присутствием территориальных администраций, расширены формы непосредствен-

3. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

ного участия населения в самоуправлении (публичные слушания, конференции, опросы, создание ТОС[5] и др.).

Стремление к политическому единообразию всех регионов страны, различающихся масштабами, а также социально-демографическим, экономическим и природным потенциалом, способствовало регулярным пересмотрам законодательных основ функционирования института МСУ. К середине 2010-х годов система финансового обеспечения муниципальной власти претерпела многочисленные изменения. Пересматривались списки федеральных, региональных и местных налогов, вводились специальные налоговые режимы, зоны ответственности передавались с одного уровня власти на другой, менялся порядок межуровневых финансовых взаимоотношений (Клисторин, 2014; Сумская, 2016). В основе структурных изменений лежала попытка устранить противоречие между избыточностью полномочий местной власти относительно имеющихся у нее ресурсов в действующей модели бюджетного устройства на федеральном и субфедеральном уровнях. Однако эта цель так и не была достигнута, о чем красноречиво свидетельствовал усиливающийся бюджетный кризис органов местной власти, особенно в сельской местности. При регулярном сокращении величины налоговых и неналоговых поступлений в бюджеты сельских поселений количество вопросов местного значения, которые им надлежало финансировать, достигло к 2014 году рекордных 39 единиц (Бухвальд, 2014), что заставило федеральный центр пересмотреть принципы взаимодействия между государственным и муниципальным уровнями. Но вместо усиления финансовой поддержки деятельности муниципалитетов (в т.ч. за счет роста оставляемых на территории налогов и акцизов) ввиду их «банкротства» было принято иное: расширить правомочия субъектов РФ в решении вопросов местного значения с перераспределением в их пользу финансовой и имущественной базы. Это привело к укреплению властной вертикали и снижению автономности работы низовых звеньев. В принятом в 2015 году Законе № 136-ФЗ[6] количество установленных полномочий администраций сельских поселений сократилось с 39 до 13 единиц с передачей оставшихся вопросов местного значения и их финансового обеспечения на районный и региональный уровень.

---

5. ТОС — территориальное общественное самоуправление как форма самоорганизации граждан по месту жительства на части территории муниципального образования.
6. Федеральный закон № 136-ФЗ от 27.05.2014 «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/

Но подобная «оптимизация» помогала слабо. Оставшихся в сельских бюджетах средств едва хватало на содержание сотрудников местных администраций и социально-культурных учреждений (библиотек, клубов и пр.). Для исполнения других обязательств — обслуживания автомобильных дорог местного значения, жилищно-коммунального хозяйства и свалок бытовых отходов, благоустройства населенных пунктов, кладбищ и содержания пожарной охраны — главы администраций были вынуждены подавать заявки на получение межбюджетных трансфертов, участвовать в разных конкурсах «инициативного бюджетирования» или привлекать спонсоров (Фадеева, 2019; Кондратьев, Фадеева, 2021; Моляренко, 2021). В итоге состояние дел на сельских территориях, качество жилищного фонда, дорог и социальных объектов, возможности культурного и спортивного досуга, словом, все то, что сдерживало деградацию условий жизни и — опосредованно — способствовало сохранению производства и рабочих мест, тормозило миграцию населения и удерживало молодежь, во многом стали зависеть от профессиональных качеств и инициатив руководителей администраций, депутатского корпуса, общественных объединений и отдельных активистов.

Логичным шагом в дальнейшем ослаблении местной власти в силу ее «финансовой несостоятельности» стали принятые в апреле 2017 года изменения статей 131-ФЗ, оформленные в виде специального закона, которые облегчили процедуры упразднения двухзвенной муниципальной структуры и создания на ее месте одноуровневой системы[7]. Для этого представительные органы власти верхнего уровня (советы депутатов) получили право без согласования с населением принимать решения о вхождении поселений, в том числе сельских, в состав городских округов. В итоге вступившие первыми на путь территориально-муниципального укрупнения под флагом повышения эффективности субъекты РФ (Московская, Нижегородская и другие области), по сути, лишились сельской местности, а ее жители — сельских льгот. Сельсоветы на территории этих регионов были ликвидированы, а деревни и села стали относиться к городским округам. Отмена представительства власти на местах вызвала протесты населения, опасающегося передачи прав управления муниципальным имуществом, и прежде всего землей, на уровень районных и окружных администраций, проникновения извне хозяйствующих субъектов, действия которых могли бы противоречить интересам коренного населения. Депутаты Государственной Думы РФ, осознавая причудливость подобной «смычки города и села» (вхождения сел в городские округа), поспешили

7. Федеральный закон № 62-ФЗ от 03.04.2017 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214788/

принять уже в мае 2019 года очередную законодательную поправку к 133-ФЗ[8], которая ввела в оборот новый вид муниципальных образований — муниципальные округа, объединяющие сельские районы и поселения в одно целое. Практически с этого момента зазвучал растиражированный в дальнейшем тезис о необходимости всеобщей оптимизации муниципальной структуры в виде сокращения числа поселений и районов за счет перехода к «плоской» (одноуровневой) системе, отмены дублирования полномочий, а также экономии бюджетных расходов благодаря упразднению ряда местных администраций. О том, как быстро формировался тренд на централизацию управления, свидетельствуют данные Доклада ВАРМСУ[9] о состоянии и развитии местного самоуправления в РФ в 2024–2025 годах. Так, с 2021 по 2025 год количество регионов с двухуровневой системой местного самоуправления сократилось с 77 до 67, а с одноуровневой системой — выросло с 8 до 22 (с учетом присоединенных территорий). За этот же период общее количество муниципальных образований в стране (в городе и в селе) снизилось на 20% (с 20 184 до 16 265 единиц), количество муниципальных районов — на 26% (с 1593 до 1176), сельских поселений — на 22% (с 16 235 до 12 612). При этом количество округов (городских и муниципальных) увеличилось в 1,7 раза (с 740 до 1234).

Логическим завершением «унитарной» реставрации местного самоуправления стали принятые в 2020 году поправки в Конституцию РФ, которые ввели понятие «публичной власти» как единой системы органов государственной власти (федеральных и региональных) и местного самоуправления (п. 3 ст. 132) и обеспечили передачу Президенту РФ ответственности за согласованное функционирование и взаимодействие этих органов в интересах граждан[10]. Легитимность новой конструкции была закреплена специальным Федеральным законом[11]. Среди новаций этого документа стоит отметить требования единообразия в наименовании органов власти субъектов РФ, закрепление единых сроков полномочий глав регионов и передачу в совместное ведение федеральным и региональным органам власти вопросов, касающихся сферы образования,

8. Федеральный закон № 87-ФЗ от 01.05.2019 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814/
9. ВАРМСУ — Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления. https://varmsu.ru/
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
11. Федеральный закон № 414-ФЗ от 21.12.2021 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

здравоохранения, финансов. На практике это означало согласование с профильными федеральными ведомствами назначения руководителей региональных министерств, их отставки и других аспектов деятельности органов власти субъектов РФ. При этом в Законе специально оговаривался пункт о сохранении самостоятельности органов МСУ (в рамках своих полномочий) при вхождении в публичную систему власти.

На сегодняшний момент трансформация муниципальной ветви завершилась принятием Федерального закона № 33 весной 2025 года. Его подготовка заняла больше трех лет и вызвала серьезную дискуссию не только среди представителей органов МСУ, но и части политического бомонда в отдельных российских регионах.

Местное самоуправление в тисках «публичной власти»

Главные новации исходной версии 33-ФЗ, который был внесен в Государственную Думу РФ в декабре 2021 года и принят в первом чтении 25.01.2022 г., включали повсеместный переход местного самоуправления от двухуровневой к одноуровневой (окружной) системе, консолидацию власти за счет перераспределения полномочий между муниципалитетами и субъектами РФ и изменения процедур выбора «первых лиц». Для сельских территорий этот вариант подразумевал ликвидацию поселенческого звена (сельсоветов и сельских депутатов) и администраций районов в пользу создания муниципальных округов. Бурные обсуждения трансформации каркаса муниципального устройства страны вынудили законодателей отложить принятие окончательной версии Закона и прислушаться к позиции руководителей ряда субъектов РФ, которые ратовали за право самостоятельного выбора регионами моделей МСУ и правил межбюджетных взаимоотношений. Наиболее солидарно с негативной оценкой перехода к одноуровневой системе управления выступили представители Татарстана — Госсовет (парламент) республики и ее глава. Они выразили опасение, что ликвидация нижнего звена «разрушит село», а вместе с ним и традиционные ценности. Татарстанские руководители настаивали на том, что без получения согласия у населения проводить подобные реформы никак нельзя — и тем более не должны приниматься шаблонные решения без учета специфики всех регионов страны[12].

Вступивший в действие в июне 2025 года ФЗ-33 стал результатом компромисса, предоставив субъектам РФ возможность выбора между одноуровневой, двухуровневой или смешанной (т. е. имеющей на территории одного региона и округа, и районы с поселениями) моделями муниципальной системы с собственным распределением

12. Татарстан хочет остаться двухуровневым. https://www.kommersant.ru/doc/7330283

межуровневых полномочий и твердых гарантий в их финансовом обеспечении (по принципу «финансы следуют за полномочиями»). Согласно ФЗ-33, МСУ как форма народовластия трансформировалась в механизм самоорганизации граждан, формулировка «вопросы местного значения» сменилась на «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», ответственность за которые легла и на муниципальные (окружные), и на государственные (региональные) власти. При переходе на одноуровневую систему право на проведение выборов глав округов (из согласованного с главами субъектов РФ списка кандидатов) закреплялось за депутатами окружных собраний. Таким образом отменялись прямые электоральные процедуры. На уровне поселений упразднялись советы депутатов, а глав местных администраций (после истечения срока их полномочий) должны были заменить чиновники из территориальных департаментов округов. Предполагалось, что они останутся в роли посредников между населением и новой властью, но лишатся управленческих функций.

Закон предусмотрел для субъектов РФ максимальную гибкость в вопросах переопределения территориальных границ вновь образуемых муниципальных образований и механизмов реализации межуровневых компетенций. Вместо унифицированных прав и обязанностей, закрепленных за органами власти определенного уровня, в ФЗ-33 были выделены три категории полномочий с разной степенью свободы перераспределения между муниципальным и государственными (региональными) звеньями. К первой категории были отнесены неотъемлемые местные полномочия, которые не подлежат передаче региональным властям. В основном они имеют процедурный характер (принятие устава МО, бюджета, тарифов местных налогов и сборов; подготовка выборов; муниципальный контроль и проч.) и лишь в малой степени касаются организации местной жизни. Во вторую категорию вошли полномочия, которые муниципалитеты из-за недостаточности собственных ресурсов могут делегировать региональным органам власти и, по сути, лишиться контроля за их исполнением. Речь идет о возможной передаче регионам ответственности за состояние инженерной и сетевой инфраструктуры (электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведение) и благоустройство населенных пунктов; строительство и содержание муниципального жилищного фонда; общедоступное и бесплатное дошкольное, школьное и дополнительное детское образование; обеспечение условий для развития культуры, спорта и досуга; содержание мест захоронения; учет личных подсобных хозяйств и ведение похозяйственных книг; сбор статистической информации и выполнение других позиций из порядка 30 прежних «вопросов местного значения», которые в основном входили в зону ответственности территориальных администраций. И, наконец, в третьей категории остались полномочия, которыми субъекты РФ при создании надлежащих финансовых условий могут поде-

литься с муниципалитетами в пределах их границ. Это разработка и утверждение генеральных планов развития МО, правил землепользования и застройки, программ комплексного развития систем коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры; эксплуатация дорог и транспортное обслуживание населения, организация ритуальных услуг; сбор, транспортирование, утилизация и захоронение твердых бытовых отходов и т. д. При наличии бюджетных средств администрациям округов разрешено брать на себя дополнительные обязательства.

Обобщая, можно сказать, что принятый Закон облегчил межуровневое перераспределение полномочий и предоставил регионам возможность конструирования по собственному усмотрению модели взаимодействия МСУ с органами государственной власти (Климанов, Тимушев, 2025; Шуляева, 2025). В то же время относительная свобода в создании разных управленческих комбинаций, учитывающих ресурсные, технологические и другие соображения (бюджетные ограничения, экономия от масштаба, характер внешних эффектов), таит в себе скрытые угрозы. Как считают эксперты, такой порядок может спровоцировать массовое изъятие полномочий у городских и муниципальных округов в пользу региональных органов власти в критически важных для местного развития направлениях (Агеев и др., 2026). По сути, это уже происходит. Как следует из уже упомянутого Доклада ВАРМСУ, в 71 из 89 регионов ряд существенных полномочий муниципалитетов переданы наверх. Прежде всего это касается таких сфер, как градостроительная деятельность и земельные отношения, а также транспортное обслуживание населения, водоснабжение и водоотведение. При сохранении финансовых ограничений даже укрупненный институт МСУ может и дальше терять рычаги реальной власти и становиться придатком органов власти, которые и будут принимать решения, координировать процессы и распоряжаться имеющимися ресурсами. В этой логике неизбежными становятся перемещение инструментов управления территориями в региональные центры и приход городских компаний-операторов для обслуживания сельского населения.

Если к выбору модели МСУ (одноуровневой, двухуровневой или смешанной) и определению границ новых образований субъекты РФ могли приступить сразу после вступления ФЗ-33 в силу (20.06.2025), спланировав также время, необходимое для переходного периода, то для принятия самых сложных решений — корректировки уставов субъектов РФ для изменения основ их муниципально-территориальной организации были отведены более длительные сроки. Изначально утверждение положений о закреплении полномочий органов МСУ по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения там, где было объявлено о переходе к одноуровневой или смешанной системе, должно было завершиться к 1 января 2027 года, а то и раньше, чтобы на местах успели подготовить бюджеты на будущий год. Однако ставшие очевидными

трудности согласования зон ответственности и закрепления источников финансирования между разными уровнями власти убедили федеральных законодателей в необходимости сдвинуть эти сроки на год вперед (на 1 января 2028 года). До этого момента деятельность органов местного самоуправления в этой части продолжат регулировать статьи Закона № 131-ФЗ[13].

Несмотря на законодательное закрепление вариативности моделей МСУ, выбор большинства регионов в пользу одноуровневой конфигурации стал очевиден уже в момент принятия Закона. Далее приоритет данной конфигурации только укреплялся. Так, в марте 2025 года сохранить двухуровневую систему планировали 18 субъектов РФ[14], а уже через год их количество сократилось до 15. В 1,7 раза (с 20 до 34) возросло число регионов, решивших перейти на систему округов. Вариант «смешанной модели» в 2025 году устраивал 51 субъект РФ, а через год их число сократилось до 40, причем стало очевидно, что и среди последних значительная часть со временем сделает выбор в пользу одноуровневой системы[15]. Таким образом, казалось бы, достигнутый компромисс не смог остановить ликвидацию нижних ветвей МСУ. Вместо этого процессы физического отдаления органов власти от населения стали набирать оборот. При этом среди субъектов РФ началось своего рода соревнование за первенство в реформаторском ажиотаже. Среди лидеров движения за переход к округам оказались законодатели нескольких сибирских регионов, чьи решения привели к появлению очагов конфликтов, в первую очередь в сельской местности[16].

13. Прежние полномочия местных властей будут действовать до 2028 года. https://www.garant.ru/news/2056214/?ysclid=mp4y88tmtc447202063
14. 18 регионов не хотят отказываться от двух уровней местного самоуправления. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/03/04/1095775-18-regionov-ne-hotyat
15. На одноуровневую модель МСУ не перешли 15 регионов. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/03/12/1182529-na-odnourovnevuyu-model-msu-ne-pereshli-15-regionov
16. На федеральном уровне прозвучало выплеснувшееся в публичную сферу недовольство жителей Красноярского края поспешным решением регионального парламента о переходе на одноуровневую систему МСУ, согласно которому 472 муниципальных образования края должны были трансформироваться в 39 округов (6 городских и 33 муниципальных). Проект закона «О территориальной организации местного самоуправления» был представлен в Законодательное собрание 21 апреля 2025 г., т. е. за два месяца до вступления в силу ФЗ-33. Через три дня (24 апреля) без прохождения предварительного обсуждения закон был принят в первом чтении, а 15 мая — во втором. Радикальный разворот муниципальной системы на огромной территории стал большой неожиданностью не только для руководителей сельских администраций, но и глав муниципальных районов, которые узнавали новости, непосредственно касающиеся их дальнейшей судьбы, из средств массовой информации. Не согласные с надвигающимися переменами сельские жители собирали подписи против объединения территорий, утраивали сходы и записывали обращения

Однако важно помнить, что любые преобразования не терпят упрощения и скоропалительности в определении вектора движения и сроков разработки новых механизмов, а также определения конечных целей, с которыми важно соотносить промежуточные результаты. Успешность формирования института публичной власти и ее муниципального основания в каждом субъекте РФ необходимо оценивать с разных точек зрения — изменения качества (эффективности) управления территорией и динамики экономического развития, а также «градуса» социальной напряженности и участия населения в улучшении условий жизни. В связи с этим актуален мониторинг мнений акторов на разных этапах трансформации местной власти, начиная с осмысления сути и последствий реформ. Такой мониторинг помогает предвидеть возможные сбои, понять на «старте» их причины и подготовиться к исправлению ошибок. В этом отношении интересен спектр мнений наших информантов, полученных при проведении полевых исследований в регионах Сибири, Поволжья и Юга России, в контексте объяснений и аргументов представителей разных уровней власти, доступных в СМИ.

Восприятие переустройства сельской власти на региональном и районном уровнях

В публикациях различных СМИ представители региональных и районных властей, как правило, ратуют за скорейший переход к одноуровневой муниципальной системе, убеждая читателей, что население от этой трансформации только выиграет, ведь средства

к руководителям страны (см.: ksonline.ru/573600/perst-ukazuyushhij-chto-i-komu-planiruyut-donesti-krasnoyarskie-vlasti-svoej-munitsipalnoj-reformoj/), однако эти действия не привели к какому-либо результату.

Не менее острой оказалась реакция жителей Республики Алтай на готовящуюся в регионе муниципальную реформу и принятые поправки в Конституционный закон Республики от 29.04.2025, которые ввели новую должность Председателя Правительства Республики и исключили положения, закрепляющие принцип целостности и неделимости территории субъекта РФ (см.: https://www.gorno-altaisk.info/news/178164). В преддверии окончательного принятия республиканского закона, предусматривающего создание муниципальных округов на месте районов (https://tass.ru/obschestvo/24342405), в Республике состоялся несанкционированный протест — перекрытие федеральной трассы с обращением к Президенту РФ (см.: https://ksonline.ru/575829/uchastnikov-nezakonnoj-aktsii-na-altajskom-chike-tamane-privlekli-k-otvetstvennosti/), а также несколько народных сходов, участники которых выступали против ликвидации сельских администраций и усиления изолированности удаленных территорий, дискутировали о нависшей угрозе изъятия сельскохозяйственных земель, используемых для отгонно-пастбищного скотоводства, и других ресурсов традиционного хозяйствования местных коренных народов в пользу масштабно развивающейся в Республике туристической отрасли.

и полномочия будут консолидированы в одних руках, а не «размазаны по территории», упростится структура управления, усилится координация, повысится оперативность реагирования на возникающие на местах проблемы. Компактный административный аппарат сможет быстрее и качественнее принимать решения, не согласовывая их подолгу в разных кабинетах. Благодаря цифровым технологиям пространственные различия будут нивелированы, и жители получат доступ к разным услугам по принципу «одного окна»[17]. По мнению чиновников, закрытие сельсоветов не оставит сельчан без поддержки. Помощь придет либо от представителей окружных администраций, которые будут работать непосредственно на территории, либо от выбранных на местах старост, действующих на добровольных началах. В случае появления каких-то вопросов или жалоб они подскажут жителям, «куда обращаться, кто несет ответственность и как получить нужную услугу без лишних проволочек», ведь «главная цель реформы — сделать взаимодействие с властью максимально понятным, удобным и прозрачным»[18]. Большие надежды также возлагаются на самоорганизующиеся объединения — ТОСы (Никулин, Никулина, 2025), которые станут проводниками местных инициатив и будут находить средства для их воплощения — участвовать в конкурсах, привлекать софинансирование, искать спонсоров. В результате энергия, мотивация и экспертные знания локальных сообществ в какой-то мере заместят деятельность упраздненных администраций и на деле докажут свое превосходство в вопросах благоустройства перед бюрократическими структурами.

В публичных выступлениях региональные чиновники часто подчеркивают, что сельсоветы и советы сельских депутатов себя изжили. Помимо хронической нехватки бюджетных средств над органами МСУ постоянно довлеет кадровый дефицит — поиск желающих получить мандат местного депутата сталкивался со все большими трудностями, все сложнее подобрать кандидатов на пост главы сельской администрации. Переход к окружной системе призван решить эти проблемы. На вакансии муниципальных чиновников в округ подтянутся люди с мест, экономия на выборных процедурах и переток ресурсов из множества сельских в единый окружной бюджет усилит финансовую базу укрупненных муниципалитетов, которые смогут централизованно обеспечивать уход и контроль за всей территорией округа. При нехватке собственных средств получить

17. Новый федеральный закон в сфере местного самоуправления обсудили в Парламенте Республики Алтай. https://zvezdaaltaya.ru/2025/05/novyj-federalnyj-zakon-v-sfere-mestnogo-samoupravleniya-obsudili-v-parlamente-ra/

18. Из интервью с министром региональной политики Новосибирской области Р. Бурдиным // Власти Новосибирской области одобрили проект закона о муниципальной реформе. https://ksonline.ru/595362/vlasti-novosibirskoj-oblasti-odobrili-proekt-zakona-o-munitsipalnoj-reforme/

дополнительное финансирование (через проекты, программы, конкурсы) окружным администрациям будет проще, чем районным.

На новый уровень выйдет взаимодействие окружных чиновников с инвесторами, заинтересованными в вовлечении в орбиту своего бизнеса сельхозугодий, лесных и других природных ресурсов, зданий и объектов инфраструктуры, расположенных на территории округа. В двухуровневой системе подобные вопросы проходили несколько этапов согласования, в которых нередко «первую скрипку» играли главы сельских администраций. Они не только управляли находящейся в собственности муниципалитета землей и другим имуществом, но и могли манипулировать позицией местных жителей как долевых владельцев расположенных в округе земельных угодий и добиваться от них нужного решения. В новых условиях преодолевать разные «вето» станет заметно проще.

Тем не менее в отличие от «региональных начальников» действующие главы муниципальных районов не столь оптимистичны в оценке открывающихся перспектив. Они не отрицают, что в прежнем виде двухуровневая система МСУ не жизнеспособна, но сомневаются, что предлагаемые меры могут исправить вызревавшие годами дефекты системы управления. О противоречивых ожиданиях, неоднозначности предлагаемых, но слабо проработанных изменений и последовательности шагов в определении будущего территориального устройства поведал нам глава одного из муниципальных районов Алтайского края. Интервью было записано в августе 2025 года, а уже через три месяца стало известно, что власти края решили повременить с переводом региона на окружную систему и остаться в рамках смешанной модели:

«Из 760 сельских поселений края редко кто может жить самостоятельно, за счет своих доходов. Возможно, система округов это упростит: снижение числа полномочий уменьшит дефицит бюджетных средств на местах. Хотя вряд ли на это стоит рассчитывать.

Установка на переход к округам есть. Даже если будет принята смешанная система (а в крае в 2025 г. будет уже 13 округов из возможных 59), то процесс все равно пойдет в сторону централизации, так как сейчас разрабатываются программы, чтобы округам выделялось больше средств. Глава округа уже сам будет решать, как расходовать средства на различные цели по всем селам, у него будут такие полномочия. Самое страшное, что в 33-ФЗ не сказано, как распределять полномочия между уровнями власти — в 131-ФЗ это было. Сейчас в крае будут спорить по поводу того, как и кому эти полномочия нужно передавать, но рано или поздно это устаканится, страсти утихнут, негатив сойдет на нет. К началу 2027 г. в Алтайском крае примут смешанную форму, а потом постепенно перейдут на одноуровневую систему.

Создание муниципальных округов в крае началось три года назад с маленьких районов. Там это пошло на пользу: усилилась управляемость. В небольших поселениях, где у глав администраций нет техники и средств, жители не всегда могли рассчитывать на вовремя расчищенный снег, уборку и ремонт дорог. Проще перейти на централизованную систему там, где все полномочия уйдут к одному предприятию. Оно будет с утра отправлять дорожную технику по всем территориям и все сделает. Но там, где населения больше, возникают сомнения. Мы еще не во всем разобрались — и нам никто не может объяснить.

Вот сейчас создана рабочая группа из представителей муниципальной власти, депутатов и краевого правительства, чтобы решить несколько вопросов. Во-первых, остаться на смешанной системе или перейти на одноуровневую. Во-вторых, как будут выбираться главы муниципалитетов — всенародным голосованием; голосованием депутатов за кандидатов, отобранных по конкурсу; или же через назначение губернатора. В-третьих, и это самое сложное, — как будут перераспределяться полномочия при разных системах: за какие вопросы будет отвечать округ, или же, если останется два уровня власти, — как полномочия будут делиться между районами и поселениями. Планируем провести анкетирование. Во многом окончательное решение будет зависеть от позиции представительных органов, которые нередко расходятся. На таких обсуждениях одни депутаты высказываются однозначно: "Что тут размышлять?! Вертикаль власти должна быть! Пускай губернатор назначает глав округов и увольняет, если проштрафились!" Тут же выступают оппоненты: "Да вы что такое предлагаете?! Так нельзя". До ноября 2025 г. мы должны определиться с выбором системы власти, а с начала 2027 г. принятая краевым законом муниципальная система должна заработать».

Предвидение этого информанта о продавливании одноуровневой системы в регионе оказалось пророческим. «Реформаторское затишье» оказалось недолгим. Уже 30 апреля 2026 года на сессии краевого парламента был принят пакет законов о «перезагрузке» местного самоуправления и полном переходе на одноуровневую систему к 1 января 2028 года[19].

19. Парламентарии поддержали законопроекты о территориальной организации местного самоуправления и о перераспределении полномочий // Алтайское краевое Законодательное собрание. https://www.akzs.ru/news/92/106382?month=03&year=2026. Подробнее об извилистом пути трансформации МСУ в данном регионе см.: Масштабная реформа власти: как и зачем Алтайский край полностью перейдет на муниципальные округа. https://www.alt.kp.ru/daily/27777/5241396/https://www.alt.kp.ru/daily/27777/5241396/

Робкие надежды и глобальные сомнения: реформа в зеркале локального общественного мнения

Отношение к муниципальной реформе и созданию округов непосредственно в сельских поселениях сдержанно-скептическое, если речь идет о позиции местной власти, и настороженно-негативное у обычных жителей села. Анализ проведенных среди глав сельских администраций интервью показал, что среди них немало тех, кто готов снять с себя бремя ответственности за организацию сельской жизни, на которую постоянно не хватает денег, притом что разбирательства и штрафы со стороны проверяющих структур идут непрекращающимся потоком. Выразительно обрисовал эту ситуацию глава муниципального района Алтайского края, чьи высказывания мы приводили выше:

«Вы думаете, наши главы сельсоветов за бюджеты свои переживают? Да нет у них бюджетов никаких! Там проблем больше. Приезжает пожарная инспекция к главе (а это, как правило, женщина) и говорит: "Вот тут границы лесных участков или населенных пунктов надо опахать". Она все сделает, ей местное сельхозпредприятие поможет. Но инспектор вернется и обнаружит, что ширина защитной полосы составила не 10, а 8 метров, и выпишет ей напрямую штраф в 50 тыс. руб. А у нее зарплата 40 тыс. руб. в месяц! Поэтому наши главы скорее держатся за имидж руководителя, а не за полномочия. И население их поддерживает: мол, если сельсоветов не будет, деревни можно разогнать, школы разогнать и всех перевезти в райцентр» (август, 2025 г.).

Позитивное отношение к ликвидации сельсоветов у части руководителей вызвано раздаваемыми со всех сторон обещаниями, что они без работы не останутся и даже сохранят за собой привычные кабинеты, перейдя на работу в администрацию округа в качестве специалистов территориальных департаментов. При этом круг их обязанностей вроде бы не изменится — на контроле останется привычный набор вопросов, но ответственность за их решение будет снята. Уйдут в прошлое нервные будни, угрозы санкций и прокурорских предписаний, а зарплата еще может и подрасти, так как она уже не будет зависеть от числа жителей в поселении, да и образовательный ценз (обязательное профильное высшее образование), как обещают, будет снят. Платой за административное спокойствие станет утрата властных полномочий, но в них нуждаются далеко не все сельские главы. К тому же и забот со временем у них станет поменьше, когда жители наконец-то освоят «премудрости» государственных интернет-ресурсов и других программ с цифровыми помощниками для подачи заявок, заказов и составления жалоб. Аргументы в пользу того, что «цифровизация» может заметно снизить нагрузку на местную власть, привел в интервью глава администрации одной из кубанских станиц (февраль 2024 г.):

«Зачем нужно идти или звонить в местную администрацию, если проще оставить заявку в приложении и ждать исполнения заказа. Вот надо мне поменять себе фонарь перед домом или что-то еще — захожу в приложение, в свой аккаунт. Чатбот предлагает варианты проблемы, я выбираю, оставляю запрос. Эта заявка падает к исполнителю, у которого ограничен срок для ее выполнения. И тогда мы исключаем из этого процесса кучу ненужных администраторов и сильно упрощаем благоустройство территории без ненужного водопада бессмысленных вопросов».

Свой секрет решения всех насущных вопросов — избавления от администраций, некомплектных школ и мелких амбулаторий с их проблемами — предложил владелец одного из передовых сельхозпредприятий в Нижегородской области (август 2023 г.). По его мнению, государству нужно только покрыть сельскую местность сетью проходимых дорог, и тогда политика оптимизации и сельского развития заиграет новыми красками:

«*Если дороги будут, то медицина не проблема, машины есть. Сделал медцентр, обеспечил его грамотными людьми... Ведь проще иметь 10 центров, где работают настоящие специалисты, чем иметь 200 центров, где не очень квалифицированные специалисты и нет оборудования. Если будут дороги, образование тоже не проблема. Без дорог учеников не довезти, а зачем тогда организовывать некомплектные школы? Поэтому первое, что нужно сделать для поднятия сельской местности, — это дороги. Будут дороги, бизнес пойдет».*

Но подобного рода представления о том, как реформа управленческого механизма или массовое дорожное строительство облагородят условия жизни в сельской местности, разбиваются о суровую реальность, подтверждающую, что расставание с властью на местах может выйти боком. Имеющийся у глав сельсоветов неудачный опыт передачи полномочий в район заставляет их сомневаться, что при смене вывески «муниципальные районы» на «муниципальные округа» последние станут чувствительнее к возникающим на периферии проблемам и будут действовать оперативнее, чем раньше. Из интервью с главой сельской администрации (Республика Хакасия, июль 2022 г.):

«В нашем поселке почти не осталось рабочих мест, есть сельсовет, школа, почта у нас функционирует, пекарня, два магазина. Люди живут за счет подворья, разводят скот, правда, земли под выпасы почти нет, она оказалась приватизированной, есть лишь покосы. У нас большая проблема с водой, из-за специфики грунта нет колодцев, водоснабжение только речное и централизованное. Мы передали полномочия по воде районной администрации, но случились прорывы на водопроводе, и к нам никто не пришел на помощь, сколько мы ни обращались. Поэтому в срочном порядке мы инициировали вернуть нам эти полномочия и сами стали искать места аварий и их устранять.

Что с нами станет, если в Республике примут решение о переходе на систему округов? Кто нас слушать будет, кому мы будем нужны? Сейчас, чтобы поменять насос или выявить прорыв и его залатать, я объявляю режим чрезвычайной ситуации, чтобы не проходить через торги, чтобы все быстро сделать, купить, кого-то нанять. Потому что я хозяин в своем поселке, за мной стоят мои люди, которые меня избрали на этот пост. У меня есть 131-й закон, я не буду спрашивать никого. В системе округов я уже буду никем, нашим селом никто заниматься не будет — мы не знаем, что станет с нашими трубами, дорогами, кладбищем, пожарной безопасностью».

Тревога за будущее малой родины в словах этого главы сельсовета прозвучала еще до принятия ФЗ-33. Эмоциональность слов вызвана твердой уверенностью в том, что при укрупнении системы управления интересы и нужды сельской периферии быстро будут сняты с «муниципальной повестки», а извечный «остаточный принцип» (сначала все обеспечить в центре, а потом если останется, то в других местах) возьмет верх.

В качестве примера, к чему может привести подобный управленческий подход, можно привести итоги мусорной реформы в сельской местности, когда под флагом централизации оборота твердых отходов были назначены «единые региональные операторы», отвечающие за вывоз и утилизацию мусора на больших территориях с учетом всех экологических требований. В связи с этим небольшие межпоселковые полигоны, которые курировали сельсоветы, были повсеместно закрыты. Если раньше местные администраторы сами устанавливали правила сбора и вывоза мусора, следили за состоянием мест захоронения отходов, проводили рекультивацию и работы, связанные с сортировкой и переработкой, наказывали нарушителей, то в условиях мусорной реформы их ответственность заметно сократилась. От них требовалось заасфальтировать площадки для установки мусорных баков в населенных пунктах, но они уже не могли вмешиваться в регламентацию видов вывозимых отходов и графики работы приезжающих издалека машин, даже если мусорные баки быстро переполнялись. В результате чистоте сельских улиц был нанесен немалый урон новыми очагами мусора и разлетающихся пакетов. Появившиеся проблемы с утилизацией негабаритных, нестандартных отходов, которые отказывались брать городские мусоровозы, вызвал рост несанкционированных свалок вокруг населенных пунктов, что стало основным видимым результатом реформы.

Схожие последствия местные власти и жители проецируют на судьбу сельских погостов, природных зон в случае, если их обустройство будет доверено каким-то неизвестным «операторам». Аргумент простой: локальный порядок во многом определяется зоркостью «хозяйского глаза» на местах, «эффекты масштаба» при передаче этих функций крупным специализированным компаниям

срабатывают не всегда и не везде, особенно если речь идет о десятках или даже сотнях километров «разреженного» сельского пространства.

Приведем еще два повода для сомнений в пользе внедрения округов, которые прозвучали в интервью сельских администраторов. Речь идет о разрушении бизнес-поддержки сельского развития и упразднении института сельских депутатов в качестве помощников местной власти и посредников в публичных коммуникациях.

Демонтаж сельсоветов может привести к разрыву отношений партнерства между муниципалитетами и местным бизнесом (фермеры, главы сельхозпредприятий и пр.) в делах, связанных с благоустройством территорий, социальной поддержкой, проведением праздников, участием в совместных проектах и получением грантов. Примеры возникающих на этой основе кооперации мы не раз наблюдали в сельской местности. В основе подобных взаимодействий лежит социальный капитал, формируемый за счет многообразных сетей родства, знакомств, соседской поддержки и выгодных обменов, имеющих «локальную прописку». Сохранить такую форму сотрудничества при передаче властных рычагов наверх чрезвычайно сложно, а значит, содержание местной инфраструктуры и решение других вопросов без привлечения усилий сельского бизнеса может усложниться или вообще сойти на нет. Задавая единые стандарты обслуживания для всех без исключения населенных пунктов, окружная власть будет стремиться к нивелированию отношений, основанных на межличностном доверии и связях. Скажется ли это положительным образом там, где уже укоренились успешные практики всевозможного партнерства, большой вопрос.

Из интервью с главой сельской администрации, которое мы провели еще в одном районе Алтайского края (август 2022 г.):

«На территории нашего сельсовета остались поселки — отделения бывшего совхоза, который был образован в 1982 году. Там были начальные школы, акушерские пункты, магазины. Но во время перестройки работы не стало, совхозы начали рушиться, школы и ФАПы в поселках закрылись. Но нашему селу (центральной усадьбе совхоза) повезло, что упавшее хозяйство взял на поруки крепкий фермер. Он долго сомневался, долго думал. Сейчас он занимается и растениеводством, и животноводством. У людей работа есть, вся заброшенная земля стала обрабатываться. Кроме него еще работают два фермерских хозяйства. Со всеми ними наш сельсовет взаимодействует. Фермеры здесь живут, поэтому им обидно за державу, за наше село, они всегда идут навстречу. Техникой нам помогают: мы им платим, если хватает денег из дорожного фонда, но если денег нет, то приходим к ним и просим об одолжении. Они никогда не отказывают. Где-то делают подсыпку, очистку дорог, траву выкашивают. Когда мы делали детскую площадку, фермеры сделали планировку, песка навозили и все сровняли. Когда крыша здания сель-

совета сгорела, один из фермеров нам ее отремонтировал. С помощью региональной программы проектов поддержки местных инициатив при участии населения и наших фермеров мы поменяли крышу в клубе, сейчас окна вставляем».

О привычных формах взаимодействия со станичной властью поведали нам также и кубанские фермеры (Краснодарский край, февраль 2024 г.):

«*Когда вдруг что-то случается в станице с электричеством, из сельсовета сразу звонят к нам на базу. У нас здесь есть электрики, они уже через 2–3 минуты прибывают на место. Больной вопрос у сельсовета с расчетами на случай пожаров. От нас, фермеров, требуют иметь добровольные пожарные дружины».*

Успешное взаимодействие власти и бизнеса, накопленный годами опыт решения разных по сложности «вопросов местного значения» без длительного ожидания помощи извне утверждают представителей ряда муниципальных районов во мнении, что нельзя кардинально все менять «с бухты-барахты». Из интервью со специалистом администрации района (Алтайский край, 2022 г.), в котором было записано вышецитируемое интервью с главой сельсовета:

«В наших поселениях есть власть, свои ресурсы, свой бюджет. Мы кадры держим, и у нас держатся кадры. Поэтому мы не испытываем острого дефицита в главах администраций и поэтому не хотим вынужденно идти на образование муниципального округа. Ведь тогда многое будет зависеть от решений наверху. Насколько сможем, будем оттягивать этот переход».

Как показали наши исследования, даже небольшие изменения границ муниципальных образований внутри одного района — например, объединение нескольких сельсоветов в один — не всегда проходят гладко. Недопонимания и обиды возникают между руководством сельских администраций, предприятиями и местными жителями. Если объединенная администрация остается в селе, где отсутствуют крупные работодатели и нет налоговой базы, жители лишившихся атрибутов власти сел, но имеющие работу и зарплату, отчисления от которой поступают в местный бюджет, могут болезненно воспринимать то, как хорошеет облик новой «центральной усадьбы», а в их месте жительства ничего не происходит. В ход идут высказывания «за справедливость»: «Почему бюджет наполняется нашими деньгами, которые в первую очередь тратятся на ремонт дорог, освещения, клуба там, где расположен сельсовет?» Сложно представить, какие могут начаться разбирательства на тему «кто больше или меньше платит и получает», когда собираемые на сельских территориях налоги будут аккумулироваться в «общем котле» и расходоваться по непрозрачным для обывателей принципам.

Во многом успех муниципальной реформы будет зависеть от того, насколько качественно удастся обеспечить финансирование распределенных между разными уровнями властных полномочий. Централизация системы управления проявит свою эффективность, если

все статьи расходов будут иметь полноценное денежное покрытие. Если же бюджетный дефицит никуда не денется, то ситуация с решением местных проблем только ухудшится. Ведь «внутренние резервы», зависящие от связей и договоренностей на локальном уровне, станут недоступны. В редуцированной до одного уровня системе власти использовать подобную «подушку безопасности», помогающую закрывать «финансовые дыры» и уживаться с «кассовыми разрывами» местных бюджетов, уже вряд ли получится.

Без денег и без доверия нет и власти

Прелести перехода на упрощенную систему муниципального управления уже почувствовали сельские жители, когда внезапно для себя оказались горожанами, — в тех регионах, что поспешили перейти на «городские округа». Из интервью с владельцем племзавода в Нижегородской области (август 2023 г.):

«Раньше здесь были сельские районы, сейчас получились городские округа. Нас лишили статуса сельского поселения и всех льгот, так как теперь мы как бы “город”. Консолидированный бюджет округа — это хорошо, а как согласиться с тем, что раньше у сельсоветов выделялись постатейно средства на разные направления — на благоустройство и т. д. Сейчас вместо главы сельсовета — начальник территориального отдела. Но если почитать его обязанности и полномочия, то получается, что он вообще ни за что в селе не отвечает. Только посмотреть, что вокруг происходит, — и все. Раньше у нас был свой депутатский корпус. За каждым депутатом была закреплена улица, две, три. Они по наказам жителей формировали программу развития территории села, которую потом передавали для обобщения в район. От села у нас было по 800–900 наказов, и каждый депутат контролировал свой наказ! На мой взгляд, такая система более действенна в плане управления людьми, депутатами. Она была правильная. Сейчас депутатов в селе не стало, от нескольких территорий выбран один депутат. Как-то он пытается что-то отстаивать, но наказов у него становится меньше. Сельские старосты — на бумаге есть. Но чтобы они могли работать, у них должно быть финансирование, а так, по сути, они все волонтеры».

Выразили свои сомнения в пользе старост в качестве «приводных ремней» коммуникации между властью и населением, а также в реалистичности разных оптимизационных схем сельские администраторы Томской области (август 2021 г.), когда на уровне региона вопросы о переходе к окружной системе еще не стояли:

«Старшими (старостами) у нас хотели называть депутатов. Но не пошло. А теперь хотят со временем и депутатов убирать, и сельские администрации. Мол, давайте примкнем села к горо-

ду или где-то объединим два поселения, ну или еще что-то там оптимизируем! Но вряд ли это приведет к чему-то хорошему».

В то же время в Алтайском крае региональный закон о старостах принес положительные плоды прежде всего тем, что помог обнаружить на местах неравнодушных и инициативных людей, которые не только нашли себя в общественной работе, но и воплотили креативные идеи для других. Из интервью со специалистом районной администрации (август 2022 г.):

«Старосты у нас работают на неоплачиваемой основе, избираются на сходе граждан, а потом их кандидатуры утверждают на сессии представительного сельского органа. Нам иногда сложно понять мотивы этих людей. Вот, например, библиотекарь, которую выбрали старостой. Что ее заставляет договариваться с директором дома культуры об организации самодеятельного театра или чего-то еще такого, чтобы люди не сидели по домам, а общались между собой. Они создают какой-то кусочек цивилизации, общения нормального. Да, в каждой деревне есть такие люди, им прям нужно низко поклониться за то, что они вкладывают в разные дела свою душу».

Возможно, именно на институт добровольного активизма намекают реформаторы муниципальной системы, когда говорят, что без действующих органов самоуправления российские села не останутся. По их мнению, уход с территории формальных институтов подтолкнет жителей к созданию общественных организаций (ТОСов и других) и появлению механизмов реальной самоорганизации и самонастройки. Правда, не все наши информанты разделяют подобный оптимизм, считая, что активное участие населения в управлении территорией лучше получается там, где местная власть сохраняет свои позиции, т. е. обладает собственным бюджетом и полномочиями. В интервью нередко заходил разговор о доверии между властью и населением, а также к третьей стороне «диалога» — бизнесу в их стремлении к сотрудничеству «на равных». В отсутствие подобной связки местный активизм будет скорее действовать в ограниченной логике выживания.

Если резюмировать отношение сельского населения к идеям и возможным последствиям отмены института местной власти, то их можно выразить следующим набором опасений и возражений. Сельчане боятся оказаться в роли «ничейных» и «безгласных» и утратить контроль над «своими» (т. е. окружающими населенные пункты) землями, лесами, водоемами и другими локальными ресурсами, лишиться привычных алгоритмов действия в чрезвычайных ситуациях (пожар, карантин, срочная госпитализация) или же насущных повседневных дел (получение справок, информации и разъяснений). Подобные настроения провоцируют мысли о смене места жительства, аналогичные тем, что возникали на волне укрупнения сельских школ и/или оптимизации сети медицинских учреждений, ведь ожидать чего-то хорошего там, где закроет двери

сельсовет или же бывший глава, ставший сотрудником муниципального округа, утратит власть, вряд ли возможно. В этой неопределенности не всегда срабатывает нарратив, который часто повторяют представители федеральной или региональной власти: *«Людей не должно волновать, как устроена власть, им важно, справляется ли она со своими обязанностями»*. Сельские жители не всегда способны избавиться от переживаний по поводу очередной реформации, особенно с учетом секретности и экстренности принятия решений, когда без предупреждения и каких-либо предварительных обсуждений сверху вниз отправляются готовые вердикты.

Описанные мотивы и методы реформирования института МСУ со стороны его инициаторов и проводников представляют собой не что иное, как торжество механистического подхода: уберем одно звено, усилим другое — и это принесет поразительные эффекты. Но в случае финансовых, организационных или каких-то других сбоев ситуация может только усугубиться, так как отсутствие «низовой» власти отключит важный компенсаторный механизм. Наверное, не следует так торопиться с закрытием сельсоветов, чтобы затем искать им замену, а также воспроизводить или переформатировать административное пространство по лекалам советского прошлого, оценивая результаты изменившимся количеством муниципальных образований или модифицированных границ.

Более продуктивным нам представляется альтернативный подход к политической трансформации — через конструирование моделей муниципальной власти и стандартов благоустройства и жизнеобеспечения сел и деревень в зависимости от дифференциации сельских территорий по демографическим, экономическим, социально-культурным и географическим условиям. Важно идентифицировать кластеры размещения разных видов производств; рекреационных, природных и исторических ареалов; «спальных районов», появившихся из-за отсутствия рабочих мест, но сохранивших привлекательность в качестве постоянных мест жительства и ведения семейных хозяйств. Стратегии сельского развития, помимо пространственных и демографических ориентиров, должны полагаться на возможности местной власти в союзе с работодателями, заинтересованными в сохранении постоянного населения, притоке молодежи, развитии жилищного строительства и модернизации условий жизни. Не следует пренебрегать потенциалом локального сотрудничества с участием самих сельских жителей, желающих оставаться субъектом, а не объектом действий внешних сил. Важно не торопиться с реализацией серьезных проектов, ориентированных на слом экономических и социальных практик, обеспечивающих жизнедеятельность сельских поселений. Мониторинг общественного мнения и обсуждение результатов на разных стадиях реформирования могут существенно облегчить процесс административных преобразований и позволят избежать вспышек социальной напряженности.

Библиография

Агеев В. Г., Попов Р. А., Пузанов А. С. (2026). Полномочия по 33-ФЗ. Возможные подходы к распределению полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения // Бюджет. № 4. https://bujet.ru/article/519994.php

Андрианов В. Р., Кащеева А. Р. (2024). Акторы местного самоуправления: формирование идентичности в контексте внедрения одноуровневой системы управления // Крестьяноведение. Т. 9. № 3. С. 229–248.

Архипова М. Н. (2023). Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период // Крестьяноведение. Т. 8. № 3. С. 129–143.

Бухвальд Е. (2014). Реформа реформы или Тришкин кафтан? // Федерализм. № 2. С. 63–74.

Климанов В. В., Тимушев Е. Н. (2025). Разграничение полномочий в российской системе бюджетного федерализма // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 38–63.

Клисторин В. И. (2014). Финансовые ресурсы местного самоуправления // ЭКО. № 9. С. 5–19.

Кондратьев М. В., Фадеева О. П. (2021). Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // Регион: экономика и социология. № 2. С. 162–183.

Моляренко О. А. (2021). Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России: Социология, этнология. Т. 30. № 1. С. 8–28.

Никулин А. М., Никулина Е. С. (2025). Голоса воронежских ТОСов: «Ты начинаешь чувствовать территорию, на которой живешь…» // Крестьяноведение. Т. 10. № 2. С. 272–279.

Овчинцева Л. А. (2026). Стратегии развития сельских территорий России // Крестьяноведение. Т. 11. № 1. С. 226–234.

Сумская Т. В. (2016). Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.

Фадеева О. П. (2019). Сибирское село: от формального самоуправления к вынужденной самоорганизации // ЭКО. № 4. С. 71–94.

Фадеева О. П., Нефёдкин В. И. (2020). Неформальное государственно-частное партнерство как инициатива снизу: сельские кейсы // Крестьяноведение. Т. 5. № 3. С. 131–145.

Фадеева О. П. (2022). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. Т. 7. № 2. С. 122–157.

Шуляева А. В. (2025). Сравнительный анализ федеральных законов о местном самоуправлении на современном этапе развития России // Власть и управление на Востоке России. № 4 (113). С. 100–109.

Evolution of municipal governance in post-soviet Russia: A rural perspective

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Head of the Department, Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Lavrentyev Prosp., 17, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. The new stage in the transformation of municipal governance — under the "public authority" system introduced by the latest amendments to the Russian Constitution — entails a significant shift in the interactions between various levels of government, business sector and population, which have evolved for decades. The transition to a single-tier municipal governance poses a major challenge for social-

economic and everyday cultural practices in rural areas, where local self-government bodies have traditionally played a prominent role. Efforts to optimize the administrative-territorial structure by consolidating municipalities and standardizing interaction rules within the local self-government system are viewed with mixed reactions by regional and local officials and rural administration specialists. The author's interviews during fieldwork in various Russian regions reveal a range of perspectives regarding the pros and cons of the latest stage of the municipal reform. According to some informants and the author, the potential costs and negative consequences of ongoing changes could be mitigated by flexible municipal governance models and new indicators for rural living standards, differentiated by demographic, economic, socio-cultural and geographical conditions. Monitoring public opinion and discussing findings at various stages of the reform could significantly facilitate administrative transformation and reduce potential risks.

Key words: local self-government, public authority, reform, two-tier, single-tier and mixed systems of municipal organization

References

Ageev V. G., Popov R. A., Puzanov A. S. (2026) Polnomochiya po 33-FZ. Vozmozhnye podkhody k raspredeleniyu polnomochiy po resheniyu voprosov neposredstvennogo obespecheniya zhiznedeyatelnosti naseleniya [Powers under the Federal Law No. 33-FZ: Possible approaches to allocating authority for addressing issues of immediate importance to the population's daily life]. *Byudzhet*, no 4. URL: https://bujet.ru/article/519994.php.

Andrianov V. R., Kashcheeva A. R. (2024) Aktory mestnogo samoupravleniya: formirovanie identichnosti v kontekste vnedreniya odnourovnevoy sistemy upravleniya [Actors of local self-government: Identification in the single-tier
management system]. *Russian Peasant Studies.* vol. 9, no 3, pp. 229–248.

Arkhipova M. N. (2023) Modeli upravleniya zhiteley severnorusskoy derevni v postperestroechny period [Management models of the northern Russian village in the post-perestroika period]. *Russian Peasant Studies*. vol. 8, no 3, pp. 129–143.

Bukhvald E. (2014) Reforma reformy ili Trishkin kaftan? [Reform of the reform or rob Peter to pay Paul?]. *Federalizm*, vol. 2, pp. 63–74.

Klimanov V. V., Timushev E. N. (2025) Razgranichenie polnomochiy v rossiyskoy sisteme byudzhetnogo federalizma [Delimitation of powers in the Russian system of fiscal federalism]. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipalnogo Upravleniya*, no 1, pp. 38–63.

Klistorin V. I. (2014) Finansovye resursy mestnogo samoupravleniya [Financial resources of local self-government]. *ECO*, no 9, pp. 5–19.

Kondratyev M. V., Fadeeva O. P. (2021) Praktiki uchastiya naseleniya v mestnom samoupravlenii: keysy sibirskih sel [Practices of participation in local self-government: Case studies of Siberian villages]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no 2, pp. 162–183.

Molyarenko O. A. (2021) Mestnoe samoupravlenie v sovremennoy Rossii, ili khroniki krayney vlasti [Local self-government in contemporary Russia, or chronicles of "extreme" authority]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, Etnologiya*, vol. 30, no 1, pp. 8–28.

Nikulin A. M., Nikulina E. S. (2025) Golosa voronezhskih TOSov: "Ty nachinaesh chuvstvovat territoriyu, na kotoroy zhivesh…" [Voices of the Voronezh TPSGs: "You begin to feel the territory you live in…"]. *Russian Peasant Studies,* vol. 10, no 2, pp. 272–279.

Ovchintseva L. A. (2026) Strategii razvitiya selskih territoriy Rossii [Strategies for the development of rural areas in Russia]. *Russian Peasant Studies,* vol. 11, no 1, pp. 226–234.

Sumskaya T. V. (2016) *Mestnoe samoupravlenie: evolyutsiya byudzhetnoy politiki* [Local Self-Government: Evolution of Budgetary Policy], Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN.

Fadeeva O. P. (2019) Sibirskoe selo: ot formalnogo samoupravleniya k vynuzhdennoy samoorganizatsii [Siberian village: From formal self-government to forced self-organization]. *ECO*, no 4, pp. 71–94.

Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. (2020) Neformalnoe gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak initsiativa snizu: selskie keysy [Informal public-private partnership as an initiative from below: Rural cases]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 3, pp. 131–145.

Fadeeva O. P. (2022) Transformatsiya selskogo samoupravleniya: sibirsky focus [Transformation of the rural self-government: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.

Shulyaeva A. V. (2025) Sravnitelny analiz federalnyh zakonov o mestnom samoupravlenii na sovremennom etape razvitiya Rossii [Comparative analysis of federal laws on local self-government at the current stage of Russia's development]. *Vlast i Upravlenie na Vostoke Rossii*, no 4, pp. 100–109.

Историческая трансформация и факторы устойчивости сельского расселения Степного Крыма[1]

Т. Ю. Гусаков

Тимур Юрьевич Гусаков, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82.
E-mail: gusakov.timur@mail.ru

EDN: VYWQST

Аннотация. Исследованы закономерности исторической трансформации сельского расселения степного Крыма на примере Красногвардейского района Республики Крым и выявлены факторы, определяющие современную устойчивость сельских населенных пунктов. На основе историко-географического анализа, архивных материалов, картографических источников, данных переписей населения и современной статистики реконструированы основные этапы формирования поселенческой сети района с конца XVIII века до настоящего времени. Установлено, что современная система расселения сформировалась под воздействием последовательных волн колонизации, хозяйственного освоения территории, административно-территориальных преобразований, депортации народов Крыма в 1944 году, переселенческой политики и последующей концентрации населения в центральных усадьбах колхозов и совхозов. Показано, что исторический возраст поселения не является самостоятельным фактором его современной демографической устойчивости. Наиболее устойчивыми можно считать сельские населенные пункты, сочетающие выгодное транспортно-географическое положение, развитую социальную инфраструктуру и выполнение центральных административных и обслуживающих функций. Выявлено усиление пространственной поляризации сельского расселения, выражающейся в концентрации населения в крупнейших локальных центрах при одновременной депопуляции периферийных малых поселений. Сделан вывод, что современный каркас сельского расселения степного Крыма в большей степени определяется сформировавшейся в советский период системой центральных мест и транспортных связей, чем временем возникновения населенных пунктов. Полученные результаты уточняют представления о факторах устойчивости сельского расселения в регионах, переживших глубокие исторические и демографические трансформации.

Ключевые слова: география расселения, сельское расселение, пространственное развитие, жизнестойкость населенных пунктов, время основания поселений, историческая трансформация

---

1. Статья подготовлена в рамках конкурса научных статей среди работников Президентской академии.

Расселение России в постсоветский период претерпевает глубокую трансформацию, связанную с демографическим спадом, изменением хозяйственной структуры, сокращением социальной инфраструктуры и усилением пространственной поляризации. Наиболее заметно эти процессы проявляются в сельской местности, где происходит концентрация населения в ограниченном числе относительно устойчивых населенных пунктов при одновременной деградации периферийной поселенческой сети. В результате изменяется не только численность населения отдельных сельских населенных пунктов (СНП), но и сама организация систем расселения, их иерархия и функциональная структура.

Особую актуальность данные процессы приобретают в степных районах Крыма, характеризующихся высокой долей сельского населения, развитой сетью СНП и значительной ролью аграрного производства. В советский период формирование системы расселения здесь происходило под воздействием крупных сельскохозяйственных предприятий, мелиоративного освоения территории, переселенческой политики и развития перерабатывающих производств. В постсоветское время изменение хозяйственной организации сельской местности привело к существенной трансформации сложившейся системы межселенных связей и различиям в траекториях развития отдельных СНП.

Красногвардейский район Республики Крым представляет собой один из примеров подобных процессов. Район отличается высокой сельскохозяйственной освоенностью территории, значительным количеством СНП и выраженной внутренней дифференциацией демографической динамики. Часть СНП сохраняет относительную устойчивость или демонстрирует рост населения, тогда как другие сталкиваются с устойчивой депопуляцией и утратой функций локальных центров. Это позволяет рассматривать территорию района как репрезентативный кейс для изучения факторов устойчивости сельского расселения степного Крыма.

В научной литературе устойчивость СНП нередко связывается с их исторической укорененностью, размером населения или аграрной специализацией. Вместе с тем современные процессы трансформации сельского пространства показывают, что решающее значение могут иметь иные факторы — положение населенного пункта в системе расселения, уровень инфраструктурной обеспеченности, транспортная доступность и выполнение центральных функций по отношению к окружающей территории. В этих условиях особый интерес представляет анализ взаимосвязи между центральностью населенного пункта и его демографической динамикой.

Несмотря на наличие работ, посвященных динамике сельского расселения Крыма (Яковенко, 2020; Швец, Анашенкова, 2025; Гусаков, 2021; Прохорова и др., 2017), существенно менее изученным остается влияние историко-генетических особенностей сельских населенных пунктов на их современную демографическую динами-

ку. Между тем происхождение поселения, связанное с различными этапами освоения территории полуострова, особенностями хозяйственной специализации и этнокультурного состава населения, может выступать фактором долговременной устойчивости или уязвимости сельских населенных пунктов.

Цель исследования заключается в выявлении факторов устойчивости СНП Красногвардейского района Республики Крым и оценке роли центральности в современной трансформации системы сельского расселения.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что в постсоветский период устойчивость СНП Красногвардейского района определяется прежде всего их административно-инфраструктурным статусом, транспортной связностью и выполнением функций локальных центров, тогда как исторический возраст поселения оказывает значительно меньшее влияние.

Теоретические подходы к изучению устойчивости сельского расселения

Исследования сельского расселения занимают важное место в отечественной социально-экономической географии. На протяжении XX — начала XXI века внимание исследователей концентрировалось на вопросах территориальной организации сельского населения, межселенных связей, иерархии населенных пунктов, факторов устойчивости сельских территорий и трансформации систем расселения (Ковалев, 2003; Алексеев, Сафронов, 2015; Алексеев, Сафронов, 2017).

Одним из ключевых направлений исследований стало рассмотрение сельского расселения как системы взаимосвязанных населенных пунктов, объединенных хозяйственными, транспортными, административными и социальными связями. В рамках данного подхода сельские населенные пункты рассматривались не как изолированные элементы, а как компоненты более сложной территориальной структуры, внутри которой формируются отношения подчинения, обслуживания и пространственного тяготения (Ткаченко и др., 2019).

Важное место в исследованиях сельского расселения занимали вопросы иерархии населенных пунктов и их функциональной специализации. В отечественной географии широко использовались представления о районных системах расселения, локальных центрах обслуживания, кустовых центрах и межселенных связях. При этом устойчивость населенного пункта связывалась не только с его людностью, но и с выполняемыми административными, хозяйственными и инфраструктурными функциями (Ковалев, 2003; Смирнова и др., 2024).

Существенное влияние на развитие исследований систем расселения оказали представления о центральности населенных пунктов, восходящие к теории центральных мест В. Кристаллера. В современных исследованиях центральность рассматривается как способ-

ность населенного пункта организовывать окружающее пространство и выполнять функции обслуживания населения прилегающих территорий. Основными индикаторами центральности выступают наличие органов власти, объектов социальной инфраструктуры, учреждений образования, здравоохранения, торговли и иных «организаторов пространства» (Вихрев и др., 2016).

Изыскания последних десятилетий показывают, что постсоветская трансформация сельского пространства сопровождается упрощением систем расселения, сокращением сети учреждений обслуживания и концентрацией населения в ограниченном числе наиболее устойчивых поселений. В результате усиливается пространственная поляризация сельской местности: локальные центры концентрируют население и инфраструктуру, тогда как периферийные поселения утрачивают демографический и функциональный потенциал (Фомкина, 2016; Зубаревич, 2013; Нефедова, 2018, и пр.).

В современных исследованиях устойчивости сельских территорий все более широкое распространение получает концепция *resilience*, используемая для анализа способности территориальных систем адаптироваться к социально-экономическим изменениям. В отечественной литературе наряду с термином «устойчивость» используются понятия «резильентность» и «жизнестойкость». При этом устойчивость сельского расселения понимается как способность населенных пунктов сохранять население, функции и пространственные связи в условиях демографических и хозяйственных трансформаций (Смирнова и др., 2026).

Особое значение в исследованиях устойчивости сельского расселения приобрел вопрос о влиянии поселенческой структуры и положения населенного пункта в системе расселения. Отмечается, что наиболее устойчивыми являются территории с развитой иерархией локальных центров, высокой концентрацией населения в крупных и средних населенных пунктах и хорошей транспортной доступностью. Напротив, мелкоселенные и слабо структурированные системы расселения отличаются повышенной уязвимостью и более высокими темпами депопуляции (Смирнова и др., 2026).

Отдельное направление исследований связано с изучением влияния исторических факторов на устойчивость сельских населенных пунктов. В ряде работ высказывается предположение о том, что более старые поселения обладают большей устойчивостью благодаря накопленным функциям, сложившимся межселенным связям и длительной адаптации к местным природно-хозяйственным условиям. На примере Лебедянского района Липецкой области было показано, что время основания населенного пункта действительно может коррелировать с его современной демографической устойчивостью (Чучкалов, Алексеев, 2021).

Вместе с тем исследования сельского расселения Крыма показывают, что для южных степных районов существенное значение имеют иные факторы — транспортно-географическое положе-

ние относительно магистралей и локальных центров, хозяйственная специализация и степень включенности населенного пункта в систему межселенных связей (Швец и др., 2021). В условиях степного Крыма, где значительная часть современной сети сельских населенных пунктов сформировалась в результате переселенческих процессов, советского хозяйственного освоения территории и административных преобразований, влияние исторического возраста поселения на его современную устойчивость может быть менее выраженным.

Историко-географические исследования Крыма показывают, что система сельского расселения полуострова неоднократно претерпевала масштабные трансформации, связанные с миграциями населения, сменой хозяйственных укладов и политико-административными изменениями (Шевчук, Швец, 2010; Водарский и др., 2003). Это делает Крым особенно интересным регионом для анализа факторов устойчивости сельских населенных пунктов в условиях длительной исторической трансформации поселенческой сети.

В отличие от регионов Центральной России, где современная сеть сельского расселения в значительной степени сохраняет преемственность с дореформенным периодом, степной Крым не обладал исторической непрерывностью расселения, а характеризовался высокой исторической подвижностью поселенческой структуры. Массовые миграции населения, эмиграция крымских татар во второй половине XIX — начале XX века, колонизационные процессы и неоднократная смена этнодемографического состава населения приводили к исчезновению части старых поселений и формированию новых сетей расселения. Уже во второй половине XIX века расселение Новороссии и Таврической губернии характеризовалось высокой динамичностью, распространением хуторских и усадебных форм расселения, а также активным переселенческим освоением степных территорий (Покшишевский, 2025). В этих условиях исторический возраст населенного пункта не всегда обеспечивал его долговременную жизнестойкость.

Несмотря на значительное число исследований, посвященных сельскому расселению, проблема соотношения исторических и функционально-пространственных факторов устойчивости сельских населенных пунктов степного Крыма остается изученной недостаточно. В частности, недостаточно исследована роль центральности, инфраструктурной обеспеченности и положения населенного пункта в системе расселения в формировании современной демографической устойчивости сельских населенных пунктов Красногвардейского района Республики Крым.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на сочетании историко-географического, статистического и сравнительно-пространственного подходов

к анализу сельского расселения. Информационную основу исследования составили материалы ревизий и камеральных описаний конца XVIII–XIX веков, статистические издания Таврической губернии, данные переписей населения Российской империи, СССР, Украины и Российской Федерации, а также архивные и картографические материалы различных периодов. Для реконструкции ранних этапов формирования поселенческой сети использовались «Камеральное описание Крыма» 1783 года, военно-топографические карты XIX века, материалы земской статистики и списки населенных мест Таврической губернии. Анализ трансформации расселения в советский и постсоветский периоды базировался на данных Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1970, 1979, 1989 годов, Всеукраинской переписи населения 2001 года, переписи населения Крымского федерального округа 2014 года и Всероссийской переписи населения 2020 года.

Важное значение имели картографические методы исследования. Для анализа пространственной структуры расселения использовались исторические карты, современные топографические материалы и данные дистанционного зондирования. Сопоставление карт различных периодов позволило проследить изменения конфигурации поселенческой сети, выявить исчезнувшие населенные пункты и реконструировать основные этапы трансформации системы расселения района.

Методологически исследование опирается на представления о сельском расселении как системе взаимосвязанных населенных пунктов, объединенных хозяйственными, транспортными и административными связями. Особое внимание уделялось анализу центральности населенных пунктов, под которой понимается способность СНП выполнять функции локального центра обслуживания окружающей территории. В качестве индикаторов центральности рассматривались административный статус населенного пункта, наличие объектов социальной инфраструктуры, положение относительно транспортных магистралей и железнодорожных станций, а также выполнение функций центральных усадеб колхозов, совхозов и сельсоветов в советский период.

Для оценки демографической устойчивости СНП использовался сравнительно-статистический анализ динамики численности населения в 1989–2021 годах. Рассчитывались показатели относительного изменения людности населенных пунктов, средние коэффициенты демографической динамики и доля растущих поселений в различных историко-генетических группах СНП. Дополнительно применялся логарифмический показатель $\ln(P_{2021}/P_{1989})$, позволяющий корректнее сопоставлять темпы роста и сокращения населения между поселениями различной людности.

Все СНП района были сгруппированы по историко-генетическому принципу: дореформенные крымскотатарские поселения, переоснованные СНП, колонистские поселения, железнодорожные по-

селки, еврейские сельскохозяйственные колонии, хозяйственные поселения советского периода и др. Это позволило сопоставить влияние происхождения населенного пункта на его современную демографическую устойчивость.

При анализе пространственной организации расселения использовался историко-генетический метод, позволяющий рассматривать современную сеть сельских населенных пунктов как результат последовательного наложения различных этапов хозяйственного освоения территории, миграционных процессов и административных преобразований. Одновременно применялся сравнительно-географический подход, позволивший выявить различия между транспортно доступными локальными центрами и периферийными сельскими населенными пунктами.

Дополнительно учитывались качественные особенности современного освоения территории, не всегда отраженные в официальной статистике: существование фактически обезлюдевших поселений, наличие жилой застройки в упраздненных населенных пунктах, а также распространение садоводческих товариществ (СНТ), выполняющих селитебные функции. Это позволило рассматривать сельское расселение не только как административно-статистическую систему, но и как форму фактического освоения пространства.

Результаты и их обсуждение

Современная система сельского расселения Красногвардейского района демонстрирует значительную пространственную дифференциацию демографической динамики. Анализ показывает, что устойчивость сельских населенных пунктов определяется сочетанием транспортно-географического положения, административного статуса, инфраструктурной обеспеченности и степени включенности в систему локальных центральных мест.

Стационарные поселения на территории современного Красногвардейского района известны с древнейших времен. В различные исторические периоды значение внутренней степной периферии Крыма возрастало как пространства сельскохозяйственного освоения и обеспечения продовольствием приморских городских центров (Возгрин, 2013). Основной каркас расселения полуострова формировали приморские города, выполнявшие торгово-посреднические функции и обеспечивавшие связи Крыма с внешним миром, тогда как степные районы специализировались преимущественно на аграрном хозяйстве.

Современные черты сельского расселения степного Крыма начали складываться в XVI веке в период оседания золотоордынского населения, формирования крымскотатарского этноса и постепенного перехода от преимущественно кочевого хозяйства к сочета-

нию земледелия и пастбищного скотоводства (Крымские татары..., 2005). К концу XVIII века на территории степного Крыма сформировалась относительно равномерная сеть небольших сельских поселений, жителями которых были преимущественно крымские татары — земледельцы и скотоводы, в речных долинах их дополняли огородники и садоводы.

Размещение СНП определялось прежде всего природными условиями местности. Поселения тяготели к балкам, речным долинам и иным понижениям рельефа, где доступность водных ресурсов была значительно выше, чем на окружающих засушливых равнинах. В результате сформировался линейно-долинный рисунок расселения, характерный для степного Крыма XVIII — начала XIX века. Большинство поселений отличались небольшой людностью — как правило, менее 100–200 жителей. Численность населения и размеры поселений в значительной степени ограничивались емкостью пастбищ и водообеспеченностью территории. Особенно высокая плотность поселений наблюдалась в долинах рек, где «деревни кажутся прилегающими одна к другой» (Тунманн, 1991).

Земельная структура района включала частновладельческие земли, мусульманские вакуфные владения и земли крымскотатарской знати, которые могли обрабатываться «десятинщиками». Важную роль в организации сельской жизни играла крымскотатарская община — джемаат, восходящая к традициям кочевых объединений (къошей) (Возгрин, 2013). Для поселенческой сети была характерна тесная связь с родоплеменной структурой крымских татар, что нашло отражение в топонимике региона: Уйшунь (Ишунь), Мангыт, Аргын, Ширин, Барын и др. (Очерки..., 2005).

Первое документально зафиксированное состояние сельского расселения региона относится к 1783 году, когда после присоединения полуострова к Российской империи было составлено «Камеральное описание Крыма». По нашим подсчетам, на территории современного Красногвардейского района в этот период существовало около 128 СНП, большинство из которых представляли собой небольшие населенные пункты людностью до 200 человек. Значительная их часть имела мечети (Абдуллаев, 2012, 2013), однако наличие культового сооружения не всегда свидетельствовало о крупном размере населенного пункта, как в Центральной России (где собственный приход формировался лишь в наиболее устойчивых и экономически значимых поселениях — «крепких» селах). В современных условиях, напротив, наличие церкви или мечети может рассматриваться как один из признаков устойчивости СНП.

Сформировавшаяся к концу XVIII века мелкоселенная сеть расселения степного Крыма в дальнейшем подверглась масштабной трансформации под воздействием миграционных процессов, колонизационной политики, транспортного освоения территории и административных преобразований XIX–XX веков (рис. 1).

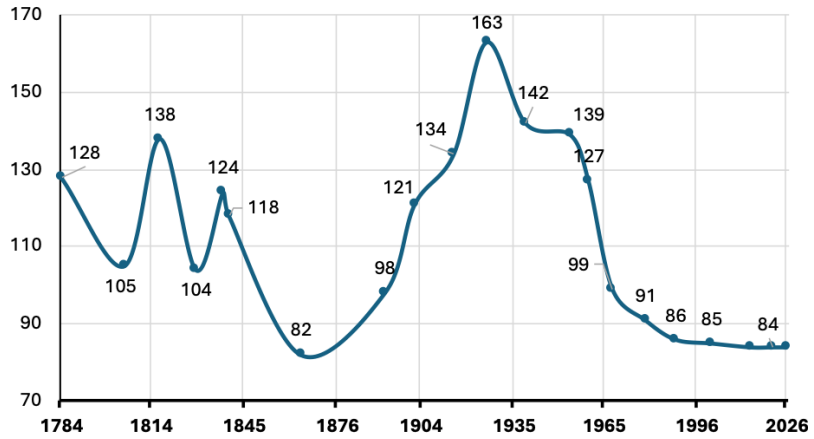

Рис. 1. Количество сельских населенных пунктов в современных границах Красногвардейского района

Составлено автором по данным статистики и собственным расчетам.

После 1783 года Крымское ханство было превращено в Таврическую область, а в 1802 году — в Таврическую губернию, которая кроме полуострова также включала обширные территории Северного Причерноморья (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский уезды). Эти земли до 1820-х годов сохраняли преимущественно кочевой характер расселения и были населены ногайцами. Крымский полуостров был поделен на крупные уезды — Симферопольский, Евпаторийский, Феодосийский, Перекопский, позднее выделен Ялтинский уезд, а также Керченское и Севастопольское градоначальства. Уезды, в свою очередь, делились на станы и волости, состав которых неоднократно менялся в ходе административных реформ 1829, 1860-х, 1880-х и 1890-х годов. Территория современного Красногвардейского района, несмотря на центральное положение на полуострове, в течение всего дореволюционного периода оставалась внутренней периферией административного пространства Крыма. Большая ее часть относилась к Перекопскому уезду (от г. Перекопа до ближайших поселений — более 70 км), юго-восточная часть — к Симферопольскому уезду (более 40 км до Симферополя), а крайняя юго-западная оконечность — к Евпаторийскому уезду (около 50 км до Евпатории). В этих условиях волостная сеть выполняла функцию локальной компенсации периферийности территории, обеспечивая минимальную связанность сельского населения со структурами управления.

Волостное деление было нестабильным. За время его существования на территории современного района располагалось восемь волостных центров. Наиболее продолжительное время этот статус сохраняло селение Табулды (совр. Найденовка), являвшееся во-

лостным центром в 1802–1829 и 1892–1921 годах, а позднее — центром сельсовета.

Анализ динамики бывших волостных центров показывает, что административный статус населенного пункта не гарантировал его долговременной демографической устойчивости и сохранения центральных функций в системе сельского расселения. Эволюция волостных центров отражает масштабную трансформацию пространственной организации степного Крыма в XIX–XX веках, сопровождавшуюся сменой факторов развития поселений, перераспределением населения и изменением опорного каркаса расселения.

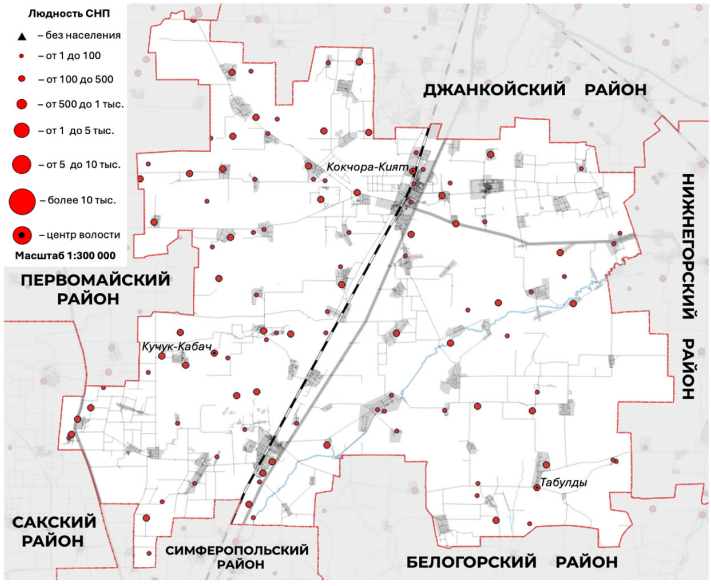

Рис. 2. Людность СНП в 1805 г.
Составлено автором по данным источника (Лашков, 1897).

В начале XIX века существовала сеть мелких волостных центров. По данным 1805 года, большинство из них имели крайне небольшую людность — преимущественно от 80 до 150 жителей (рис. 2). Это свидетельствует о слабой демографической концентрации и общей мелкоселенности поселенческой сети степного Крыма. Даже населенные пункты, выполнявшие административные функции, по размерам практически не отличались от окружающих рядовых сел. Подобная ситуация объясняется спецификой крымскотатарской системы расселения, ориентированной прежде всего на природно-адаптивное размещение поселений, а не на концентрацию населения в крупных локальных центрах.

В течение XIX века значительная часть ранних волостных центров испытала демографический кризис, связанный с эмиграцией крымских татар, изменением структуры землевладения и административной реорганизацией территории после включения Крыма в состав Российской империи. Особенно показательна динамика таких поселений, как Кокчора-Кыят (совр. Ближнее), Кучук-Кабач и Агъяр-Джирень (совр. Котельниково), численность населения которых к 1864 году сократилась в несколько раз. В отдельных случаях административные центры постепенно утрачивали население и впоследствии исчезали полностью. Так, бывшие волостные центры Айтуган татарский (Юхары-Айтуган) и Кучук-Кабач прекратили существование уже в советский период.

Существенное влияние на трансформацию сети расселения оказали массовые эмиграции крымских татар в Османскую империю, особенно после Крымской войны и в начале XX века. По оценкам исследователей, в результате миграционной волны 1860–1863 годов значительная часть степных районов Крыма обезлюдела, были заброшены 315 деревень (Вольфсон, 1940), а на земельный рынок поступили значительные площади сельскохозяйственных земель (Гусаков, 2019). Освободившиеся территории активно заселялись русскими и украинскими крестьянами, немецкими, чешскими и другими колонистами, что сопровождалось формированием новой полиэтничной сети сельского расселения степного Крыма. На территории образовывалось большое количество новых небольших поселений различного типа — экономий, владельческих хуторов, имений и усадеб. На территории современного Красногвардейского района на рубеже XIX–XX веков существовало 16 экономий, более 20 хуторов и 3 господских двора.

Во второй половине XIX — начале XX века начинается смена пространственных лидеров сельского расселения. Переломным фактором стала транспортная модернизация степного Крыма. Формирование железнодорожной линии Лозовая — Севастополь, развитие сети трактов и активизация переселенческой колонизации привели к смещению хозяйственной активности к поселениям, расположенным вдоль новых коммуникационных осей. В результате прежние локальные центры, ориентированные на природно-адаптивную систему расселения, постепенно уступали населенным пунктам с более выгодным транспортно-географическим положением. Одновременно происходило формирование новых этнических сетей расселения (немецких, чешских, эстонских, русских и украинских поселений).

Рост числа экономий в степном Крыму на рубеже XIX–XX веков был обусловлен развитием крупного товарного сельского хозяйства, концентрацией земельной собственности и усилением транспортной связанности полуострова после строительства железных дорог с другими регионами России. Экономии выступали хозяйственными центрами крупных имений и отражали переход от традицион-

ной сельской поселенческой сети к производственно-ориентированной модели освоения степного пространства. Можно предположить, что распространение экономий стало одним из первых проявлений перехода степного Крыма от традиционной поселенческой сети к функционально-производственной модели сельского расселения, окончательно оформившейся уже в советский период.

Особенно показательна динамика Александровки, которая отсутствовала среди крупнейших поселений начала XIX века, однако уже к 1926 году достигла людности 729 чел., а в дальнейшем превратилась в устойчивый локальный центр сельского расселения. Напротив, часть старых крымскотатарских поселений, несмотря на прежний административный статус, постепенно утрачивала свое значение.

Советский период привел к окончательной перестройке исторической сети локальных центров. Формирование колхозно-совхозной системы сопровождалось фактическим административным отбором населенных пунктов. Села, получившие статус центральных усадеб колхозов, совхозов или сельсоветов, концентрировали инфраструктуру, население и инвестиции, тогда как остальные постепенно утрачивали хозяйственные и социальные функции и переходили в категорию «неперспективных». В отличие от дореволюционной волостной сети, советская система сельсоветов оказалась значительно более устойчивой, поскольку опиралась не только на административные функции, но и на хозяйственную специализацию, транспортную связанность и концентрацию социальной инфраструктуры.

Поселения, сумевшие встроиться в систему советского хозяйственного освоения территории, продемонстрировали значительный рост населения. Так, Найденовка увеличила людность со 117 жителей в 1805 году до более 1300 человек к концу XX века, Котельниково — со 119 до 1387 человек, Александровка — до 1651 человека. В то же время населенные пункты, оказавшиеся вне новых хозяйственных потоков, постепенно теряли население и исчезали.

Революционные события конца 1910-х годов и установление советской власти ознаменовали административные изменения на полуострове — была образована Крымская АССР (после 1944 года — Крымская область) и введено новое административно-территориальное деление: уезды были заменены сначала округами, а позднее — районами, волости разукрупнены и заменены ревкомами, а потом — сельскими советами. Красногвардейский район в современном виде был образован в 1962 году, до этого его территория была в составе Биюк-Онларского и Тельмановского немецких, Симферопольского, Джанкойского районов. Последнее изменение границ произошло в 1970-е годы и было связано с передачей сел Дальнее и Стахановка в состав соседнего Первомайского района. Количество сельсоветов постоянно менялось и варьировалось от 20 до 30.

Формирование сети сельских советов после 1921 года стало важнейшим этапом перестройки системы сельского расселения степного Крыма. В отличие от дореволюционной волостной сети, сельсоветы создавались уже в условиях советской модели территориального управления и были тесно связаны не только с административными, но и с хозяйственными функциями. Их размещение отражало процессы коллективизации, формирования колхозно-совхозной системы, транспортного освоения территории и политики укрупнения сельских населенных пунктов. Анализ центров сельсоветов, существовавших на территории современного Красногвардейского района, позволяет проследить механизмы формирования современного опорного каркаса сельского расселения района (рис. 3).

Для первой половины XX века была характерна высокая подвижность сети сельсоветов. Значительная часть СНП сохраняла статус административных центров лишь в течение нескольких десятилетий, после чего утрачивала его вследствие изменения хозяйственной специализации, укрупнения хозяйств или деградации поселенческой сети. Так, сельсоветские функции в разные годы выполняли небольшие поселения Булатчи (совр. Прямое), Самав (Известковое), Чолбаши (Доходное), Ротендорф (Климово), Мешень (Нахимово), Кендже (Миролюбовка) и др., однако впоследствии они превратились в рядовые села или начали терять население. Это свидетельствует о высокой динамичности советской административно-хозяйственной организации сельской местности в период становления колхозно-совхозной системы.

Одновременно далеко не все центры сельсоветов оказались жизнестойкими в долгосрочной перспективе. Часть из них полностью исчезла в послевоенный период или была включена в состав других населенных пунктов. Наиболее показательными примерами являются поселения Старый Итак (Ложбинное), Киябах, Ишунь Немецкий, Джамбулду-Конрат Старый и Борангар. Большинство исчезнувших поселений относились либо к старым крымскотатарским селам, либо к небольшим колонистским поселениям, не сумевшим встроиться в систему укрупненного советского хозяйства. Их исчезновение отражает процессы послевоенной трансформации сельского расселения, сопровождавшиеся депортациями народов Крыма, изменением этнической структуры населения и политикой ликвидации «неперспективных» населенных пунктов.

В отличие от дореволюционных волостных центров, советские сельсоветы значительно сильнее зависели от хозяйственной специализации территории. Административный статус закреплялся преимущественно за поселениями, выполнявшими функции центральных усадеб колхозов и совхозов, обладавшими более развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением. В результате уже к 1970-м годам начала формироваться сеть относительно крупных сельских центров, концентрировавших население, производство и социальные функции.

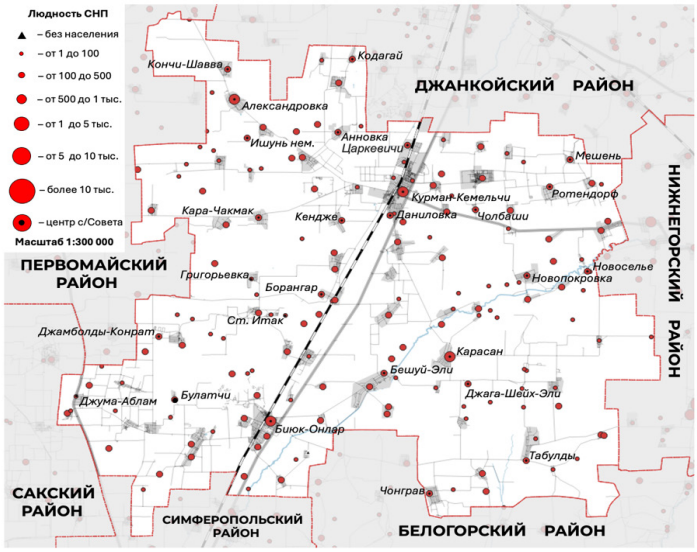

Рис. 3. Людность СНП в 1926 г.
Составлено автором по данным переписи населения (Список…, 1927).

Особенно заметный рост продемонстрировали Октябрьское, Красногвардейское, Петровка, Янтарное, Амурское, Пятихатка, Полтавка и Марьяновка. Так, людность Красногвардейского увеличилась с 72 жителей в 1915 году до более чем 11 тыс. человек в постсоветский период, а Октябрьского — с 232 до почти 11 тыс. жителей. Петровка, не входившая в число среди крупных поселений дореволюционного периода, к 1970 году достигла людности 3593 чел., а в дальнейшем превратилась в один из крупнейших сельских населенных пунктов района. Подобная динамика свидетельствует о целенаправленной концентрации населения и хозяйственной активности в ограниченном числе локальных центров.

Важной особенностью советской трансформации расселения стала резкая поляризация сельской сети. С одной стороны, происходил ускоренный рост крупных центров сельсоветов и централь-

ных усадеб хозяйств, с другой — стагнация или деградация периферийных сел. Многие бывшие центры сельсоветов, утратив административные функции, постепенно переходили в категорию малых населенных пунктов. Особенно показательна динамика Новодолинки, людность которой сократилась с 173 чел. в 1970 году до 25 чел. в 2021 году, а также Холмового, фактически утратившего постоянное население.

Сформировавшаяся в советский период сеть сельсоветов оказалась значительно более устойчивой, чем дореволюционная волостная система. Большинство современных локальных центров Красногвардейского района — Красногвардейское, Октябрьское, Петровка, Амурское, Колодезное, Пятихатка, Янтарное, Александровка — сохраняют административные функции и в настоящее время. Это связано с тем, что советская система расселения опиралась не только на административное управление, но и на хозяйственную специализацию, развитие транспортной инфраструктуры, концентрацию социальной сферы и переселенческую политику.

Как отмечал С. А. Ковалев, «в Степном Крыму, где старинные крупные села отсутствуют, в колхозах и совхозах поселки средней величины являются сейчас преобладающей формой» (Ковалев, 2003). Материалы по Красногвардейскому району подтверждают данный тезис: уже к 1970–1989 годам основная часть сельского населения концентрировалась в поселениях людностью от 500 до 3000 жителей, сформировавшихся преимущественно в советский период как центральные усадьбы колхозов и совхозов. Вместе с тем постсоветский этап характеризуется постепенным размыванием этой модели и усилением поляризации сельского пространства: часть средних поселков превращается в локальные центры роста, тогда как периферийные села быстро теряют население и инфраструктурные функции.

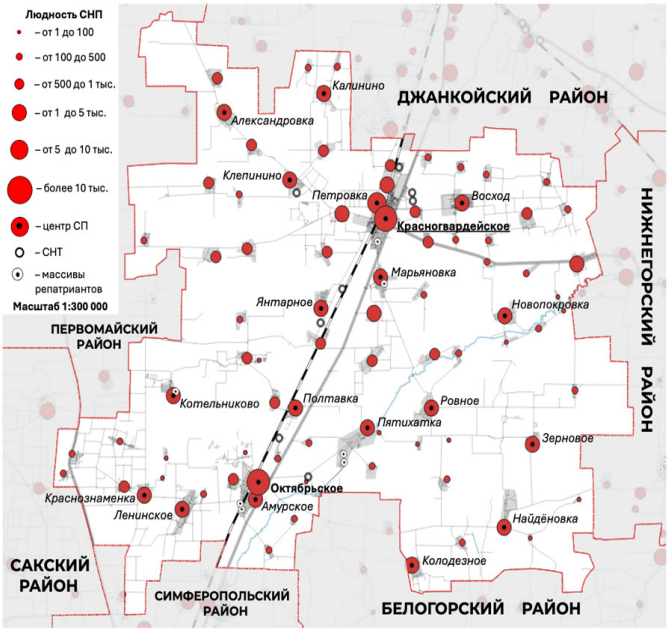

Рис. 4. Людность СНП в 2021 г.
Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020[2].

Эволюция центров сельсоветов отражает переход от относительно равномерной мелкоселенной сети дореволюционного степного Крыма к поляризованной системе советского периода с доминированием крупных сельских центров. Именно в 1920–1980-е годы сформировался современный опорный каркас сельского расселения Красногвардейского района, сохраняющий свою инерцию и в постсоветский период (рис. 4). При этом многие малые населенные пункты, не включенные в систему крупных хозяйственных и административных центров, постепенно утратили свое значение, что создало предпосылки для современной поляризации и деградации части сельской поселенческой сети района.

Современная сеть сельских населенных пунктов Красногвардейского района демонстрирует крайне неоднородную динамику развития, сформированную сочетанием историко-этнических факторов, транспортно-географического положения, административного статуса и советской аграрной политики (рис. 5). Несмотря на от-

2. Всероссийская перепись населения 2020 года / Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: https://82.rosstat.gov.ru/folder/44224 (дата обращения: 11.03.2026).

носительно компактную территорию района, различия между поселениями по численности населения, темпам демографической динамики и уровню инфраструктурной обеспеченности оказываются весьма значительными.

Прежде всего обращает на себя внимание высокая роль железнодорожной инфраструктуры в формировании системы расселения. Наиболее крупные населенные пункты района либо непосредственно расположены на железной дороге, либо находятся в непосредственной близости от станций линии Джанкой — Симферополь. Особенно ярко это проявляется на примере пгт Красногвардейское, Октябрьское, а также сел Петровка, Восход, Полтавка, Янтарное и Марьяновка. Все они имеют устойчивую или относительно стабильную численность населения и развитую социальную инфраструктуру. Так, пгт Красногвардейское и Октябрьское сохраняют население свыше 10 тыс. человек, выступая главными опорными центрами района. Важным фактором их устойчивости является сочетание административных функций, транспортной доступности и концентрации социальной инфраструктуры.

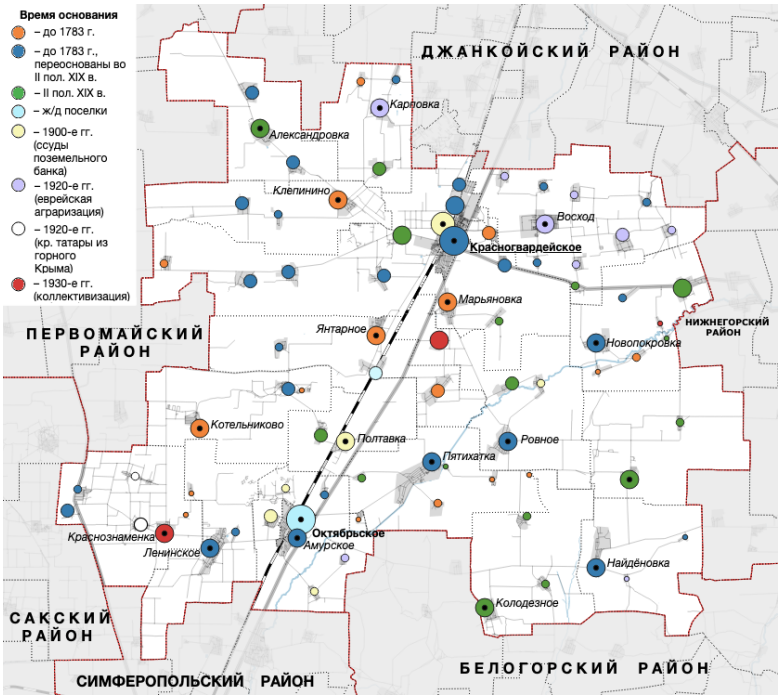

Рис. 5. Время основания современных СНП Красногвардейского района

В то же время удаленные от железной дороги малые СНП демонстрируют выраженную депопуляцию. Критическая ситуация

наблюдается в периферийных населенных пунктах западной и юго-западной части района — Радужное, Орловка, Салгирка, Холмовое, Золотое, Рогово. Многие из них фактически находятся на грани исчезновения. Так, в с. Холмовом к 2021 году постоянное население отсутствовало вовсе, а в с. Радужном проживал лишь 1 человек. Общей чертой этих поселений является отсутствие инфраструктуры, слабая транспортная связанность и периферийное положение относительно районного центра и железнодорожной сети.

Для района характерна выраженная поляризация сельского пространства. С одной стороны, существуют крупные центры сельсоветов с населением от 1 до 2,5 тыс. человек и развитым набором учреждений — школы, амбулатории, детские сады, дома культуры, администрации сельских поселений. К ним относятся Пятихатка, Амурское, Клепинино, Ровное, Найденовка, Калинино, Ленинское, Краснознаменка и др. С другой стороны, значительное количество малых СНП численностью менее 300 человек, выполняющих преимущественно селитебную функцию и постепенно теряющих население.

Особый интерес представляет влияние исторической колонизации на современную систему расселения. Значительная часть населенных пунктов района была основана или «переоснована» немецкими, чешскими, еврейскими, эстонскими и русскими переселенцами во второй половине XIX — начале XX века. Немецкие колонии оказались особенно многочисленными и в ряде случаев стали основой современной опорной сети расселения. Многие бывшие немецкие поселения (Амурское, Ленинское, Клепинино, Калинино, Колодезное, Пятихатка) сохраняют относительно крупную численность населения и административные функции. Это связано не только с исторически более рациональной планировкой и хозяйственным освоением территории, но и с тем, что в советский период именно такие поселения часто становились центральными усадьбами колхозов и совхозов.

Интересно, что населенные пункты, возникшие как еврейские сельскохозяйственные колонии 1920-х годов (Восход, Калинино, Знаменка, Заря, Чапаево, Климово и др.), демонстрируют неодинаковые траектории развития. Наиболее успешным оказался Восход, превратившийся в один из крупнейших сельских центров района с населением почти 5 тыс. человек и развитой инфраструктурой. Напротив, небольшие колонии вроде Зари или Чапаево постепенно сокращают население. Вероятно, ключевую роль здесь сыграли различия в транспортном положении и административном статусе.

Группа	Кол-во СНП	Средняя людность 1989, чел.	Средняя людность 2021, чел.	Средний коэфф. 2021/1989	Средний ln(2021/1989)	Доля растущих СНП
татарские СНП (до 1783 г.)	17	688,4	604,8	0,7	−0,4	17,7%
переосно-ванные СНП	30	1085,3	1057,3	0,9	−0,1	40,0%
колонии	15	640,3	575,2	0,8	−0,2	33,3%
ж/д поселки	2	5100,5	5729,0	0,9	−0,1	50,0%
порефор-менные поселения	5	1994,8	1870,2	0,8	−0,2	0,0%
татарские СНП 1920-х гг.	2	481,0	390,0	0,7	−0,3	50,0%
еврейские СНП	9	1222,4	912,1	0,6	−0,1	11,1%
хозяйствен-ные СНП (колле-ктивиза-ция)	4	773,0	673,3	0,8	−0,2	50,0%

Составлено автором по данным статистики и собственным расчетам.

Важным фактором устойчивости выступает статус центра сельсовета. Практически все современные административные центры демонстрируют либо относительную стабильность, либо умеренный рост населения в постсоветский период. Например, Новопокровка, Марьяновка, Пушкино, Ровное, Калинино и Петровка имеют положительную или близкую к нулевой динамику относительно 1989 года. Напротив, бывшие центры сельсоветов, утратившие административные функции в советское время (Григорьевка, Трактовое, Прямое, Нахимово, Климово и др.), в большинстве случаев демонстрируют выраженную депопуляцию. Это свидетельствует о высокой зависимости сельского расселения от институционального статуса СНП.

Демографическая динамика после 1989 года демонстрирует, что большинство поселений района переживают сокращение населения, однако масштабы этого процесса различаются. Наиболее устойчивыми оказались крупные СНП и пригородные населенные пунк-

ты вдоль железной дороги с хорошей транспортной доступностью. В некоторых случаях фиксируется даже рост населения по сравнению с позднесоветским периодом: Новопокровка (+39,3% к 1989 г.), Пушкино (+62,7%), Ровное (+28,1%), Ближнее (+22,3%), Марьяновка (+19,8%), Красная Поляна (+15,6%). Эти села расположены либо вблизи районного центра, либо в зоне интенсивного транспортного сообщения.

Одновременно значительная часть малых поселений утратила более половины населения. Особенно резко сократились Орловка (-88% к 1989 г.), Радужное (-92,3%), Холмовое (-100%), Азов (-70,3%), Прямое (-64,8%), Рогово (-64,1%). Для таких населенных пунктов характерно сочетание периферийности, отсутствия рабочих мест и слабой инфраструктурной обеспеченности.

Этническая структура также оказывает заметное влияние на пространственные различия. На территории района можно выделить несколько зон с относительно высокой долей крымских татар — прежде всего Краснознаменский, Амурский и Ровновский сельсоветы. В этих поселениях нередко фиксируется более высокая демографическая устойчивость, что может быть связано с более высокой рождаемостью и сохранением семейно-родственных связей. Вместе с тем наиболее русифицированными остаются северные и центральные сельсоветы, связанные с позднесоветским аграрным освоением и железнодорожной инфраструктурой.

В целом современная система сельского расселения Красногвардейского района имеет ярко выраженный линейно-узловой характер. Основные центры концентрируются вдоль железной дороги и автотранспортных магистралей, тогда как периферийные участки постепенно теряют население. Наблюдается устойчивая тенденция к концентрации населения в крупных сельских центрах при одновременном угасании малых и удаленных сел. Это делает Красногвардейский район показательным примером трансформации сельского расселения степного Крыма в постсоветский период.

Наряду с общими тенденциями поляризации и концентрации населения в системе расселения Красногвардейского района сохраняются отдельные «аномальные» случаи, отражающие сложность постсоветской трансформации сельского пространства.

Одним из характерных феноменов позднесоветского периода стало формирование экспериментально-показательных сельских поселений. В 1970–1980-е годы в ряде крупных сел района реализовывались проекты комплексной модернизации сельской среды, ориентированные на сближение условий жизни города и села. Наиболее показательными примерами являются Восход и Петровка, застраивавшиеся по проектам с элементами городской планировки, многоэтажной жилой застройкой и развитой социальной инфраструктурой (Рогожин, 1973). Подобные поселения рассматривались как опорные центры укрупненной сельской системы расселения и должны были закреплять население в сельской местности.

Одновременно в районе фиксируются случаи расхождения между официальным статусом населенного пункта и фактическим характером освоения территории. Наиболее ярким примером является село Холмовое, где в настоящее время практически отсутствует жилая застройка и постоянное население, однако перепись 2021 года обнаружила в населенном пункте 21 жителя. Подобные случаи близки к феномену «населенных пунктов без населения», рассматриваемому в современной географии сельского расселения.

Противоположную ситуацию представляют бывшие населенные пункты Пятихлебное и Лермонтовка, расположенные на границе Красногвардейского района. Несмотря на исключение из официальных перечней населенных пунктов, в них сохраняется жилая застройка и продолжается постоянное проживание населения. В данном случае возникает феномен «населения без населенного пункта» (Савоскул, Алексеев, 2019).

Еще одной формой трансформации сельского расселения становится распространение садоводческих товариществ (СНТ), которые все чаще выполняют не только рекреационные, но и селитебные функции. В ряде случаев СНТ формируют устойчивые массивы сезонного или постоянного проживания, фактически включенные в систему сельского расселения, однако слабо отраженные в официальной статистике и административно-территориальной структуре.

Для степного Крыма подобные формы особенно характерны в пригородных и транспортно доступных районах, где садоводческие массивы частично компенсируют деградацию традиционной сельской поселенческой сети. В отдельных случаях СНТ возникают вблизи бывших производственных поселений или наследуют инфраструктуру советского хозяйственного освоения территории, формируя своеобразные гибридные формы сезонного и постоянного расселения.

Это свидетельствует о постепенном усложнении структуры сельского пространства, в котором наряду с официальной сетью сельских населенных пунктов все большую роль начинают играть полуформальные формы освоения территории. Подобные примеры показывают, что современная трансформация сельского расселения определяется не только демографической динамикой, но и институциональными особенностями учета населенных пунктов, инерцией административно-территориальной системы и различиями между статистическим и фактическим освоением пространства.

Дополнительным проявлением исторической инерции системы расселения является сохранение топонимов исчезнувших населенных пунктов в современной географической номенклатуре. На территории Красногвардейского района и прилегающих территорий распространены урочища, сохраняющие названия бывших поселений: урочище Полюшкина, Хмельницкое, Крыловка, Челюскинец и др. Подобные объекты представляют собой своеобразные «топонимические следы» исчезнувших населенных пунктов и фиксиру-

ют историческую преемственность освоения территории даже после полного исчезновения поселения.

Показательно, что в дореволюционный период аналогичную функцию выполняли пустоши — территории бывших поселений, сохранявшие историческое название после исчезновения населенного пункта. В ряде случаев такие топонимы впоследствии становились основой для наименования новых поселений. Подобная топонимическая устойчивость свидетельствует о высокой инерционности сельского культурного ландшафта степного Крыма. Даже после исчезновения населенного пункта его название продолжает функционировать в пространственной памяти территории, закрепляясь в местной топонимике, картографии и практике землепользования.

Заключение

Современная система сельского расселения Красногвардейского района Республики Крым сформировалась в результате длительной исторической трансформации, в ходе которой неоднократно менялись факторы устойчивости сельских населенных пунктов, пространственная организация хозяйства и структура межселенных связей. Эволюция расселения степного Крыма отражает переход от относительно равномерной мелкоселенной сети крымскотатарских поселений XVIII века к поляризованной системе сельских центров и периферийных малых СНП, характерной для постсоветского периода.

Исторический возраст поселения сам по себе не является определяющим фактором его современной демографической устойчивости. Значительная часть старых крымскотатарских поселений и дореволюционных волостных центров утратила население или полностью исчезла, тогда как многие сравнительно молодые поселения, возникшие в конце XIX–XX веков, напротив, превратились в устойчивые локальные центры. Долговременная устойчивость сельских населенных пунктов определяется не столько временем их возникновения, сколько их способностью включаться в изменяющиеся системы хозяйственных, транспортных и административных связей.

Важную роль в формировании современной опорной сети расселения сыграли транспортно-географическое положение и выполнение центральных функций. Наиболее устойчивыми оказались населенные пункты, расположенные вблизи железнодорожной магистрали, обладающие развитой социальной инфраструктурой и сохраняющие статус административных центров сельских поселений. Напротив, периферийные малые села, не включенные в систему локальных центральных мест, демонстрируют наиболее высокие темпы депопуляции и утраты инфраструктурных функций.

Особое значение для формирования современного каркаса сельского расселения имел советский период. Именно в 1920–1980-е годы происходил институциональный «отбор» СНП, сопровождавшийся концентрацией населения, инфраструктуры и хозяйственных функций в центральных усадьбах колхозов, совхозов и сельсоветов. Сложившаяся в этот период система локальных центров во многом сохраняет свою инерцию и в настоящее время. Современные крупнейшие населенные пункты района в большинстве случаев восходят именно к советской модели пространственной организации сельской местности.

Постсоветская трансформация усилила процессы пространственной поляризации сельского расселения. Наблюдается концентрация населения в крупнейших и транспортно доступных центрах при одновременной деградации периферийной сети малых сельских населенных пунктов. В результате современная система расселения района приобретает все более выраженный линейно-узловой характер, ориентированный на основные транспортные коммуникации и локальные центры обслуживания.

Исчезновение населенного пункта в административно-статистическом смысле не всегда означает полное исчезновение освоенности территории. Феномены «населенных пунктов без населения» и «населения без населенного пункта», а также сохранение топонимов исчезнувших поселений в форме урочищ и пустошей свидетельствуют о высокой инерционности культурного ландшафта и пространственной памяти территории. Даже после исчезновения постоянного населения следы прежнего расселения продолжают сохраняться в топонимике, структуре землепользования и локальной идентичности пространства.

Жизнестойкость сельского расселения степного Крыма определяется прежде всего положением населенного пункта в системе центральных мест, уровнем транспортной связности и степенью включенности в хозяйственно-инфраструктурный каркас территории. Историческая преемственность оказывает влияние на современную систему расселения, однако ее роль опосредуется последующими этапами административной, транспортной и хозяйственной трансформации региона.

Литература

Абдуллаев И. (2012). Мусульманские культовые сооружения в колониальный (1783–1917 гг.) и советский (1921–1991 гг.) периоды истории Крыма // Голос Крыма. № 45–52.

Абдуллаев И. (2013). Мусульманские культовые сооружения в колониальный (1783–1917 гг.) и советский (1921–1991 гг.) периоды истории Крыма // Голос Крыма. № 2–8, 11.

Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX — начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 66–76.

Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 6. С. 55–61.

Вихрев О. В., Ткаченко А. А., Фомкина А. А. (2016). Системы сельского расселения и их центры (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 30–37.

Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. (2003). Население Крыма в конце XVIII — конце XX века (численность, размещение, этнический состав). М.: Ин-т росс. истории.

Вольфсон Б. М. (1940). Эмиграция крымских татар в 1860 г. // Исторические записки АН СССР, Институт истории. М.: Издательство Академии наук СССР. Вып. 9. С. 186–197.

Возгрин В. Е. (2013). История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. Том I. 3-е изд., стереотип. Симферополь: Издательский дом «Тезис».

Гусаков Т. Ю. (2021). Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. Т. 6. № 2. С. 99–120.

Гусаков Т. Ю. (2019). Этнические миграции на Крымском полуострове (1783–2014 гг.) // Географический вестник = Geographical Bulletin. № 4 (51). С. 69–81.

Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сельской сети услуг в регионах // Известия РАН. Серия геогр. № 3. С. 26–38.

Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена.

Крымские татары (2005): Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. Симферополь: ДОЛЯ. С. 11–12.

Лашков Ф. Ф. (1897). Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии / А. И. Маркевич. Симферополь: Типография Таврического губернского правления. Т. 26.

Нефедова Т. Г. (2018). Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 7. С. 1–12.

Очерки истории и культуры крымских татар (2005) / Под ред. Э. Чубарова. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство. С. 41.

Покшишевский В. В. (2025). География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования / Сост., вступит. статья А. А. Агирречу, М. С. Савоскул. М.: Кучково поле. С. 380–384.

Прохорова Е. А., Казарин Я. О., Фурштаков И. А. (2017). Картографирование системы расселения полуострова Крым под влиянием транспортного фактора // Материалы междунар. конф. «ИнтерКарто. ИнтерГИС». № 23 (2). С. 53–64.

Рогожин Г. Н. (1973). Сельское расселение Украинской ССР. Киев: УкрНИИНТИ. С. 5.

Савоскул М. С., Алексеев А. И. (2019). Сельско-городские сообщества в официально несуществующем населенном пункте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 4. С. 119–123.

Список населенных пунктов Крымской АССР (1927) по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Симферополь: КрымЦСУ.

Смирнова А. А., Смирнов И. П., Ткаченко А. А. (2024). Расселение: основные понятия, подходы, результаты исследований. Тверь: Тверской гос. университет.

Смирнова А. А., Ткаченко А. А., Лебедев К. С. (2026). Устойчивость и уязвимость сельского расселения в муниципальных образованиях типичного Нечерноземья // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. Т. 81. № 2. С. 81–93.

Ткаченко А. А., Смирнов И. П., Смирнова А. А. (2019). Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 78–85.

Тунманн [И. Э.] (1991). Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Симферополь: Таврия.

Фомкина А. А. (2016). Трансформация местных систем расселения слабоурбанизированных территорий Центральной России (на примере Тверской области): автореф. дис. … канд. геогр. наук. М.

Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2021). Время основания сельского населенного пункта как фактор его стабильности (на примере Лебедянского района Липецкой области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 1. С. 88–96.

Шевчук А. Г., Швец А. Б. (2010). Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX — начале XXI в. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6. Вып. 1. С. 64–74.

Швец А. Б., Анашенкова В. Р. (2025). Сельские территории Равнинного Крыма: особенности геодемографических процессов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. Т. 11 (77). № 2. С. 61–74.

Швец А. Б., Киселева Н. В., Воронин И. Н., Вольхин Д. А., Яковлев А. Н. (2021). Сельские территории Крыма: границы и содержание образа // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 7. № 3. С. 128–153.

Яковенко И. В. (2020). Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 58–70.

Historical transformation and factors of the rural settlement sustainability in the Steppe Crimea

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Abstract. The article considers the historical transformation of the rural settlement patterns in the Steppe Crimea on the example of the Krasnogvardeysky district and identifies factors of the contemporary sustainability of rural settlements. Based on the historical-geographical analysis, archival materials, cartographic sources, census data and statistical information, the author describes the main stages in the development of the district's settlement network from the late 18th century to the present, showing that the current settlement system was shaped by successive waves of colonization, agricultural development, administrative and territorial reforms, deportation of the peoples of Crimea in 1944, subsequent resettlement policies, and concentration of population in the central estates of collective and state farms. The settlement's historical age is not an independent factor of its present-day demographic sustainability. The most sustainable rural settlements are those characterized by a favorable transport-geographical location, well-developed social infrastructure, central administrative and service functions. The study revealed increasing spatial polarization of the rural settlement system, which is manifested in the population concentration in major local centers, accompanied by the depopulation of small peripheral settlements. The author argues that the contemporary model of rural settlement in the Steppe Crimea is determined to a greater extent by the system of central places and transport connections established during the Soviet period than by the time of settlement foundation. These findings contribute to a better understanding of factors of the rural settlement sustainability in regions that underwent profound historical and demographic transformations.

Key words: settlement geography, rural settlement, spatial development, settlement sustainability, settlement foundation period, historical transformation

References

Abdullaev I. (2012) Musulmanskie kultovye sooruzheniya v kolonialny (1783–1917 gg.) i sovetsky (1921–1991 gg.) periody istorii Kryma [Muslim religious buildings during the colonial (1783–1917) and Soviet (1921–1991) periods in the history of Crimea]. *Golos Kryma,* no 45–52.

Abdullaev I. (2013) Musulmanskie kultovye sooruzheniya v kolonialny (1783–1917 gg.) i sovetsky (1921–1991 gg.) periody istorii Kryma [Muslim religious buildings during the colonial (1783–1917) and Soviet (1921–1991) periods in the history of Crimea]. *Golos Kryma,* no 2–8, 11.

Alekseev A. I., Safronov S. G. (2015) Izmenenie selskogo rasseleniya v Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Changes in Russia's rural settlement in the late 20th — early 21st century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* no 2, pp. 66–76.

Alekseev A. I., Safronov S. G. (2017) Tipologiya selskih naselennyh punktov Evropeiskoi chasti Rossii v sovremennoi demograficheskoi i sotsialno-ekonomicheskoi situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the contemporary demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* no 6, pp. 55–61.

Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2021) Vremya osnovaniya selskogo naselennogo punkta kak faktor ego stabilnosti (na primere Lebedyanskogo raiona Lipetskoi oblasti) [Foundation time of rural settlement as a factor of its stability: A case study of the Lebedyansky district in the Lipetsk Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* no 1, pp. 88–96.

Fomkina A. A. (2016) *Transformatsiya mestnyh sistem rasseleniya slabourbanizirovannyh territorij Tsentralnoi Rossii (na primere Tverskoi oblasti)* [Transformation of Local Settlement Systems in Weakly Urbanized Areas of Central Russia (on the Example of the Tver Region)], Moscow.

Gusakov T.Yu. (2019) Etnicheskie migratsii na Krymskom poluostrove (1783–2014 gg.) [Ethnic migrations on the Crimean Peninsula (1783–2014)]. *Geograficheskiy Vestnik,* no 4, pp. 69–81.

Gusakov T.Yu. (2021) Migratsii naseleniya kak osnovnoi faktor transformatsii sistemy rasseleniya Krymskogo poluostrova [Migration as the main factor in the transformation of the settlement system of the Crimean Peninsula]. *Russian Peasant Studies,* vol. 6, no 2, pp. 99–120.

Kovalev S. A. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works], Smolensk: Oikumena.

Krymskie tatary (2005): *Khrestomatiya po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kulture* [Crimean Tatars: A Reader on Ethnic History and Traditional Culture]. Eds.by M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen, Simferopol: DOLYA, pp. 11–12.

Lashkov F. F. (1897) Sbornik dokumentov po istorii Krymsko-tatarskogo zemlevladeniya [Collection of documents on the history of the Crimean Tatar landownership]. *Izvestiya Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii,* vol. 26.

Nefedova T. G. (2018) Faktory i tendentsii izmeneniya selskogo rasseleniya v Rossii [Factors and trends in the transformation of rural settlement in Russia]. *Sotsialno-Ekonomicheskaya Geografiya. Vestnik Assotsiatsii Rossiiskih Geografov-Obshchestvovedov*, no 7, pp. 1–12.

Ocherki istorii i kultury krymskikh tatar (2005) [Essays on the History and Culture of the Crimean Tatars]. Ed. by E. Chubarov, Simferopol: Krymskoe Uchebno-Pedagogicheskoe Gosudarstvennoe Izd-vo.

Pokshishevsky V. V. (2025) *Geografiya migratsii naseleniya v Rossii. Opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya* [Geography of Migration in Russia: An Essay on Historical Geography]. Comp. and introduction by A. A. Agirrechu, M. S. Savoskul, Moscow: Kuchkovo Pole, pp. 380–384.

Prokhorova E. A., Kazarin Ya.O., Furshtakov I. A. (2017) Kartografirovanie sistemy rasseleniya poluostrova Krym pod vliyaniem transportnogo faktora [Mapping the settlement

system of the Crimean Peninsula under the influence of the transport factor]. *Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii "InterKarto. InterGIS"*, vol. 23, no 2, pp. 53–64.

Rogozhin G. N. (1973) *Selskoe rasselenie Ukrainskoi SSR* [Rural Settlement in the Ukrainian SSR], Kiev: UkrNIINTI.

Savoskul M. S., Alekseev A. I. (2019) Selsko-gorodskie soobshchestva v ofitsialno nesushchestvuyushchem naselennom punkte [Rural-urban communities in the officially non-existent settlement]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 119–123.

Shevchuk A. G., Shvets A. B. (2010) Politiko-geograficheskiy faktor evolyutsii krymskoi sistemy rasseleniya naseleniya v XX — nachale XXI vv. [The political-geographical factor in the evolution of the Crimean settlement system in the 20th — early 21st centuries]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov,* vol. 6, no 1, pp. 64–74.

Shvets A. B., Anashenkova V. R. (2025) Selskie territorii Ravninnogo Kryma: osobennosti geodemograficheskih protsessov [Rural areas of the Steppe Crimea: Features of geodemographic processes]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 11, no 2, pp. 61–74.

Shvets A. B., Kiseleva N. V., Voronin I. N. et al. (2021) Selskie territorii Kryma: granitsy i soderzhanie obraza [Rural territories of Crimea: Boundaries and content of the image]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov,* vol. 7, no 3, pp. 128–153.

Smirnova A. A., Smirnov I. P., Tkachenko A. A. (2024) *Rasselenie: osnovnye ponyatiya, podkhody, rezultaty issledovanij* [Settlement: Basic Concepts, Approaches and Research Results], Tver: Tver State University.

Smirnova A. A., Tkachenko A. A., Lebedev K. S. (2026) Ustoichivost i uyazvimost selskogo rasseleniya v munitsipalnyh obrazovaniyah tipichnogo Nechernozemya [Sustainability and vulnerability of rural settlement in municipalities of the typical Non-Black-Earth region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* vol. 81, no 2, pp. 81–93.

Spisok naselennyh punktov Krymskoi ASSR (1927) *po vsesoyuznoi perepisi 17 dekabrya 1926 goda* [List of Settlements of the Crimean ASSR according to the All-Union Census of December 17, 1926], Simferopol: KrymTsSU.

Tkachenko A. A., Smirnov I. P., Smirnova A. A. (2019) Transformatsiya seti tsentrov selskogo rasseleniya v nizovom raione Tsentralnoi Rossii [Transformation of the network of rural settlement centers in the lowland district of Central Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 78–85.

Tunmann J. E. (1991) *Krymskoe khanstvo* [Crimean Khanate]. Transl. from German by N. L. Ernst, S. L. Belyavskaya, Simferopol: Tavriya.

Vikhrev O. V., Tkachenko A. A., Fomkina A. A. (2016) Sistemy selskogo rasseleniya i ih tsentry (na primere Tverskoi oblasti) [Rural settlement systems and their centers (on the example of the Tver Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya,* 2, pp. 30–37.

Vodarsky Ya.E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. (2003) *Naselenie Kryma v kontse XVIII — kontse XX vekov (chislennost, razmeshchenie, etnichesky sostav)* [Population of Crimea in the Late 18th — Late 20th Centuries (Size, Distribution and Ethnic Composition)], Moscow: Institute of Russian History.

Wolfson B. M. (1940) Emigratsiya krymskih tatar v 1860 g. [Emigration of the Crimean Tatars in 1860]. *Istoricheskie zapiski,* no 9, pp. 186–197.

Vozgrin V. E. (2013) *Istoriya krymskih tatar: ocherki etnicheskoi istorii korennogo naroda Kryma* [History of the Crimean Tatars: Essays on the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea. Vol. 1], Simferopol: Tezis.

Yakovenko I. V. (2020) Analiz i kartografirovanie mnogoletnei dinamiki selskogo rasseleniya v Krymu [Analysis and mapping of the long-term dynamics of rural settlement in Crimea]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov,* vol. 6, no 3, pp. 58–70.

Zubarevich N. V. (2013) Transformatsiya selskogo rasseleniya i selskoi seti uslug v regionah [Transformation of rural settlement and rural service networks in regions]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya,* no 3, pp. 26–38.

«И начал я наблюдать за этой фермой...»

И. Б. Абакумов, А. М. Никулин

Игорь Борисович Абакумов, кандидат экономических наук, директор медиагруппы «Крестьянские ведомости». 143430, Московская область, городской округ Красногорск, деревня Желябино, ул. Саввы Морозова, 1.
E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

EDN: LVUQHV

Аннотация. Во второй части биографического интервью Игорь Борисович Абакумов, завершая воспоминания об аграрных преобразованиях периода перестройки, связанных со становлением фермерства в России, обращается к размышлениям о ключевых событиях конца XX — начала XXI века в связи с феноменом Аграрной партии России и историей Национального проекта развития сельского хозяйства, поддержанного средствами массовой информации. И. Б. Абакумов рассказывает о работе над своими наиболее известными телевизионными документальными фильмами, посвященными интриге взаимодействия проектов освоения Целины и созидания космодрома «Байконур», а также документальному сериалу о сохранении и развитии традиций семейного фермерства в современных аграрных экономиках ряда зарубежных стран. Тема противоречивого взаимодействия личного и общественного в аграрном развитии России является главной доминантой этой второй части интервью.

Ключевые слова: колхоз, фермерство, агрохолдинги, Аграрная партия России, Национальный проект, документальное кино

А. М. НИКУЛИН: Вторую часть этого интервью предлагаю начать с обсуждения эволюции ваших собственных взглядов на аграрный вопрос, на взаимоотношения крупного и мелкого аграрного производства, на крестьянство в его взаимодействии с городом.

И. Б. АБАКУМОВ: Противоречия между общественным и частным обсуждались вовсю еще в период правления ЦК КПСС. Тогда аграрники дальше Болгарии, как правило, никуда не ездили — «курица не птица, Болгария не заграница». Мировым аграрным опытом не владели. Но в определенной степени его наблюдали работники ЦК КПСС и обкомов, которые ездили в разные страны, и неожиданно, где-то в году 1977–1978-м московский обком партии выступил с инициативой построить семейную ферму.

А. М. НИКУЛИН: Это при Конотопе было?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Василий Иванович Конотоп был первым секретарем обкома КПСС. Это была вторая половина 1970-х годов. Как раньше было принято: создали комсомольско-молодежную семейную ферму, выбрали место — Клинский район, деревня Золино. Там была колхозная усадьба — скот вывезли, помещение санировали, отремонтировали, сделали даже стеклянный колпак наверху — фонарь такой, на тот момент модный, чтобы поменьше электроэнергии тратить. Елочки вдоль дороги специально посадили — для приезда Конотопа. Они до сих пор там, эти елочки. Нашли молодую семью, поселили ее в построенный для них домик. Домик, через 200 метров — ферма, пруд хороший, где коровы могли попить, искупаться. Хороший выпас. Председатель колхоза имени Горького, где это все затевалось, молодой Виктор Васильевич Анискин. Мы с ним приятельствовали, и я говорю: «Хочу наблюдать за этой фермой, но к тебе не наездишься». Он говорит: «А я тебе дом дам, колхозный. Пустой дом, мы его подремонтируем, печку подправим, забор поставим, электричество подведем, и будешь приезжать, переночевать, неделю провести, сколько хочешь, ни с кем не связываясь. У нас там косари жили, но сейчас уже не приезжают — техника вместо косарей теперь». И начал я наблюдать за этой фермой. Смотрю, а там то одна семья сменилась, то вторая, то третья. Я так исподволь, проходя мимо, вопросы задаю по-соседски — на одной улице же все. Оказалось, что форма сменилась, а суть осталась прежней: молоко сдавали — слово «продавать» еще не было — в колхоз по цене, которая была установлена колхозом.

А. М. НИКУЛИН: Так это такой семейный подряд или семейная бригада?

И. Б. АБАКУМОВ: Да просто нашли молодую семью и назвали это семейной фермой. Конечно, написали, что это прям, как в Европе, но суть осталась прежней. Хотя они не получали зарплаты в колхозе — им перечисляли деньги за сданное молоко, но счета у них не было — на каком-то субсчете в бухгалтерии эти деньги каким-то образом копились, они могли даже себе купить халаты, еще что-то такое с этих денег, но эта «зарплата» была не выше, чем в колхозе. В общем, формально была семейная ферма, а на деле нет. Когда я Вите Анискину об этом сказал, он говорит: «Только ты в обкоме об этом не говори. Мы-то все видим». Я спрашиваю: «А что ты не хочешь их отделить совсем, чтобы свой бюджет вели и так далее?» И тут он меня огорошил: «Они сами не хотят». По моим ощущениям, среди того советского народонаселения, что вышло из колхозов и совхозов, самостоятельно работать были готовы процентов пять, не более. Всех остальных устраивает работа по найму, стабильный оклад, колхоз построит дом, дочку Машей назовем. Как говорится: «Дело было в Пенькове».

А. М. НИКУЛИН: Возможно, оно так и было. В первой части интервью мы обсуждали, кто откликнулся на возможность стать фермерами, забросав вашу редакцию письмами, то набралось как

раз 2%, — а остальной народ с любопытством и опаской посматривал, что происходит и что дальше будет.

И. Б. АБАКУМОВ: И все же тогда это был уже 1989 год — началось движение арендаторов. Им давали неудобья, заросшие поля, они их восстанавливали, ездили, делали. У них ничего не было — ни денег, ни техники, где-то все это доставали, а за ними гонялись: «Где вы сперли трактор?» В «Известия» приехал немец Армин Блюм (мы его прозвали «Товарищ Цветков»), и он рассказал нам такую идею: сейчас в ФРГ идет активная замена сельхозтехники, даются очень большие льготы на покупку новой, а старую можно по цене металлолома привезти вашим фермерам. Но надо создавать для этого новую структуру, которая будет собирать старую технику, от которой люди избавляются, поскольку новую предоставляют только, что называется, по трейд-ин, т. е. старую технику ты списываешь с баланса, типа на металлолом, а новую получаешь. Я пошел опять к главному редактору, говорю, что про арендаторов мы уже писали, а это другая история. И тогда появилась статья «Есть шанс дать арендатору технику сегодня». И телефон я указал свой служебный. Так он из черного стал красным. Жуть была! И письма пошли мешками, часть откликов мы опубликовали. Эта акция шла где-то месяц. Мы ждали реакции властей, но — молчание. Мы в конце концов начали взывать к министру тракторного и сельскохозяйственного машиностроения Александру Александровичу Ежевскому, к министру сельского хозяйства СССР Вячеславу Ивановичу Черноиванову. Позже, когда мы обратились в ЦК КПСС, нам позвонили из приемной секретаря ЦК КПСС по селу Виктора Петровича Никонова. Лаптев, главный редактор «Известий», сказал мне, что большая делегация собирается поехать в Германию, посмотреть, что там действительно происходит, и меня в нее включили, поскольку я автор материалов. Мне в течение суток оформили синий служебный паспорт. Я до этого за границей был только в Болгарии, а тут сразу ФРГ, причем в составе правительственной делегации: самолет, ВИП-места, первый класс. Мы прилетели, а никуда смотреть технику не собираемся. Мне говорят: «Завтра куда-нибудь съездим, какой-нибудь сарай посмотрим». Просто чтобы закрыть вопрос: обсуждено, технику не нашли. Я по возвращении докладываю об этом редактору, а он: «Мы против ЦК не пойдем — давай, закрываем акцию. Просто перестань публиковать — само рассосется».

А. М. НИКУЛИН: Как все кипело и бурлило!

И. Б. АБАКУМОВ: Не то слово. Ежевский мне говорил — нельзя тащить хлам в страну, они нас на запчастях разорят. Это была одна правда. А то, что трактора 40–50-х годов были на ходу с полным техосмотром — это была другая правда. И то, что до сих пор нет техники для маленьких полей — это третья правда, наша промышленность ее даже скопировать не может — не ставится такой политической задачи.

А. М. НИКУЛИН: Да, разные группы в руководстве страны буквально раздирали разные интересы и точки зрения.

И. Б. АБАКУМОВ: Тихий ужас! Тогда же, в перестройку я посмотрел уголовное дело Ивана Никифоровича Худенко. Мне даже в генпрокуратуре сделали ксерокопии. В общем, дело Худенко абсолютно высосано из пальца. 10 человек арендаторов заменили целый совхоз и получали огромные по тем временам заработки. Испугались массовой безработицы и завели дело.

А. М. НИКУЛИН: Его, я так понимаю, потом реабилитировали.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, а что толку — он в 1974 году умер в тюремной больнице. Просто убили человека.

А. М. НИКУЛИН: Если вспоминать замечательных советских председателей, то я помню в перестройку мы в Институте экономики СССР познакомились с председателем колхоза «Шукты» Дагестанской АССР Магомедом Абакаровичем Чартаевым, который пытался у себя проводить реформы. Замечательный был человек.

И. Б. АБАКУМОВ: Сейчас ничего не осталось от его колхоза. Люди о Чартаеве отзывались очень хорошо: добрый человек, честный. Я писал о нем и его деле, съездил в его колхоз, описал эксперимент. Магомед у нас в отделе сельского хозяйства «Известий» был постоянным гостем, считал, что его систему надо бы в масштабах на всю страну. Но я ему говорил: «Дорогой, это в Дагестане сработает, где тебя знают. На Алтае — будет другое. А на Дальнем Востоке — вообще все третье».

Не думаю, что нынешние призывы к молодым людям идти в сельское хозяйство, фермерство возымеют широкое действие. Ведь надо еще разобраться, что со стариками произошло, с теми первыми фермерами первой волны перестройки, сколько из них осталось фермерствовать.

В пору становления АККОР я стоял больше на позиции академика Владимира Александровича Тихонова — что деньги, выделенные на фермерство, надо было пустить в рост. Они бы еще приросли, и тогда можно было бы спонсировать фермеров, выделять гранты на развитие производства.

А. М. НИКУЛИН: При этом была бы какая-то финансовая дисциплина.

И. Б. АБАКУМОВ: Конечно. А тогда деньги давали фермам как безвозмездную ссуду, очень многие в результате через год-два истратили эту ссуду, нахватали совхозной техники, не понимая ничего в этом деле, оказались ни с чем.

А. М. НИКУЛИН: Тогда и горожане брались за фермерство.

И. Б. АБАКУМОВ: Я знаю много горожан, которые оказались эффективны и сейчас, это не аргумент. Авантюристов было очень много: людей, которые просто пришли срубить денег, а потом свалить. Осталось очень много брошенных хозяйств. Но председателю АККОР Башмачникову нужен был широкий политический охват. Задачу эту он выполнил, но потом его же и отодвинули.

А. М. НИКУЛИН: Во время перестройки появились и реальные политические проекты, связанные с идеей аграрной партии.

И. Б. АБАКУМОВ: Первая аграрная партия создавалась при непосредственном участии ЦК КПСС и КГБ еще в советское время — ее просто не успели оформить до 1991 года, а только 1992-м. Еще до августовского путча 1991 года стала вырабатываться многопартийная система как симулякр многопартийной системы. Так, например, создавалась ЛДПР, еще при СССР. Разработка такой многопартийности происходила на Лубянке. Это была подготовка к исчезновению КПСС. Она должна была исчезнуть внезапно, что и произошло, когда Ельцин в 1991 году выпустил свой указ о ее роспуске. КПСС исчезла, будто ее не было 75 лет, как будто не она победила в Гражданской и Второй мировой войне, не она обеспечивала полет человека в космос. Надо отдать должное, что это исчезновение было организовано очень грамотно, технично, средства были выведены на нужные счета, сохранены кадры. Большинство функционеров оказались в государственных корпорациях, международных организациях, международных фирмах с хорошими бюджетами, стали главами государств. Так КПСС вроде и дематериализовалась, а вроде и нет. А в качестве спойлера поставили КПРФ Зюганова: вот, смотрите — коммунисты никуда не делись, просто переименовались. Ничего подобного, Зюганов — это совершенно другая партия, мало общего имеющая с КПСС. Технично было сделано. И видимо, поскольку создание ЛДПР отняло много времени и сил (все же непривычное было дело), решили аграрный политический проект отложить. Разговор о создании аграрной партии я слышал своими ушами, и тогда было понятно, кто будет лидер — Михаил Иванович Лапшин. Это было ясно еще в 1990 году. Лапшин открыто говорил, что сейчас создается партия. Михаил Иванович откровенный был человек — он, конечно, коммунист, но не в этом дело. Он, как председатель замечательного колхоза, был за село. Деятельный человек, который понимал, что к чему. Не назначенец. И обратите внимание: как только Аграрная партия приняла участие в выборах, она сразу заполучила в Думе свою фракцию, с ходу.

А. М. НИКУЛИ: Да, это был успех.

И. Б. АБАКУМОВ: Не просто успех — восторг просто! А затем власть перепугалась, потому что перед глазами стояли примеры мощной крестьянской партии в Польше или аграрной фракции в парламенте Испании. В Польше даже в конституции записано, что основой сельского хозяйства является семейная ферма.

А. М. НИКУЛИН: Да, Польша — единственная страна во времена социализма, где не прошла коллективизация, и в основаниях сельской жизни так и остались крестьянские хозяйства. Но вернемся в Россию. Итак, Аграрная партия — успех на выборах 1993 года, аграрии влиятельны, власть их даже испугалась.

И. Б. АБАКУМОВ: Власть испугалась еще и потому, что фактически произошло слияние КПРФ и Аграрной партии до такой

степени, что последнюю начали называть «сельхозотделом КПРФ». И от такого союза двух мощных фракций в парламенте Ельцину, конечно, стало не по себе. А тем временем аграрии на региональных выборах регулярно одерживали победы, не только в центре России, но и на Дальнем Востоке, на Алтае. Но такое хождение аграриев в политику, к сожалению, в конце концов так ни к чему и не привело.

А. М. НИКУЛИН: Пусть в начале XXI века собственная политическая активность аграриев сошла на нет, но в это же время начался реальный аграрный экономический рост, и его принято связывать с успехами так называемого национального проекта по сельскому хозяйству.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, к этому времени создается Россельхозбанк, а министром сельского хозяйства становится Алексей Васильевич Гордеев. И эта ключевая связка привела в 2005 году к возникновению национального проекта «Развитие АПК». Подготовка к этому шла достаточно долго — примерно как к знаменитому апрельскому пленуму ЦК КПСС 1985 года. Причем не то чтобы в секретной обстановке, но без особой огласки, хотя силы были привлечены значительные. Во-первых, академическая наука, во-вторых, губернаторы. Главы территорий отнеслись к этому без особого интереса, за исключением саратовского губернатора Дмитрия Аяцкова, нашего замечательного белгородского губернатора Евгения Савченко, Вячеслава Позгалева в Вологодской области. Ну и из Алтайского края Александр Назарчук, который до этого сам был министром сельского хозяйства. Люди с абсолютно разными взглядами на развитие сельского хозяйства, но за село болели и были готовы искать компромиссы друг с другом. Даже Назарчук. Я его не считаю апологетом коммунистического пути развития, но у него не отнять, что он действительно знал село глубоко и переживал за людей. Когда мы с ним встретились в последний раз, обнялись, он говорит: «Хотя ты и гадина, но я тебя люблю». Мы достаточно долго были знакомы, он за государственный путь развития сельского хозяйства, я за частный. Но тем не менее мы нашли общие моменты для сотрудничества.

Если вернуться к исходу XX века, я в первой части интервью забыл упомянуть, что где-то в конце 1990-х годов присутствовал в кабинете вице-премьера по селу Заверюхи в тот момент, когда он лично принимал сводки по наличию зерна в регионах. Ему не врали, потому что доверяли — Александр Харлампиевич Заверюха был авторитет. И когда он сначала в столбик, потом на калькуляторе все проверил, звонит Черномырдину и говорит: «Все! Зерно мы можем больше не покупать, у нас своего хватает». В этот момент наступил конец зерновому импорту, который продолжался со времен Хрущева.

А. М. НИКУЛИН: Так ведь это было связано с тем, что уже скотину в значительной степени порезали, но урожаи у нас особо не росли вплоть до начала XXI века.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, скотины стало меньше, но важен сам политический акт, что мы прекращаем импорт зерна. Я в этот момент как раз и присутствовал. Я Заверюху спрашиваю: «Сообщаем в «Известиях»?» Он говорит: «Нет, секретная информация. Мы же должны разорвать все договоры, а они с обязательствами и так далее. Сейчас пойдет дипломатия...» Дело в том, что зерновой импорт — это был обоюдовыгодный бизнес по обе стороны океана. При таких громадных объемах закупок — от 20 до 40 млн тонн в разные годы — игра на одном центе за тонну приносила миллионы и тем, и другим. В ЦК КПСС этим занимались в основном сельхозотдел и международный, у них заинтересованности были большие. Я предложил одному из бывших замминистра сельского хозяйства, занимавшемуся импортом, что пора уже рассказать, как это было. Он говорит: «Я тебя очень люблю, но я еще хочу пожить». До сих пор люди, которые этим занимались, живы, и они оказывают какое-то политическое влияние.

А. М. НИКУЛИН: То есть вся эта интрига с покупкой-продажей зерна тянулась начиная со времен так называемого зернового ограбления — старта покупки зерна в США при Хрущеве и дальнейшем наращивании зернового импорта при Брежневе с 1960-х годов и вплоть до конца 1990-х годов?

И. Б. АБАКУМОВ: Да! Кстати о Хрущеве: в 2005 году был юбилей Целины, и «Первый канал» попросил меня сделать о ней сценарий документального фильма: «Это твоя тема, верим только тебе, давай сделаем».

А. М. НИКУЛИН: А как бы Вы охарактеризовали свою профессиональную деятельность на телевидении и кинодокументалистике? Пока что мы в основном обсуждали путь журналиста в газете.

И. Б. АБАКУМОВ: Первый мой фильм и был про Целину. И это не совсем обычная история. Я и мои коллеги начали сопоставлять даты, фамилии участников, время и пришли к выводу, что Целина, если коротко, была операцией-прикрытием строительства космодрома «Байконур». Сначала это выглядело как конспирологическая версия: ведь два этих события — начало строительства космодрома «Байконур» и бурное развитие целины — произошли одномоментно. Но когда я начал разбираться, в чем же дело, то понял, что это уже не в чистом виде конспирология, особенно если вспомнить, кто на тот момент был первым секретарем ЦК Компартии Казахстана — а это был Брежнев. И что он до этого курировал в ЦК КПСС? Во времена уже Хрущева-Маленкова он курировал оборонпром. А замом у него был Пономаренко, его он взял с собой на Целину. Во время Великой Отечественной войны Пономаренко был начальником главного штаба партизанского движения. Он специалист по маскировке, диверсионным операциям. И когда я сопоставил эти факты: Целина и строительство «Байконура», Брежнев и Пономаренко — у меня начала вырисовываться похожая на правду картина, далекая от конспирологии. Отсюда и родилась идея

фильма «Байконур: операция прикрытия». И делать мы начали его не столько про Целину, сколько про «Байконур». Целина — «Байконур» — это было очень удобно: в одну и ту же сторону отправлялось колоссальное количество стройматериалов, металлических конструкций, рабочих и так далее. Ночью от этих эшелонов среди целинной степи по боковой ветке отделялась значительная часть этих самых эшелонов и останавливалась на никому не известной станции Тюратам. Это был просто разъезд. В целях конспирации Байконур на картах сместили. Есть такое понятие — «Байконур», но это где-то в 300 км от Тюратама.

А. М. НИКУЛИН: Я бы сказал, что это интересная версия с точки зрения социально-философской истории русского космизма. Такие космисты, как Николай Федоров, Георгий Вернадский, были и аграристами, писали об огромном значении сельского хозяйства, сельского образа жизни. У них село и космос всегда вместе.

И. Б. АБАКУМОВ: Я решил проверить свою мысль и попросил написать запрос от «Первого канала» в Центр общественных связей ФСБ. Мол, мы снимаем такой-то фильм, у нас есть версия, что Целина — это было прикрытие «Байконура», просим подтвердить или опровергнуть. Через некоторое время мне звонок: приглашаем в Центр общественных связей. Я прихожу в здание на Лубянке, меня очень доброжелательно встречают, угощают чаем — вдруг входят шесть генералов, в форме: «У нас к вам один вопрос: откуда вы получили эту информацию?» Я говорю: я просто сопоставлял открытые данные из открытых источников. Начальник центра: «Перед вами сидят все руководители, кто в живых, служб безопасности космодрома «Байконур». И они сказали: «Вы попали действительно в самую десятку». И еще у них был такой шуточный вопрос: «А почему вы у нас не работаете?» Я говорю: «Это не ко мне вопрос, а к вам, да я уже и по возрасту не подхожу». Мне было около 50, когда мы поехали снимать этот фильм, свое 50-летие встречал на космодроме «Байконур». И как раз в день моего рождения, 22 мая, там запускался космический корабль. Вышло так, что, поскольку мы уже готовили фильм, пришлось им снимать гриф секретности со многих материалов. Мы первыми получили секретные в прошлом материалы со штемпелем «секретность снята».

Что касается приоритетного национального проекта от 2005 года: подготовка шла очень целенаправленно, Гордеев участвовал во всех заседаниях, откладывал все дела ради разговора с экспертами. Я в этом участвовал, уже будучи главным редактором «Крестьянских ведомостей». Из «Известий» я, по понятным причинам, ушел в конце 1991 года, уже оттолкнулся и на своей льдине поплыл. Тесно общался и с Юрием Трушиным, он из семьи банкиров, банкир в третьем поколении.

А. М. НИКУЛИН: Надо же! Большая редкость для России — такая династия.

И. Б. АБАКУМОВ: Его дед приносил зарплату рабочим Сталинградского тракторного завода в тот момент, когда половина завода была у немцев, а половина у наших. Мама его тоже была заведующей банка в городе Фролово Волгоградской области — там Трушин и родился. Он прошел очень хорошую школу у Виктора Геращенко, попал к нему на стажировку в Московский народный банк, там приобрел привычку говорить много, интересно, но не говорить ничего. Как известно теперь, из Моснарбанка финансировались все национально-освободительные движения в мире. И Геращенко там руководил, так что знал очень много.

А. М. НИКУЛИН: Все эти люди как-то повлияли на планирование и создание нацпроекта по сельскому хозяйству? Говорят, нацпроект по сельскому хозяйству практически «успел вскочить в последний вагон», поскольку изначально его не планировали.

И. Б. АБАКУМОВ: Даже не в «последний вагон», а в «лишний». Гордеев собрал команду из крупных ученых-аграрников, и они пошли к президенту, объяснили, что без этого проекта никак. Он говорит: денег нет, все, что было, ушло на нацпроекты по образованию, здравоохранению и т. д. В общем, пообещали только выдавать льготные кредиты. Трушин считал, что поскольку люди не привыкли брать кредиты, боятся, нужно что-то предпринять. Короче, быстро было принято решение создать специальный сельскохозяйственный банк — Россельхозбанк, Трушин стал председателем его правления. Я помню, противники возражали: банков и так много, зачем еще один, и государственный? Тогда Виктор Геращенко, тогда его все звали «Геракл», сильно поддержал это решение, ведь он до этого дважды, еще с конца 1980-х годов, занимался созданием банков для развития сельского хозяйства. А когда лопнул «СБС-Агро», остались его отделения, и всю его структуру надо было срочно передавать вновь собранному банку. И многие банкиры, у которых было большое влияние — еще же «семибанкирщина» до конца не завершилась, на Трушина смотрели, как на колхозника в балете, хотя он очень опытный банкир. В первую очень пришлось срочно воссоздавать коллектив профессионалов для банка, лучших людей собрали со всей страны: Трушин их знал, и они знали Трушина. Банк начали делать втихаря — сидели в Орликовом переулке, несколько комнат, боковой вход на третьем этаже. Я к ним зашел — народ сидит за обшарпанными столами, компьютеров нет, одни калькуляторы. Банк пока не зарегистрирован, документы готовят на пишущих машинках! Я спрашиваю: вы чего так? «Да нам боятся что-либо давать, потому что всем сказали молчать про этот банк». Я думаю: ладно, нанимаю две «газели», привезли из редакции новую мебель, несколько компьютеров. Трушин говорит: «Это что такое?!» Я говорю: «Презент. Вы же нас учреждали при СССР, мы вам помогаем сейчас. Когда-нибудь в будущей жизни и вы нам поможете».

Потом меня пригласили Трушин и Гордеев, поинтересовались, какие есть идеи по поводу информационной составляющей нацио-

нального проекта. Я говорю: в общем, ничего сложного нет, вопрос, каковы цели и финансирование. Мы же сделаем следующее: первое — подготовим брошюру «сто вопросов и ответов» о том, что такое кредиты и как их получить. Второе: организуем отдельную редакцию, которая будет делать текстовые репортажи, интервью, заметки для районных газет. Областные нам не нужны — их мало кто читает, а районные читают все, их порядка 2500. Мы делаем рассылку подготовленных материалов по почте во все районные газеты. Третье — мы делаем радиоинформацию, то же самое, но в радийном варианте: 2–3-минутное интервью. У областных и районных журналистов и радийщиков дефицит материалов из центра, а мы им будем давать информацию бесплатно. Они все это будут печатать и выводить в эфир. И еще мы будем рассылать короткие видеоматериалы: интервью с Гордеевым, с прямыми вопросами и прямыми ответами, интервью с Трушиным и т. д. И когда мы это сделали, это была бомба! Информация о приоритетном национальном проекте развития АПК разлетелась от Калининграда до Владивостока.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, как она внезапно повсюду появилась.

И. Б. АБАКУМОВ: Внезапно как жахнула по всей стране! Трушин сказал: «Я сильно удивлен, я не думал, что это вообще возможно сделать». Но мы это делали не только через почту, но и через отделения Россельхозбанка, которых было больше, чем у Сбербанка. Кажется, чуть ли не в каждом селе. Даже в крупных совхозах они открывали отделения, прямо в правлении. И мы использовали эту сеть для распространения информации.

А. М. НИКУЛИН: Так вы вместе с Россельхозбанком через радио и районные газеты «овладели массами»?

И. Б. АБАКУМОВ: Не просто овладели, журналисты тоже были счастливы, получая готовый профессиональный материал, уже в нужном формате, сокращать ничего не надо. Мы же знаем, какой тайминг у радио — минута, 3 минуты, 7 минут максимум, вот мы и делали материал в пределах трех минут, просто вставляй, все уже готово. Потом они уже обращаются к нам с просьбами свести с исполнителем, просят: «Задайте вот такой вопрос, вот такой...» Гордеев и Трушин всегда выделяли время для интервью, мы приходили со съемочной группой, тут же писали звук, аудио. Такого никто никогда не делал.

А. М. НИКУЛИН: Еще была история с многосерийным документальным фильмом про особенности национальных сельских хозяйств.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, когда был приоритетный национальный проект, мы много поездили по миру. Идея фильма о сельском хозяйстве начиная с 1861 года и по конец XX века давно сидела в голове — денег мы тогда заработали и решили такой фильм снять.

Примерно года полтора мы договаривались со всеми странами, чтобы нас приняли для документальных киносъемок: во-первых, чтобы нам предоставили информацию по истории сельского хозяй-

ства, во-вторых, нашли фермеров для видеоинтервью. Фермы должны были быть с долгой историей сельского домохозяйства, а не однодневная аграрная компания, чтобы лет двести фермерская семья обрабатывала землю на одном и том же месте. Мы нашли в конце концов таких людей во Франции, в Англии, в Нидерландах, в Греции. Помогали нам здорово. И мне очень хотелось (хотя у нас были деньги на собственно съемки), чтобы именно этот фильм профинансировало государство. Если государство дало бы нам хотя бы рубль, я бы дырочку в нем просверлил, повесил на грудь и всем показывал: нас финансирует государство. Мы написали письмо в Госкомитет по телевидению и радиовещанию, там попросили письма поддержки. Их написали Гордеев от Министерства сельского хозяйства, председатель комитета Госдумы по сельскому хозяйству, председатель комитета по сельскому хозяйству Федерального собрания, о том, что фильм нужен, надо финансировать. Мы это все приложили, отправили, сидим ждем. Продолжаем договариваться, уже съемки начали в Ставрополе. И мне говорит моя ассистент, Ирина Николаевна: «Звонили из комитета, сказали, что такой фильм государству не нужен». Она мне потом рассказывает: «У вас глаза, как у вурдалака стали — белые. Вы побледнели и ушли в кабинет, я начала вам стучать: “С вами все в порядке?”». Я говорю: «Давайте мне машину, позвоните в госкомитет, скажите, что я приеду». Я к ним приезжаю, говорю: «У меня к вам одна маленькая просьба. Мне нужно посмотреть на человека, который сказал, что этот фильм государству не нужен».

Красивая дама (зампред госкомитета) спрашивает: «А зачем?» «Из интереса. Вы мне покажете его — я с ним ни разговаривать не буду, ни вопросы задавать, ни кричать “почему, доколе” — я просто посмотрю, и потом всем буду рассказывать, что видел человека, который сказал, что такой фильм государству не нужен». Она чувствует — что-то не то: я не ору, рубашку на груди не рву. «Давайте так: вы сейчас уедете, а я вам позже позвоню». Не успел я доехать до редакции, уже звонок: нашли немного денег — примерно процентов 10 от того, что мы ожидали. Я же говорил — рубль. Зато мы пишем: «при поддержке государственного комитета». Важно было показать, что «крестьян нужно любить» не моя личная точка зрения, а государственная — смысл был в этом.

А. М. НИКУЛИН: Фильм есть в Интернете, его смотрят, так что это оказалось очень полезно.

И. Б. АБАКУМОВ: Фильм и по телевидению часто показывают. Он прошел по третьему каналу, мы его включили в свою программу. Очень хорошо получилось — у нас программа 26 минут, и каждая серия по 26 минут — и он прошел по каналу на миллионную аудиторию. В 2009 году он занял призовое место на конкурсе документальных фильмов, получил свою «Лавровую ветвь». Премия очень хорошая, престижная, здесь кинематографисты сами оценивают.

Кстати, пока я над этим фильмом корпел, не обнаружил в Европе ни одного агрохолдинга.

А. М. НИКУЛИН: А у нас к тому времени они уже в силе были — все росли и росли. У нас была особая ситуация: нам нужно было показать, что производство всего на свете в России возможно, и в больших количествах. Мне приходилось беседовать с Алексеем Васильевичем Гордеевым, и перед тем — с Евгением Степановичем Савченко, они говорили: «Конечно, правильнее, по теории и по опыту, чтобы вертикальная интеграция осуществлялась снизу, от фермеров, но в нашей ситуации начала XXI века пришлось достаточно оперативно интеграцию проводить сверху».

И. Б. АБАКУМОВ: Согласен с этим абсолютно, но дело в том, что нужно было в нужный момент остановиться в процессе сверхконцентрации агрохолдингов. Я вообще ничего не имею против агрохолдингов, но я категорически против их неконтролируемого развития.

А. М. НИКУЛИН: Да, должны быть и определенные ограничения. Кстати, они есть в других странах: по земле и по некоторым другим параметрам аграрной концентрации.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, в целях сохранения условий для конкуренции — не более 25% территории муниципалитета — не района, не области, не края — а муниципалитета. На этом в свое время погорел Черчилль, но он же и первый начал с этим бороться.

Я был в Англии, когда лендлорды еще процветали, но уже были на закате. Черчилль начал внедрять антилатифундистское законодательство в 1940-е годы, потому что в 1940 году Англия оказалась на пороге голода по причине морской подводной блокады со стороны нацистской Германии. Свои английские фермеры тогда практически разорились — им была уготована судьба арендаторов у лендлордов, фермеры платили им аренду. Я был в гостях у лендлорда, очень известного и очень типичного, он показывал мне, как у него хорошо живут арендаторы, как он организует для пожилых из них дома для престарелых. Он показывал, как помогают инвалидам, малоимущим, обеспечивают для них медицинскую страховку. Это был где-то 1986 год.

А. М. НИКУЛИН: О «социалке» непременно заводят речь и наши холдинги, сообщая на своих сайтах, например, как они обеспечивают спортивной формой сельских школьников.

И. Б. АБАКУМОВ: Вот только механизм, запущенный Черчиллем против лендлордов в поддержку фермеров, начал приносить результаты только в 1980-е годы. Вступило в действие запретительное законодательство, когда после определенной нормы единоличного владения землей вводится высокий налог, и тогда лендлорды начали избавляться от лишней земли, буквально задешево отдавая ее своим же арендаторам. Как раз в 1990-е годы появилось настоящее английское фермерство — не арендаторы, а собственники. Ничего не изменилось вроде бы, просто форма собственности поменялась. Англия благодарна фермерам за то, что они спасли страну от голода во время войны. Не просто спасли от голода — еще на маленьких фермах действовала программа переселения эвакуированных

детей из городов, подвергавшихся бомбежкам, так спасали целое поколение. Мы этому в нашем фильме уделили большое внимание. Эта программа переселения была хороша еще и тем, что, например, гораздо труднее обнаружить с воздуха маленькую ферму и достаточно дорого ее отдельно разбомбить. В большом городе возможно ковровое бомбометание, целиться никуда не надо.

Тогда Черчилль, сделав выводы из этого кризисного военного опыта, будучи сам, между прочим, крупным латифундистом и герцогом, начал запускать механизм, у которого не было обратного хода: процесс ограничения британских латифундий и создания собственного фермерского сословия. Настоящего — не арендного. Ему это обернулось отставкой.

А. М. НИКУЛИН: Да, это было неожиданно — он проиграл при всей своей популярности.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, его жизнь полна трагизма. Я считаю этот британский пример очень показательным, я в каждом выступлении возвращаюсь к нему. Я не кричу, что агрохолдинги — это очень плохо, я просто рассказываю, почему их нет в Англии, и не только в Англии.

А. М. НИКУЛИН: Крупный агробизнес, конечно, есть во многих странах с высокоразвитым сельским хозяйством, но в них почти не бывает именно гигантских агрохолдинговых латифундий.

И. Б. АБАКУМОВ: Я считаю, что мы сделали большой просчет не при формировании агрохолдингов, а прозевали момент их ограничений при фактически бесконтрольном укрупнении.

“And I started exploring this farm...”

Igor B. Abakumov, PhD (Economics), Head of the “Krestyanskie Vedomosti” media group. Savva Morozov St., 1, Zhelyabino village, Krasnogorsk urban district, 143430, Moscow Region. E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the second part of his biographical interview, Igor Borisovich Abakumov concludes his recollections of agrarian reforms in the perestroika era, especially those linked to the emergence of a group of farmers in Russia, and reflects on key events in the late 20th — early 21st centuries. He discusses the phenomenon of the Agrarian Party of Russia and the history of the media-backed National Project for Agricultural Development. Abakumov describes the production of his most renowned television documentaries: one exploring the interplay between the Virgin Lands Campaign and the construction of the Baikonur Cosmodrome, and another — a documentary series — focusing on the preservation and development of family economy traditions within the contemporary agricultural economies of some foreign countries. The tension between the personal and the public in Russia’s agrarian development is the central theme in the second part of the interview.

Key words: collective farm (kolkhoz), farmers, agroholdings, Agrarian Party of Russia, National Project, documentary

Новая сельскость или restanza? Репрезентации сельского, нарративы личной трансформации и место в современных качественных исследованиях дезурбанизации[1]

Рецензия на книги: Мельникова Е., Куприянов П., Лурье М. (ред.) (2025). Деревня как ценность: идеологии и практики новой сельскости. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.

Teti V. (2024). Il risveglio del drago. Cavallerizzo: un paese mondo, tra abbandono e ricostruzione. Roma: Donzelli.

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

EDN: BGFAXE

На широком дворе, который представлял собой часть сенокосных угодий, арендованных у сельской администрации, была разбросана масса строений, в т.ч. ангар, конюшни, загоны. В центре двора располагалась видавшая виды карусель, неожиданная для этого места. Познакомившись с приветствовавшей нас хозяйкой дестинации Натальей, мы через некоторое время узнали историю карусели. В пандемию в селе застрял разъездной зоопарк. Не имея возможности двигаться дальше и пытаясь спастись от неминуемой финансовой катастрофы, его директор с радостью избавился от этого актива. Муж Натальи, владелец СТО, расположенного напротив, обеспечил подключение агрегата. С немалой любовью и гордостью рассказывая об этом, она в очередной раз подчеркнула, насколько важен этот человек для ее дела. Карусель стала поводом упомянуть и о том, что бизнес предназначен прежде всего для местных. Детям из района теперь не нужно ехать в областной центр, чтобы покататься на карусели (юг Тюменской области, 07.07.2024).

В этой истории из моего полевого дневника соединились несколько мотивов, о которых пойдет речь ниже. Пандемия, ограничившая трансграничную и транслокальную подвижность людей,

1. Обзор выполнен в рамках исследования по гранту РНФ, проект № 25-28-00789.

стала определяющим фактором в том, что принято называть «поворот к внутреннему туризму». В этот же период в исследованиях сельской местности снова начала обсуждаться тема характерного типа дезурбанизации — миграции в село горожан нового типа, движимых иными мотивами, чем известные ранее фермеры или дачники[2]. Люди, подобные Наталье, все чаще появляются в сельском ландшафте, следуя популярным императивам развития территорий и внутреннего туризма. Экономика и социальная роль таких инициатив крайне разнообразны. Этот феномен ставит перед исследователями вопросы, связанные как с фундаментальными изменениями в современной экономике сельской местности, так и с проблемой очередного переосмысления таких категорий, как «городское», «сельское» или «рурбанное».

Нижеследующие заметки, соединяющие жанр рецензии с наблюдениями из полевой практики, представляют собой отклик на две замечательные книги, которые оказались важны для меня при поиске способов интерпретации материала, собранного при работе с небольшими коммерческими и общественными инициативами, занимающимися «развитием территорий» и «мест» в трансграничном сельско-городском пространстве Тюменской, Челябинской и Свердловской областей в 2024–2026 годах. Первая книга называется «Деревня как ценность: идеологии и практики новой сельскости», вторая — «Пробуждение дракона: деревня — мир между оставленностью и воссозданием». Обе книги написаны социальными антропологами, обе создавались во время пандемии COVID-19 и до известной степени представляют собой реакцию на кризисные явления сельской местности, которые в этот период приобрели особую остроту[3]. Первая из них была составлена группой антропологов из Москвы и Петербурга, в 2019–2021 годах реализовавших грант РФФИ «Новая сельскость в современной России: институты, практики, социальное взаимодействие», вторая — представляет собой *opus magnum* вышедшего в конце 2020 года на пенсию итальянского антрополога Вито Тети. Обе книги исследуют изменения языка описания и практик репрезентации сельского в ситуации, когда сама эта категория уже не кажется очевидной. Оба тома отличает стремление к сложной рефлексии и нетривиальности трактовок темы, вытесненной на периферию общественного внимания. Первый том кажется важным прежде всего потому, что в нем на ма-

2. *Halfacree K.* (2024). Counterurbanisation in post-covid-19 times. Signifier of resurgent interest in rural space across the global North? // Journal of Rural Studies. Vol. 110. P. 103378

3. «Деревню как ценность» я читал в печатном, «Пробуждение дракона» — в электронном виде, поэтому следующие ниже цитирования в первом случае отсылают к конкретным страницам, во втором случае — к главам книги. Итальянского языка я никогда не учил, однако современные технологии электронного перевода, кажется, позволяют читателю не дожидаться перевода второй книги на русский или английский языки.

териале современной России и постсоветского пространства обсуждается тема эксплицитной и имплицитной «колонизации» сельских территорий горожанами, движимыми своеобразными, в той или иной степени «идеалистическими» представлениями о деревне. Второй, посвященный сельской Италии, — потому что снимает спорную логику противопоставления «колонизаторов» и «колонизируемых», описывая кризис с точки зрения побуждающей к действиям ностальгии, объединяющей уехавших и оставшихся. Ниже я предполагаю обратить внимание на различия и сходства двух этих точек зрения, обсудить их теоретический контекст и применимость к тому, что видишь в поле, когда знакомишься с теми, кому выпало выступать в роли новых представителей сельского ландшафта.

«Деревня как ценность»

Согласно авторам введения, Екатерине Мельниковой, Павлу Куприянову и Михаилу Лурье, сборник «Деревня как ценность» задумывался как «цельное высказывание, основной смысл которого заключался в предъявлении и обсуждении... мозаичности подходов и ракурсов, отсутствии единых оснований, общей генеалогии и терминологии в исследованиях сельскости» (с. 9). Парадоксальность формулировки издательской концепции дополняется сложной историей «сборника-долгостроя» (с. 8) — реализация стоящего за ним исследовательского проекта пришлась на разгар пандемии, отнюдь не благоприятствовавшей полевой работе, а подготовка книги растянулась еще на несколько лет. Впрочем, «мозаичность» (с. 9) — нормальное свойство коллективных монографий, и в данном случае она компенсируется качеством составляющих том исследований и глубиной свойственной для них рефлексии. Эксплицитной темой книги стала «новая сельскость» (new rurality) как «удобный зонтичный термин, позволяющий наметить контуры разнообразных форм эксплуатации “сельскости”», такие как «коммодификация сельской утопии, прорастание урбанистических структур в сельскую среду, модные глэмпинги и экодеревни, фермерские лавки и постановочные сельские гулянья, агротуризм» и т. д. (с. 10–11). Исследуя далее генеалогию термина, восходящего к терминологии политики устойчивого развития, авторы признаются в том, что используют его иначе, в расширительном смысле, имея в виду не столько какой-то отдельный феномен или круг явлений, но отношения, фиксирующие напряжение между городом и деревней, «которые формируются в урбанизированном обществе, сохраняющем и производящем “сельскость” в качестве собственного горизонта и значимого другого» (с. 13).

Открывающая книгу статья Екатерины Мельниковой (с. 22–56) представляет собой серию историографических эскизов, посвящен-

ных изменениям образа «сельского» в антропологии. В XIX веке европейская деревня служила этнографам «полем по умолчанию», удобной лабораторией, интересной не самой по себе, но в качестве упрощенного, гомогенного и консервирующего «культурные пережитки» антипода европейского города. По этой причине колониальные деревни, которые, например, исследовали Франц Боас или Бронислав Малиновский, никогда не помещались в один и тот же контекст с «домашними» деревнями европейской цивилизации (с. 34–35). В Российской империи, специфика колонизации которой не позволяла физически отделить «колониальное» от «домашнего», это разделение работало на уровне языка описания — краеведы исследовали «свои» территории и население, а этнографы — «чужие», даже тогда, когда сами территории и люди были одними и теми же (с. 38). В советскую эпоху стала актуальной еще одна дихотомия, также зачастую прилагавшаяся к одним и тем же территориям — «прогрессивный» колхоз служил предметом исследования географов и экономистов, а этнографам оставалась «отсталая» (традиционная) деревня. Это не было исключительно советским явлением. Подобные дихотомии долгое время определяли специфическое разделение труда в науке, обращавшейся к «сельскому» — само его определение было инструментом поддержания междисциплинарных границ (с. 25).

Однако существует ли сегодня, после критики колониальных дискурсов и возникновения «общих» rural studies какой-то особый антропологический взгляд на сельскость и сельское? В книге утверждается, что да. Несмотря на то что ее авторы не пытались дать «систематическое описание и характеристику новой сельскости» (с. 13), кажется, что «мозаичный» сборник все же обнаруживает значительную тематическую и теоретическую когерентность, границы которой пролегают поверх границ пяти разделов, на которые он формально делится.

Перечислим эти имплицитные тематические блоки. Прежде всего, «Деревня как ценность» включает в себя блок, посвященный процессам складывания характерных форм сельского ландшафта, в котором рассматриваются, во-первых, дискурсы и практики модернизации советского села, а во-вторых, феномены транзита социалистической деревни в постсоциалистическую. Анна Соколова (с. 58–87) интерпретировала советские поселки лесозаготовителей Карелии как гибридную форму, включавшую в себя конфликтовавшие черты городской и сельской застройки, Юрай Бузалка (с. 130–153) описал феномен восходящего к советскому периоду словацкого «посткрестьянского» дома, опирающегося на неформальные связи и отношения, а Асель Мурзакулова (с. 154–175) исследовала дома, которые строятся в сельских районах Кыргызстана работающими в России и Казахстане мигрантами как «памятник семье», функционируя в качестве механизма обратной связи между уехавшим на заработки и остающимися на родине родственника-

ми. Интереснейшее исследование Даце Дзеновской (с. 176–215) посвящено формированию латвийской пустоты — депопулировавшего сельского ландшафта, который трактуется как «продукт ретерриторизации ресурсов после холодной войны, в рамках которой государство, капитал и люди покидали одни места и оседали в других… например, в глобальных городах, в то время как на опустевшие места распространялись новые формы управления» (с. 207).

Другой блок статей — исследования сельской социальности, построенные на наблюдении за индивидуальными стратегиями и коллективным укладом жизни членов по определению небольших и более тесно сплоченных, чем остальные, сельских сообществ. В работе Татьяны Ворониной (с. 88–129), посвященной двоечникам сельских районов Вологодской области в 1950–1970-х годов, показан оказавший непосредственное влияние на биографии некоторых ее информантов конфликт между модернизационным императивом позднесоветской школы и характерными для крестьянской среды представлениями, в соответствии с которыми школьные знания имели вспомогательный по отношению к крестьянскому труду характер. Статья Александры Захаровой (с. 386–428), работавшей на юге Западной Сибири, исследует риторику и прагматику «сельскости» в практике низовых деревенских чиновников, которые, в зависимости от своих целей, используют разные стратегии взаимодействия с жителями — либо бюрократические, отделяющие их от сельского контекста, либо патримониальные, напротив, предполагающие опору на сельский социальный капитал и авторитет. В статье Андрея Туторского (с. 334–354) на материале отдаленных районов Архангельской области ставится под сомнение тезис о коллективности деревенской жизни. Опираясь на идею «сингулярности» или «индивидуализма без индивидов», выдвинутую в работе английского антрополога Гарри Уокера (Harry Walker), автор представил деревню как совокупность людей, обладающих сильной индивидуальностью, разными мотивациями и интересами, однако не мыслящих себя изолированными и автономными индивидами, и формирующими общее пространство в виде знаний о ресурсах, возможностях, статусах и ограничениях односельчан.

Почему, выделяя эти блоки, я не пользуюсь теми, что предложены в самой книге? Чтобы сместить акценты и обратить внимание на центральную, на мой взгляд, тему книги. Третий, самый большой блок работ, исследующий модели «сельского» и цели самотрансформации, стоящие за практиками миграции горожан в сельскую местность, оказался для меня наиболее ценным в теоретико-методологическом смысле содержанием книги.

Обращая читателя к упомянутой в начале книги трактовке «новой сельскости» как разнообразных способах эксплуатации «сельского», Павел Куприянов (с. 218–246) начинает дискуссию о том, являются ли характерные для сегодняшнего сельского ландшафта социокультурные инициативы, осуществляемые под лозунгами

«развития территорий», (пост)колониальной практикой. Акцент в данном случае делается на тех инициативах, которые реализуются приезжими и характеризуются как «внешние» по происхождению по отношению к селу. Применяя оптику постколониальных исследований к материалам полевых наблюдений и интервью в сельских музеях Ярославской области и материалам дискуссий о сохранении сельской культуры в России, Павел описывает две основополагающих стратегии «внешних» культуртрегеров, применяя для этого религиоведческие метафоры. Те из них, кто ощущает себя носителем прогресса и настроен на радикальную модернизацию села, именуются «миссионерами», те, кто отправляется в деревню, взыскуя «утраченного идеала», — «паломниками». При этом и «миссионеры», и «паломники», обладая большими ресурсами, чем деревенские, выстраивают культурную иерархию, на вершине которой находятся они сами, оперируя идеализированным представлением о деревне, порожденным не непосредственным опытом, но современной глобальной культурой. Тема, впрочем, уже без явного обращения к постколониальной теории, развивается Павлом в другом тексте, написанном в соавторстве с Натальей Савиной (с. 248–280). Он посвящен современным музеям русской деревни, которые открываются переехавшими в село горожанами. Самокоммодифицируясь, то есть превращая себя в продукт консенсуса между представлениями туристов о селе и собственным представлением о себе, эти «внешние» акторы производят образ деревни, соответствующий современным городским идеям о жизни за пределами городов (с. 251–252).

В еще одной статье Екатерины Мельниковой (с. 430–456) эти современные представления «внешних» по отношению к деревне акторов обсуждаются в контексте риторики самотрансформации, свойственной для переехавших из города в деревню. Героинь статьи — владелиц публичных аккаунтов в соцсетях, рассказывающих истории о своей новой деревенской жизни, связывает с упомянутыми выше культуртрегерами и хозяевами сельских музеев мотив успешной личностной трансформации, происходящей на фоне достигнутой несмотря ни на что сельской идиллии. Хотя главным содержанием таких нарративов является «понимание себя, интерпретируемое в категориях пути к самому себе» (с. 442), они продуцируют и характерные образы идеализированной деревни, такие как строящийся или ремонтируемый для будущей счастливой жизни дом. Автор помещает свои наблюдения в контекст определяющих систему ценностей жителей мегаполисов постмодерных практик субъективации, заставляющих человека искать себя, обретая контроль над своей жизнью и автономность от любых социальных институтов, включая государственные (с. 454). Еще один тип «внешних» акторов, приходящих в деревню со своими «идеалами», которые, как и в предыдущем случае, также отличаются сильным стремлением к автономии и контролю над собственной жизнью,

описан в статье Татьяны Щепанской (с. 458–485). Она исследовала культуру выживальщиков, готовящихся к глобальной катастрофе. Поскольку эти люди исходят из представления о невозможности выживания в городе после того, как будет разрушена инфраструктура, центральным образом воображаемой деревни, которым оперирует субкультура, является «Домик-в-деревне», т. е. убежище, которое позволит человеку или его семье справиться с комплексом проблем, которые возникнут в момент катастрофы. Предполагается, что выживальщик в ситуации предполагаемого вакуума власти сможет самостоятельно контролировать доступ к ресурсам. Поэтому «сельскость» может запасаться впрок — деревенское жилище приобретается на случай катастрофы.

Стремление к эксплуатации образов воображаемого «сельского», свойственное для «внешних» акторов, иногда встречает сопротивление со стороны тех, кто находится «внутри». К сожалению, в книге почти нет работ, посвященных конфликтам конкурирующих репрезентаций. Исключением является статья Ксении Гавриловой (с. 282–332), рассказывающая о том, как заполярный поселок Териберка, открытый широкой общественностью после выхода фильма «Левиафан» (2014), оказался ареной столкновения символических претензий на территорию нескольких акторов. Это столкновение приобрело форму соперничества проводившихся в поселке фестивалей — формата событийного туризма, который используется в России последнего десятилетия в качестве одного из инструментов «развития» территорий, осмысляемых как «отсталые» и «удаленные». После того в Териберку «зашли» со своим фестивалем москвичи, описывавшие территорию как живописное, но экономически и социально «депрессивное» место, териберчане, не согласные с «внешним» представлением о себе как о пассивных и неагентных местных жителях, выступили с альтернативным фестивальным проектом. Стремясь сгладить вспыхнувший конфликт, областные власти запустили компромиссный третий фестиваль. «Фестивальные войны» сформировали характерную среду поселка, в материальных объектах которой воплотились конкурирующие на неравных основаниях сценарии будущего.

Итак, «Деревня как ценность» представляет собой новое явление в области российских исследований обратной миграции, которые сильны прежде всего социологически-демографическим направлением, сосредоточенным на вопросах демографии, мобильности и трансформации сельских территорий[4]. Книга переносит

4. *Звягинцев В. И., Неуважаева М. А.* (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135; *Ильин В. И., Покровский Н. Е.* (ред.) (2016). Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга; *Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И.*

центр анализа с вопроса «кто, зачем, куда и в каких количествах уезжает из города?» на вопросы «какое “сельское” производят эти мигранты?» и «каким их потребностям оно отвечает?». На мой взгляд, наиболее близкой представленным в книге исследованиям оптикой представляется оптика осуществляемых за пределами России исследований миграции образа жизни и миграции под влиянием локальных благ (lifestyle/amenity-led migration)[5]. Я имею в виду прежде всего качественные исследования, которые построены на полевом наблюдении за представителями сообществ, переезжающих в сельскую местность ради субъективно ощущаемого благополучия и в поисках личной трансформации. В таких книгах описываются представители британского среднего класса, мечтающие о жизни во французской деревне[6], уставшие американцы «в поисках себя»[7], активистски-ориентированные французские горожане, с 1960-х годов воплощавшие в жизнь утопию «возвращения к земле»[8], или австралийцы, бегущие из города на живописное морское побережье в поисках аутентичного[9]. Хотя перечисленные социальные типы не представляют собой прямых социокультурных аналогов описанным в книге российским горожанам, для всех упомянутых выше исследований характерна систематическая рефлексия над представлениями исследуемых групп о «сельском», которые становятся движущей силой их социальной трансформации. При этом, как и у исследователей «новой сельскости», внимание этих авторов сосредоточено не столько на репрезентациях «сель-

(2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69. К этому тренду я бы отнес и опыт этнографического исследования «новых горожан»: *Артемова О. Ю.* (ред.) (2022). Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России. М., СПб.: Нестор-История.

5. Отдельно отметим в качестве предшественников книги написанные на российском материале работы, посвященные экопоселениям, для которых, так же как для авторов книги «Деревня как ценность», характерен этнографический метод исследования и систематическая рефлексия по поводу моделей сельской жизни, стоящих за проектами ухода горожан из города. См.: *Позаненко А. А.* (2016). Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России: Социология, этнология. Т. 25. № 1. С. 129–153; *Андреева Ю. О.* (2020). Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. № 6. С. 52–69.
6. *Benson M.* (2011). The British in Rural France: Lifestyle Migration and the Ongoing Quest for a Better Way of Life. Manchester, New York: Manchester University Press.
7. *Hoey B. A.* (2014). Opting for Elsewhere: Lifestyle Migration in the American Middle Class. Nashville: Vanderbilt University Press.
8. *Rouvière C.* (2015). Retourner à la terre. L’utopie néo-rurale en Ardèche depuis les années 1960. Rennes: Presses universitaires de Rennes.
9. *Osbaldiston N.* (2016). Seeking Authenticity in Place, Culture, and the Self: The Great Urban Escape. London: Palgrave Macmillan.

ского» как таковых, сколько на проявляющем их этнографическом контексте — практиках воплощения «идеала» в жизнь и сопровождающей их социальной динамике.

Проблемой представляется лишь предполагающаяся некоторыми текстами «Деревни как ценности» возможность четкого разделения «внешних» участников дезурбанизации и носителей «внутреннего» «сельского» взгляда. Не могу согласиться с мнением О. Я. Виноградской о том, что «изолированные от самих себя» горожане едут в деревню «от нужды по настоящему одиночеству»[10]. Полевые наблюдения и опыт бесед с людьми, принимающими на себя роль «амбассадора» села или малого города[11], скорее говорят об обратном — за свойственной иногда для таких людей «паломнической» или «миссионерской» по отношению к местным риторикой часто скрываются успешные практики интеграции в местное сообщество, от лица которого «приезжий» человек выступает. О постепенных практиках интеграции «сезонных» и «возвратных» приезжих в село при помощи кооперации и коммеморации пишет в «Деревне как ценности» Татьяна Щепанская (с. 356–384). Возможно, обособление «внешнего» и «внутреннего» взглядов, а также проблематизация конфликтных дискурсов продуктивны с аналитической точки зрения, однако в жизни «все сложно» и чаще всего имеешь дело с серыми зонами и переходными стадиями. Упомянутая в начале статьи Наталья, которая переехала на юг области с севера, потому что в деревне живут родители мужа, вовсе не единичный случай — в селе много таких же северян, которых на практике довольно трудно отличить от «настоящих» деревенских. Она много рассказывала нам о том, какое значение ее дестинация имеет для местных — в ангаре происходят мастер-классы и встречи деревенского женского клуба, родители могут оставить детей на территории и заняться своими делами, соседний интернат сделал ферму постоянной частью курса реабилитации и т. д. Что, если сосредоточиться не на разделении, в очередной раз пробуждающем к жизни устаревшую (с. 53) сельско-городскую дихотомию, а на общих эмоциях, характерных для всех, чей жизненный опыт так или иначе связан с территориями сельской депопуляции?

10. *Виноградская О. Я.* (2019). Отчего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 152.
11. См.: *Королев К. М.* (2025). Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4. С. 125–160.

«Пробуждение дракона»

Книга «Пробуждение дракона» посвящена судьбе калабрийской деревни (paese) Каваллериццо, которая в ночь на 7 марта 2005 года была разрушена оползнем. Разрушение было не тотальным и не мгновенным — погибла лишь третья часть домов, и, к счастью, всем удалось эвакуироваться, однако жить в Каваллериццо было больше нельзя. Увидев по телевизору падающие в пропасть дома, антрополог Вито Тети, специалист по депопулирующему югу Италии, отправился в Каваллериццо, чтобы описать процесс с точки зрения трехсот участников трагедии, которым пришлось переселяться в другое место. Исследование растянулось на двадцать лет, в ходе которых Тети постоянно наблюдал за развитием истории и возвращался в переезжавшую деревню, перезнакомившись со всеми ее жителями и включившись в процесс обсуждения ее дальнейшей судьбы. Собранный архив пугал исследователя своим объемом, однако неожиданным союзником в этой борьбе оказалась пандемия COVID-19, заперевшая Тети в его родной деревне Сан-Никола-да-Крисса и вынудившая его подвести итог исследованию.

Введение к этой большой книге описывает несколько ключевых идей всего академического проекта этого автора. Как антрополог, Тети (род. 1950) всю карьеру занимался темой характерных для внутренних районов Италии двойных деревень (paesi doppi), по сути дела — феноменом современного сжатия чрезвычайно разветвленной в Средневековье сети расселения. Запускающие его факторы имеют эколого-экономическую природу, с одной стороны, локальную — Калабрия всегда была «катастрофическим» регионом, с другой — глобальную, поэтому книга начинается с замечаний о стремлении автора найти язык, способный связать «малую» историю Каваллериццо с нарративом катастрофического антропоцена. По мере глобализации Италии в Новое и Новейшее время жить в глуши на вулканах и оползнях ради малопродуктивного малого сельского хозяйства становилось все сложнее. Для многих старинных итальянских деревень катастрофическое природное событие оказалось поводом переехать из глубины полуострова и обосноваться в другом месте, породив двойника — деревню с таким же названием, расположенную на берегу моря, которое в Новое время, в отличие от Средневековья, перестало быть опасным соседом. «У каждой деревни есть по крайней мере один двойник» (ogni paese ha almeno un suo doppio), замечал он в книге «Чувство места: память и история оставленных деревень» (2004), посвященной обзору феномена на региональном, калабрийском уровне[12]. Кавал-

12. *Teti V.* (2014). Il senso dei luoghi: Memoria e storia dei paesi abbandonati. Roma: Donzelli Editore. Цитируется второе издание, впервые издана в 2004 году.

лериццо — деревня на юге Калабрии, которой посвящена обозреваемая книга — частный случай такого переезда.

Важным для Тети термином при описании феномена «двойных деревень» является «место» (luogho) как результат социальных взаимоотношений. Обладая собственным географическим и пространственным положением, места всегда и везде являются антропологической конструкцией (sono sempre, ovunque una costruzione antropologica), писал он в начале книги 2004 года. Главный интерес Тети как антрополога — оставленность (abbandono) мест как современное социальное явление, которому не уделяется достаточного внимания. «Чувство места» было перечислением характерных для охваченной оставленностью Калабрии вариантов возникающего при этом социального конфликта. В каждом случае он исследовал мир противоречивых эмоций, возникающих при переезде, — например, настороженное отношение друг к другу представителей старой и новой общины или чувства вынужденных остаться дома женщин и детей, провожающих мужчин в эмиграцию. Последнюю он тоже часто трактует как «удвоение деревни». «У Сан-Николада-Крисса есть двойник в Торонто», — пишет он в «Чувстве места». Несмотря на то что описанный в «Пробуждении дракона» переезд Каваллериццо произошел без человеческих потерь и даже по некоторому плану, увенчавшемуся поддержанной государством программой по восстановлению деревни на новом месте, он все равно оказался трагедией. Прежде всего это была трагедия раскола местной итало-албанской (арберешской) общины. Устоявшийся порядок рухнул, сменившись бесконечными дискуссиями между теми, кто считал, что нужно покинуть старую деревню ради новой, и теми, кто, несмотря на опасность, намеревался восстановить ее на прежнем месте. Ничто не может возместить разрыва сложившихся на месте социальных связей — любые попытки упорядочить трагедию приводят к поляризации мнений, смягчить которые может только время.

Именно при этнографическом описании эмоций членов раскалывающихся сообществ Тети сформулировал и разработал понятие «рестанца» (restanza), которое представляет собой, пожалуй, главный концептуальный вклад этого автора в антропологическую теорию. В итальянском существительное «restanza» означает «остаток». Тети, научный путь которого начался в парижской Высшей нормальной школе с исторической антропологии итальянской кухни[13], упоминает в четвертой главе одноименной книги 2022 года этнографический «хлеб из остатков» (pane della restanza)[14]. В его языке это, однако, неологизм, переставляющий акценты при описании фундаментального для современного человечества выбора между оседлостью и отъездом. Тети начал работать с этим поня-

13. *Teti V.* (2015). Fine pasto: Il cibo che verrà. Torino: Einaudi.
14. *Teti V.* (2022). La restanza. Torino: Einaudi.

тием, когда писал об итальянской эмиграции. В «Чувстве места» и в «Хлебных камнях»[15], он обращал внимание на то, что опыт эмигрантов должен описываться не только с точки зрения мест, в которые они эмигрируют, но и с точки зрения мест, которые они покидают. Важен опыт другой составляющей эмиграции — родных и знакомых эмигрантов, которые, по собственной воле или вынужденно, принимают решение остаться на родине. Выбор остаться зачастую не менее драматичен, чем выбор уехать, и его нельзя отождествлять с пассивностью, отказом от политической позиции. Ему было что сказать об этом. Тети, который за исключением студенческих лет в Париже всегда продолжал жить в калабрийской деревне, исследовал эту драму и автоэтнографически — «Чувство места» иногда превращается в пронзительные мемуары человека, мать которого была калабрийской крестьянкой, а отец — эмигрантом в Канаде, и, как в «Пробуждении дракона», с позиции длительного включенного наблюдения. В работах «Рестанца» и «Пробуждение дракона» он обсуждает «решение остаться» уже не столько в историческом контексте эмиграции, но как современную низовую идеологию активного сопротивления сельской депопуляции, порождающую разнообразные практики, связанные с переосмыслением сельского ландшафта. В этом контексте Тети описывает словом «рестанца» прежде всего готовность людей оставаться в местах, в которых они родились, ради того, чтобы предотвратить их запустение и поддержать их жизненную силу, однако на сегодняшний день ставшее популярным в Италии слово используется для обозначения самых разнообразных практик «возвращения» людей в покинутые или потерявшие массу населения городки и деревни[16].

В случае с самим Тети «рестанца» — не отвлеченно-академическая, но политическая позиция, попытка ответить на вопрос «что мы можем сделать для мест?», охваченных длительными и необратимыми процессами, побуждающими людей переезжать и уез-

15. *Teti V.* (2011). Pietre di pane. Un'antropologia del restare. Macerata: Quodlibet.

16. *Setti R.* (2023). Restanza // Italiano digitale. Vol. XXIV(1). P. 133–138. См.: *Bindi L., Conti M., Belliggiano A.* (2022). Sense of place, biocultural heritage, and sustainable knowledge and practices in three Italian rural regeneration processes // Sustainability. Vol. 14, 4858; *Membretti A.* (2024). The young shepherds school: Training for Restanza in the Italian Alps // Martor. Vol.29. P. 161–169; *Sabatini F.* (2024). Oltre aree interne e borghi: i paesi come spazi relazionali. Scarti di zolfo e nuovi abitanti a Cianciana (Sicilia) // Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani. Vol. 11(15). P. 253–273. В работе Мембретти в контексте «рестанцы» описывается организация курсов для приезжих из городов, желающих поучиться техникам скотоводства, Бинди, Конти и Беллиджьяно обсуждают кейсы экомузея пастушества, регенерации сельского муниципалитета, работы сельскохозяйственной организации и проведения фестиваля, Сабатини — сицилийские инициативы, связывающие местные сообщества с внутренними и международными туристами.

жать насовсем. Человек, утверждает Тети, должен иметь «право остаться». И в книгах, и в интервью[17] он заявляет о том, что «право остаться» должно быть гарантировано политически — посредством права на местный труд, образование, медицинское обслуживание, внимания к проблемам принятия иммигрантов и новой сельской экономики. Вклад его в эту дискуссию, прежде всего, идеологический. Во введении к «Пробуждению дракона» он заявляет о необходимости критической рефлексии над доминирующими дискурсами, описывающими сельскую местность с «неоромантических» и «апокалиптических» позиций, обращает внимание на то, что современному миру нужен новый язык описания опустошения старозаселенных территорий, которое производят крупнейшие экономические центры, комплексный, а не риторически-поверхностный подход к этой проблеме, которая актуальна не только для маленьких деревень, но и для крупных городов.

Однако все это — в тональности поиска, изобрести новый язык непросто, для этого требуется ясный, долгий, внимательный взгляд (sguardi lucidi, lunghi, attenti), больше соответствующий циклическим темпоральностям сельской жизни, чем прогрессистской или технократической утопиям. «Проблема в том, что никто в конечном итоге не знает, что предложить, как представить будущее», — пишет он во введении, и основная часть «Пробуждения дракона» посвящена именно этому.

В первой и второй главах книги описывается история пробудившегося мартовской ночью дракона — тревожный фон ожидания катастрофы, действия членов общины в момент оползня и в дни, последовавшие за катастрофой. Истории калабрийцев, пытавшихся путем исследований, создания общественных организаций, личной бдительности и актов благочестия спасти свою деревню, показаны на фоне рутинного сосуществования с опасностью оползня в контексте характерной для Италии культуры управления катастрофами — медленной, паллиативной и *post factum* склонной к чрезвычайным мерам. Катастрофа была в каком-то смысле предрешена. В Средние века Каваллериццо забралась на горный склон в поисках плодородной и удаленной от малярийных низин почвы, однако в Новое время былые достоинства ее расположения превратились в недостатки, которые становились все опаснее в связи с вырубкой леса, плотной застройкой территории, нарушением водоотведения, коммунальными авариями и депопуляцией, усугублявшей проблемы землепользования. Несмотря на то что, в отличие от Средневековья, люди XX века имели знания и технические возможности справиться с этими проблемами, население и власти привыкли жить в состоянии угрозы.

17. Интервью Тети независимому философско-просветительскому проекту «Gazzetta filosofica», 08.11.2024. https://www.youtube.com/watch?v=6Ad4II3zA5M

Катастрофа — лишь завязка книги, которая посвящена трансформации деревни из сплоченного локального сообщества в сообщество переезжающее, вынужденное переосмыслить скрепляющие его отношения. В третьей и четвертой главах описываются первые ощущения арберешей, осознающих, что под угрозой находятся не только дома, но и сама община. Тревоги общины Каваллериццо и ее попытки сплотиться в ситуации кризиса показаны на фоне продолжающегося уже как минимум полвека распада этносоциального уклада, и общего демографического и экономического кризиса внутренних районов Южной Италии. В конце четвертой главы Тети говорит об исчерпанности «стандартных» методов возрождения деревни — ни разрозненных культурных и законодательных инициатив, ни мер по социальной поддержке, ни мумификации «народных традиций» недостаточно для того, чтобы избежать исчезновения деревенских общин. Им нужны новые формы жизни, новые нарративы и представления о совместном будущем.

В пятой, шестой и седьмой главах рассматриваются практики, посредством которых жители переезжающей Каваллериццо пытались справиться с социальной драмой. Как это часто бывает, социальный конфликт выражался в фольклоре и ритуале. В пятой главе показано, что центральным символическим языком, посредством которого жители описывали свою связь с местом в ситуации его трансформации, стал культ местного покровителя — Святого Георгия, защищающего поселение от дракона, который, в свою очередь осмыслялся как метафора периодически пробуждающегося оползня, требующего от местных жителей постоянной бдительности. Шестая глава посвящена практике перевозки вещей из опустевшего Каваллериццо в новые места как ритуалу траура — посредством переноса своих вещей из прошлого в будущее люди оплакивали утраченное, смирялись с тем, что прежний порядок никогда не восстановится, и одновременно начинали надеяться на то, что сохранившееся и перенесенное на новое место окажется основой для нового порядка. В седьмой главе описывается роль религиозных праздников в восстановлении этого порядка — перенос статуи Святого Георгия в соседнюю деревню Черцето и другие процессии не только решали внутренние проблемы общины, но и на новых основаниях переустанавливали ее отношения с соседями.

Смысловой центр книги — четыре главы, раскрывающие суть, динамику и долговременные последствия драматического раскола внутри общины Каваллериццо, выбирающей путь дальнейшего развития. Первый вариант развития предполагал быстрое переселение на новое, специально отведенное место, и в конечном итоге воплотился в проекте восстановления новой деревни вокруг воссозданных архитектурными средствами пяти *житоний* (gjitonia) — традиционных для арберешских общин территориально выделенных соседских кварталов. Те, кто предлагал альтернативу, выступали против решения объявить старую Каваллериццо полностью непри-

годной для жизни — предполагалось, что старая деревня достойна если не полного восстановления, то хотя бы заботы об оставленной территории. В результате растянувшегося на годы конфликта между фракциями особого успеха не добились ни те, ни другие — община рассеялась по миру, в новую деревню переехали далеко не все, а на развалинах старой остались лишь печальные одиночки, ставшие для медиа живыми символами калабрийского запустения. Как показано в девятой главе, посвященной типичной для «двойных деревень» ситуации строительства новой деревни современными методами, — поселение нельзя «перенести» на другое место механически. Даже если дома будут похожи на прежние, к ним не будут автоматически прилагаться прежние отношения, память и ценности. Создаваемые в последние полвека технократическими управленческими решениями «новые» деревни Калабрии, пишет Тети, отсылая к работе Марка Оже[18], часто оказывались «не-местами», лишенными всего вышеперечисленного. Хотя новая деревня стремилась повторить планировку старой, эксперимент по «реконструкции» *житонии* показал, что это не только пространственная форма, но социальная ткань, и воссоздать в новом Каваллериццо эту ткань, похоже, удалось не вполне. Посетив десять и двадцать лет спустя после оползня «новую» Каваллериццо, Тети увидел, что она не стала полноценной заменой «старой» — праздник Святого Георгия, который должен объединять общину, обнаруживает ее глубокий раскол, многие из ее членов воспринимают новые дома и площади крайне негативно, систематически возвращаясь на руины старой деревни. При этом время лечит — в новой деревне выросли новые дети, сложились новые отношения, «не-место» постепенно превратилось в новое место, разумеется, не идентичное старому.

Повествовательный метод Тети — не строгое следование протоколу конкретного исследования, но постоянные отступления, возвращающие читателя к идеям, переходящим из работы в работу. Эта старомодная свобода, напоминающая тексты представителей школы «Анналов», у которых он учился, в сущности, конгениальна предмету книги — прослеженной на двадцатилетнем участке истории средиземноморской деревни, включенной в циклы еще большей длительности. Заключительная глава «Пробуждения дракона», снова возвращающая читателя к «двойным деревням», месту и «рестанце», является манифестом вовлеченной антропологии, обращающим наше внимание на «большие» последствия разработки темы. Тети пишет о том, что, несмотря на его исследовательское стремление быть выше описанного в книге конфликта, он всегда больше сочувствовал тем, кто хотел остаться в старой Каваллериццо. Однако, по прошествии лет, он не может не признать, что «новая» де-

18. *Оже М.* (2017). Не-места: введение в антропологию гипермодерна / Пер. А. Ю. Коннова. М.: НЛО.

ревня тоже стала местом, и, в сущности, обе позиции по отношению к судьбе деревни были случаем одной и той же «рестанцы» — самоотверженного активного желания людей остаться и продлить жизнь деревни после катастрофы. «Все в конечном счете остались, каждый по-своему» (tutti, in maniera diversa, alla fine sono rimasti), но всем пришлось измениться.

Конфликты — нормальная часть поиска и обретения новой общности, происходящих в ситуации национального и глобального кризиса села. Прежде чем мы будем предлагать варианты новых форм совместной жизни, замечает он, стоит учесть, что, утратив сельскохозяйственную специализацию, «деревня потеряла саму себя» (paese si è spaesato) и вернуться в прошлое уже невозможно. Все зашло слишком далеко — в этой ситуации следует забыть о привычных нарративах, идеализирующих или стигматизирующих деревню, но пойти «путем отчаяния» (disperanza), который, возможно, является самым продуктивным способом избавиться от когнитивного ступора и отыскать новые способы взглянуть на проблему. Тети не дает готовых решений, хотя и упоминает ряд инициатив, связанных с поисками нового языка, нарративов и практик, направленных на «переосмысление» деревни. Его симпатии явно на стороне тех из них, которые относятся к предмету бережно, щадя чувства остающихся и память об ушедших. Главное, по возможности, избегать простых решений. Любое место, даже деревня из трехсот человек — сложная вещь, переплетенные истории, характеры, судьбы и эмоции. Утверждая право человека «остаться», Тети, безусловно, говорит не только о деревнях, но обо всем современном мире, напоминая о разлитой в нем ностальгии, которая часто оказывается не столько ностальгией уезжающих, сколько ностальгией остающихся. Человек — ностальгирующее животное, тоскующее и по своему дому, и по другим местам одновременно, пишет Тети в заключительной главе книги. Часто именно эта ностальгия стоит за распространяющимися по миру инициативами «рестанцы», направленными на сохранение, улучшение и трансформацию мест.

Несмотря на разную географию, «Деревня как ценность» обнаруживает много общего с «Пробуждением дракона». Дома калабрийцев, построенные на деньги, заработанные в далекой Канаде, — такая же инвестиция в воображаемое будущее на родине среди родных, как дома киргизских трудовых мигрантов, о которых писала Асель Мурзакулова. Одиноко зимующая в пустой латвийской деревне Мазциемсе Милда из статьи Даце Дзеновской заставляет вспомнить о Лилиане Бьянко, оставшейся жить на руинах старого Каваллериццо. «Музей дыр и заплат» из деревни Кирьяново в Ярославской области, о котором сообщают Павел Куприянов и Наталья Савина, кажется вариантом собранных на итальянских сельских руинах «музеев остатков» (musei della restanza), которые упоминает Тети в двенадцатой главе своей книги. Типологически общие экономические и демографические процессы порождают по-

разительно сходные эффекты — за десятилетиями миграции и депопуляции вдруг следует идеологически обусловленная дезурбанизация. Несмотря на расставленные акценты, «новая сельскость», которая больше о «внешнем» по отношению к сельскому, и «рестанца» Тети, которая изначально скорее о «внутреннем», в итоге сближаются — словом «рестанца» теперь иногда описываются практики возвращения горожан в сельскую местность. Авторы «Деревни как ценности» вроде бы начали говорить об этом возвращении с точки зрения поляризующего постколониального подхода, но эта оптика быстро исчезла со страниц книги. Почему? Может быть, из-за присущей этому возвращению ностальгии (или соластальгии, 12-я гл. «Пробуждения дракона»), объединяющей уехавших и остающихся, местных и приезжих? Чего, пожалуй, не хватает в книге о «новой сельскости», так это рефлексии о месте, которое является объектом возвращения и эмоциональной привязанности. В этом смысле полезно вспомнить о текстах Ника Осбалдистона (Nick Osbaldiston), который напоминает о том, что место — априорное условие «миграции образа жизни», ведь образ жизни собственно и осуществляется посредством места[19]. У Тети место — ключевой элемент «рестанцы», не теория, а практика. Двадцатилетний конфликт жителей Каваллериццо развернулся вокруг кажущихся смешными со стороны масштабов — старую деревню отделяло от новой каких-то пятьсот метров. Но, однако же, эти метры важны — почти все инициативы по развитию территорий, созданию туристических дестинаций, этнопарков или креативных кластеров, с основателями которых мне приходилось говорить в последние годы, начинались с конкретного участка земли. Переезд горожан в сельскую местность, ее идеализированные репрезентации, дискурсы и практики трансформации субъекта, на мой взгляд, нельзя рассматривать независимо от места. Полевые интервью с теми, кто «развивает территорию» в сельской местности, никогда не проходят быстро — пока тебе все не покажут, ты никуда не поедешь. Путь к воображаемому «сельскому» в проектах возвращения почти всегда заканчивается в конкретном реальном месте.

19. *Osbaldiston N., Buckle C.* (2022). Lifestyle migration in place: Notes from the field // Thesis Eleven. Vol. 172(1). P. 114–130.

New rurality or Restanza? Representations of the rural, narratives of personal transformation, and the role of the rural in contemporary qualitative research on counterurbanization

Review of the books: Melnikova E., Kuprijanov P., Lure M. (Eds.) (2025). The Village as a Value: Ideologies and Practices of the New Rurality. Moscow: Khamovniki Foundation for Social Research; Common Place.
Teti V. (2024).The Awakening of the Dragon. Cavallerizzo: The Village as a World between Abandonment and Reconstruction. Rome: Donzelli.

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Center for Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia.
E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

Кооперация в системе продовольственной безопасности России: хозяйственный потенциал и социальные условия устойчивости

Рецензия на книгу: Алтухов А. И., Виниченко М. В., Каурова О. В., Малолетко А. Н., Семин А. Н., Силаева Л. П., Ткач А. В. (2025). Кооперация в системе обеспечения продовольственной безопасности России / Под науч. ред. акад. РАН А. И. Алтухова. М.: ИНФРА-М. — 363 с. (Научная мысль).

А. Н. Зубков

Артем Николаевич Зубков, председатель Комитета Воронежской областной Думы по государственной политике, местному самоуправлению и Регламенту. 394006, г. Воронеж, ул. Кирова, д. 2. E-mail: art-zubkov@yandex.ru

EDN: VNLUWM

Сегодня продовольственную безопасность уже нельзя измерять только физическими объемами сельскохозяйственного производства. Не меньшее значение имеют состояние сельских территорий, доступность заготовительной и перерабатывающей инфраструктуры, присутствие малых производителей в устойчивых товаропроводящих цепочках. Наконец, многое зависит от того, как выстроено взаимодействие государства, хозяйствующих субъектов и сельского населения. Поэтому обращение авторов монографии «Кооперация в системе обеспечения продовольственной безопасности России» к сельскохозяйственной и потребительской кооперации выглядит своевременным и научно оправданным.

Перед нами не узкое исследование одного сектора, а работа с широким предметным полем. Семь глав объединяют историю и современную практику сельскохозяйственной и потребительской кооперации, анализ национальной продовольственной безопасности, пространственную организацию производства, положение отдельных отраслей АПК, их ресурсную базу и развитие сельских территорий. Такое построение книги помещает кооперацию в реальную хозяйственную среду и не сводит ее к одной организационно-правовой форме.

Однако само название монографии ставит вопрос: за счет чего объединение производителей повышает устойчивость продовольственного снабжения? Ответ складывается из материалов нескольких глав. Его можно представить как последовательное объеди-

нение товарных партий и ресурсов малых хозяйств, сокращение индивидуальных затрат, получение доступа к хранению и переработке, расширение каналов сбыта и в конечном счете укрепление региональной продовольственной базы.

К достоинствам книги следует отнести внимание к малым формам хозяйствования. Они показаны не как второстепенная часть аграрной экономики, а как заметные производители продовольствия. Личные подсобные и крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели располагают производственным потенциалом, но далеко не всегда могут самостоятельно выйти на организованный рынок. Причины хорошо известны: небольшие партии, отсутствие собственных мощностей для хранения и переработки, транспортные расходы, зависимость от посредников.

Часть этих трудностей снимает кооперация. Производитель остается самостоятельным в своем хозяйстве, но передает объединенной организации операции, где размер действительно имеет значение: снабжение, хранение, переработку, перевозку и реализацию. А. В. Чаянов видел в кооперативе именно такое продолжение крестьянского хозяйства, необходимое в тех сферах, где крупная организация действует эффективнее отдельного производителя[1].

Авторы переносят эту классическую схему на современную продовольственную систему. В книге подробно говорится о заготовительных пунктах, складах, перерабатывающих предприятиях, кооперативной торговле и общественном питании. Большое место отведено системе Центросоюза России и ее сети закупки, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции. Кооперация предстает здесь посредником инфраструктурного типа: она соединяет небольшого производителя с потребителем и делает организованный сбыт доступнее для хозяйств, которым трудно выстроить его самостоятельно.

При этом под общим понятием кооперации в монографии представлены организации разного типа: сельскохозяйственные производственные и потребительские кооперативы, а также потребительские общества системы Центросоюза. Их роднит кооперативная основа, но состав участников, задачи, правовой статус, распределение результатов и участие членов в управлении заметно различаются. Более четкое разведение этих форм помогло бы точнее показать вклад каждой из них в продовольственную безопасность. Современные исследования сельской кооперации также обращают внимание на необходимость такого различения[2].

1. *Чаянов А. В.* (1925). Краткий курс кооперации. М.: Центральное товарищество «Кооперативное издательство». С. 3–4.
2. *Куракин А. А.* (2023). Потребительская кооперация на селе: причины неудач // Крестьяноведение. Т. 8. № 1. С. 164–170

Кооперативные принципы и практические ограничения

Теоретический раздел первой главы обращен к наследию Н. Г. Чернышевского, М. И. Туган-Барановского, А. В. Чаянова и других авторов отечественной кооперативной традиции. Кооператив в этой системе взглядов возникает как добровольное объединение, созданное ради интересов его членов и основанное на взаимной ответственности, демократическом управлении, участии пайщиков в решениях. Для М. И. Туган-Барановского его специфика заключалась прежде всего в обслуживании хозяйственных интересов участников, а не в стремлении самой организации к максимальной прибыли[3].

Организационную сторону этого принципа подробно раскрывал А. В. Чаянов. Формула «один член — один голос», полномочия общего собрания, выборность правления, контроль со стороны пайщиков для него не были второстепенными деталями. От них зависело, останется ли кооператив организацией своих членов или станет обычным коммерческим предприятием[4].

Важно, что авторы монографии не останавливаются на нормативной модели. В первой главе собран обстоятельный перечень ограничений: нехватка финансов, слабая инфраструктура, различия между регионами, сокращение числа реально работающих организаций, трудности с едиными требованиями к объему и качеству продукции, дефицит руководителей с предпринимательскими и управленческими навыками. Отдельно названы случаи, когда кооператив появляется по инициативе органов власти, а хозяйства остаются лишь поставщиками и почти не участвуют в управлении.

Вряд ли здесь следует говорить о прямом противоречии теории и эмпирического материала. Скорее книга показывает дистанцию между принципами кооператива и условиями, в которых он возникает на практике. Добровольность, членское управление, взаимная ответственность характеризуют зрелую организацию, но не появляются автоматически вслед за регистрацией юридического лица или выделением субсидии.

Похожий вывод содержится в исследовании М. П. Антоновой, Е. А. Гатаулиной, А. А. Потаповой и С. Н. Скоморохова, построенном на мнениях участников кооперативного процесса. Устойчивость сельскохозяйственного потребительского кооператива авторы связывают с экономическим интересом членов, инициативной группой, пониманием правил совместной работы и возможностью контролировать руководство. Само учреждение организации и даже

3. *Туган-Барановский М. И.* (1989). Социальные основы кооперации. М.: Экономика.
4. *Чаянов А. В.* (1925). Краткий курс кооперации. С. 16–17

финансовая поддержка еще не создают содержательного кооперативного взаимодействия[5].

А. А. Куракин предлагает различать зарегистрированный кооператив и кооперативную практику. Юридически оформленная организация может почти не вовлекать членов в повседневное управление. И наоборот, совместное использование техники, общие закупки или сбыт иногда приобретают устойчивый характер без специальной регистрации. Такое различение особенно важно при оценке реального, а не отчетного масштаба кооперации[6].

Не стоит, однако, строить анализ на жестком противопоставлении государственной поддержки и инициативы снизу. Материалы О. П. Фадеевой и В. И. Нефедкина по Татарстану показывают более сложную картину. Региональная и муниципальная политика способна расширять пространство сельской самоорганизации, когда она учитывает местные интересы, включает жителей в принятие решений и не заменяет их деятельность административной командой[7].

Поэтому решающим становится не сам факт государственного участия, а его устройство. В одном случае помощь сводится к созданию организации ради выполнения показателей программы. В другом она обеспечивает консультации, инфраструктуру и стартовые ресурсы, оставляя производителям право определить цели кооператива и контролировать его работу. Монография подводит к этому различию, хотя диагностика проблем и предлагаемые меры поддержки находятся в разных частях главы и могли бы быть связаны между собой более явно.

Материалы книги дают основание продолжить разговор уже о социальных условиях кооперации. Любой кооператив объединяет не только имущество, продукцию и деньги. Его участники согласуют интересы, принимают правила, передают избранным органам часть полномочий и должны иметь возможность проверять, как эти полномочия используются. Без устойчивых отношений между членами экономическая конструкция остается уязвимой.

Одним из оснований таких отношений служит доверие. Речь не об общей доброжелательности, а об уверенности, что партнеры выполнят обязательства, управление будет прозрачным, а результаты распределятся по понятным правилам. Р. Г. Янбых и Ц. Лер-

5. *Антонова М. П., Гатаулина Е. А., Потапова А. А., Скоморохов С. Н.* (2022). Почему не развивается сельскохозяйственная потребительская кооперация в России? Мнения участников процесса сельскохозяйственной кооперации в вопросах и ответах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
6. *Куракин А. А.* (2023). Потребительская кооперация на селе: причины неудач // Крестьяноведение. Т. 8. № 1. С. 164–170
7. *Фадеева О. П., Нефедкин В. И.* (2018). «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. Т. 3. № 3. С. 95–114

ман связывают трудности российской сельскохозяйственной кооперации с особенностями накопления социального капитала, низким доверием и слабым взаимодействием между членами. Эти обстоятельства, по их оценке, затрудняют развитие кооперации снизу[8].

Доверие при этом нельзя считать готовым ресурсом, который либо существует до учреждения кооператива, либо отсутствует. Оно складывается в совместной работе, но может разрушаться при укрупнении организации, усложнении управления и росте дистанции между руководством и рядовыми членами. Значит, важен не только первоначальный запас доверия, но и способы его поддержания: понятные процедуры, регулярная отчетность, контроль, участие в решениях и рабочие механизмы разрешения конфликтов.

С. Г. Головина, А. В. Ручкин и К. И. Головин рассматривают социальный капитал как ресурс сотрудничества в сельской экономике. Он образуется не одной лишь сетью знакомств. Значение имеют нормы взаимности и доверие, благодаря которым уменьшается неопределенность и легче согласовываются коллективные решения. Для кооператива эта характеристика принципиальна, поскольку его хозяйственная деятельность изначально опирается на взаимодействие самостоятельных участников[9].

Исследования сельских территорий подтверждают, что готовность людей действовать сообща зависит от плотности горизонтальных связей, участия в общественной жизни и предшествующего опыта решения общих вопросов. Т. А. Гужавина пишет о неоднородности социального капитала сельского населения и предлагает учитывать одновременно межличностные отношения и включенность жителей в институциональные формы взаимодействия[10].

В самой монографии доверие не выделено в самостоятельную теоретическую линию. Тем не менее описанные авторами случаи административного создания кооперативов, ограниченного членского участия, различий в качестве поставляемой продукции и нехватки компетентного руководства позволяют рассматривать доверие как один из факторов организационной устойчивости. Это не готовый вывод книги, а исследовательская перспектива, которую открывает собранный в ней материал.

Авторы уделяют заметное внимание организационно-правовому и консультационному сопровождению новых кооперативов, повышению кооперативной грамотности, подготовке руководителей

8. *Янбых Р. Г., Лерман Ц.* (2024). Будущее сельскохозяйственных кооперативов в России: столь ли важна теория? // Крестьяноведение. Т. 9. № 4. С. 6–20
9. *Головина С. Г., Ручкин А. В., Головин К. И.* (2022). Феномен социального капитала: значимость для деятельности сельскохозяйственных кооперативов // Социально-экономический и гуманитарный журнал. № 4. С. 94–104
10. *Гужавина Т. А.* (2018). Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 136–152

органов управления сельским хозяйством. Здесь заложен важный практический вывод. Кооперативное образование не должно сводиться к инструкции по регистрации и получению государственной помощи. Участникам необходимо понимать экономику объединения, свои права и обязанности, порядок формирования органов управления, способы контроля и разрешения конфликтов, принципы распределения результатов.

Такая подготовка нужна и будущим пайщикам, и руководителям кооперативов, и специалистам органов управления АПК. Обучение не заменяет гражданскую инициативу, но дает ей организационные средства и устойчивость. Доверие нельзя ввести распоряжением. Зато можно установить прозрачные правила и научить людей практикам совместного управления, при которых снижаются неопределенность и риск недобросовестного поведения.

Сходные вопросы возникают в исследованиях сельской самоорганизации. В. Г. Виноградский и О. Я. Виноградская предлагают видеть в ней не только деятельность зарегистрированных организаций, но и повседневные практики, возникающие при решении хозяйственных и территориальных проблем[11]. На материалах сельских поселений Е. С. Шомина показывает, что сама по себе правовая форма не гарантирует участия жителей. Нужны инициативная группа, накопленный опыт совместной работы и реальное влияние людей на принимаемые решения[12].

Разумеется, территориальное общественное самоуправление и сельскохозяйственный кооператив различаются и по целям, и по правовой природе, и по экономическим функциям. ТОС здесь уместно только как осторожная аналогия. В обоих случаях объединение становится устойчивым, когда люди считают его собственным способом решения значимых вопросов, а не конструкцией, предложенной им извне.

Во второй и третьей главах рассматриваются условия и приоритеты национальной продовольственной безопасности: внешние и внутренние риски, санкционное давление, зависимость от импорта отдельных ресурсов, состояние аграрной науки, кадров и технологического обновления. Главы 4–6 посвящены пространственной организации сельскохозяйственного производства, региональной специализации и ресурсам отраслей АПК. Последняя глава выводит анализ к сельским территориям, агломерационным процессам и местному управлению.

---

11. *Виноградский В. Г.*, *Виноградская О. Я.* (2023). Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 23. № 2. С. 355–367
12. *Шомина Е. С.* (2020). Самоорганизация жителей в сельских поселениях — взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 114–132

Ценность этих разделов особенно заметна при региональном прочтении книги. Условия кооперации территориально неоднородны. Производственная структура региона задает возможную специализацию объединений, размер товарных партий, расстояния перевозок, потребность в складах и перерабатывающих мощностях. По этой причине одна и та же модель кооператива не может без изменений применяться во всех субъектах Российской Федерации.

Связь отраслевого и пространственного анализа с кооперативной темой можно было бы провести несколько последовательнее. Собранные данные позволяют проектировать региональные модели кооперативной инфраструктуры, но читателю порой приходится самому сопоставлять специализацию территории с возможными направлениями объединения производителей. Выводы о перспективных типах кооперативов, размещении заготовительной сети и необходимых мерах поддержки сделали бы системный замысел книги еще более отчетливым.

Широкий охват при этом нельзя считать недостатком монографии. Он показывает, что продовольственная безопасность возникает на пересечении производственных, технологических, пространственных и социальных процессов. Кооперация не исчерпывает эту систему, но способна связать в ней малых производителей, инфраструктуру и региональные рынки.

У современных проблем кооперации есть историческая глубина. А. Сафронова описывает российские кооперативы как многофункциональные инструменты модернизации, в развитии которых участвовали пайщики, общественные деятели, специалисты и представители власти. Большую роль играли посредники и инструкторы, объяснявшие нормы кооперативной работы, а также организации, проводившие съезды и курсы для работников местных объединений[13].

Этот опыт не дает однозначной оценки внешнему содействию. Образовательная, консультационная и инфраструктурная помощь расширяла кооперативные практики. Чрезмерная опека, напротив, могла ограничивать самостоятельность участников и менять внутреннее устройство объединения. Рецензируемая монография возвращает ту же проблему в сегодняшний контекст: как соединить государственные ресурсы с инициативой самих кооператоров, не подменив ее административным управлением.

Монография «Кооперация в системе обеспечения продовольственной безопасности России» объединяет историю и теорию кооперативного движения с анализом современного АПК, региональных различий сельскохозяйственного производства и положения

13. *Сафронова А.* (2025). Блеск и нищета российской кооперации: как народ приучали к современности, 1860–1930 / Пер. с фр. А. Сафроновой. М.: Новое литературное обозрение. С. 27–29.

сельских территорий. Уже этим она заметно расширяет привычные рамки разговора о кооперации.

Сильная сторона работы состоит в том, что кооперация рассматривается внутри всей системы продовольственного обеспечения. Авторы показывают место сельскохозяйственных кооперативов, потребительских обществ и малых форм хозяйствования в производстве, заготовке, переработке и реализации продукции. Практическую ценность имеют статистический материал, описание инфраструктуры потребительской кооперации и достаточно открытый разговор о препятствиях ее развитию.

Из содержания книги следует, что устойчивость кооператива складывается из нескольких условий. Правовое регулирование, финансирование и материальная база необходимы, но сами по себе они не обеспечивают результат. Не менее важны добровольное участие, понятная экономическая модель, реальное членское управление, компетентное руководство и способность договариваться при несовпадении интересов.

Тем самым монография дает материал для социально-управленческого анализа кооперации. Кооператив нельзя исчерпывающе описать ни как хозяйствующий субъект, ни как форму общественного объединения: в нем соединяются оба начала. Поэтому политика его развития должна учитывать экономические, правовые, организационные и образовательные вопросы, причем не только на этапе регистрации новой организации.

Наиболее продуктивна такая государственная поддержка, которая создает условия для инициативы, но не подменяет ее. Организационное и методическое сопровождение следует дополнять кооперативным образованием, освоением практик членского управления и формированием доверия. Сочетание хозяйственных возможностей, доступной инфраструктуры и способности людей к совместной работе позволяет видеть в кооперации один из перспективных механизмов продовольственной безопасности и устойчивого развития сельских территорий.

Cooperation within Russia's food security system

Review of the book: Altukhov A. I., Vinichenko M. V., Kaurova O. V., Maloletko A. N., Semin A. N., Silaeva L. P., Tkach A. V. (2025) Cooperatives in Russia's Food Security System / Ed. by A. I. Altukhov. Moscow: INFRA-M. — 363 p. (Scientific Thought).

Artem N. Zubkov,Chairman of the Committee of the Voronezh Regional Duma on State Policy, Local Self-Government and Regulations. Kirov St., 2, Voronezh, 394018, Russia. E-mail: art-zubkov@yandex.ru

Rural sociology in dialogue with food studies: Opportunities and challenges for renewing the field

P. Niederle

Paulo Niederle, DSc (Social Sciences), Associate Professor, Federal University of Rio Grande do Sul (Porto Alegre, Brazil); President of the Organizing Committee of the 16th World Congress of Rural Sociology. E-mail: pauloniederle@gmail.com

EDN: IAXUMP

In July 2026, Brazil hosted the 16th World Congress of Rural Sociology. This was only the third time in the sixty-year history of the International Rural Sociology Association (IRSA) that the event was held in Latin America, and the second time in Brazil. The Federal University of Rio Grande do Sul (Porto Alegre) welcomed more than 1,400 researchers, professors, students, public officials and representatives of social organizations from 42 countries to discuss "Policies for Nature, Food and Nutrition in Times of Uncertainty and Climate Change." In addition to plenary lectures, panels, and sessions organized by working groups, the program included field visits to cites of initiatives pursuing sustainable transitions in food systems and direct participation of farmers, traditional communities and indigenous peoples.

In 2018, when we submitted Porto Alegre's proposal to host the Congress, one of our main objectives was to bring rural sociology into closer dialogue with the interdisciplinary field of food studies (Albala, 2013). This objective reflected ideas of research groups that later organized the Congress: although contemporary debates on agriculture and rural areas cannot be reduced to food dynamics, they increasingly require an understanding of transformations in food systems. Since these transformations are deeply intertwined with urban dynamics, rural sociology cannot confine itself to farmers or rural areas. On the contrary, it needs to understand the dynamics of what Mendras (1976) called "*société englobante*" — wider society in which rural social relations are embedded.

One difficulty in pursuing this agenda is that, despite important advances in the past two decades, sociology remains strongly shaped by conventional disciplinary divisions. This feature is particularly evident in rural sociology due to both its specific institutional origins in land-grant colleges and its historical importance as one of the constitutive fields of sociology in many countries, which is why rural soci-

ology has its own institutional space, organizations, and congresses. However, it also became relatively self-contained, at times struggling to engage even with other specialized fields of sociology (Bell, 2007).

From the beginning, the local organizing committee sought to demonstrate that broader dialogue with other fields is not only necessary for understanding complex problems but can also strengthen rural sociology. A major step in this direction was the decision to hold the 16th World Congress of Rural Sociology jointly with the 64th Congress of the Brazilian Society of Rural Economics, Management and Sociology (SOBER). The same arrangement proved successful in 2000, when two congresses were held together in Rio de Janeiro and substantially expanded dialogue in rural social sciences.

Even so, as Smith and Lawrence (2022) argue, the theoretical renewal of rural sociology requires a broader interdisciplinary effort. Given the Congress theme, it was important to consider nutrition, ecology, public health, urban planning and such interdisciplinary fields as science and technology studies. At the same time rural sociology can offer interpretations often overlooked in these areas, for example, analyses of multiple rationalities that guide family farmers' productive investments; insights about processes that reshape rural social dynamics, such as changes in farmers' eating habits and the ways these changes can affect agricultural production.

It should be noted that, at least in Brazil, this dialogue of sociology with other sciences has advanced more rapidly in public policy and social organizations than in academia; therefore, it was essential to bring those actors to the Congress. Agrarian social movements, such as La Vía Campesina which participated in the Congress, have increasingly placed food at the center of struggles for land (Coca, Oliveira, 2026). Food has become a cultural and political mediator in the dialogue these movements seek to establish with urban populations to broaden social support for their claims (Niederle et al, 2026). This involves not only competing narratives about healthy and sustainable food but also new nested markets (Van der Ploeg, 2015). Consistent with this approach, the Congress hosted a direct-sales food fair organized by the Brazilian Federation of Family Farming Workers (FETRAF) and a handicraft fair with the participation of two indigenous communities — Kaingang and Guarani.

In public policy, the food agenda has contributed to the growing coordination among ministries and government departments that until recently have operated largely in isolation. Although the Ministry of Agrarian Development and Family Farming and the Ministry of Agriculture and Livestock — two Brazilian federal ministries responsible for rural policies — were important partners of the Congress, the most substantial collaboration — both in funding and activities — was with the National Secretariat for Food and Nutrition Security (SESAN), part of the Ministry of Development and Social Assistance, Family and Fight against Hunger (MDS). Com-

pared with other institutional partners, this Secretariat has a particularly strong presence of professionals trained in nutrition and public health. Its participation strengthened such issues as urban agriculture, urban food policies, public food procurement, international cooperation against hunger, and public-health challenges associated with unhealthy diets, especially the growing consumption of ultra-processed foods.

This institutional cooperation was not developed for the Congress but rather reflected a longer-term consolidation through numerous partnerships, projects and policies. Since the early 2000s, studies within rural sociology have shown that some of the most innovative public policies have involved procurement programs linking the family farmers' supply to the concentrated urban demand from schools, hospitals, universities, armed forces, popular restaurants, and other facilities serving populations in food insecurity (Grisa et al, 2011). These programs proved that rural development can be supported by policies that also seek to reshape urban food practices (Gaitán-Cremaschi et al, 2022) and revealed a broader potential for food-system transformation than that associated with such traditional agricultural-policy instruments as rural credit, because they connect support for family farming with marketization, food security, sustainability and changes in consumption patterns (Grisa, Schneider 2014).

In 2024, discussions about how the Congress would connect agriculture and rurality with the food agenda acquired a new dimension. In May, Porto Alegre suffered the worst flood in its history. The disaster displaced thousands of people and destroyed homes and public infrastructure; the city's international airport remained closed for six months while its runway was rebuilt. Hunger became a reality for many families who lost everything. Government agencies and social movements had to create mechanisms to respond immediately to climate and food challenges, proving that such issues have to be addressed together, particularly in Brazil, where agriculture and livestock production are both major sources of greenhouse-gas emissions and sectors most exposed to climate change.

As climate change combines with and intensifies other global crises — energy, geopolitical and economic — uncertainty becomes more acute, which explains the theme that structured the Congress — "Policies for Nature, Food and Nutrition in Times of Uncertainty and Climate Change". These issues cannot be discussed without recognizing the centrality of rural populations and agricultural activities, but neither can they be confined to them — there is increasingly close relationship between rural sociology, sociology of food and environmental sociology, and the context of "polycrisis" (Mark et al, 2025) requires a wider dialogue with other scientific fields and even other forms of knowledge production and circulation. This was one reason why the Congress program included representatives of traditional communities and indigenous peoples.

The Congress plenary sessions show how these dialogues were organized[1]. In the opening lecture "Uncertainties Everywhere: What Future for Food Systems?", *Jennifer Clapp* (University of Waterloo, Canada) considered recent transformations in global food systems, emphasizing the interaction between structural features consolidated since the 1980s — greater integration of international markets, economic concentration and technological dependence — and newer sources of instability associated with geopolitical and trade conflicts, climate change and weakening multilateral institutions. Clapp showed how these uncertainties increase food-system vulnerability, particularly in countries and among social groups that are highly dependent on international markets. She also highlighted the role of financialization and corporate concentration in the unequal distribution of costs and benefits under crises, which explains the renewed interest of many governments in strengthening domestic production, strategic food reserves and reduced external dependence; however, these initiatives can either reproduce concentrated input-intensive models or support more territorialized, diversified and sustainable food systems.

The next plenary "Transitions in a Fragmented and Unstable Agri-Food System" brought together different perspectives on economic, political and institutional factors of contemporary food-system transformations. *Madelaine Fairbairn* (University of California, USA) considered the growing financialization of agriculture, focusing on both the expansion of institutional investment in farmland and the rise of venture capital in agri-food technologies. She argued that, although these processes are often justified in terms of innovation and sustainability, they have reinforced a rentier logic of capitalism, contributing to land appreciation and concentration, intensification of production, corporate steering of innovation, and deepening inequalities. As a counterpoint, Fairbairn called for policies that democratize access to land and support collective initiatives.

Ye Jingzhong (China Agricultural University) reconstructed the transformation of China's agrarian structure and food system — from the 1949 land reform through collectivization and the Household Responsibility System, emphasizing the decisive role of the state in safeguarding food security and showing how China combined changes in agricultural organization with strict protection of cultivated land, public investment and long-term planning. These policies accompanied the expansion and diversification of agricultural production, modernization of supply chains and changes in consumption patterns. Current policies focus on food security is a strategic priority, combining national productive capacity, increased grain production, dietary diversification, alternative proteins and stronger public governance.

Allison Loconto (French National Research Institute for Agricul-

1. The plenary sessions are available on the SOBER YouTube channel: URL: www.youtube.com/@sober_org_br.

ture, Food and Environment — INRAE) considered transitions toward sustainable food systems as social and political processes that cannot be reduced to the adoption of new technologies or production practices. Drawing on French and European experiences, she emphasized that structural change depends on recognizing actors' interdependencies, building cooperative networks, articulating different forms of knowledge and creating durable spaces for experiments and collective learning. Initiatives such as living labs and platforms for dialogue among science, public policy and society exemplify forms of governance capable of accompanying such changes.

Three presentations showed that food-system transitions involve disputes over who controls resources and innovation, the role of the state, and the ways different actors and forms of knowledge are brought together to construct new trajectories.

Moderated by the IRSA President Sally Shortall, the third plenary "Agriculture and Food through the Lenses of Gender, Race and Generation: Confronting Inequalities and Injustice" focused on food and agriculture through dimensions of inequality. *Cecilia Díaz Méndez* (University of Oviedo, Spain) discussed the contribution of sociology of food, arguing that food should be understood as a social fact that connects biological, cultural and social dimensions. Drawing on the concept of the food model and research conducted in Spain, she showed that food inequalities cannot be explained simply by differences in nutritional knowledge; they are rooted in structural conditions, cultural practices and relations of care. Díaz Méndez emphasized gender inequalities in home food work and argued that food-security policies should consider not only nutritional quality but also the relations of sociability, solidarity and care that sustain everyday food practices.

China Sajadian (Vassar College, USA), analyzed contemporary agrarian transformations from the perspectives of feminist anthropology and agrarian political economy, drawing on the research data on the displaced rural populations in Lebanon and Syria. Her presentation showed how armed conflicts, economic crises, environmental degradation and changes in agrarian structures combine to produce displacement, precarious labor and loss of livelihoods. The study of Syrian refugee families highlighted how these vulnerabilities are structured by gender inequalities and depend heavily on women's unpaid labor to secure food, care and household reproduction. From this perspective, Sajadian proposed understanding resistance without romanticization — as the everyday capacity to sustain life in extreme conditions. Her analysis also drew attention to broader processes that expel rural populations from their territories and increase dependence on low-paid migrant labor.

Kota Mulanji (national coordinator of the Brazilian Forum for Food and Nutrition Security of Peoples of African Ancestry) extended this discussion by addressing food sovereignty, racism and territoriality. She argued that the right to adequate food is inseparable

from territorial rights, historical reparation, recognition of ancestral knowledge and the political participation of black populations. By presenting agroecology and traditional food systems as forms of knowledge historically produced by African and indigenous peoples, Mulanji also emphasized women's central role in preserving and transmitting such practices.

Three presentations showed that food inequalities cannot be understood only through income or access to food. They are produced and reproduced through gender relations, territorial dispossession, racism, migrations, divisions of labor and the unequal distribution of care responsibilities, which requires food policies capable of addressing different dimensions of injustice simultaneously.

The final plenary "Food and Nutrition Security in a Scenario of Conflicts and Uncertainties" brought together different perspectives on the transformation of food systems under converging social, environmental, economic and geopolitical crises. *Fabrice De Clerck* (Science Director at the EAT, Senior Scientist at the Bioversity International and CIAT of the CGIAR) presented findings of the EAT-Lancet 2.0, calling for systemic transformation around three interdependent objectives: healthy diets, social justice, and respect for planetary boundaries. He highlighted the difficulty billions of people face in healthy diets, the coexistence of hunger, obesity and diet-related chronic diseases, and the substantial environmental impacts of food production. From this perspective, transition requires coordinated changes in production and consumption, recognition of diverse food cultures and contexts, and participatory processes that treat social justice as a condition of sustainability.

Mustafa Koç (Turkish sociologist, Professor Emeritus and former director of the Centre for Studies in Food Security at the Toronto Metropolitan University) examined these transformations through the interaction of multiple crises in the early twenty-first century. He argued that food insecurity should be understood as a structural and multidimensional phenomenon: economic crises, armed conflicts, climate change, pandemics and supply-chain disruptions interact with social inequalities and economic concentration, increasing food vulnerability. He described this context as depending on three interconnected crises — of accumulation, of geopolitical hegemony, and of legitimacy of global governance institutions. Koç defined food sovereignty and agroecology as political and social responses to the limitations of the neoliberal model. For food systems characterized by corporate concentration, environmental degradation and persistent hunger, he called for combining critical analysis with collective capacity to provide alternatives.

Brazil's Secretary for Food and Nutrition Security *Lilian Rahal* presented the Brazilian trajectory of public policies for food and nutrition security, emphasizing the gradual recognition of food as a right and hunger as an outcome of inequality and political choices

which consolidated an intersectoral approach connecting social protection, family farming, food supply, school meals and social participation. Recently, this institutional framework has increasingly incorporated climate challenges and food-system transformation through initiatives related to climate resilience, healthy diets, urban food systems and sociobiodiversity.

Three presenters agreed that contemporary food insecurity cannot be addressed through isolated interventions in food production or access and requires systemic policies capable of connecting health, social justice, environmental sustainability, reduction of inequalities, intersectoral coordination and democratic governance.

These issues were further discussed at ten panels, thirty sessions organized by associations and research networks, and more than 1,500 abstracts and papers presented at 316 sessions by the Congress's 53 working groups. Two panels were particularly relevant to the dialogue on global food-system transformations. The panel *"Financialization, Agricultural Frontiers, and Agribusiness"*, moderated by Valdemar João Wesz Junior (Federal University for Latin American Integration, Brazil), brought together Alexander Nikulin (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), Carla Gras (National Scientific and Technical Research Council, Argentina) and Giuliano Martiniello (International University of Rabat, Morocco) to discuss transformations in agribusiness and agricultural frontiers under the growing presence of financial capital in agriculture. The panel considered these dynamics in different agrarian contexts and trajectories, with particular attention to the relationship between the territorial expansion of agribusiness, changing forms of control over land and natural resources, and new strategies of accumulation. The discussion highlighted how financialization has reshaped relations about land, production and capital as farmland and other resources are increasingly treated as financial assets and incorporated into corporate and investor strategies. The discussion also drew attention to the diversification of agribusiness expansion, combining land acquisition and leasing, networked corporate structures, financial instruments and new forms of territorial control.

The panel "*Agri-Food Policies, Movements and Strategies in a Comparative Perspective*" brought together Sergio Sauer (University of Brasília, Brazil), John Wilkinson (Federal Rural University of Rio de Janeiro, Brazil), Sofia Boza Martinez (University of Chile) and Terry Marsden (Cardiff University, United Kingdom) to discuss recent changes in agri-food policies and strategies of governments, markets and social movements in response to contemporary food-system challenges, emphasizing the need to move beyond narrow sectoral approaches to agricultural policy by incorporating food security and sovereignty, sustainability, climate change, health, inequality and territorial development. The range of national and regional experiences revealed both the specificity of food-system transformation trajecto-

ries and shared challenges related to economic concentration, market change, disputes over production and consumption models, and construction of more sustainable provisioning systems. The discussion also emphasized the role of social movements and civil-society organizations in formulating alternatives and contesting public agendas, showing that agri-food transitions emerge from interactions and conflicts among actors, institutions and political projects. The panel stressed the importance of integrated and territorially contextualized agri-food policies capable of connecting production and consumption and combining public regulation, social participation and institutional innovation in the construction of more sustainable, resilient and socially just food systems.

Among the sessions, two were especially relevant to institutional debates on the renewal of rural sociology. The first, "*Rural Sociology in Times of Uncertainty: An Institutional Dialogue*," was coordinated by the incoming IRSA president Sergio Schneider (UFRGS, Brazil) and brought together researchers extensively involved in the IRSA and the International Sociological Association (ISA), particularly in Research Committee 40 on Sociology of Agriculture and Food. The session discussed contemporary challenges and future directions for rural sociology under growing social, economic, political and environmental uncertainty. Drawing on different academic directions and institutional experiences, participants considered how climate change, food crises, geopolitical conflicts, technological and production transformations, and deepening inequalities have reshaped both the rural world and the field research agenda. The dialogue emphasized the need for a rural sociology capable of renewing its objects and approaches by strengthening connections with food systems, sustainability, agroecological transitions, rural-urban relations and new forms of agricultural organization, while retaining long-standing concerns about land, labor, inequality and agrarian change. The session also placed different national and institutional traditions in a comparative perspective, underscoring the importance of international cooperation, interdisciplinary dialogue, and training new generations of researchers, reaffirmed rural sociology's relevance for interpreting contemporary crises and uncertainties, and highlighted the need to strengthen international networks and institutions, renew the field's intellectual agenda, and expand its capacity to engage other areas of knowledge and social actors involved in constructing more sustainable and socially just rural and food futures.

The special session "*Editor's Dialogue: Journals and Editorial Practices in Rural Sociology*" brought together editors of the leading journals in the field: Carla Gras (*Journal of Agrarian Change*), Sergio Sauer (*Journal of Peasant Studies*), Allison Loconto (*International Journal of Sociology of Agriculture and Food*) and Alexander Nikulin (*Russian Peasant Studies*). The session considered the role of academic journals and editorial practices in the production,

circulation and internationalization of knowledge in rural sociology. Drawing on editorial experiences from different national and regional contexts, participants discussed recent changes in academic publishing, including internationalization of journals, growing importance of bibliometric indicators, peer review, open access and inequalities in the global circulation of knowledge. Particular attention was paid to the difficulties faced by researchers and journals from outside the main centers of academic production, including linguistic barriers and asymmetries in resources and visibility. The session emphasized that academic journals are not merely vehicles for disseminating research findings; they are institutions that help define research agendas, establish criteria of quality and recognition, and structure the conditions in which different academic communities participate in international debates. This perspective reinforced the importance of more inclusive editorial practices and stronger dialogue among different traditions of rural sociology.

These activities contributed to rural sociology's formation and strengthening of new international research networks. Particularly significant were the initiatives around the BRICS+, which opened new possibilities for collaboration of scholars studying agrarian change, food systems, rural development, and public policies in regions that have often remained peripheral to the dominant circuits of academic exchange. In this regard, the participation of researchers from China was especially noteworthy, both in the main conferences and in working groups and other sessions, contributing to a broader dialogue between Chinese and Latin-American research traditions. These achievements are particularly significant given the uncertainty in months before the event. Ongoing geopolitical conflicts determined concerns about international mobility, while the sharp and unexpected rise in airfares imposed additional constraints on participation, especially for researchers travelling long distances and from institutions with limited funding. However, the Congress succeeded in bringing together a geographically diverse academic community and in creating conditions for new forms of South–South and BRICS+ cooperation that would contribute to a more plural and internationally connected agenda for rural sociology.

The renewal of rural sociology depends less on abandoning its historical concerns than on repositioning them within broader transformations affecting food systems, environments, territories and social inequalities. Issues of land, labor, agrarian change and rural livelihoods remain central, but they are increasingly intertwined with debates on food and nutrition security, climate change, public health, urban dynamics, technological change, finance and new forms of governance. This requires rural sociology to strengthen its dialogue with food studies and other interdisciplinary fields while preserving its distinctive capacity to analyze power relations, social differentiation, territorial dynamics and political economy of agrarian change. The Con-

gress showed that such renewal is already underway through new research agendas, institutional partnerships, policy debates and international networks. Rather than signaling the dilution of rural sociology into a broader interdisciplinary field, these developments point to the possibility of a more open, connected and analytically ambitious discipline, capable of interpreting rural transformations as part of the wider and increasingly uncertain processes reshaping contemporary food systems and societies.

References

Albala K. (Ed.) (2013) *Routledge International Handbook of Food Studies*, London: Routledge.

Bell M. M. (2007) The two-ness of rural life and the ends of rural scholarship. *Journal of Rural Studies*, vol. 23, no 4, pp. 402–415.

Coca E. L.F., Oliveira G. L.T. (2026) The Landless Rural Workers Movement (MST) and new agrarian questions in Brazil. *Journal of Agrarian Change*, e70100. DOI: 10.1111/joac.70100.

Gaitán-Cremaschi D., Klerkx L., Aguilar-Gallegos N., et al. (2022) Public food procurement from family farming: A food system and social network perspective. *Food Policy*, vol. 111, article 102325. DOI: 10.1016/j.foodpol.2022.102325.

Grisa C., Schmitt C. J., Mattei L. F., Maluf R. S., Leite S. P. (2011) Contribuições do Programa de Aquisição de Alimentos à segurança alimentar e nutricional e à criação de mercados para a agricultura familiar. *Agriculturas*, vol. 8, no 3, pp. 34–41.

Grisa C., Schneider S. (2014) Três gerações de políticas públicas para a agricultura familiar e formas de interação entre sociedade e Estado no Brasil. *Revista de Economia e Sociologia Rural*, vol. 52, suppl. 1, pp. 125–146.

Mark S., Holder S., Hoyer D., Schoonover R., Aldrich D. P. (2025) Understanding polycrisis: Definitions, applications, and responses. *Global Sustainability*, vol. 8, e35, pp. 1–15.

Mendras H. (1976) *Les sociétés paysannes: Éléments pour une théorie de la paysannerie*, Paris: Armand Colin.

Niederle P., Portilho F., Carneiro M. D.S., Marques P. E.M. (eds.) (2026) *Ativismos alimentares e politização da alimentação*, Porto Alegre: Tomo Editorial.

Smith K., Lawrence G. (2022) Agri-food scholarship: Past, present and future contributions to Australasian rural sociology. *Journal of Sociology*, vol. 58, no 2, pp. 196–217.

van der Ploeg J. D. (2015) Newly emerging, nested markets: A theoretical introduction. P. Hebinck, S. Schneider, J. D. van der Ploeg (Eds.) *Rural Development and the Construction of New Markets*, Abingdon: Routledge, pp. 16–40.

Сельская социология в диалоге с исследованиями продовольственных систем: возможности и вызовы для обновления дисциплины

Паоло Нидерле, доктор социологических наук, доцент, Федеральный университет Риу-Гранди-ду-Сул (Порту-Алегри, Бразилия); председатель Организационного комитета XVI Всемирного конгресса сельской социологии. E-mail: paulonie-derle@gmail.com

Межрегиональная научно-практическая конференция «ТОС и местное самоуправление: история, развитие, перспективы»

А. Н. Зубков, Р. В. Савенков, В. Е. Китаева

Артем Николаевич Зубков, председатель Комитета Воронежской областной Думы по государственной политике, местному самоуправлению и Регламенту. 394006, г. Воронеж, ул. Кирова, д. 2. e-mail: art-zubkov@yandex.ru

Роман Васильевич Савенков, доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394053, г. Воронеж, Московский пр-т, 88, к. 202. E-mail: rvsav@yandex.ru

Виктория Евгеньевна Китаева, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права им. проф. В. С. Основина юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10-а, к. 712. E-mail: kitaevave@mail.ru

EDN: IRBQBC

Межрегиональная научно-практическая конференция «ТОС и местное самоуправление. История, развитие, перспективы» состоялась 21 мая 2026 года в Воронеже при содействии АНО Центр поддержки и продвижения общественных и муниципальных инициатив Воронежской области «Образ будущего», Ассоциации ТОС и местных сообществ Воронежской области, а также АНО Центр поддержки и развития городских сообществ «Вектор роста». Конференция была приурочена ко Дню территориального общественного самоуправления, учрежденному в 2021 году по инициативе Общероссийской ассамблеи ТОС.

Ключевыми темами конференции стали научно-теоретические и практические аспекты развития местного самоуправления в Российской Федерации на современном этапе, а также участие органов публичной власти в решении вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения). Особая значимость конференции обусловлена реформой местного самоуправления в стране и принятием нового Федерального закона от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

С приветственным словом к участникам конференции обратились вице-спикер Государственной Думы РФ *Алексей Гордеев*, депутат Государственной Думы РФ *Андрей Марков*, член Общественной палаты Воронежской области, директор АНО «Вектор роста» *Илья Лобас*.

Любовь Александровна Овчинцева (ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва) в докладе «Самоорганизация граждан для решения вопросов местного знания — российский и зарубежный опыт» представила результаты развития ТОСовского движения в России: в 87 регионах РФ действуют 41 тыс. органов ТОС, 6% которых оформлены как юридические лица (что расширяет их возможности в развитии территории). В 2021 году Общероссийская ассоциация ТОС приняла единую Стратегию развития ТОС в РФ до 2030 года, главным результатом реализации которой должно стать значительное повышение качества жизни людей на территориях активности ТОС.

По наблюдениям Л. А. Овчинцевой, в мире накоплен богатый опыт поддержки инициатив населения. В странах ЕС местные сообщества берут на себя инициативу в определении и достижении целей развития, опираясь на собственные потребности и приоритеты. Источником финансирования становятся специальные отраслевые фонды. В ряде бразильских городов распространена практика участия граждан в распределении бюджетных средств на местные нужды, в США — поддержки местных инициатив за счет государственных программ, инициатив НКО и программ корпоративной социальной ответственности. В Китае действует комплексный план возрождения сельских районов, включающий строительство сельской инфраструктуры и благоустройства. Особенностью малайзийского опыта является всестороннее планирование развития: объединение вопросов жилищного строительства и благоустройства территории с вопросами образования и сельскохозяйственного производства. Российское движение ТОС действует как часть глобальной сети по поддержке местных инициатив и создания лучшего будущего в интересах местного населения.

Вероника Владимировна Полтавцева (председатель ТОС «Тихая сосна», г. Острогожск) в докладе «Территориальное общественное самоуправление: путь к доверию жителей» рассказала о трехлетнем опыте деятельности ТОС в условиях многоквартирной застройки, осветила проблемы взаимодействия с органами местного самоуправления и управляющей компанией, а также факторы, влияющие на уровень общественного доверия к данному институту. Импульсом к созданию ТОС послужило активное заселение дома молодыми семьями, которым не хватало инфраструктуры для детского досуга. Постепенно задача благоустройства трансформировала сообщество: субботники и совместные досуговые мероприятия (пикники, тематические вечеринки, товарищеские встречи) стали инструментами интеграции разновозрастных групп жителей и преодоления разобщенности между ними. За три года сформировалась устойчивая система традиций (празднование Нового года, Дня Победы, Масленицы, экологические акции), а также волонтерские

и спортивные практики. В. Полтавцева выделила следующие проблемы функционирования ТОС:

1. Председатель ТОС работает безвозмездно, ощущает перегрузку от необходимости совмещения нескольких ролей.

2. Функции ТОС дублируются с управляющей компанией (благоустройство), что ведет к конфликтам и создает правовую коллизию.

3. Низкая степень взаимодействия с местной администрацией.

4. Дефицит материально-технической базы для проведения культурных мероприятий.

5. Активный орган ТОС выполняет публичные функции, но не имеет ресурсов и полномочий, сопоставимых с объемом ответственности. Для устойчивого развития необходим переход от точечной поддержки (софинансирование проектов) к системному муниципальному сопровождению, включая назначение ответственного координатора и упрощение документооборота.

Ольга Петровна Фадеева (заведующая отделом Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск) в докладе «Муниципальная реформа в современной России: сельский вектор» напомнила цели реформирования института МСУ: повышение эффективности управления территорией органами МСУ, снижение социальной напряженности, экономический рост и активизация участия населения в улучшении условий жизнедеятельности. Несмотря на то что в № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» 2025 года сохранилась возможность выбора региональными властями одно- или двухуровневой системы МСУ, большинство субъектов РФ начали склоняться в сторону одноуровневой системы. С точки зрения глав муниципальных районов, одноуровневая система имеет преимущество за счет экономии средств и времени и упрощения системы управления. К рискам ликвидации нижнего уровня сельских администраций докладчик отнес размывание доверия между властью, населением и локальным бизнесом, затруднения в коммуникации. Цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг пока не компенсирует удаление сельского уровня власти. Сельские территории, их жители должны сохранить свою «субъектность» в системе публичной власти.

Виктория Владимировна Черникова (доцент кафедры социологии и политологии ВГУ, член Общественной палаты Воронежской области) и *Галина Владимировна Черникова* (доцент кафедры социологии и политологии ВГУ) представили выступление «Двухуровневая модель местного самоуправления: социальный капитал и доверие как ресурсы развития территорий», в котором показали, как деятельность ТОС преобразует социальный капитал в реальные проекты благоустройства. Успешные практики самообложения граждан демонстрируют зависимость между уровнем доверия и готовностью населения вкладывать личные средства. Авторы обра-

тили внимание на финансовую несамостоятельность муниципальных образований, где доля местных налогов и неналоговых доходов остается невысокой, что снижает эффективность управленческих решений на местах. Для устойчивого развития территорий необходима не только корректировка бюджетного механизма, но и целенаправленная политика по сокращению дистанции между гражданами и муниципальной властью.

Елена Викторовна Дровянникова (специалист по работе с ТОС Ассоциации ТОС и местных сообществ Воронежской области, председатель ТОС «Радуга», Новоусманский район) в докладе «Партнерство ради общего блага» представила опыт системного преобразования территории на основе многостороннего партнерства между населением, администрацией, социальными и спортивными учреждениями. ТОС «Радуга» выступает инициатором решения широкого спектра задач — от благоустройства до общественной безопасности и экологического просвещения.

Докладчик выделила основные направления деятельности:

1. Благоустройство общественных пространств.
2. Развитие физической культуры и спорта.
3. Организация творческого и культурного досуга.
4. Экологическое просвещение и устойчивое развитие.
5. Общественная безопасность.

ТОС «Радуга» выстроил конструктивное сотрудничество с районной администрацией, которая предоставляет как финансовую, так и организационную поддержку.

Виктория Евгеньевна Китаева (преподаватель кафедры конституционного и муниципального права имени профессора В. С. Основина ВГУ, член Общественной палаты Воронежской области) выступила с докладом «Формы организации населения как первичная ступень во взаимоотношениях с государством в свете Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Она отметила, что на современном этапе существует острый запрос на непосредственное участие населения в решении вопросов местного значения, так как для достижения общегосударственных целей необходимо активное участие населения на местах. Проходящая сейчас реформа местного самоуправления дала новое определение понятию местного самоуправления, а именно: местное самоуправление — это признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан, тогда как в Федеральном законе № 131-ФЗ местное самоуправление считалось формой осуществления народом своей власти.

Докладчик указала на значительное сокращение форм осуществления населением местного самоуправления в связи с исключением из закона таких форм, как: 1) голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; 2) голосование по во-

просам изменения границ или преобразования муниципального образования; 3) конференции граждан (остались для ТОС); 4) правотворческая инициатива граждан (теперь только ТОС вправе вносить в органы местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов, подлежащие обязательному рассмотрению); и 5) сохранение возможности обращения граждан в органы местного самоуправления только Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В проводимой государством политике укрупнения муниципальных образований ТОС может восполнить отсутствие муниципальных органов управления в отдельных поселениях, взять на себя задачу решения некоторых вопросов местного значения. Проблемой является то, что ТОС не имеет устойчивой финансовой базы и недостаточно определен правовой статус председателя ТОС. В данной связи автором предлагается внести соответствующие изменения в федеральное и региональное законодательство.

Денис Андреевич Ткаченко (глава Гремяченского сельского поселения Хохольского района) представил доклад «Особенности взаимодействия ТОС и органов местного самоуправления на примере Гремяченского сельского поселения Хохольского района Воронежской области». Докладчик прошел путь от председателя ТОС «Метеор» до главы Гремяченского сельского поселения и уверен, что эффективность ТОС достигается выстраиванием системной, персонифицированной работы с активистами на каждой конкретной территории, с учетом ее особенностей и потребностей населения. С 2020 года он осуществлял детальное знакомство с активистами, анализ проблем территории, составление программы администрации по планированию проектов с учетом инфраструктурных ограничений (например, замена водопровода перед ремонтом дороги). В результате реализовано более 11 проектов, часть из них — без грантовой поддержки, за счет совместного финансирования администрации, спонсоров и жителей.

В качестве основных проблем выделено:

1. Отсутствие системной координации.

2. Необходимость учета локальной специфики каждого населенного пункта.

3. Дефицит доверия и коммуникации с жителями.

Автор высказался в пользу двухуровневой системы, отметив, что для малых поселений (от 300 до 3000 человек) одноуровневая система создает риск исчезновения, тогда как крупные поселения способны удержаться.

ТОС является не просто исполнителем проектов, а ближайшим к населению звеном, через которое решаются вопросы местного значения, включая социальную поддержку, и именно системное взаимодействие с активистами обеспечивает устойчивость этой модели.

Роман Васильевич Савенков (профессор кафедры социологии и политологии ВГУ) в докладе «ТОС как механизм укрепления межличностного и институционального доверия» напомнил о противоречивых российских цивилизационных особенностях: с одной стороны — низкая способность к самоорганизации, потребность во внешнем импульсе, в государстве, с другой стороны — развитый коллективизм и солидарность в достижении общих целей и решении общих проблем. Практика сельских ТОС позволяет одновременно усиливать межличностное и институциональное доверие. Развитие городских органов ТОС требует иных организационных инструментов.

Артём Николаевич Зубков (председатель Комитета по государственной политике, местному самоуправлению и Регламенту Воронежской областной Думы) выступил на тему «Влияние практик территориального общественного самоуправления на удовлетворенность качеством жизни: социальные эффекты формирования доверия и гражданской субъектности». Он подчеркнул, что системное развитие органов ТОС началось в 2014 году по поручению губернатора Воронежской области А. В. Гордеева, что позволило реализовать проектов на сумму более 1,5 млрд рублей. Однако главный результат одиннадцатилетнего существования ТОС в Воронежской области — развитие людей, раскрытие их качеств и формирование регионального сообщества.

Докладчик убежден, что ТОС работает там, где возникает организованное, сплоченное местное сообщество с общими ценностями, меняющее культуру совместного проживания. Уникальная черта воронежских ТОС — это наставничество, когда опытные лидеры делятся опытом с другими, несмотря на конкуренцию за гранты. Это формирует не локальное, а региональное сообщество. В настоящее время ТОС стал поставщиком кадров, председатели ТОС избираются депутатами и главами поселений, переходят в НКО и предпринимательство. Ключевыми проблемами развития ТОС названы:

1. Дефицит лидеров ТОС.
2. Неспособность ТОС решать текущие повседневные задачи.
3. Высокий возраст большинства лидеров ТОС.
4. Сопротивление местных администраций.

Дмитрий Михайлович Рогозин (старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе «Автоэтнография села, или Организация мониторинга сельского развития с участием сельских жителей» описал практический опыт социологического исследования населения в современных условиях, раскрыл особенности мировоззрения и поведенческих практик современного сельского жителя.

Александр Михайлович Никулин (директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва) и *Екатерина Сергеевна Никулина* (научный сотрудник Центра аг-

парных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва) представили результаты социологического исследования ТОС Воронежской области в рамках проекта АНО «Вектор роста» «ТОС и власть: вместе сильнее». С участниками ТОС-движения из шести районов области было проведено 10 круглых столов и 50 полуформализованных индивидуальных интервью. Устойчивый рост числа органов ТОС в Воронежской области указывает на реализацию в регионе последовательной политики поддержки. Почти 80% поддержанных региональными властями проектов ТОС по итогам конкурсного отбора касались благоустройства общественных пространств и поддержания базовой инфраструктуры. Результаты опроса подтвердили ключевой характер органов ТОС как инструмента повышения уровня социального доверия. ТОС создается жителями «снизу», и постепенно превращается в механизм сохранения и развития местных сообществ. Участники ТОС движения отмечают заинтересованность и вовлеченность воронежских региональных и местных властей в проектах ТОС. Респонденты признают накопление опыта организации ТОС, институализацию повседневной деятельности.

Социологов удивило постоянное взаимодействие ТОС разных районов друг с другом, несмотря на конкуренцию за ограниченные финансовые ресурсы в рамках грантовых конкурсов. Исследование позволило определить факторы, сдерживающие развитие ТОС: усложняются отчеты и бюрократические процедуры, инфляция ограничивает возможности использования финансовой поддержки, среди участников ТОС преобладают жители в возрасте. Респонденты также отметили объективные трудности создания ТОС в многоквартирных домах городов.

Воронежская область — успешный пример минимизации влияния объективных и субъективных сдерживающих факторов на пути развития ТОС-движения и потенциальных рисков для сохранения уже достигнутых результатов, прежде всего, потому что все заинтересованные и потенциальные участники видят в ТОС институт, в котором достигнут баланс содержательно-ценностного и функционально-прагматичного компонентов. ТОСы выступают форпостом обустройства территорий на микроуровне, образцом самоорганизации на местах, и именно благодаря поступательному развитию снизу происходит преображение сельских территорий в Воронежской области.

Interregional scientific-practical conference “Territorial Public Self-Government (TPSG) and Local Self-Government: History, Development and Prospects”

Artem N. Zubkov, Chairman of the Committee of the Voronezh Regional Duma on State Policy, Local Self-Government and Regulations. Kirov St., 2, Voronezh, 394018, Russia. E-mail: art-zubkov@yandex.ru

Roman V. Savenkov, DSc (Political Science), Professor, Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University. Moskovsky Prosp., 88, Voronezh, 394053, Russia. E-mail: rvsav@yandex.ru

Victoria E. Kitaeva, Lecturer, Prof. V. S. Osvin Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Voronezh State University. Lenina Pl., 10a, Voronezh, 394018, Russia. E-mail: kitaevave@mail.ru

Крестьяноведение

2026. Том 11. №3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 5, оф. 418
Редакция журнала «Крестьяноведение»
http://peasantstudies.ru
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 12.10.2026. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1685
Тираж 50 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru